

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Азоев Г.Л. – д-р экон. наук, проф.
Базылевич Т.Ф. – д-р психол. наук, проф.
Башимаков В.И. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук,
д-р психол. наук, проф.
Ефимова М.Р. – д-р экон. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Кибакин М.В. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН
Князев В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Красовский Ю.Д. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Крыштановская О.В. – д-р социол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Пацула А.В. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Сергиенко С.К. – д-р психол. наук, проф.
Симонович Н.Е. – д-р психол. наук, проф.
Смирнова Т.В. – д-р социол. наук, проф.
Соболевская О.В. – д-р мед. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Фетисов Э.Н. – д-р социол. наук, проф.
Филиппов А.В. – д-р психол. наук, проф.
Фомин П.А. – д-р экон. наук, проф.
Фролов С.С. – д-р социол. наук, проф.
Черепов В.М. – д-р мед. наук, проф.
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юр. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки), 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки), 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки), 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки), 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 22.00.05 – Политическая социология (социологические науки), 22.00.06 – Социология культуры (социологические науки), 22.00.08 – Социология управления (социологические науки).

Agapov V.S. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Azoev G.L. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Bazylevich T.F. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Bashmakov V.I. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Voronin V.N. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Groshev I.V. – Doctor of Economic Sciences,
Doctor of Psychological Sciences, prof.
Efimova M.R. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Iontseva M.V. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Kibakin M.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Kleiner G.B. – Doctor of Economic Sciences, prof.,
corresponding member of RAS
Knyazev V.N. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Krasovskii Yu.D. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Krupnov A.I. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Kryshstanovskaya O.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Kuznetsov N.V. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Mitrofanova E.A. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Novikov V.G. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Patsula A.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Raichenko A.V. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Sergienko S.K. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Simonovich N.E. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Smirnova T.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Sobolevskaya O.V. – Doctor of Medical Sciences, prof.
Tikhonova E.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Fetisov E.N. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Filippov A.V. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Fomin P.A. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Frolov S.S. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Cherepov V.M. – Doctor of Medical Sciences, prof.
Chudnovskii A.D. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Eriashvili N.D. – Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Juridical Sciences, Candidate
of Historical Sciences, prof.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications, in which should be published basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences in the field: 08.00.01 – Economic theory (economic sciences), 08.00.05 – Economics and management of the national economy (by branches and fields of activity) (economic sciences), 08.00.10 – Finance, money circulation and credit (economic sciences), 08.00.12 – Accounting, statistics (economic sciences), 08.00.13 – Mathematical and instrumental methods of economics (economic sciences), 08.00.14 – World Economy (Economics), 19.00.01 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences), 22.00.01 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 22.00.03 – Economic sociology and demography (sociological sciences), 22.00.04 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 22.00.05 – Political sociology (sociological sciences), 22.00.06 – Sociology of culture (sociological sciences), 22.00.08 – Sociology of management (sociological sciences).

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования

Главный редактор

И.В. Грошев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редактор

Ю.С. Никитина

Редактор перевода

А.В. Меньшиков

**Выпускающий редактор
и компьютерная верстка**

Е.А. Малыгина

Технический редактор

О.А. Дегтярёва

Дизайн обложки

Л.Н. Алексеева

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

Подписной индекс в электронном каталоге
ОАО Агентство «Роспечать» – 42517
<http://press.rospechat.ru/publications/view/42517/>

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.
Подп. в печ. 16.04.2020 г.
Формат 60×90/8
Объем 23,75 печ. л.
Бумага офисная
Печать цифровая
Тираж 1000 экз.
(первый завод 100 экз.)
Заказ № 279

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99,
главный учебный корпус, кабинеты 346 и 345А.
Тел.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
Сайт: <http://www.vestnik.guu.ru>

Articles are available under a Creative Commons «Attribution» International 4.0 public license, according to which, unlimited distribution and reproduction of these articles is possible in any medium, specified the author's name and references to the original article publication in this journal in accordance with the rules of scientific citation

Editor-in-Chief

I.V. Groshev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

Yu.S. Nikitina

Translation editor

A.V. Menshikov

**Executive editor
and desktop publishing**

E.A. Malygina

Technical editor

O.A. Degtyareva

Cover design

L.N. Alekseeva

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI № FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI № FS 77-76215 from 12.07.2019

Subscription index in the electronic catalog
of JSC Agency «Rospechat» – 42517
<http://press.rospechat.ru/publications/view/42517/>

LR № 020715 from 02.02.1998
Signed to print 16.04.2020
Format 60×90/8
Size 23,75 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1000 copies
(the first factory 100 copies)
Print order № 279

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a mandatory review procedure

Editor's office:
109542, Russia, Moscow, Ryazanskii Prospect, 99, State University
of Management, the main academic building, office 346 and 345A.
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

Андропова Т.Н. Анализ современных тенденций преодоления управленческих стереотипов	5
Антонов С.А. К решению проблемы подготовки рабочих кадров России	11
Астафьева О.Е. Практико-ориентированный подход формирования образовательных программ при переходе на систему опережающей подготовки кадров ..	19
Евдокимова Ю.Г., Сычёва С.М., Шрамченко Т.Б. Проблемы управления проектами в сфере экологии: рациональное природопользование и ресурсосбережение	26
Ивина К.В., Жегульская Ю.В. Образовательная программа «Управление цифровыми проектами библиотек»: опыт разработки и перспективы реализации	32
Шарин В.И. Проблемы общественного служения российских чиновников	38

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Козловский А.В., Митюшников А.И. Принятие управленческих решений и риск-менеджмент в условиях цифровой экономики	45
Майорова Н.В., Майоров М.К., Бахтуразова Т.В., Еделев Д.А. Механизмы обеспечения устойчивого развития и продовольственной безопасности суверенной страны	52
Родина И.Б., Владимиров А.Ф. Интерактивные и активные технологии в преподавании дисциплины «Макроэкономика» в высшей школе	57

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Донченко В.В., Филиппова Р.В. Анализ подходов к оценке экономических издержек, связанных с временными параметрами функционирования городских транспортных систем	64
Знаменский Д.Ю. К вопросу о социальных факторах формирования научного потенциала современного университета	69
Куприянов В.В. Методология оперативного обнаружения нештатных газовых ситуаций на выемочных участках шахт	76

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Быдтаева Э.Е. Влияние государства на экономические интересы и вектор действий субъектов экономики в процессе формирования стратегии	84
Князева Е.Ю., Дьяконова О.С. Роль управленческого учета в деятельности логистических организаций	89
Рязанова Г.Н. Эпоха метамодернизма и ее влияние на модель взаимодействия аграрных предприятий	94
Секонго Н.Б. Проблемы торгово-экономических отношений западноафриканских стран с Европейским Союзом, перспективы их развития	102
Токун Л.В., Берг А.Г. Выбор «окна времени» при проведении IPO российских компаний	111

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

Джисоев В.А. Сущность и взаимосвязь понятий инвестиционной привлекательности и инвестиционного климата регионов	118
---	-----

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Агеева О.А. Взаимосвязь понятийных категорий «запасы», «затраты», «расходы» и последовательность их отражения в финансовой отчетности	123
Бердышев А.В., Бобырь Н.С. Особенности процентных инструментов денежно-кредитной политики Чешского национального банка	127

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

Andropova T.N. Analysis of modern trends of overcoming managerial stereotypes	5
Antonov S.A. To solving the problem of training working personnel of Russia	11
Astafyeva O.E. Practice-oriented approach to the formation of educational programs at the transition to the system of advanced training	19
Evdokimova Yu.G., Sycheva S.M., Shramchenko T.B. Project management issues in the field of ecology: rational nature use and resource saving	26
Ivina K.V., Zhegul'skaya Yu.V. Academic program "Digital projects libraries management": development experience and implementation prospects	32
Sharin V.I. Problems of public service of Russian officials	38

STRATEGIES AND INNOVATIONS

Kozlovsky A.V., Mityushnikova A.I. Management decision-making and risk management in the digital economy	45
Mayorova N.V., Mayorov M.K., Bakhturazova T.V., Edelev D.A. Mechanisms for ensuring sustainable development and food security of a sovereign country	52
Rodina I.B., Vladimirova A.F. Interactive and active technologies in teaching the discipline "Macroeconomics" in higher education	57

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

Donchenko V.V., Filippova R.V. Analysis of approaches to assessing the economic costs associated with the time parameters of urban transport systems functioning	64
Znamenskiy D.Yu. To the issue about social factors of formation of modern university's scientific potential	69
Kupriyanov V.V. Methodology for rapid detection of abnormal gas situations at the excavation sites of mines	76

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

Bydtaeva E.E. The state influence on economic interests and vector of actions of economy subjects in the process of strategy formation	84
Knyazeva E.Yu., Dyakonova O.S. Role of management accounting in the activities of logistics organizations	89
Ryazanova G.N. The era of metamodernism and its impact on the model of interaction of agrarian enterprises	94
Sekongo N.B. Problems of trade and economic relations of West African countries with the European Union, prospects for their development	102
Tokun L.B., Berg A.G. Choice of "time window" in carrying out IPO of Russian companies	111

INVESTMENT VALUATION

Dzhioev V.A. Essence and interrelation of the concepts of investment attractiveness and investment climate of regions	118
---	-----

FINANCES AND BANKING

Ageeva O.A. Interrelation of conceptual categories "stocks", "costs" and "expenses" and sequence of presenting them in the financial reporting	123
Berdyshev A.V., Bobyr N.S. Features of interest-bearing monetary policy instruments of the Czech National Bank	127

СОДЕРЖАНИЕ

Комаров А.В., Мартюкова В.М.

Необанкинг как направление развития современных финансовых технологий 134

Коржнев С.В.

Моделирование взаимодействия инвестора и доверительного управляющего с нелинейными функциями 143

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

Борисов А.Ф., Домашова Е.В.

Система социальной защиты населения в контексте социального управления 149

Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Шишкова А.В.

Социология безопасности знания в цифровом образовательном пространстве 154

Максимов В.В., Малахова Е.А.

Цивилизационная идентичность российской студенческой молодежи в цифровом обществе 160

Персианов В.А., Борисова В.В., Курбатова А.В.

Перспективы развития образовательной среды: итоги и ориентиры анкетного опроса профессорско-преподавательского состава в университете 167

Шураева Л.Ю.

Развитие цифровой социологии в современной науке 174

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

Лизунова Г.Ю., Таскина И.А.

Психолого-педагогическая поддержка семьи с младшим школьником с задержкой психического развития 178

Лесковец Е.А., Лютая А.Г.

Инновационные аспекты долгосрочной медико-психологической реабилитации пациентов пожилого возраста в амбулаторных условиях специализированных медицинских учреждений 186

CONTENTS

Komarov A.V., Mart'yukova V.M.

Neobanking as a direction of development of modern financial technologies 134

Korzhnev S.V.

Modeling of interaction between an investor and a trust manager with nonlinear functions 143

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

Borisov A.F., Domashova E.V.

Social protection system of the population in the context of social management 149

Zakharov M.Yu., Starovoytova I.E., Shishkova A.V.

Sociology of knowledge security in the digital educational space 154

Maximov V.V., Malakhova Ye.A.

Civilizational identity of Russian student youth in a digital society 160

Persianov V.A., Borisova V.V., Kurbatova A.V.

Prospects for the development of the educational environment: results and guidelines of a questionnaire survey of teaching staff at the university 167

Shuraeva L.Yu.

Development of digital sociology in modern science 174

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

Lizunova G.Yu., Taskina I.A.

Psychological and pedagogical support for the family with younger schoolboy with mental retardation 178

Leskovets E.A., Lutaya A.G.

Innovative aspects of the medical and psychological long-term rehabilitation of old-aged patients in out-patient clinics on the basis of specialized medical centres 186

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 331.1

JEL M12, J16

DOI 10.26425/1816-4277-2020-3-5-10

Андропова Татьяна Николаевна
соискатель, ФГБОУ ВО «Юго-западный
государственный университет», г. Курск,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-4664-5931

e-mail: t.andropova@rt-neo.ru

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

Аннотация. Изучены предпочтения сотрудников организаций в мужских и женских лидерских качествах, а также в выборе между мужчиной-руководителем и женщиной-руководителем. Более конкретно рассмотрены три фактора, которые могут повлиять на эти предпочтения: пол работника, пол руководителя и соотношение мужчин и женщин в организации. В процессе исследования изучена теория конгруэнтности, которая утверждает, что существует несоответствие между женской гендерной ролью и ролью менеджера. Проанализирована концепция токенизма. Эмпирические исследования показывают неоднозначную поддержку концепции токенизма. Действительно, существуют исследования, подтверждающие, что численная репрезентация отрицательно коррелирует с дискриминацией. На основе теории социальных ролей сделан вывод о том, что женщины-руководители страдают от недостатков, основанных на предрассудках, связанных с полом и управленческими стереотипами. В результате исследования автор приходит к заключению, что увеличение доли женщин-руководителей является эффективным способом преодоления управленческих стереотипов.

Ключевые слова: управленческие стереотипы, руководство, женщина-руководитель, женщина-лидер, менеджер, гендер, управление, социальные роли.

Цитирование: Андропова Т.Н. Анализ современных тенденций преодоления управленческих стереотипов // Вестник университета. 2020. № 3. С. 5–10.

Andropova Tatyana
Postgraduate student, Southwest State
University, Kursk, Russia

ORCID: 0000-0003-4664-5931

e-mail: t.andropova@rt-neo.ru

ANALYSIS OF MODERN TRENDS OF OVERCOMING MANAGERIAL STEREOTYPES

Abstract. The preferences of employees of organizations in male and female leadership qualities, as well as in the choice between a male leader and a female leader have been studied. More specifically, three factors have been considered, which can influence on these preferences: gender of the employee, gender of the manager, and the ratio of men to women in the organization. In the process of research, the theory of congruency has been studied, which claims that there is a mismatch between the female gender role and the role of manager. The concept of tokenism has been analysed. Empirical studies show mixed support for the concept of tokenism. Indeed, there are studies confirming that numerical representation negatively correlates with discrimination. Using the theory of social roles, it has been concluded that women leaders suffer from shortcomings based on prejudices related to gender and managerial stereotypes. As a result of the study, the author comes to the conclusion that increasing the proportion of women leaders is an effective way to overcome managerial stereotypes.

Keywords: managerial stereotypes, leadership, female chief, female leader, manager, gender, management, social roles.

For citation: Andropova T.N. (2020) Analysis of modern trends of overcoming managerial stereotypes. *Vestnik universiteta*. 1. 3, pp. 5–10. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-5-10

© Андропова Т.Н., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

За последние десятилетия произошло значительное увеличение числа женщин-руководителей. Это увеличение совпало с изменениями в мышлении об эффективном руководстве. Согласно мнению Г. Юкла, «женщины более искусны в межличностных отношениях и, следовательно, являются высшими менеджерами в настоящем обществе (так называемое женское преимущество)» [19, с. 98]. Однако процентное соотношение женщин в высших эшелонах власти – уровнях управленческой иерархии – и на других руководящих должностях по-прежнему не столь значительное.

Одно из объяснений этой ситуации можно найти в теории конгруэнтности, которая утверждает, что существует несоответствие между женской социальной ролью и ролью менеджера [7]. Из-за существующих стереотипов женщинам и в будущем будут приписывать такие качества, как теплота, скромность и чувствительность. Данное обстоятельство создает некоторые неудобства для женщин-руководителей, потому что их образ несовместим со стереотипом, сложившимся у людей о лидерах, которые должны быть сильными, ориентированными на результат и готовыми рисковать. В результате женщины сталкиваются с предвзятой оценкой их компетентности в качестве руководителей.

Различные исследования показывают, что сложившиеся стереотипы сложно меняются. Так, в частности, Г. Пауэлл и Д. Баттерфилд изучали управленческие стереотипы среди студентов [12; 13]. Респондентам было предложено описать менеджеров, оценив важность черт их личности. Полученные результаты не сильно отличались от результатов, выявленных в 1979 г. и 1989 г. Студенты определяли лидеров с мужскими характеристиками и полагали, что женские черты неуместны или даже вредны для руководства.

Соотношение мужчин и женщин в организациях за последние десятилетия кардинально изменилось и продолжает меняться. Эта перемена не могла не повлиять на управленческие стереотипы. Иными словами, изменение доли женщин в организациях, а также изменения в мышлении об эффективном лидерстве затронули не только социально-половые стереотипы обоих полов (какие качества присущи мужчине и женщине), но и управленческие стереотипы (какие качества характеризуют эффективного менеджера).

Исходя из теории социальных ролей, можно заключить, что женщины-руководители страдают от недостатков, основанных на предрассудках, связанных с полом и управленческими стереотипами: «хорошая» женщина чувствительна и заботлива, а это не то, что обычно ожидают от эффективного и «сильного» руководителя [8]. Для женщин-менеджеров существует четкое несоответствие между их социальной и управленческой ролью. Такая иррелевантность приводит к негативным оценкам женщин-руководителей. В частности, согласно мнению 72 % генеральных директоров (мужчин и женщин) и 51 % женщин-руководителей, эти негативные установки ограничивают доступ женщин к руководящим должностям [18].

Стереотипы социальной (гендерной, как принято ее называть) роли и/или изменение управленческой роли женщин-лидеров в будущем могут нивелироваться и вовсе исчезнуть. На это указывают происходящие в последние годы изменения гендерных стереотипов в связи с изменениями социальных ролей мужчин и женщин в обществе. Эти изменения в первую очередь коснулись роли женщин, которые приобрели больше мужских качеств, сохраняя при этом женские. Гендерная роль мужчин не изменилась.

Исходя из вышесказанного, изучены предпочтения сотрудников в выборе мужских и женских лидерских качеств, а также в выборе между мужчиной-руководителем и женщиной-руководителем. Более конкретно рассмотрены три фактора, связанные с полом, которые могут повлиять (и влияют) на эти предпочтения: пол работника, пол руководителя и соотношение мужчин и женщин в организации. Исследовательский акцент поставлен на выявлении происходящих изменений управленческих стереотипов.

Существуют две взаимосвязанные, но разные категории управленческих стереотипов. Первый стереотип – «думай, как мужчина», ассоциирующий менеджера с образом мужчины, а также с необходимостью быть мужчиной [15]. Другой стереотип – ассоциация «думай, как менеджер – думай, как мужчина» [14]. Мужское лидерство определяется готовностью идти на риск и ориентированностью на конкретные задачи [9]. Напротив, женское лидерство, считается более «воспитательным», полезным и ориентированным на людей. Этот стереотип подразумевает, что мужественность, независимо от пола, ассоциируется с лидерством, продолжая существовать на протяжении многих лет [2].

Тем не менее, учитывая факт увеличения доли женщин в общем числе рабочей силы, а также изменения соотношения женщин на руководящих должностях, стоит отметить, что управленческие стереотипы в последние десятилетия претерпели существенные изменения. Можно полагать, что этот сдвиг стереотипов связан с тем

переменными: половой принадлежностью работника, полом руководителя, и соотношением мужчин и женщин в руководстве.

Некоторые авторы утверждают, что пол работников имеет отношение к лидерскому стереотипу мышления [17]. Согласно этой точке зрения, женщины, как правило, выражают более сильное предпочтение женским качествам в отношении женщин-лидеров. Это может быть вызвано эффектом притяжения подобия [6]. Люди любят людей, которые похожи на них самих. Следовательно, женщины более высоко оценивают лидеров, которые имеют тот же пол и являются носителями определенных женских качеств. Но, при этом существуют различия во взглядах женщин, работающих в организации, коррелирующие от процента женщин, занимающих руководящие должности в этих организациях [11].

Исследование Р. Аймана с соавторами показало сильные гендерные различия в лидерской схеме [4]. Хотя обычно когнитивная схема или стереотип для менеджера складывается из мужских черт характера (стереотип «думай, как менеджер – думай, как мужчина»), эта схема представляется более мужской среди мальчиков и мужчин больше, чем среди девочек и женщин. Данные результаты релевантно согласуются с теорией социальной идентичности [16]. Тенденция среди мужчин видеть мужские лидерские качества, как важные, может быть отражением их внутригруппового предубеждения – мужчинам нравятся мужские черты, потому что они определяют и сохраняют свою собственную социальную группу. О. Бреннер и другие обнаружили, что женщины описывали успешных менеджеров среднего звена имеющих, как стереотипно мужские, так и женские качества, но тенденция к мужским прослеживалась сильнее [5]. Это не значит, что женщины не любят мужское лидерство; они ценят только женские качества или сочетание женских и мужских качеств больше, чем мужские.

Таким образом, в качестве промежуточного вывода можно заключить, что:

- женщины-работники предпочитают более женские характеристики лидерства, чем мужчины-работники; для мужских лидерских качеств различий нет;
- женщины-работники большее предпочтение отдают мужчинам-руководителям, а не мужчинам-работникам.

Следующим фактором для анализа в данном исследовании является пол современного руководителя. При наличии значительного количества неподтвержденной информации, мнений, которые могут иметь люди об определенных социальных группах, можно изменить стереотипное наполнение того или иного образа и, таким образом, стать менее подверженным влиянию стереотипов. То есть, если у людей есть определенные мнения о членах определенной группы («женщины такие»), как только они встречают кого-то, кто опровергает это мнение, это может привести к его пересмотру («такие женщины не нужны, они тоже могут быть такими»). Успешная женщина-руководитель изменяет стереотип образа руководителя у работников, демонстрируя, что женские черты и лидерство могут «идти рука об руку». Более того, исследования показывают, что умеренно противоречивая информация более эффективна в сокращении стереотипов, чем крайне противоречивая информация [1]. Меняющаяся роль женщины в организациях и конкретный опыт работы с женщиной-руководителем, можно рассматривать в качестве информационных составляющих, так или иначе подтверждающих тенденцию изменения управленческого стереотипа. Относительно данной тенденции Р. Айман с соавторами указывают, что «... управленческий стереотип – быть мужественным и быть мужчиной, может стать менее логичным, если сотрудник имеет дело с женщиной-руководителем в повседневной работе» [4].

Однако, как указывают некоторые, в основном зарубежные исследователи, нет уверенности в том, что наличие женщины-руководителя в организации на самом деле приведет к значительным изменениям в существующих стереотипах мышления. Результаты проведенных исследований показывают, что некоторые женщины чаще стали демонстрировать мужское поведение, которое при этом оно не воспринимается как непоследовательное, тогда как мужчины, демонстрирующие женское поведение, считаются очень противоречивыми и нестабильными. Таким образом, женщинам-руководителям позволено быть более гибкими в своем поведении [8; 11; 17]. Даже когда мужчины и женщины пересекают границы гендерных стереотипов и все чаще берут на себя андрогинные роли, традиционные гендерно-ролевые стереотипы продолжают сохраняться.

М. Лорти-Люссье и Н. Ринфрет пришли к выводу, что отношение к женщинам-руководителям более благоприятное среди респондентов, которые ранее уже работали с женщинами [11]. Одной из проблем этого вывода является то, что это касается оценки женщин вообще, а не женщин-менеджеров, являющихся представителями управленческих кадров. Основываясь на предыдущей аргументации, можно полагать,

что увеличение предпочтения женских качеств не обязательно должно происходить за счет снижения предпочтения мужских качеств. Из этого вытекают следующие выводы:

- сотрудники, у которых в настоящее время руководителем является женщина, чаще отдают предпочтение женским лидерским качествам, чем те, у кого руководителями являются мужчины-руководители;
- сотрудники, у которых в настоящее время руководитель-женщина, демонстрируют сильное предпочтение в отношении женщин-руководителей, чем те, у кого руководитель-мужчина.

Стереотипы, как правило, формируются на представлении о членах группы, демонстрирующих профессиональные роли, такие как роль руководителя. Исходя из этого, Р. Кэнтер предложила концепцию токенизма [10]. Когда в организации работают несколько руководителей женского пола (не менее 15-20%), их можно рассматривать как «токены». Существующие преувеличенные различия между женщинами и мужчинами, приводят к изоляции между «токенами», так как они не могут соединиться между собой. «Токены» испытывают ожидания в отношении ролевого поведения, которое соответствует их гендерному стереотипу. На основе этого, ожидания в отношении их поведенческих паттернов, обычно интерпретируются в терминах гендерных стереотипов.

Однако более поздние эмпирические исследования показали неоднозначную поддержку концепции токенизма. Действительно, существуют исследования, подтверждающие, что численная репрезентация отрицательно коррелирует с дискриминацией [14; 17]. Тем не менее, есть также свидетельство того, что некоторые «токены» не сталкиваются с проблемами, которые описаны выше [4]. Отношение к профессии менеджера, а также стереотипные ассоциации между менеджером-мужчиной или мужчинами делает управление мужским доменом. Более того, исследования показывают, что женщины, которые составляют меньшинство в мужской области, такой как управление, действительно, испытают наибольшие предрассудки и дискриминацию со стороны окружающих [17].

Что касается изменений в организациях, то соотношение мужчин и женщин в управлении постепенно нивелируется. В результате компетентность и статус женщин все больше ценятся и будут в дальнейшем цениться по мере увеличения их доли в менеджменте. Это означает, что повышение процентной доли женщин-руководителей оказывает влияние на существующие стереотипы о женщинах и лидерах. Результаты экспериментальных исследований подтверждают, что стереотипы могут быть изменены путем представления информации, несовместимой со стереотипом [2; 3].

Представленные выше результаты позволяют прийти к заключению о том, что увеличение доли женщин на управленческих позициях в общей численности населения, во-первых, будет увеличивать предпочтение женских лидерских качеств (для мужских лидерских качеств таких различий не существует); и, во-вторых, прогнозирует рост предпочтения женщин на руководящих должностях.

Традиционные управленческие стереотипы привели к предвзятому отношению к продвижению женщин на руководящие должности. Увеличение доли женщин-руководителей является эффективным способом воздействия на эти стереотипы. Однако назначать больше женщин-руководителей и избегать токенизма – стратегия, которая может способствовать уменьшению стереотипов в долгосрочной перспективе. Это было бы аргументом для назначения женщин на различные управленческие уровни. Более того, приведенные результаты многих исследований также показывают, что только назначения женщин на эти должности будет недостаточно: имея реальный опыт работы с женщиной-руководителем, сотрудники описывают образ своего «идеального» руководителя, в который включают как мужские, так и женские качества [2].

Таким образом, увеличение числа женщин в организациях – это не единственный способ улучшить имидж женского менеджмента. Краткосрочная стратегия, которая не работает по изменению демографического состава организации влечет за собой формирование осознания моделей, противоречащих стереотипу. Это может достигаться путем поощрения менеджеров и сотрудников к участию в программах наставничества или вступлению в профессиональные ассоциации и сетевые группы.

Библиографический список

1. Грошев, И. В. Гендерные особенности конфликтности на предприятиях и в организациях // Социологические исследования. – 2007. – № 6. – С. 122-130.
2. Грошев, И. В. Гендерные особенности поведения личности руководителя в управленческой деятельности // Международный журнал. Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – № 2 (018). – С. 20-23.

3. Asuncion, A. G., Mackie, D. M. Undermining social stereotypes: Impact of affect-relevant and behavior-relevant information // Basic and Applied Social Psychology. – 1996. – Vol. 18. – No. 5. – Pp. 75-104.
4. Ayman, R., Korabik, K., Morris, S. Is transformational leadership always perceived as effective? Male subordinates' devaluation of female transformational leaders // Journal of Applied Social Psychology. – 2009. – No. 39. – Pp. 56-72.
5. Brenner, O. C., Tomkiewicz, J., Schein, V. E. The relationship between sex-role stereotypes and requisite management characteristics revisited // Academy of Management Journal. – 1989. – No. 32. – Pp. 31-46.
6. Byrne, D. The attraction paradigm. – New York: Academic Press, 1971. – 389 p.
7. Eagly, A. H. Sex differences in social behavior: A social-role interpretation. Hillsdale. – New York: Erlbaum, 1987. – 412 p.
8. Eagly, A. H., Carli, L. L. The female leadership advantage: An evaluation of the evidence // The Leadership Quarterly. – 2003. – No. 14. – Pp. 67-83.
9. Eagly, A. H., Karau, S. J. Role congruity of prejudice toward female leaders // Psychological Review. – 2002. – No. 109. – Pp. 87-105.
10. Kanter, R. M. Men and women of the Corporation. – New York: Basic Books, 1977. – 397 p.
11. Lortie-Lussier, M., Rinfret, N. The proportion of women managers: Where is the critical mass? // Journal of Applied Social Psychology. – 2002. – No. 32. – Pp. 156-179.
12. Powell, G. N., Butterfield, D. A. The «good» manager: Did androgyny fare better in the 1980s? // Group and Organization Studies. – 1989. – No. 14. – Pp. 187-203.
13. Powell, G. N., Butterfield, D. A. The «good» manager: Masculine or androgynous? // Academy of Management Journal. – 1979. – No. 22. – Pp. 143-161.
14. Powell, G. N., Butterfield, D. A., Parent J. D. Gender and managerial stereotypes: Have the times changed? // Journal of Management. – 2002. – Vol. 28. – No. 17. – Pp. 48-59.
15. Schein, V. E. The relationship between sex role stereotypes and requisite management characteristics // Journal of Applied Psychology. – 1973. – No. 57. – Pp. 82-105.
16. Tajfel, H., Turner, J. C. The social identity theory of intergroup behavior / In S. Worchel & L. W. Austin (Eds.), Psychology of intergroup relations. – Chicago: Nelson-Hall, 1986. – 471 p.
17. Vecchio, R. P., Boatwright, K. J. Preferences for idealized styles of supervision // The Leadership Quarterly. – 2002. – No. 6. – Pp. 203-222.
18. Wellington, S., Kropf, M. B., Gerkovic, P. R. What's holding women back? // Harvard Business Review. – 2003. – No. 81. – Pp. 66-78.
19. Yukl, G. Leadership in organizations (5th ed.). Upper Saddle River. – New York: Prentice-Hall, 2002. – 413 p.

References

1. Groshev I. V. Gendernye osobennosti konfliktnosti na predpriyatiyakh i v organizatsiyakh [*Gender features of conflict at enterprises and organizations*]. Sotsiologicheskie issledovaniya [*Sociological Studies*], 2007, no. 6, pp. 122-130.
2. Groshev, I. V. Gendernye osobennosti povedeniya lichnosti rukovoditelya v upravlencheskoi deyatel'nosti [*Gender characteristics of the behavior of the personality of a leader in managerial activities*]. Mezhdunarodnyi zhurnal. Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy [*International journal. Social-Economic Phenomena and Processes*], 2010, no. 2 (018), pp. 20-23.
3. Asuncion A. G., Mackie D.M. Undermining social stereotypes: Impact of affect-relevant and behavior-relevant information. Basic and Applied Social Psychology, 1996, vol. 18, no. 5, pp. 75-104.
4. Ayman R., Korabik K., Morris S. Is transformational leadership always perceived as effective? Male subordinates' devaluation of female transformational leaders. Journal of Applied Social Psychology, 2009, no. 39, pp. 56-72.
5. Brenner O. C., Tomkiewicz J., Schein V. E. The relationship between sex-role stereotypes and requisite management characteristics revisited. Academy of Management Journal, 1989, no. 32, pp. 31-46.
6. Byrne D. The attraction paradigm. New York, Academic Press, 1971. 389 p.
7. Eagly A. H. Sex differences in social behavior: A social-role interpretation. Hillsdale, New York, Erlbaum, 1987. 412 p.
8. Eagly A. H., Carli L.L. The female leadership advantage: An evaluation of the evidence. The Leadership Quarterly, 2003, no. 14, pp. 67-83.
9. Eagly A. H., Karau S. J. Role congruity of prejudice toward female leaders. Psychological Review, 2002, no. 109, pp. 87-105.
10. Kanter R. M. Men and women of the Corporation, New York, Basic Books, 1977. 397 p.
11. Lortie-Lussier M., Rinfret N. The proportion of women managers: Where is the critical mass? Journal of Applied Social Psychology, 2002, no. 32, pp. 156-179.
12. Powell G. N., Butterfield D. A. The «good» manager: Did androgyny fare better in the 1980s? Group and Organization Studies, 1989, no. 14, pp. 187-203.

13. Powell G. N., Butterfield D. A. The «good» manager: Masculine or androgynous? *Academy of Management Journal*, 1979, no. 22, pp. 143-161.
14. Powell G. N., Butterfield, D. A., Parent J. D. Gender and managerial stereotypes: Have the times changed? *Journal of Management*, 2002, Vol. 28, no. 17, pp. 48-59.
15. Schein V. E. The relationship between sex role stereotypes and requisite management characteristics. *Journal of Applied Psychology*, 1973, no. 57, pp. 82-105.
16. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & L. W. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations*. Chicago, Nelson-Hall, 1986, 471 p.
17. Vecchio R. P., Boatwright K. J. Preferences for idealized styles of supervision. *The Leadership Quarterly*, 2002, no. 6, pp. 203-222.
18. Wellington S., Kropf M. B., Gerkovic P. R. What's holding women back? *Harvard Business Review*, 2003, no. 81, pp. 66-78.
19. Yukl G. *Leadership in organizations* (5th ed.). Upper Saddle River, New York, Prentice-Hall, 2002, 413 p.

Антонов Сергей Александрович
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7101-8628

e-mail: sa_antonov@guu.ru

Antonov Sergey

Candidate of Economic Sciences, State
University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7101-8628

e-mail: sa_antonov@guu.ru

К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ РАБОЧИХ КАДРОВ РОССИИ

Аннотация. Обоснована актуальность решения проблемы снижения кадрового потенциала рабочих в России. Приведен краткий обзор наиболее значимых научных источников за последние три года. Представлен анализ последствий снижения рабочих кадров из числа российских граждан и современные способы компенсации низкого человеческого потенциала рабочих. Также рассмотрены основные демотиваторы рабочего труда и представлены различные варианты решения проблемы, как то: развитие региональной социальной инфраструктуры и оздоровление нравственного состояния женщин; совершенствование подготовки рабочих кадров на базе национально-исторических особенностей России; развитие взаимодействия между государством, предприятиями и молодыми сотрудниками в целях формирования кадрового потенциала российских рабочих. В качестве дальнейшего направления исследований предложена разработка региональных дорожных карт для областей Центрального федерального округа.

Ключевые слова: человеческий потенциал, демотиваторы рабочего труда, демография, профессиональная ориентация, национальные особенности России, кадры.

Цитирование: Антонов С.А. К решению проблемы подготовки рабочих кадров России//Вестник университета. 2020. № 3. С. 11–18.

TO SOLVING THE PROBLEM OF TRAINING WORKING PERSONNEL OF RUSSIA

Abstract. The relevance of solving the problem of reducing the personnel potential of workers in Russia has been substantiated. A brief overview of the most significant scientific sources over the past three years has been adduced. The consequences of reducing the working personnel from a number of Russian citizens and modern methods of compensating for low human potential have been analysed. The main demotivators of labor have been considered also and various options for solving the problem have been presented, such as: developing a regional social infrastructure and improving the moral condition of women; enhancing the training of working personnel based on the national historical features of Russia; development of interaction between the state, enterprises and young employees in order to form the personnel potential of Russian workers. As a further area of research, the development of regional roadmaps for the regions of the Central Federal District has been proposed.

Keywords: human potential, demotivators of labor, demography, vocational guidance, national characteristics of Russia, personnel.

For citation: Antonov S.A. (2020) To solving the problem of training working personnel of Russia. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 11–18. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-11-18

Важность настоящей работы заключается, прежде всего, в необходимости решения назревшей проблемы: снижения кадрового потенциала российских рабочих в демографическом и культурно-образовательном аспектах. Значимость роли рабочего на предприятии и в экономике страны, несмотря на развитие высоких технологий, пока не вызывает сомнения. Тем не менее, субъекты экономического развития находятся в трудном положении, что создает угрозы устойчивому социально-экономическому развитию по принципу «где тонко, там и рвется». Государственные органы в последнее десятилетие приняли ряд стратегий и программ, направленных на решение данной проблемы, в частности Стратегию развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2020 г., что

© Антонов С.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

подчеркивает актуальность данной проблемы [2]. Кроме того, об актуальности проблемы свидетельствует А. И. Молев, Председатель комиссии Московской городской думы по образованию. Опираясь на оценки исследователей, он отмечает, что Москве ежегодно требуется от 14 до 15 тыс. дополнительных рабочих [10]. Надо сказать, что федеральные органы власти уже давно озабочены проблемой подготовки высококвалифицированных кадров. Так, в Указе Президента от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» среди прочих, была поставлена цель: создание и модернизация 25 млн высокопроизводительных рабочих мест [1]. Еще раньше на данную проблему обратили внимание российские ученые, отмечая, что грядет мир новой экономики, где интеллект человека, его способность создавать знания становятся главной производительной силой общественного развития. Академик Д. С. Львов отмечал: «Альтернативы курсу на восстановление и развитие науки и образования, всего наукоемкого промышленного сектора нашей экономики у нас просто не существует» [8, с. 24]. Таким образом, актуальность решения проблемы подготовки рабочих кадров для развития России со временем только возрастает, выступая своего рода следствием объективно происходящих и запланированных изменений.

Наиболее актуальными научными источниками, вышедшими за последние три года являются: диссертационное исследование А. А. Степанова «Совершенствование системы подготовки рабочих кадров в Российской Федерации на основе методики оценки эффективности деятельности образовательных организаций» (2019); сборник научных докладов «Образование и экономический рост» (2019); материалы III Международной научно-практической конференции «Подготовка кадров по наиболее востребованным и перспективным профессиям и специальностям в российских регионах: проблемы и перспективы» (2018); диссертационное исследование И. Ю. Спасской «Формирование профессиональной ответственности рабочего в дуальном обучении» (2018); материалы Межрегиональной заочной научно-практической конференции «Социальные эффекты развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций» (2017); диссертационное исследование Аббас Анмар Бадр Аббаса «Формирование и развитие стратегий повышения качества рабочей силы» (2017); материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы управления персоналом и экономик труда» (2017); монография «Статистическое исследование кадрового потенциала регионального рынка труда» (2017) [3; 4; 6; 7; 11; 13; 14; 15].

Основной целью статьи является попытка наметить базовые причины и принципиальные направления решения сложившейся проблемы. Для этого необходимо: рассмотреть последствия снижения кадрового потенциала российских рабочих и современный способ его компенсации; выявить демотиваторы профессиональной ориентации российских школьников в отношении карьеры рабочего; предложить возможные направления устранения причин сложившейся проблемы. В качестве методологической базы исследования выступило обобщение информационных материалов, сформированных в ходе авторских наблюдений сферы профессионального образования и рабочего труда за период с 2010 г. до 2020 г.

Сегодня уже очевидно, что экономика государства, сталкиваясь с проблемой воспроизводства рабочих кадров, вынуждена привлекать силы трудовых мигрантов, хотя известно, что модель развития экономики на основе труда мигрантов представляет опасность для стратегической устойчивости государства, о чем свидетельствует опыт ряда европейских государств. Кроме того, давая возможность трудовым мигрантам широко участвовать в развитии национальной экономики, происходит замещение производительных сил государства. Использование труда граждан соседних государств в отраслях строительства, жилищно-коммунальном хозяйстве, сфере розничной торговли и транспорте является скорее слабой стороной России, так как перечисленные отрасли относятся к производству материальных и нематериальных товаров и услуг, являя собой «локомотивы» экономики страны. От них зависит не только благополучие граждан, но и независимость, безопасность государства [16, с. 159].

В подобной ситуации многие согласятся с необходимостью подготовки специалистов для разных уровней экономики, однако желающих сознательно связать свою жизнь с рабочей профессией встречается мало. Так, «по данным обследования, проведенного Министерством труда вместе с Российской академией образования, на заводе или фабрике, даже в хороших условиях при достойной заработной плате, хотели бы работать только около 8 % старшеклассников. Наиболее значимым мотивом выбора будущей профессии и желаемого места работы для 34 % учащихся стала возможность быстро зарабатывать много денег, причем не на производстве, а преимущественно в банковской сфере и в коммерческих организациях. Опросы

пензенских школьников показали, что 80 % выпускников школы нацелены на продолжение обучения в вузе, 10 % – в техникумах и ПТУ, а 10 % – собираются пойти работать» [16, с. 83].

Рассмотрим мотивы, ориентирующие молодых людей на такие приоритеты.

1. Общественные стереотипы о низких интеллектуальных способностях и морально-волевых качествах выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования. Действует представление, что там учатся ребята, мало успевавшие в общей средней школе и не желающие продолжать обучение. При этом почти не принимается во внимание естественное желание человека приобрести конкретную рабочую профессию и начать трудиться.

2. Стереотип в отношении важности и нужности рабочего труда как созидательной творческой деятельности, когда не его тяжесть пугает молодого человека, а отношение к нему (восприятие рабочего труда) окружающими. Для тех, кто не знает особенностей данного труда, он представляется низко квалифицированным, малополезным, своего рода социально приниженным способом приложения усилий. Получается, что рабочий (интеллектуально-физический) труд рассматривается в иерархии как своего рода «низшая» ступень, а не как основной элемент экономической системы. Проблему престижности данного вида труда, также отмечали на круглом столе, организованном журналом «Стратегия России» [10].

3. Распространенное представление о том, что широкая профессионализация высшего образования дает больше карьерных перспектив. Так, сотрудник, получивший высшее образование и поработавший в аппарате управления фирмы, может уйти в другую сферу, найдя предложение нового работодателя более привлекательным. Со временем, освоив предметную область, он будет рассчитывать на карьерный рост или искать более доходное место. При этом совершенно не учитывается, что для профессиональной квалификации, широкая специализация и частая смена сферы и области деятельности может стать отрицательным фактором.

4. Несоответствие профессионального образования и области деятельности сегодня является проблемой для массы трудящихся, однако в случае необходимости соответствовать формальным требованиям должности сравнительно просто получить высшее образование заочно или пройти переподготовку по принципу «когда будет надо, тогда и получу».

5. Выбор выпускником школы и его родителями в качестве приоритета именно высшего образования, осуществляется не в силу способностей, необходимости или предрасположенности (готовности человека к его получению), а в целях обеспечения возможности претендовать на более высокий уровень должностей, чем выпускник среднего специального образовательного уровня. Этому явлению отчасти способствует отсутствие преемственности в системе профессиональной подготовки, фактически заставляя молодого человека, получившего общее среднее образование без опыта работы, сделать выбор: получить либо начальное, среднее профессиональное образование, либо сразу высшее (по сути, общее профессиональное) образование. Учитывая, что начального профессионального образования человек не имеет, а значит, располагает слабым представлением о профессиональном труде, выбор в пользу общего высшего профессионального образования очевиден. Названия современных образовательных программ достаточно абстрактны, что не заставляет отвечать на вопрос: «Какую именно профессию (специальность) вы стремитесь освоить?». А если и заставляет, то действует положение, связанное с возможностью работать не по профессии (см. предыдущий пункт).

6. Отсутствие надежных гарантий занятости и четких перспектив профессионального развития, заставляют человека стремиться к поиску места работы, обеспечивающего не только его, но и близких, определенным уровнем жизни, причем не ниже того, которым он располагает в данный момент, а также дающее возможность этот уровень в скором времени повысить. Привыкая к определенному уровню жизни, человек стремится как минимум его сохранить. Высшее образование в этой ситуации обеспечивает более привлекательные стартовые возможности, чем рабочие профессии, особенно в Москве, где уровень жизни по сравнению с регионами существенно отличается. Сложно себе представить, что молодой человек из состоятельной семьи пойдет работать на завод слесарем, хотя в жизни встречаются разные случаи, которые рассматриваются скорее как исключения из общего правила.

Соответствующие наблюдения, подтверждаются материалами исследований А. В. Жигуновой молодежного рынка труда, который характеризуется следующим рядом черт: «деформация профессионального стремления нового поколения; несформированность профессиональных интересов молодежи; ограниченные финансовые возможности молодежи для трудовой мобильности на рынке труда; дисбаланс спроса

и предложения; несоответствие уровня квалификации требованиям работодателей; низкая оплата труда и неудовлетворительные условия труда» [5, с. 547].

Так формируется «квалификационный дисбаланс», когда выпускники школ, имеющие хороший уровень подготовки и склонности к рабочим профессиям, стремятся в столичные вузы, туда же направляются те, кому данный уровень образования пока еще достаточно труден, однако они располагают возможностью за него заплатить. Это приводит к недостатку рабочих специалистов в экономике, что снижает качество жизни населения, потому что, во-первых, ограничивается реализация национального человеческого потенциала, а, во-вторых, компенсируется трудом иностранных мигрантов, имеющих низкий культурно-образовательный уровень.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о проблеме государственного регулирования сферы воспроизводства трудовых сил, которая классически функционирует на базе двух подходов: утилитарного, рассматривающего человека как часть ресурсной базы экономики государства, где образование ориентировано на нужды торгово-промышленной сферы, и гуманистического, видящего в человеке самостоятельную ценность для государства, где образование направлено на раскрытие и рост потенциала человека. Исходя из этого, цели государства в области профессиональной подготовки должны как отражать интересы национального экономического развития, так и служить укреплению цивилизационных основ российского общества на конкретном историческом этапе своего развития. Следует отметить, что проблема обеспеченности рабочими кадрами российской экономики имеет как минимум два уровня: «мегаполисный», на котором находятся современные крупные города, имеющие значительное количество граждан, однако испытывают существенные потребности именно в рабочих кадрах; «миниполисный», когда малые поселения сталкиваются с проблемой физического отсутствия дееспособных граждан. Таким образом, можно выделить культурно-образовательные и демографические аспекты проблемы подготовки рабочих кадров России.

В этой связи, первым направлением, на которое следует обратить особое внимание, и не только в контексте обеспечения рабочими кадрами, является повышение рождаемости в России, особенно на «миниполисном» уровне. До революции деревня являлась своего рода питательной средой для города в разных аспектах, а именно: продовольственных, досуговых, кадровых, культурно-нравственных и т. д. Современное же состояние деревни ужасает еще и потому, что город начинает черпать источники своего существования и развития от нетрадиционной для национального государства культуры. Как отметил А. В. Мерзлов, Президент Ассоциации самых красивых деревень России, директор Центра устойчивого развития сельских территорий ФГБОУ ВО «Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева», после перестройки по разным оценкам, до 30 тыс. деревень исчезло, многие обезлюдели, и этот процесс продолжается, к сожалению, катастрофическими темпами. Ежегодно из села уезжают порядка 200 тыс. человек. С 2001 г. по 2017 г., по данным Росстата, официально сельскими жителями числятся 37,8 млн человек (24 % населения России), при том что в начале XX в. это значение достигало 85 %. Больше всего уезжают молодые и наиболее активные выпускники сельских школ, которые поступают в вузы и ищут работу в городах, чтобы там и остаться [12]. Второй составляющей демографического аспекта является количество аборт, сделанных женщинами. В качестве иллюстрации масштабов проблемы на примере одного региона, приведем словам министра здравоохранения Алтайского края Д. В. Попова на заседании Общественной палаты: «По официальной статистике, число аборт не превышает 7 тыс. в год, по неофициальным данным жительницы Алтайского края идут на 18-20 тыс. аборт в год» [3]. Таким образом, начинать решение этой проблемы следует с создания условий для жизнедеятельности на селе, а именно: остановить оптимизацию социальной инфраструктуры сельских территорий, то есть школы и больницы нужно сохранить там, где они остались, до районов без инфраструктуры следует наладить регулярные выезды специалистов; поддерживать малые формы предпринимательства, в первую очередь сельскохозяйственного производства, посредством производственной кооперации (закупка сельхозпродукции у местных жителей); адресно поддерживать семьи с тремя и более детьми (административно, материально, психологически), а также одиноких матерей, проводя информационно-разъяснительную работу об основной роли материнства в жизни женщины.

Второе направление касается образовательно-воспитательного аспекта, где сущность государственного регулирования заключается в направлении к реализации своего предназначения (положительного потенциала) каждого российского гражданина и общества в целом. Основными системными элементами подготовки квалифицированных кадров являются:

- воспитание (в традиционной многодетной семье);
- образование (развитие воспитательно-образовательной модели русской школы);
- труд (создание условий для творческой профессиональной деятельности).

Триада «воспитание, образование и труд» с момента появления ребенка, является одним из основополагающих факторов формирования полноценной трудовой личности. Особенности обогащения человеческой личности в рамках каждой составляющей представляются следующим образом: в семье человек рождается, воспитывается, формируются основные черты его личности; в образовательных учреждениях (школы, училища, институты) преумножается и раскрывается его потенциал, наряду с семьей; в профессиональной жизнедеятельности происходит созревание человеческой личности и передача знаний, умений, навыков будущим поколениям. Кроме того, каждый уровень выполняет свою особую роль:

- начальное образование способствует формированию личностных качеств (нравственность, грамотность, дисциплина);
- среднее образование формирует профессиональную личность (специальные знания, навыки, умения);
- высшее образование способствует воспроизводству системы начального и среднего образования и подготавливает руководителей и учителей для соответствующих сфер.

При этом нужно учитывать, что каждая национальная система подготовки специалистов имеет свои исторические черты, которые в России представляются следующим образом: приоритет домашнего образования и воспитания в семье на начальном уровне; практико-ориентированная подготовка к трудовой или военной службе на среднем уровне; фундаментальная теоретическая подготовка в учреждении к ведению наставнической, государственной, общехозяйственной деятельности на высшем уровне. Поэтому высшее образование требуется, прежде всего, духовенству, интеллигенции и государственным служащим, реализующим общие наставнические и управленческие функции. Среднее образование необходимо военным, торговцам, промышленникам, реализующим специальные охранительные и экономические функции. Начальное образование необходимо всему народу государства. Пренебрежение же национальными историческими особенностями и необходимостью обеспечения возможностей реализации своего предназначения приводит к «неявной разбалансировке» личностной и общественной системы, когда люди начинают заниматься не своим делом, или занимают не свои места в общественном разделении труда.

Решение данной образовательно-воспитательной проблемы следует вести по различным направлениям: просветительская работа среди молодых граждан России, чтобы избавить их от стереотипов о рабочем труде (низкой интеллектуальности, социальной значимости, перспективности, надежности); серьезная разработка проблемы экономической базы домашнего хозяйства людей рабочего труда и создание достойных условий для жизни молодых семей рабочих (заработная плата, жилье, социальные гарантии для семьи, такие как образование, здравоохранение); разработка образовательных программ, направленных на развитие кругозора детей школьного возраста (экскурсии на производство, беседы-встречи со спортсменами, музыкантами, учеными, участие в общественных работах, чтение классической литературы, знакомство с духовно-нравственной культурой достойных представителей общества).

Если же эти проблемы не решить, России, как суверенному государству, будет все сложнее продолжать отстаивать свои ценности и интересы в современном мире. При этом решение рассмотренных проблем возможно только при взаимодействии государства, предпринимательского сообщества и граждан. Однако и здесь наблюдается серьезная проблема: декларативность сочетания государственных и частных интересов. Разработка и реализация государственных программ порой дает положительное изменение в общественном развитии только на бумаге, кроме того, пользование общественными благами, создаваемыми в этом процессе, способствует развитию потребительского отношения не только к ним, но и к государству, организующему деятельность по их созданию. Попытки привлечения к решению общих проблем частной инициативы коренным образом ситуацию не меняют, так как участвуя в общем деле, участники продолжают более искать своей выгоды, нежели общей пользы. Потребительское отношение, с одной стороны, и эксплуататорское – с другой, искажают атмосферу взаимного созидания общего блага, подменяя ее примитивной утилитарно-нравственной моделью «ты мне – я тебе». Отсутствие понимания взаимозависимости при достижении успеха приводит к большим трудностям, а порой невозможности согласования деятельности. Определение же только субъективных интересов, без основательного согласования целей и способов взаимодействия, напоминает результат известной басни,

что «воз и ныне там», при том что расходуются силы, ресурсы, время. Разобщенное сосуществование государства, частных предпринимателей и общественных институтов приводит не только к невозможности решения системных проблем, но и к ослаблению национальной экономической безопасности. При том что в последнее время часто наблюдаются целенаправленные попытки расстроить взаимодействие вышеуказанных институтов, что обуславливает важность созидания и укрепления их совместной деятельности на разных уровнях.

Таким образом, несмотря на угрозы технологического и цифрового развития, представляется, что рабочий труд не только не потеряет своей актуальности, напротив, его значимость будет возрастать. По словам Н. Л. Шлык, «становится очевидным, что основным производственным фактором, скорее всего, будет не капитал, а уровень подготовки кадров. Поэтому именно кадровый дефицит, а не недостаток капитала, будет являться сдерживающим ограничением для введения инноваций, повышения конкурентоспособности и роста современной экономики» [17]. И. В. Бешлиу отмечает: «Устаревание знаний побуждает предприятия всех отраслей создавать собственные системы постоянного непрерывного повышения квалификации. Так, в ОАО «РЖД» с 2009 г. действует Координационно-методический совет по вопросам подготовки рабочих кадров, существует программа подготовки машинистов локомотивов и их помощников в учебных центрах профессиональных квалификации (УНПК)», что представляется системным институциональным решением как проблемы подготовки рабочих кадров, так и взаимодействия государства, предприятий и образовательных учреждений [5]. При этом важно, чтобы соответствующие инициативы в области подготовки рабочих кадров опирались на исторические особенности развития России с учетом насущных геодемографических проблем.

В части дальнейшего направления исследования актуальным представляется предметное рассмотрение состояния кадрового потенциала регионов Центрального федерального округа (Тверской, Владимирской, Тульской областей и так далее) на предмет конкретизации выявленных демографических и культурно-образовательных причин снижения кадрового потенциала рабочих с целью формирования дорожных карт государственно-частного партнерства, направленных на решение проблемы.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129343/ (дата обращения: 13.02.2020).
2. Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2020 года (одобрено Коллегией Минобрнауки России, протокол от 18.06.2013 № ПК-5вн) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256447/ (дата обращения: 13.02.2020).
3. Аббас Анмар Бадр Аббас. Формирование и развитие стратегий повышения качества рабочей силы : автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Воронеж. гос. ун-т. – Курск, 2017. – 26 с.
4. Актуальные вопросы управления персоналом и экономики труда: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 10 апр. 2017 г. – М.: ГУУ, 2017. – 276 с.
5. Бешлиу, И. В. Проблемы подготовки рабочих кадров в учебном центре ОАО «РЖД» // Решетневские чтения. – 2017. – С. 546-547 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-podgotovki-rabochih-kadrov-v-uchebnom-tsentre-oao-rzhd/viewer> (дата обращения: 13.02.2020).
6. Божечкова, А. В., Клячко, Т. Л., Кнобель, А. Ю., Лощенкова, А. Н., Любимов, И. Л., Синельников-Мурылев, С. Г. Образование и экономический рост: сборник научных докладов. – М.: Дело, 2019. – 120 с. – (Научные доклады: образование).
7. Ларина, Т. Н., Выголова, И. Н., Беньковская, Л. В. Статистическое исследование кадрового потенциала регионального рынка труда: монография. – Оренбург: ОГАУ, 2017. – 215 с.
8. Львов, Д. С. Миссия России: сборник научных трудов / Под науч. ред. С. Ю. Глазьева и Б. А. Ерзняка. – М.: ГУУ, 2008. – 120 с.
9. Маковеева, А. 20 тысяч аборт в год делают жительницы Алтайского края // Информационное Агентство «Амител». – 2019. – 17 апр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amic.ru/news/438304/> (дата обращения: 13.02.2020).
10. Материалы круглого стола журнала «Стратегия России». – 2015. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1441531319&archive=1443713139&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 13.02.2020).

11. Подготовка кадров по наиболее востребованным и перспективным профессиям и специальностям в российских регионах: проблемы и перспективы: материалы III Международной научно-практической конференции. Астрахань, 22 нояб. 2018 г. / Ред. кол.: О. П. Жигульская и др. – Астрахань: Мини тип. АГПК, 2018. – 135 с.
12. Рувинский, В. Когда закончится деревня // Ведомости. – 2018. – 28 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/03/29/755244-zakonchitsya-derevnya> (дата обращения: 13.02.2020).
13. Социальные эффекты развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций: материалы Межрегиональной заочной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 19 дек. 2016 г. / Отв. ред. А. Ю. Петров. – Н. Новгород: Нижегородский институт развития образования, 2017. – 119 с.
14. Спасская, И. Ю. Формирование профессиональной ответственности рабочего в дуальном обучении: автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Оренбург. гос. пед. ун-т. – Оренбург, 2018. – 24 с.
15. Степанов, А. А. Совершенствование системы подготовки рабочих кадров в Российской Федерации на основе методики оценки эффективности деятельности образовательных организаций: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / РЭУ им. Г. В. Плеханова. – М., 2019. – 24 с.
16. Филимонов, В. А. Школа трудолюбия. Межшкольному учебному комбинату Пензы – 35 лет. – М.: Пенаты, 2014. – 256 с.
17. Шлык, Н. Л. Проблема подготовки кадров при переходе экономики к новому технологическому укладу // Власть и управление на Востоке России. – 2019. – №1 (86) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-podgotovki-kadrov-pri-perehode-ekonomiki-k-novomu-tehnologicheskomu-ukladu> (дата обращения: 13.02.2020).

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2012 № 596 “O dolgosrochnoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi politike” [*Decree of the President of the Russian Federation dated on July 5, 2012 No. 596 “On Long-Term State Economic Policy”*]. SPS “Konsul’tantPlyus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129343/ (accessed 13.02.2020).
2. Strategiya razvitiya sistemy podgotovki rabochikh kadrov i formirovaniya prikladnykh kvalifikatsii v Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda (odobreno Kollegiei Minobrnauki Rossii, protokol ot 18.06.2013 № PK-5vn) [*Strategy for the development of the system of training of workers and formation of applied qualifications in the Russian Federation for the period until 2020 (approved by the Collegium of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Protocol No. PC-5 dated on June 18, 2013)*]. SPS “Konsul’tantPlyus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256447/ (accessed 13.02.2020).
3. Abbas Anmar Badr Abbas. Formirovanie i razvitie strategii povysheniya kachestva rabochei sily : avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05 [*Formation and development of strategies to improve the quality of the labor force: thesis of Cand. sci. (Economy) dis.: 08.00.05*], Voronezh. gos. un-t. Kursk, 2017. 26 p.
4. Aktual’nye voprosy upravleniya personalom i ekonomiki truda: materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 10 apr. 2017 g. [*Actual issues of personnel management and labor economics: proceedings of III All-Russian scientific-practical conference. Moscow, Apr. 10, 2017*]. Moscow, GUU, 2017. 276 p.
5. Beshliu I. V. Problemy podgotovki rabochikh kadrov v uchebnom tsentre OAO “RZHD” [*Problems of training working personnel in the training center of Russian Railways*]. Reshetnevskie chteniya [*Reshetnev readings*], 2017, pp. 546-547. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-podgotovki-rabochih-kadrov-v-uchebnom-tsentre-oao-rzhd/viewer> (accessed 13.02.2020).
6. Bozhechkova A. V., Klyachko T. L., Knobel’ A. Yu., Loshchenkova A. N., Lyubimov I. L., Sinel’nikov-Murylev S. G. Obrazovanie i ekonomicheskii rost: sbornik nauchnykh dokladov [*Education and economic growth: a collection of scientific papers*]. Moscow, Delo, 2019. 120 p. (Nauchnye doklady: obrazovanie).
7. Larina T. N., Vygolova I. N., Ben’kovskaya L. V. Statisticheskoe issledovanie kadrovogo potentsiala regional’nogo rynka truda: monografiya [*Statistical research of the regional labor market personnel potential: monograph*]. Orenburg, OGAU, 2017. 215 p.
8. L’vov D. S. Missiya Rossii: sbornik nauchnykh trudov [*Russian Mission: collection of scientific papers*], pod nauch. red. S. Yu. Glaz’eva i B. A. Erznyana. Moscow, GUU, 2008. 120 p.
9. Makoveeva A. 20 tysyach abortov v god delayut zhitel’nitsy Altaiskogo kraia [*20 thousand abortions per year are made by residents of the Altai Territory*]. Informatsionnoe Agentstvo “Amitel”, [*Information Agency “Amitel”*], 2019, Apr. 17. Available at: <https://www.amic.ru/news/438304/> (accessed 13.02.2020).
10. Materialy kruglogo stola zhurnala “Strategiya Rossii” [*Proceedings of the round table of the journal “Strategy of Russia”*], 2015, no. 9. Available at: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1441531319&archive=1443713139&start_from=&ucat=14& (accessed 13.02.2020).

11. Podgotovka kadrov po naibolee vostrebovannym i perspektivnym professiyam i spetsial'nostyam v rossiiskikh regionakh: problemy i perspektivy: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Astrakhan', 22 noyab. 2018 g. [*Training of personnel in the most demanded and promising professions and specialties in Russian regions: problems and prospects: proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Astrakhan, Nov. 22, 2018*], red. kol.: O. P. Zhigul'skaya i dr. Astrakhan', Mini tip. AGPK, 2018. 135 p.
12. Ruvinskii V. Kogda zakonchitsya derevnya [*When will the village end*]. Vedomosti, March 28, 2018. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/03/29/755244-zakonchitsya-derevnya>. (accessed 13.02.2020).
13. Sotsial'nye efekty razvitiya sistemy podgotovki rabochikh kadrov i formirovaniya prikladnykh kvalifikatsii: materialy Mezhgional'noi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Nizhnii Novgorod, 19 dek. 2016 g. [*Social effects of development of the system of training of workers and formation of applied qualifications: materials of the Interregional Scientific and Practical Conference by correspondence. Nizhny Novgorod, Dec. 19, 2016*], otv. red. A. Yu. Petrov. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii institut razvitiya obrazovaniya, 2017. 119 p.
14. Spasskaya I. Yu. Formirovanie professional'noi otvetstvennosti rabocheho v dual'nom obuchenii: avtoref. diss. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 [*Formation of professional responsibility of a worker in dual training: thesis of Cand. sci. (Pedagogy) dis.: 13.00.08*], Orenburg. gos. ped. un-t. Orenburg, 2018. 24 p.
15. Stepanov A. A. Sovershenstvovanie sistemy podgotovki rabochikh kadrov v Rossiiskoi Federatsii na osnove metodiki otsenki effektivnosti deyatel'nosti obrazovatel'nykh organizatsii: avtoref. diss.... kand. ekon. nauk: 08.00.05 [*Improvement of the system of personnel training in the Russian Federation on the basis of the method of evaluation of efficiency of the educational organizations activity: thesis of Cand. sci. (Economy) dis.: 08.00.05*], REU im. G. V. Plekhanova. Moscow, 2019. 24 p.
16. Filimonov V. A. Shkola trudolyubiya. Mezhskol'nomu uchebnomu kombinatu Penzy – 35 let [*School of industriousness. Penza Interschool Training Plant is 35 years old*]. Moscow, Penaty, 2014. 256 p.
17. Shlyk N. L. Problema podgotovki kadrov pri perekhode ekonomiki k novomu tekhnologicheskomu ukladu [*The problem of training in the transition of the economy to a new technological structure*]. Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii [*Power and Administration in the East of Russia*], 2019, no. 1 (86). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-podgotovki-kadrov-pri-perekhode-ekonomiki-k-novomu-tehnologicheskomu-ukladu> (accessed 13.02.2020).

Астафьева Ольга Евгеньевна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3957-790X
e-mail: aoe@list.ru

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА СИСТЕМУ ОПЕРЕЖАЮЩЕЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

Аннотация. Проанализирована возможность применения новой формы подготовки кадров по принципу открытой системы, включающей модули обучения, встраиваемые в образовательную программу на основе «лучших практик». При реализации образовательной программы расширен круг участников. Участниками являются вузы-партнеры и предприятия, предоставляющие доступ к новым технологиям и материально-технической базе. Предложенная практико-ориентированная модель образования, позволяет сформировать рациональный механизм софинансирования образовательных программ всеми ее участниками. Предложен подход к подготовке кадров с заделом высокого профессионального роста на основе практико-ориентированной образовательной среды. Проведенный анализ нормативных правовых актов позволил определить наиболее эффективные формы взаимодействия участников образовательной платформы и новые принципы организации опережающей подготовки кадров. Определена роль инновационных научно-технологических центров в формировании новой модели подготовки кадров.

Ключевые слова: практико-ориентированный подход, образовательная программа, система опережающей подготовки кадров, открытая система, лучшие практики, федеральный государственный образовательный стандарт, профессиональный стандарт, примерная основная образовательная программа, инновационный научно-технологический центр.

Цитирование: Астафьева О.Е. Практико-ориентированный подход формирования образовательных программ при переходе на систему опережающей подготовки кадров//Вестник университета. 2020. № 3. С. 19–25.

Astafyeva Olga
Candidate of Economic Sciences,
State University of Management,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3957-790X
e-mail: aoe@list.ru

PRACTICE-ORIENTED APPROACH TO THE FORMATION OF EDUCATIONAL PROGRAMS AT THE TRANSITION TO THE SYSTEM OF ADVANCED TRAINING

Abstract. The possibility of applying a new form of personnel training on the principle of an open system that includes training modules that are embedded in the educational program based on «best practices» has been analysed. When implementing the educational program, the circle of participants has been expanded. The participants are partner universities and enterprises that provide access to new technologies and material and technical base. The proposed practice-oriented model of education allows us to form a rational mechanism for co-financing educational programs by all its participants. An approach to personnel training with a reserve of high professional growth based on a practice-oriented educational environment has been proposed. The conducted analysis of normative legal acts has made it possible to determine the most effective forms of interaction between participants in the educational platform and new principles for organizing advanced training. The role of innovative scientific and technological centers in the formation of a new model of personnel training has been determined.

Keywords: practice-oriented approach, educational program, advanced training system, open system, best practices, Federal state educational standard, professional standard, approximate basic educational program, innovative scientific and technological center.

For citation: Astafyeva O.E. (2020) Practice-oriented approach to the formation of educational programs at the transition to the system of advanced training. *Vestnik universiteta*. 1. 3, pp. 19–25. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-19-25

В системе образования при подготовке высококвалифицированных специалистов следует применить новую форму подготовки кадров по принципу открытой системы, в которую встраивается модульная система с практико-ориентированными элементами и с возможностью их реализации различными вузами с наилучшим набором реализации компетенций по сетевой форме обучения.

Для формирования системы опережающей подготовки кадров необходим «конструктор» подготовки кадров под прорывные технологии с включением компетенций под будущие перспективные профессии и специальности, что позволит обеспечить рынок труда высококвалифицированными кадрами, а также получить доступ к современной материально-технической и учебно-методической базе предприятий-партнеров при подготовке кадров [5].

При реализации образовательной программы на начальном этапе необходимо не менее двух вузов-партнеров, являющихся центрами компетенций и несколько практико-ориентированных центров, обладающих современными технологиями и материально-технической базой.

В связи с изменением финансирования образовательных организации современный вуз вынужден повышать уровень самофинансирования и на сегодняшний день единственным способом материально-технического обеспечения учебного процесса становится договор с предприятием на открытие базовой кафедры, что позволяет приблизить слушателя образовательной программы к последним достижениям в области передовых технологий производства. Однако ряд юридических факторов не позволяют увязать базовые кафедры на предприятиях с организацией учебного процесса по образовательной программе, к тому же не все компании способны постоянно модернизировать технологии производства.

С 2019 г. появились изменения по организации целевого приема. Так, на основании Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 337 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования целевого обучения» (далее – ФЗ № 337) совершенствован механизм целевого обучения по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования.

На основании ФЗ № 337 с 1 января 2019 г. заказчиками целевого обучения по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования смогут стать индивидуальные предприниматели [1]. Установлено, что гражданин, поступающий на обучение по образовательной программе среднего профессионального или высшего образования либо обучающийся по соответствующей образовательной программе, вправе заключить договор о целевом обучении с федеральным государственным органом, органом государственной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем.

Однако существует ряд недостатков, не позволяющих в полном объеме сформировать необходимый перечень компетенций слушателя программы подготовки. К ним относятся скорректированные условия договора о целевом обучении, из которого исключено обязательство заказчика об организации учебной, производственной и преддипломной практики гражданина, что изначально не гарантирует возможности получить навыки работы на предприятии заказчика целевого обучения и тем самым получить доступ к технологиям и материально-технической базе предприятия-заказчика целевого обучения.

Вузы не могут поддерживать на современном уровне научно-исследовательские лаборатории, своевременно внедрять в образовательный процесс новые технологии, развивать обеспечивающую образовательный процесс инфраструктуру [7; 9]. Предлагаемый на основе Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 273) способ доступа к новым технологиям путем создания базовых кафедр на предприятиях не позволяет полностью решить проблему соответствия материально-технического обеспечения [2]. В силу действующего законодательства деятельность базовой кафедры, являющейся по гражданскому законодательству обособленным подразделением вуза, должна пройти лицензирование как самостоятельное образовательное учреждение. При взаимодействии вуза и предприятия при реализации образовательной программы на базовых кафедрах предприятия нарушаются лицензионные требования при осуществлении образовательной деятельности (пп. «г» п. 7 Положения о лицензировании образовательной деятельности, утвержденного Постановлением Правительства от 28 октября 2013 г. № 966 «О лицензировании образовательной деятельности») [4].

Таким образом, на данный момент открытие подобного рода кафедр на территории расположения предприятия возможно только при открытии филиала вуза, что обладает рядом недостатков, связанных

не только с тем, что подобная форма взаимодействия затруднительна для предприятий, но и с тем, что для филиалов применяются показатели оценки эффективности деятельности, равнозначные оценке вузов (например, индекс публикационной активности) и недостижимые для филиала, что приводит к их закрытию. В этой связи необходимо обеспечить создание базовых кафедр без получения специальной лицензии на образовательную деятельность, но с включением данных базовых подразделений с указанием юридического адреса предприятия, на котором расположена базовая кафедра, в лицензию на образовательную программу вуза в целом. Предложения по изменению правовой процедуры открытия базовых кафедр на предприятиях и внесению изменений в ФЗ № 273 рассматриваются с 2016 г. Однако до сих пор вопрос находится в стадии обсуждения. В сложившейся ситуации при прохождении процедуры лицензирования вузы вынуждены применять иные формы взаимодействия между вузом и предприятием, в частности путем заключения договора о сетевой форме реализации образовательной программы (вариант использования ресурсов иных организаций), по которому предприятие предоставляет ресурсы, а вуз оплачивает их использование при реализации образовательной программы в сетевой форме. При таком подходе предметом договора является не новая структура образовательной организации, а обеспечение образовательного процесса различными ресурсами, что требует от сторон сетевого партнерства прописывать регламент сетевого взаимодействия между ними с учетом охвата всего образовательного процесса подготовки специалистов различного уровня и оценки требуемых ресурсов на перспективу, что не всегда возможно указать в силу специфики вуза и предприятия в положениях договора.

Таким образом, договор о сетевой форме реализации образовательной программы (вариант использования ресурсов иных организаций) не является основанием открытия базовой кафедры, поскольку направлен на регулирование иного предмета взаимодействия сторон договора, который является вторичным по отношению к вопросу формирования базовых кафедр на предприятиях. Это не позволяет говорить об интеграции вуза и предприятия в образовательном процессе и не решает полностью задачи повышения конкурентоспособности кадров и реализации практико-ориентированных образовательных программ, а также не способствует заинтересованности предприятий участвовать в сетевой форме обучения в силу появления у предприятий не только соответствующих налоговых обязанностей, но и обязанности указывать предоставляемое в образовательном процессе материально-техническое обеспечение, обеспечивающее деятельность в оборонно-промышленном комплексе.

Анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих подготовку кадров, показывает некоторую оторванность образовательного процесса от потребностей работодателя из-за сложности в обеспечении доступа к новым технологиям в образовательном процессе, что еще раз подтверждает необходимость модернизации системы подготовки кадров в Российской Федерации.

Образовательные программы, сформированные на основе Федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС), содержат академически-ориентированную модель организации обучения. Разработка профессиональных стандартов и актуализация на их основе программ подготовки позволяет их переориентировать на практико-ориентированную модель, позволяющую получить профессиональные компетенции необходимые непосредственно для трудовой деятельности.

Одной из разновидностей практико-ориентированной модели является система дуального образования, которая позволяет получить новые источники финансирования подготовки кадров, так как нормативно-подушевое финансирование образовательной деятельности для вузов не позволяет подготовить высококвалифицированного специалиста. Возможность софинансирования подготовки кадров со стороны предприятия, заинтересованного в специалисте, и региональных властей, заинтересованных в развитии экономики и повышении уровня жизни в регионе, позволит частично решить этот вопрос [6; 8].

При формировании образовательных программ вузы включают требования из основных источников информации о требованиях к профессиональным квалификациям, к которым относятся:

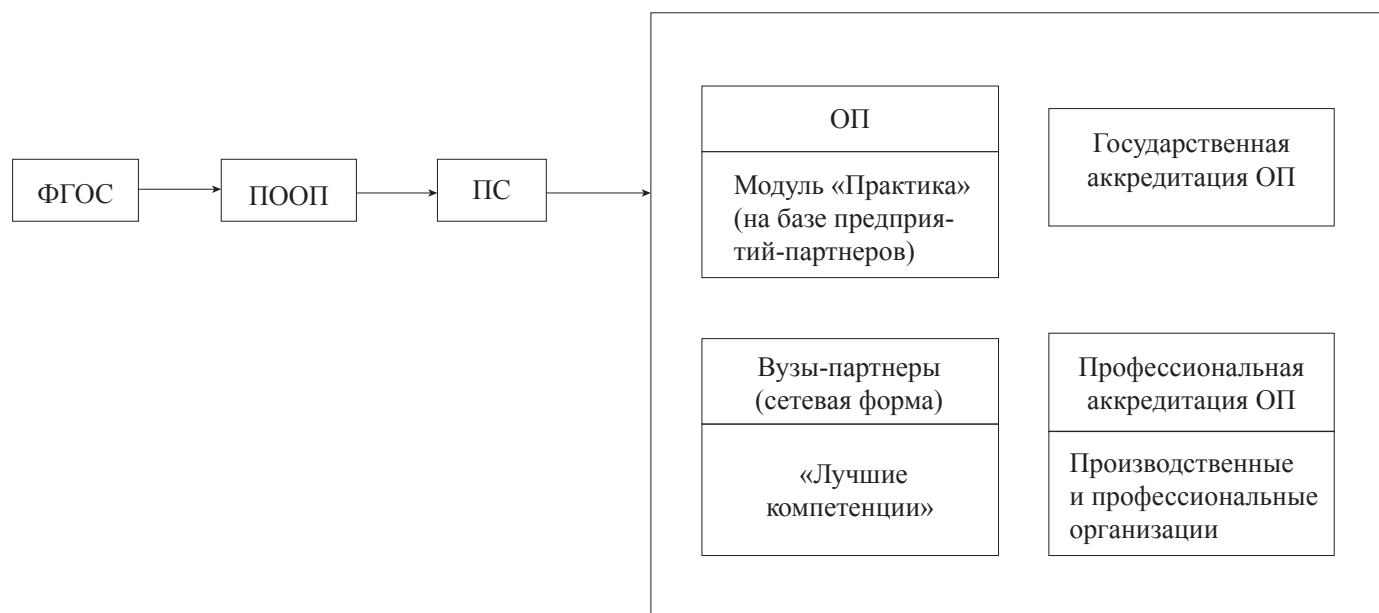
- 1) Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих (ЕКС), Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих (ЕТКС), Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД);
- 2) должностные инструкции;
- 3) опросы работодателей;

- 4) отраслевые стандарты;
- 5) нормативно-правая база, определяющая сферы трудовой деятельности;
- 6) локальные нормативные акты.

В ходе оценки образовательных программ следует проводить анализ соответствия квалификационных требований профессиональных стандартов и федеральных государственных образовательных стандартов при подготовке специалистов по различным направлениям подготовки.

При подготовке высококвалифицированных кадров для отраслей экономики важно иметь доступ к прорывным технологиям предприятий во время обучения слушателей по образовательным программам вуза.

Необходимо сформировать «практико-ориентированную образовательную среду» (рис. 1), главным результатом функционирования которой станет выпуск специалистов с заделом высокого профессионального роста и возможностью быстрой адаптации к изменяющейся технологической среде и новым бизнес-направлениям компаний, а также изменение принципов и способов профориентационной работы.

ПООП – примерная основная образовательная программа; ФГОС – федеральный государственный образовательный стандарт; ПС – профессиональный стандарт; ОП – образовательная программа

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Практико-ориентированный подход формирования образовательных программ подготовки кадров

На базе вузов-партнеров осуществляется образовательный процесс, внутри которого Модуль «Практики» (Блок 2 по ФГОС) будет реализовываться на базе предприятий-партнеров, начиная с первого года подготовки слушателя образовательной программы.

Принципы организации опережающей системы подготовки кадров, представлены на рисунке 2.

Включение в подготовку практико-ориентированных и проектно-ориентированных модулей позволит осуществлять разработки и внедрять в опытное производство результаты научных работ студентов, что повысит уровень подготовки кадров в образовательных организациях.

На сегодняшний момент, объединить вузы и предприятия-партнеры можно на территории инновационных научно-технологических центров на основании Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 216 «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 216) [3]. Однако инновационные научно-технологические центры (далее – ИНТЦ) представляют собой соединение юридических лиц, целью деятельности которых является осуществление научно-технической деятельности на определенной территории на основе правил проекта. Инновационный научно-технологический центр, как соединение юридических лиц, входящих в его состав, гражданской правосубъектностью не обладает, поэтому часть взаимоотношений между управляющей компанией и образовательной

организацией будет решаться на основе гражданско-правовых договоров. Важным документом во взаимоотношении юридических лиц, входящих в состав ИНТЦ, являются правила проекта. Поскольку контроль за соблюдением правил возложен на фонд и управляющую компанию, им предстоит их разрабатывать и утверждать.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Принципы организации опережающей системы подготовки кадров

В процессе управления ИНТЦ управляющая компания вправе организовывать предоставление дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования только путем создания или организации создания частных образовательных организаций, что вызывает серьезные осложнения при организации практики студентов государственных вузов. Так, ст. 21 ФЗ № 216 установлено, что образовательная деятельность на территории ИНТЦ осуществляется инициатором проекта, а также иными организациями, осуществляющими образовательную деятельность, на основании выданных управляющей компанией разрешений, без получения ими лицензий на осуществление образовательной деятельности и без получения государственной аккредитации образовательной деятельности [3].

Важно отметить, что правила осуществления образовательной деятельности на территории ИНТЦ разрабатываются и утверждаются управляющей компанией, но требования к образовательной деятельности должны быть не ниже установленных законодательством Российской Федерации и (или) международными стандартами.

Таким образом, на основе представленного анализа способов взаимодействия участников в организации образовательного процесса, при формировании практико-ориентированных образовательных программ следует исходить из направлений деятельности будущих выпускников и с учетом этого подбирать варианты взаимодействия вуза и предприятий-партнеров.

Конструирование новой модели подготовки кадров по принципу «лучшие практики» способно за счет обеспечения вариативности модулей и их реализации на территории тех участников открытой образовательной системы, которые обладают более современной научно-исследовательской и материально-технической базой сформировать адаптивную к рыночным условиям систему подготовки выпускников, своевременно реагирующую на потребности работодателей, появление новых компетенций и прорывных технологий, требующих новых навыков и знаний от современных выпускников вузов.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 03.08.2018 № 337-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования целевого обучения» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304070/ (дата обращения: 28.01.2020).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 28.01.2020).
3. Федеральный закон от 29.07.2017 № 216-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221172/ (дата обращения: 28.01.2020).
4. Постановление Правительства РФ от 28.10.2013 № 966 (ред. от 12.12.2019) «О лицензировании образовательной деятельности» (вместе с «Положением о лицензировании образовательной деятельности») // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153731/ (дата обращения: 28.01.2020).
5. Астафьева, О. Е. Анализ необходимости перехода на систему опережающей подготовки кадров для инновационного развития экономики // Вестник университета. – 2019. – № 7. – С. 32-36.
6. Григорьев, Е. Н., Латыпова, Р. М. Реализация элементов дуального обучения в образовательном процессе вуза // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сборник статей по материалам XI международной научно-практической конференции. Новосибирск, 31 янв. – 08 фев. 2018 г. Т. 2 (11). – Новосибирск: СибАК, 2018. – С. 42-47.
7. Карминская, Т. Д., Кучин, Р. В., Нехорошева, А. В., Ковалев, В. З., Тей, Д. О. Результаты реализации системы практико-ориентированной подготовки кадров для предприятий и организаций региона // Формирование сети опорных региональных университетов: сборник докладов научно-методической конференции. Томск, 25-26 сент. 2015 г. – Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2015. – С. 52-54.
8. Лобанов, А. П., Дроздова, Н. В. Модульный подход в системе высшего образования. Основы структурализации и метапознания. – Мн: РИВШ, 2016. – С. 42-43.
9. Скрыбин, В. Н., Миляева, И. В., Соколова, Е. В., Христин, Т. Ю., Валуева, Т. В., Выскубова, Т. В. Модель интеграции вузов, осуществляющих многоуровневую практико-ориентированную подготовку рабочих и специалистов, в региональную систему подготовки кадров для высокотехнологичных и наукоемких производств // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. – 2017. – № 3. – С. 115-124.

References

1. Federal'nyi zakon ot 03.08.2018 № 337-FZ "O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v chasti sovershenstvovaniya tselevogo obucheniya" [*Federal Law dated on August 3, 2018 No. 337 "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Part of Improving Targeted Education"*], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304070/ (accessed 28.01.2020).
2. Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 № 273 (red. ot 26.07.2019) "Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii" [*Federal Law dated on December 29, 2012 (Ed. of 26.07.2019) No. 273 "On Education in the Russian Federation"*], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed 28.01.2020).
3. Federal'nyi zakon ot 29.07.2017 N 216 (red. ot 26.07.2019) "Ob innovatsionnykh nauchno-tehnologicheskikh tsentrakh i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii" [*Federal Law dated on July 29, 2017 (Ed. of 26.07. 2019) No. 216 "On Innovative Science and Technology Centers and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation"*], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221172/ (accessed 28.01.2020).
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.10.2013 № 966 (red. ot 12.12.2019) "O litsenzirovanii obrazovatel'noi deyatel'nosti" (vmeste s "Polozheniem o litsenzirovanii obrazovatel'noi deyatel'nosti") [*The Decree of the Government of the Russian Federation from 28.10.2013 № 966 (ed. from 12.12.2019) "About licensing of educational activity" (together with "Regulations on licensing of educational activity")*], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153731/ (accessed 28.01.2020).
5. Astaf'eva O. E. Analiz neobkhodimosti perekhoda na sistemu operezhayushchei podgotovki kadrov dlya innovatsionnogo razvitiya ekonomiki [*Analysis of the need to switch to a system of advanced training for innovative development of the economy*]. Vestnik Universiteta, 2019, no. 7, pp. 32-36.
6. Grigor'ev E. N., Latypova R. M. Realizatsiya elementov dual'nogo obucheniya v obrazovatel'nom protsesse vuza [*The implementation of the elements of dual learning in the educational process of the university*]. Eksperimental'nye i teoreticheskie

- issledovaniya v sovremennoi nauke: sbornik statei po materialam XI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Novosibirsk, 31 yanv. – 8 fev. 2018 g. T. 2 (11). [*Experimental and theoretical research in modern science: a collection of articles based on the materials of the XI international scientific-practical conference. Novosibirsk, January 31 – February 8, 2018*]. Novosibirsk, SibAk, 2018, pp. 42-47.
7. Karminskaya T. D., Kuchin R. V., Nekhorosheva A. V., Kovalev V. Z., Tei D. O. Rezul'taty realizatsii sistemy praktiko-orientirovannoi podgotovki kadrov dlya predpriyatii i organizatsii regiona [*The results of the implementation of a system of practice-oriented training for enterprises and organizations in the region*]. Formirovanie seti opornykh regional'nykh universitetov: sbornik dokladov nauchno-metodicheskoi konferentsii. Tomsk, 25-26 sent. 2015 g. [*Formation of a network of supporting regional universities: collection of reports of a scientific and methodological conference. Tomsk, September 25-26, 2015*]. Khaty-Mansiisk, YuGU, 2015, pp. 52-54.
 8. Lobanov A. P., Drozdova N. V. Modul'nyi podkhod v sisteme vysshego obrazovaniya. Osnovy strukturalizatsii i metapoznaniya [*A modular approach to higher education. Fundamentals of structuralization and metacognition*]. Mn., RIVSh, 2016, pp. 42-43.
 9. Skryabin, V. N., Milyaeva, I. V., Sokolova, E. V., Khristich, T. Yu., Valueva, T. V., Vyskubova, T. V. Model' integratsii vuzov, osushchestvlyayushchikh mnogourovnevnyu praktiko-orientirovannuyu podgotovku rabochikh i spetsialistov, v regional'nyu sistemu podgotovki kadrov dlya vysokotekhnologichnykh i naukoemkikh proizvodstv [*Model of integration of higher education institutions carrying out multilevel practice-oriented training of workers and specialists in the regional system of training for high-tech and knowledge-intensive industries*]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika [*Proceedings of Tula State University. Pedagogy*], 2017, no. 3, pp. 115-124.

Евдокимова Юлия Григорьевна

студент магистратуры, ФГБОУ ВО
«Государственный университет управле-
ния», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-7714-6601

e-mail: juicekon@mail.ru

Сычёва Светлана Михайловна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государствен-
ный университет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-2889-6892

e-mail: sychevasm@mail.ru

Шрамченко Тамара Борисовна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государствен-
ный университет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0031-2197

e-mail: tomashram2011@gmail.com

Evdokimova Yuliya

Graduate student, State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7714-6601

e-mail: juicekon@mail.ru

Sycheva Svetlana

Candidate of Economic Sciences, State
University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2889-6892

e-mail: sychevasm@mail.ru

Shramchenko Tamara

Candidate of Economic Sciences, State
University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0031-2197

e-mail: tomashram2011@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ: РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ И РЕСУРСОСБЕРЕЖЕНИЕ

Аннотация. В статье рассмотрены крупнейшие экологические проблемы России, прослежена их связь с тенденциями развития экономики страны и наследием советского периода, рассмотрены направления реализации проектов в сфере экологии, а также проблемы их реализации, проведено сравнение с практикой осуществления экологических проектов развитых стран. Сегодня, как мы видим, вопрос экологии стоит не на последнем месте. Негативное воздействие человечества на окружающую среду достигло угрожающего уровня. Наблюдается постоянное обновление, а также разработка новых технологий и методик по предотвращению экологических проблем в стране. Успешная реализация экологических проектов напрямую зависит от уровня образованности и вовлеченности населения в решении экологических вопросов.

Ключевые слова: экологический проект, природные зоны, загрязнение природной среды, выбросы, переработка мусора, осознанное потребление, природосбережение, возобновляемые ресурсы, экологическая катастрофа.

Цитирование: Евдокимова Ю.Г., Сычёва С.М., Шрамченко Т.Б. Проблемы управления проектами в сфере экологии: рациональное природопользование и ресурсосбережение // Вестник университета. 2020. № 3. С. 26–31.

PROJECT MANAGEMENT ISSUES IN THE FIELD OF ECOLOGY: RATIONAL NATURE USE AND RESOURCE SAVING

Abstract. The largest environmental issues in Russia have been considered in the article, their relationship with the development trends of the country's economy and the legacy of the Soviet period has been traced, the directions of projects in the field of ecology, as well as the problems of their implementation have been reviewed, these issues have been compared with the practice of environmental projects in developed countries. Today, as we see, the issue of ecology is not in last place. The negative impact of humanity on the environment has reached an alarming level. There is a constant update, as well as the development of new technologies and techniques to prevent environmental problems in the country. Successful implementation of environmental projects directly depends on the level of education and the involvement of the population in solving environmental issues.

Keywords: ecological project, natural zones, environmental pollution, emissions, waste recycling, informed consumption, environmental conservation, renewable resources, environmental disaster.

For citation: Evdokimova Yu.G., Sycheva S.M., Shramchenko T.B. (2020) Project management issues in the field of ecology: rational nature use and resource saving. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 26–31. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-26-31

Проекты в сфере экологии представляют собой проекты, нацеленные на решение существующих экологических проблем, их предотвращение и просвещение населения по части дружественного отношения и способа жизни в окружающей природной среде. Целью реализации таких проектов является охрана связи растений и животных, в том числе человека, с их физической и биологической средой обитания, своевременное предотвращение экологических катастроф, а также ликвидация уже имеющихся последствий человеческой деятельности. Экологическое проектирование развивается как отдельное направление по сохранению физической среды обитания на Земле.

© Евдокимова Ю.Г., Сычёва С.М., Шрамченко Т.Б., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Управление проектами в сфере экологии строится на базовых предпосылках реализации проектной деятельности, которые включают выявление решаемой проектом проблемы, ожидаемых от его реализации результатов, методов осуществления, планирования работ и задач, поиск и назначение ресурсов, исполнителей, ответственных и руководителей, источников финансирования, способов предоставления отчетности.

Предметом управления проектами в сфере экологии является не только изучение окружающей среды, в которой обитают живые организмы, но и выявление всех факторов, которые могут оказывать влияние или которые уже повлияли на жизнь живых организмов в их естественной среде обитания. Из вышесказанного следует, что экология является очень сложной и всеобъемлющей научной дисциплиной [8].

Специфика управления проектами в сфере экологии на сегодняшний день определяется разным уровнем экологического сознания населения (и даже его групп) разных стран мира. В большинстве развитых государств экологическое сознание большинства населения находится на высоком уровне, что проявляется как в бытовом поведении (сортировка мусора, использование разлагаемой тары и др.), так и в бизнес-среде (предприниматели охотно инвестируют средства в экологические проекты как экономически рентабельные и улучшающие социальный имидж своих инвесторов и спонсоров).

В менее развитых странах наблюдается в целом более низкий уровень экологического сознания, что в заметной мере затрудняет реализацию проектов, направленных на природосбережение и улучшение состояния окружающей природной среды, за счет:

- потребительского отношения к природным ресурсам без инициатив по их восстановлению;
- нарушения законов при истреблении охраняемых биологических и геологических ресурсов (лесное браконьерство, незаконная добыча полезных ископаемых, охота и собирательство в заповедниках и заказниках, разведение костров в лесах и др.);
- низкой мотивации бизнес-структур к реализации предпринимательства или спонсорства в сфере экологии и участию в экологических проектах по причине непонимания их важности для бизнеса и комфортной жизни человечества.

Несмотря на низкий уровень экологических инициатив в таких странах, уровень экономической активности и загрязнения окружающей среды в них год от года растет, что приводит к возникновению серьезных проблем, которые без должного внимания к их решению могут консервироваться или разрастаться десятилетиями.

Ожидать от населения стран третьего мира развитого экологического понимания до тех пор, пока их единственной целью является выживание, невозможно. В такой ситуации состояние экологии – последнее, о чем задумается человек, которому нечего есть и пить. Однако это состояние не изменится, если развитые и богатые страны будут продолжать решать только свои собственные экологические проблемы, игнорируя ужасное состояние бедных стран [9].

В результате такого отношения сформированы самые большие загрязнения на нашей планете.

Так, вторая страна по количеству населения в мире и рекордсмен по количеству бедного населения – Индия – является главным лидером по количеству свалок и росту отходов (160 тыс. т ежедневно).

Крупная доля загрязнений на планете приходится на использование ископаемого топлива. Общество пока немыслимо без бензина, нефти и угля, поскольку они доминируют в индустриальном мире и являются основой экономики многих стран. Важно отметить, что развитые государства больше сосредоточены на снижении загрязнений, являющихся последствием использования ископаемых видов топлива, а не на развитии и продвижении альтернативных энергетических ресурсов (энергия ветра, солнца и геотермальная энергия).

Крупные производства богатых и развитых государств чаще всего располагают свои неэкологичные «грязные» производства на территории бедных стран, которые не имеют ни соответствующих знаний, ни средств для заботы об экологии и в значительной степени зависят от устаревших технологий. Однако обе стороны объединены общей экосистемой и в конечном итоге пострадают все, ведь, как гласит высказывание древних Упанишад, «когда срывают травинку, вздрагивает вся Вселенная». Люди до сих пор не имеют столь необходимой экологической совести и не видят, что только они ответственны за спасение нашей планеты [9].

Сейчас люди должны научиться быть более чем когда-либо преданными сохранению своей естественной среды обитания. Например, использование новейших технологий должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечивать мирное сосуществование экологии и промышленности, при этом

упор должен быть сделан прежде всего на использование более экологичных энергетических ресурсов. К таким возобновляемым энергетическим источникам относятся, например, ветер, вода и солнце [8].

Для решения экологических проблем также требуется должная законодательная поддержка, которая с одной стороны должна затруднять использование технологий, оказывающих негативное воздействие на экологию, а с другой создавать благоприятные условия для развития, внедрения и применения только тех технологий, которые не оказывают или оказывают лишь минимальное негативное воздействие на окружающую среду. Пассивного наблюдения недостаточно, особенно сейчас, когда мы стали свидетелями стольких экологических катастроф [9].

К крупнейшим современным экологическим проблемам России можно отнести:

- загрязнение воздуха тяжелой промышленностью, выбросы угольных электростанций и транспорта в крупных городах;
- промышленное, коммунальное и сельскохозяйственное загрязнение внутренних водных путей и морского побережья;
- вырубку лесов;
- эрозию почв;
- загрязнение почв в результате неправильного применения сельскохозяйственных химикатов;
- рассеянные районы иногда интенсивного радиоактивного загрязнения; загрязнение подземных вод токсичными отходами;
- управление твердыми городскими отходами;
- заброшенные запасы устаревших пестицидов [7, с. 91].

Решение данных проблем реализуемо в рамках проектной деятельности в сфере экологии и природоохраны. Под экологическими проектами в данном контексте будем понимать проекты, направленные на сохранение чистой природной среды и рациональное природопользование: сбор и переработку вторичного сырья; развитие экокультуры на предприятиях (организацию сбора вторсырья, одежды, которую можно отдать на благотворительность, макулатуры, книг для детских домов, сельских библиотек и т. д.); развитие осознанного потребления у населения.

Несмотря на многообразие проектных идей и инициатив, находящих приложение и активную поддержку по всему миру, в России они почти не реализованы. В результате этого российское экологическое движение является на сегодняшний день низко результативным. Еще семь десятилетий советской власти оставили после себя облуженные ландшафты и морские экосистемы, иссушенное внутреннее море, загрязненные реки и токсичный городской воздух как напоминание о последствиях стремления к индустриализации любой ценой. Россия и другие советские республики ответили на давление долгой и дорогостоящей холодной войны развитием ориентированной на оборону, одержимой производством экономики в условиях экологического опустошения [3].

На сегодняшний день ситуация с реализацией экологических проектов в России улучшилась незначительно. Причины тому многочисленны: отсутствие экономической инфраструктуры разработки и финансирования таких проектов, их технической поддержки, а также законодательных стимулов к их реализации на местном уровне. Несмотря на разнообразие проявлений неразвитости подходов и инициатив в сфере экологии, их единым источником выступает низкое, чаще всего отсутствующее осознание россиянами (как рядовыми, так и государственными деятелями) важности и значимости охраны природы для здоровья и благополучия человека [1].

Охрана окружающей среды не является приоритетной задачей в сознании нации, поскольку обширные территории и природные богатства страны при относительно низкой заселенности позволяют до поры до времени «не замечать» накапливаемых загрязнений – если одна территория стала непригодной для жизни или ведения хозяйства вследствие высокой загрязненности или экологической катастрофы, то всегда есть возможность перейти на другую, чистую и плодородную. Поэтому население страны и ее руководство ставят в приоритет цели достижения экономического благополучия, технологических нововведений, повышающих производительность труда и уровень доходов, при этом почти полностью игнорируя те вредные эффекты от производства, потребления и технологизации, которые испытывает на себе окружающая среда и которые делают непригодными для жизни человека и других существ ее ресурсы.

В новой России краткосрочные экономические желания одерживают верх над долгосрочными интересами страны. Представители бизнеса признаются, что экологические приоритеты в их деятельности не являются вторыми после экономических, они близки к последнему месту [7].

В результате такого отношения наметилось немало угрожающих экологических кризисов: угледобывающие и металлургические центры, которые сильно загрязнили и воздух, и воду, и обширные территории опустошенного ландшафта; Уральский промышленный район, полоса промышленных городов, идущая вдоль Южного Урала от Перми на севере до Магнитогорска вблизи границы с Казахстаном (район с сильным загрязнением воздуха и воды, а также радиоактивным загрязнением вблизи города Кыштыма); Кольский полуостров на крайнем северо-западе, где добыча цветных металлов и металлургические операции, сосредоточенные на никелевых запасах региона, создали загрязнение воздуха, которое дрейфует на запад через Северную Скандинавию; Республика Калмыкия, где неправильная сельскохозяйственная практика привела к эрозии почв, опустыниванию и химическому загрязнению; и Московская область, которая страдает от высоких уровней промышленного и автомобильного загрязнения воздуха и неправильного удаления низкоактивных радиоактивных отходов. Эксперты также назвали пять районов сильного загрязнения воды: Черное море, Каспийское море, Азовское море к северу от Черного моря, река Волга и озеро Байкал [4].

Каждая из природных зон России подверглась деградации определенного рода. В тундре наибольший ущерб наносится добыче и транспортировке полезных ископаемых сырыми методами. В хрупких тундровых местообитаниях разливы нефти, утечки в трубопроводах природного газа и сжигание природного газа разрушают северные болотистые экосистемы, на естественную очистку которых уходят многие годы [6].

Текущую ситуацию не улучшает тот факт, что в 2000-х гг. российская промышленность стала активно производить полихлорированные бифенилы, высокотоксичные химические вещества, запрещенные в США и в других промышленно развитых странах много лет назад, для производства трансформаторов. Поскольку у России не было средств для перехода на альтернативные технологии, она планировала продолжать производство полихлорированных бифенилов до 2005 г. и не уничтожать свои последние запасы до 2020 г.

Производство целлофана, пластмасс и других полипропиленовых материалов, нашедших широкое применение в массовом потреблении в качестве упаковки для потребительских и промышленных товаров, надежно обеспечивающих их целостность и сохранность и являющихся коммерчески выгодными, нанесло непоправимый удар по состоянию природных сред – почвы и воды. Это приводит к насыщению почв и выращиваемых на них продуктов питания токсинами, а питьевой воды даже из самых чистых водоемов, таких как озеро Байкал, – тоннами неразлагаемого микропластика.

Отходы потребления и производств вследствие их медленной разлагаемости стали по-настоящему серьезной экологической проблемой современной России. Выходом из сложившейся ситуации может послужить реализация давно укоренившегося в развитых странах мира движения по переработке мусора.

В европейских государствах, США и ряде других стран совершается полная переработка твердых бытовых отходов, благодаря чему достигается безотходность потребления и сохранение природы даже небольших государств с высокой плотностью населения в чистом, близком к первозданному состоянию. Помимо этого, переработка мусора является прибыльным бизнесом, который позволяет добывать производственное сырье из отходов и мусора (пластмассы, черные и цветные металлы и др.) для вторичного использования гораздо дешевле, чем при первичной его экстракции из природных залежей. Однако, несмотря на огромные накопленные ресурсные базы (свалки) для развития мусороперерабатывающих заводов, проекты их строительства практически не реализуются в нашей стране.

На региональном и муниципальном уровне оправдания отсутствию инициатив по сооружению мусороперерабатывающих производств высказывают в виде жалоб на население, которое не способно соблюдать правила раздельного сбора мусора. Конечно, в силу разницы российского и западного восприятия потребления товаров развитие осознанности у российского населения, которое всю жизнь выбрасывало мусор в подъезде или из квартир одним мешком, – процесс тяжелый, трудоемкий и требует больших затрат и вовлеченности.

Но при этом в странах, где подобные проекты успешно действуют на протяжении десятилетий, проблем со способностью населения и ее практическим применением в сортировке бытовых отходов не наблюдается.

В Европе еще с 1990-х гг. население приучали к грамотному отношению к любым вещам, что все они оставляют свой след на Земле и т. д. [2]. Этому способствуют как технологично оборудованные

мусоросборники (которые невозможно украсть или сжечь, как это часто случается в России), а также эффективно действующие системы штрафов за нарушение общественного порядка, в том числе в вопросах раздельного сбора мусора (это могло бы способствовать скорейшему «научению» россиян выбрасывать мусор в разные специально установленные контейнеры, а не по привычке – одним мешком) [1].

Таким образом, реализация проектов в сфере экологии в России – задача не только «приучения» населения, но и стимулирования бизнеса в данной сфере. Ведь в настоящее время в стране существует огромное множество отраслей, которые приносят огромную отдачу в капитал (в сфере добычи, тяжелого производства и т. д.), в сравнении с которой нормы прибыли от мусоропереработки и производства экологических материалов пренебрежимо малы и не привлекают инвесторов перспективой «копаться в отходах».

В результате сложившейся ситуации в бизнес-кругах только набирает обороты освоение природных ресурсов страны, с сопутствующими загрязняющими выбросами.

Некоторые заводы строятся так быстро и небрежно, что нехватка очистных сооружений опустошает целые леса кислотными дождями и токсичными металлами от никелевых и кобальтовых разработок. Городская вода имеет химический вкус, потому что сильные химические вещества используются для борьбы с воздействием большого количества пестицидов и навоза, стекающего с полей фермеров в водные резервуары.

Большинство крупных промышленных центров имеют плохое качество воздуха и воды, а качество воздуха во всех городских центрах является некачественным. Промышленные узлы Кольского полуострова, Центральной Сибири и Урала выделяют особенно большое количество загрязняющих веществ в атмосферу. Быстро растущее число транспортных средств, использующих неэтилированный газ, усугубляет загрязнение воздуха [5].

Большинство автомобилей в России продолжают сжигать этилированное топливо. В начале 2010-х гг. на долю автотранспортных средств приходилось около трети общего объема вредных выбросов в городских и промышленных районах. На сегодняшний день частные автомобили являются самыми крупными загрязнителями воздуха, поскольку Россия принимает культуру частного транспортного средства, что ведет к ежегодному приросту его доли в общем объеме выбросов.

На наш взгляд, сложившаяся ситуация требует проведения политики комплексного стимулирования бизнеса по реализации проектов в сфере экологии – от льготного налогообложения до прямого субсидирования, упрощенной регистрации, что повысит уровень прибыльности подобных проектов до привлекательного для предпринимателей и инвесторов уровня. Подобные меры будут способствовать отвлечению капиталов из загрязняющих окружающую среду видов бизнеса в реализацию проектов по сохранению и восстановлению ее экологии.

Библиографический список

1. Буянова, М. Э., Аверина, И. С., Копылова, Ю. Г. Оценка опыта реализации регионами России экологических проектов на основе государственно-частного партнерства // Региональная экономика. Юг России. – 2017. – № 3 (17). – С. 140-150.
2. Дурновцев, В. И. Экологическая история как образовательный проект и опыты его реализации в США, Западной Европе, России // Экологическая история России: локальные измерения и перспективы интегральных исследований. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Череповец, 5-7 окт. 2017 г. / Отв. ред. О. Ю. Солодянкина. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. – С. 136-150.
3. Иванов, В. А., Кушнир, И. В. Инновации в управлении экологическими проектами в России // Экономическая наука сегодня. – 2014. – № 2. – С. 268-275.
4. Маслова, Л. Д., Некрасов, С. Н. Экологический неоиндустриализм – национальный проект устойчивого развития России // Культурологические чтения – 2018. Межкультурный плюрализм в поликультурном и полиязычном мире: материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 14-15 марта, 2018 г. – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. – С. 213-222.
5. Мурзин, А. Д., Мурзина, С. М. Анализ практики реализации региональных экологических программ в России и за рубежом // Экономика и экология территориальных образований. – 2017. – № 2. – С. 124-133.
6. Отарбабиева, А. А. Зеленая экономика – путь к равновесию между экономикой и природой // Академическая публикастика. – 2018. – № 8. – С. 15-20.
7. Рубанов, И. Н., Нокелайнен, Т. С., Калинин, И. В., Игонин, А. И. Использование официальных статистических показателей для оценки степени устойчивости экономического развития регионов России // Наука. Инновации. Технологии. – 2019. – № 3. – С. 77-94.

8. Ecology and ecological problems [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecological-problems.blogspot.com/2009/01/ecology-and-ecological-problems.html> (дата обращения: 25.01.2020).
9. Lektsii.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lektsii.org/12-35566.html> (дата обращения: 25.01.2020).

References

1. Buyanova M. E., Averina I. S., Kopylova Yu. G. Otsenka opyta realizatsii regionami Rossii ekologicheskikh proektov na osnove gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [*Assessment of experience in the implementation of environmental projects by Russian regions on the basis of public-private partnership*]. Regional'naya ekonomika. Yug Rossii [*Regional Economy. South of Russia*], 2017, no. 3 (17), pp. 140-150.
2. Durnovtsev V. I. Ekologicheskaya istoriya kak obrazovatel'nyi proekt i opyty yego realizatsii v SShA, Zapadnoi Yevrope, Rossii [*Environmental history as an educational project and experiences in its implementation in the USA, Western Europe, Russia*]. Ekologicheskaya istoriya Rossii: lokal'nye izmereniya i perspektivy integral'nykh issledovaniy. Materialy Vserossiiskoi (s mezh-dunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii. Cherepovets, 5-7 okt. 2017 g. [*Ecological History of Russia: Local Dimensions and Prospects for Integral Research. Proceedings of the All-Russian (with international participation) Scientific Conference. Cherepovets, October 5-7, 2017*], otv. red. O. Yu. Solodyankina. Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, 2017, pp. 136-150.
3. Ivanov V. A., Kushnir I. V. Innovatsii v upravlenii ekologicheskimi proektami v Rossii [*Innovations in the management of environmental projects in Russia*]. Ekonomicheskaya nauka segodnya, 2014, no. 2, pp. 268-275.
4. Maslova L. D., Nekrasov S. N. Ekologicheskii neoindustrializm – natsional'nyi proekt ustoichivogo razvitiya Rossii [*Environmental neo-industrialism is a national project for sustainable development of Russia*]. Kul'turologicheskie chteniya – 2018. Mezhdunarodnyy plyuralizm v polikul'turnom i poliyazychnom mire: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg, 14-15 marta, 2018 g. [*Cultural Readings – 2018. Intercultural pluralism in a multicultural and multilingual world: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg, March, 14-15, 2018*]. Ekaterinburg: Ural'skii federal'nyi universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2018, pp. 213-222.
5. Murzin A. D., Murzina S. M. Analiz praktiki realizatsii regional'nykh ekologicheskikh programm v Rossii i za rubezhom [*Analysis of the practice of implementing regional environmental programs in Russia and abroad*]. Ekonomika i ekologiya territorial'nykh obrazovaniy [*Economy and Ecology of Territorial Formations*], 2017, no. 2, pp. 124-133.
6. Otarbabieva A. A. Zelenaya ekonomika – put' k ravnovesiyu mezhduekonomikoi i prirodoy [*Green economy – the way to a balance between economy and nature*]. Akademicheskaya publitsistika, 2018, no. 8, pp. 15-20.
7. Rubanov I.N., Nokelainen T.S., Kalinkin I.V., Igonin A.I. Ispol'zovaniye ofitsial'nykh statisticheskikh pokazatelei dlya otsenki stepeni ustoichivosti ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii [*Using official statistical indicators to assess the degree of sustainability of the economic development of the regions of Russia*]. Nauka. Innovatsii. Tekhnologii, 2019, no. 3, pp. 77-94.
8. Ecology and ecological problems. Available at: <http://ecological-problems.blogspot.com/2009/01/ecology-and-ecological-problems.html> (accessed 25.01.2020).
9. Lektsii.org Available at: <https://lektsii.org/12-35566.html> (accessed 25.01.2020).

Ивина Карина**Владимировна**

канд. пед. наук, ФГБОУ
ВО «Государственный уни-
верситет управления», г. Мо-
сква, Российская Федерация
ORCID: 0000-0004-4769-644X
e-mail: ivinakarina@mail.ru

Жегульская Юлия**Владимировна**

канд. пед. наук, ФГБОУ
ВО «Государственный уни-
верситет управления», г. Мо-
сква, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3279-3557
e-mail: zhegulskaya@list.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА «УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВЫМИ ПРОЕКТАМИ БИБЛИОТЕК»: ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Обоснована значимость подготовки для библиотечной отрасли кадров, обладающих управленческими и цифровыми компетенциями. Представлены основания разработки образовательной программы подготовки специалистов в области управления инновационными программами и проектами цифровой библиотеки. Даны характеристики назначения и основного содержания магистерской образовательной программы «Управление цифровыми проектами библиотек» по направлению подготовки 38.04.02 «Менеджмент». Выделены особенности реализации магистерской программы на базе ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»: практико-ориентированность и трансфер знаний в реальную профессиональную деятельность, междисциплинарный подход как стратегия подготовки кадров в области управления цифровыми проектами, сотрудничество с ведущими библиотеками страны и др. Отмечена значимость привлечения к преподаванию профильных дисциплин специалистов, обладающих наряду с учеными степенями, званиями также значительным опытом не только библиотечной практики, но и управленческой деятельности. Указаны возможности разработки расширенной магистерской программы, ориентированной помимо библиотечных специалистов на кадры современных музеев и архивов.

Ключевые слова: библиотечные менеджеры, Государственный университет управления, образовательная программа, подготовка библиотечных кадров, управление цифровыми проектами библиотек, цифровая библиотека, цифровая экономика, цифровизация.

Цитирование: Ивина К.В., Жегульская Ю.В. Образовательная программа «Управление цифровыми проектами библиотек»: опыт разработки и перспективы реализации // Вестник университета. 2020. № 3. С. 32–37.

ACADEMIC PROGRAM “DIGITAL PROJECTS LIBRARIES MANAGEMENT”: DEVELOPMENT EXPERIENCE AND IMPLEMENTATION PROSPECTS

Annotation. The importance of professional training of library personnel industry, who have management and digital competences, has been substantiated. The grounds for the development of the academic program of professional training of the specialists in the field of e-libraries innovative programs and projects management have been presented. The aim and the subject matter of the Master's academic program “Libraries E-Projects Management” in the field of training 38.04.02 “Management” have been characterized. The features of Master's degree education program at the State University of Management have been highlighted, such as focusing on the practical aspects and transferring the studying experience into actual professional activities, the multidisciplinary approach as digital projects management personnel training strategy, cooperation with leading libraries of the country etc. The importance of attracting specialists who have not only academic degrees and titles, but also significant experience not only in library practice, but also in management activities, to teaching specialized disciplines, has been noted. The possibilities of developing an extended Master's program focused on modern museums and archives in addition to library specialists have been indicated.

Keywords: libraries managers, State University of Management, academic program, library personnel training, libraries e-projects management, e-library, digital economy, digitalization.

For citation: Ivina K.V., Zhegulskaya Yu.V. (2020) Academic program “Digital projects libraries management”: development experience and implementation prospects. *Vestnik universiteta*. 1. 3, pp. 32–37. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-32-37

Ivina Karina

Candidate of Pedagogical
Sciences, State University
of Managment, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0004-4769-644X
e-mail: ivinakarina@mail.ru

Zhegulskaya Yuliya

Candidate of Pedagogical
Sciences, State University
of Managment, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3279-3557
e-mail: zhegulskaya@list.ru

В настоящее время особую значимость имеют вопросы перехода на качественно новый уровень использования технологий во всех сферах социально-экономической деятельности. Векторы развития цифровой экономики страны актуализированы рядом федеральных стратегических документов: Указ Президента Российской

© Ивина К.В., Жегульская Ю.В., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» и др. [1; 2; 3].

Трансформируя многие сферы человеческой деятельности, цифровизация оказывает значительное влияние, в том числе, и на работу библиотек. Адекватный ответ вызовам цифровизации предъявляет высокие требования к библиотечным кадрам. Важно отметить, что в современных условиях именно недостаток высококвалифицированных специалистов представляет собой главный фактор, сдерживающий развитие и модернизацию современных библиотек. «Заметим, что в настоящее время даже профильные для этой отрасли вузы (институты культуры) не реализуют образовательные программы по подготовке руководителей библиотек с учетом необходимых требований к их компетенциям в условиях цифровизации и развития цифровых технологий, а если и начинают такую подготовку, то все больше связывают ее с традиционными видами деятельности библиотек, в лучшем случае с организацией досуговой деятельности населения на обслуживаемой библиотеками территории, что отодвигает решение проблем цифровизации библиотечного дела и грозит вымиранием такого института, как библиотека, в глазах потребителя» [9].

Эпоха цифровизации культуры и образования постоянно обновляет требования к компетенциям библиотечных кадров и в особенности к менеджерам, которые наряду с устоявшимися форматами библиотечно-информационной деятельности должны владеть современными цифровыми технологиями, практическими навыками аналитики, систематизации цифровых ресурсов информационной среды и эффективного управления инновационными проектами библиотек [5; 6; 8; 10]. «В целом ряде исследований остро обозначается проблема нехватки управленческих кадров библиотечно-информационной отрасли, библиотечного дела. Сами специалисты в области управления библиотечным делом отмечают, что существующие в настоящее время механизмы управления библиотеками не отвечают современным задачам и тенденциям их развития, а отсутствующие научно-обоснованные и отработанные модели федерального, регионального, муниципального, ведомственно-отраслевого и внутрибиблиотечного управления оказывают негативное воздействие на состояние библиотечно-информационной отрасли в целом» [9]. Таким образом, одновременно с потребностью в квалифицированных кадрах, обладающих цифровыми компетенциями, библиотечной отрасли необходимы менеджеры, способные к разработке и реализации сложных задач на основе системного подхода к управлению цифровыми проектами и программами.

В связи с тем, что подготовка квалифицированных кадров и образование являются одним из направлений национальной программы «Цифровая экономика», в 2018 г. ректор ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (далее – Государственный университет управления) И. В. Лобанов инициировал разработку образовательной программы по подготовке управленческих кадров библиотек. Анализ потребностей современной библиотечно-информационной отрасли показал актуальность создания данной программы в рамках направления подготовки 38.04.02 «Менеджмент» по уровню образования – магистратура.

Разработке указанной образовательной программы предшествовало пилотное исследование маркетинговой направленности, проведенное в ходе реализации программы повышения квалификации «Цифровая трансформация вузовских библиотек». В опросе приняли участие 135 руководителей и специалистов библиотечно-информационных учреждений различных типов и ведомственной принадлежности. Они указали, что векторы развития современного общества (информационные технологии, цифровая экономика и др.) требуют подготовки для библиотечно-информационной сферы управленческих кадров, обладающих такими значимыми компетенциями, как:

- способность моделировать стратегию развития учреждения с учетом актуальных тенденций модернизации библиотечного дела;
- готовность к постоянному профессиональному развитию и адаптации к изменяющимся условиям деятельности;
- способность к эффективному управлению инновационными проектами библиотек;
- готовность к разработке проектной деятельности в цифровых форматах;
- способность к принятию взвешенных управленческих решений на основе комплексного анализа экономической ситуации и стратегии развития библиотеки.

Изучение федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (далее – ФГОС ВО) по направлению подготовки 38.04.02 «Менеджмент» (уровень магистратуры), анализ проблем

подготовки управленческих кадров для библиотечно-информационной отрасли, опыт разработки основных и дополнительных образовательных программ в области библиотечно-информационной деятельности позволили определить назначение и основное содержание магистерской образовательной программы «Управление цифровыми проектами библиотек» [4; 7].

Цель образовательной программы «Управление цифровыми проектами библиотек» – обеспечение формирования комплекса общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций выпускника в соответствии с требованиями ФГОС ВО по данному направлению и углубленной подготовки магистров менеджмента, способных к реализации организационно-управленческой, аналитической, научно-исследовательской и педагогической деятельности в сфере управления цифровыми проектами библиотек. Срок освоения рассматриваемой образовательной программы магистратуры – 2 года 5 месяцев на заочной форме обучения в соответствии с ФГОС ВО по направлению подготовки «Менеджмент». Трудоемкость освоения данной образовательной программы – 120 зачетных единиц за весь период обучения. Программа включает различные формы контактной работы обучающихся с преподавателем (лекции, практические занятия, консультации и др.), самостоятельную работу, практики и время, отводимое на контроль качества освоения обучающимися образовательной программы.

Образовательная программа магистратуры «Управление цифровыми проектами библиотек» имеет традиционную структуру и состоит из следующих блоков: «Дисциплины (модули)», который включает дисциплины (модули), относящиеся к базовой и вариативной частям программы; «Практики, в том числе научно-исследовательская работа (НИР)», который в полном объеме относится к вариативной части программы; «Государственная итоговая аттестация», который в полном объеме относится к базовой части программы и завершается присвоением квалификации «Магистр» по направлению подготовки «Менеджмент» с возможностью указания профиля «Управление цифровыми проектами библиотек».

Базовая часть учебного плана данной образовательной программы – единая для всех магистерских программ по направлению подготовки «Менеджмент». Она включает обязательные учебные дисциплины, формирующие общекультурные и общепрофессиональные компетенции, такие как: «Деловые коммуникации и управление деятельностью», «Методология исследований в менеджменте», «Современное стратегическое мышление и анализ», «Социально-психологические аспекты управления экономикой» и др.

Вариативная часть разработана с учетом направленности образовательной программы, необходимости содержательного обеспечения формирования профессиональных компетенций, актуализированных с учетом цифровизации. Она включает следующие учебные дисциплины: «Методологические основы реализации проектов и программ в библиотеке», «Проектный анализ и обоснование создания цифровой библиотеки», «Теория и методология библиотечно-информационного образования», «Цифровая культура» и др. Освоение дисциплин по выбору вариативной части образовательной программы позволяет обучающимся формировать индивидуальную траекторию обучения и «прорабатывать» более узкие профессиональные компетенции, выбирая актуальные для них учебные дисциплины из предложенных, например: «Проектное финансирование цифровой библиотеки», «Управление инновациями в библиотечных системах», «Информационно-аналитические продукты и услуги библиотеки», «Современные технологии Интернета» и др.

Помимо обязательных дисциплин и дисциплин по выбору при реализации образовательной программы обучающемуся должны быть предложены для освоения и факультативы. Примерами факультативов, которые включены в рабочий учебный план и предложены будущим магистрам для изучения, являются «Проектный офис: особенности создания и функционирования», «Тенденции развития вузовских библиотек в век цифровой экономики».

Следует отметить, что в ходе реализации образовательной программы все виды практики, в том числе научно-исследовательская работа, успешно организуются и осуществляются на базе библиотек различных типов. Следует отметить конструктивное взаимодействие кафедры «Управления цифровыми ресурсами: библиотек, музеев архивов» с федеральными, вузовскими и муниципальными библиотеками по организации различных форм учебного процесса. В особенности важны профессиональные связи вуза с Российской государственной библиотекой, реализуемые в рамках заключенного соглашения о сотрудничестве.

Особенностью образовательной программы «Управление цифровыми проектами библиотек» является ее исключительная практикоориентированность. Обучение будущих магистров осуществляется как на базе ведущих библиотек страны (Российская государственная библиотека, Государственная публичная

научно-техническая библиотека России и др.), так и на базе модернизированной научной библиотеки Государственного университета управления с привлечением ее кадрового потенциала, электронных и технических ресурсов. Ориентация на трансфер знаний, умений, навыков, компетенций в реальную профессиональную деятельность является стержневой основой как содержания, так и форм организации освоения обучающимися образовательной программы. Все обучающиеся по магистерской программе – действующие специалисты библиотек различных типов (федеральных, вузовских, муниципальных), и они сами, и их руководство, которое зачастую направляет сотрудников на обучение, заинтересованы в получении актуальных знаний и умений, которые практически сразу могут быть перенесены в практическую деятельность учреждения. Иллюстрацией практической направленности реализуемой образовательной программы может служить тематика научно-исследовательских работ обучающихся: «Цифровые проекты библиотечных коллекций национального уровня», «Проектирование и создание электронного архива», «Сайт научной библиотеки университета как компонент электронной информационно-образовательной среды», «Управление конфликтами в условиях технологических преобразований в библиотеке» и др. Указанные варианты тем научно-исследовательских работ обучающихся были определены, исходя из проблематики их непосредственной профессиональной деятельности, формулировки тем и возможности апробации результатов исследования, согласованы с руководителями по месту работы, что способствует формированию способности и готовности будущих магистров менеджмента к решению актуальных практических задач.

При разработке содержания магистерской программы «Управление цифровыми проектами библиотек» учтен весомый опыт Государственного университета управления в подготовке управленческих кадров. Обстоятельно рассмотрен опыт университета в разработке и реализации магистерских программ по управлению проектами в различных отраслях с учетом вызовов цифровой экономики, в частности такой образовательной программы, как «Управление проектами и программами» по направлению подготовки «Менеджмент». Базовая часть и доля вариативной части дисциплин образовательной программы «Управление цифровыми проектами библиотек» полностью обеспечиваются учебной и методической работой преподавателей различных кафедр Государственного университета управления.

Для реализации профильных дисциплин и практик в качестве преподавателей привлекаются ведущие специалисты федеральных библиотек и научной библиотеки вуза. Акцентирование внимания на данном обстоятельстве вызвано тем, что долгое время в докладах на различных научных форумах и в публикациях, посвященных вопросам библиотечно-информационного образования, широко декларируется тезис о необходимости включения специалистов-практиков, работодателей в процесс подготовки кадров для библиотечной отрасли. Совершенно соглашаясь с указанным тезисом, позволим заметить, что при реализации образовательных программ по библиотечно-информационной деятельности данное положение зачастую реализуется не в полной мере. Включение работодателей в процесс подготовки кадров нередко сводится исключительно к их участию в итоговой аттестации выпускников, специалисты-практики недостаточно привлекаются к преподаванию профессиональных дисциплин, в значительной мере данные курсы читаются преподавателями, не обладающими опытом практической работы в библиотеке. Таким образом, в ходе обучения весомую часть информации студенты получают от теоретиков, «оторванных» от существующей, постоянно обновляющейся практики библиотечной работы. С учетом указанных проблем при разработке и реализации образовательной программы «Управление цифровыми проектами библиотек» наличествует устремление к преодолению возможного разрыва между теорией и практикой, поэтому библиотеки (в том числе научная библиотека Государственного университета управления) непосредственно включены в учебный процесс, являясь не только базами практики, но и площадками лекций, практических занятий, мастер-классов, круглых столов и других интерактивных форм учебных занятий. Следует отметить, что все преподаватели профильных дисциплин образовательной программы являются специалистами с учеными степенями, званиями и значительным опытом не только библиотечной практики, но и управленческой деятельности.

Наряду с практико-ориентированным обучением на основе авторских курсов важно выделить следующие особенности реализации подготовки библиотечных управленческих кадров по рассматриваемой образовательной программе: междисциплинарный подход как стратегия подготовки в области управления цифровыми проектами; наставничество руководителей практики на базе центральных и федеральных библиотек; широкое применение формата мастер-классов известных практиков в области проектного

управления; использование дистанционных образовательных технологий и электронного обучения; реальная возможность построения индивидуальных траекторий обучения на основе пожеланий работодателя.

Конечной целью реализации образовательной программы «Управление цифровыми проектами библиотек» является обеспечение библиотечной отрасли профессионально-ориентированными управленцами. Обращает на себя внимание то, что данная образовательная программа востребована библиотеками разных типов. Перспективным видится расширение целевой аудитории и выход за пределы библиотечной сферы, что потребует разработки образовательной программы, ориентированной не только на библиотечных специалистов, но и на подготовку кадров архивов, музеев. Основными факторами конкурентоспособности такой образовательной программы являются: высокая потребность в специалистах и руководителях учреждений культуры, обладающих навыками аналитики, систематизации цифровых ресурсов информационной среды, эффективного управления инновационными проектами библиотек, музеев, архивов; привлечение к учебному процессу топ-менеджеров информационных проектов ведущих библиотек страны; отсутствие аналогичных программ подготовки магистров.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 25.12.2019).
2. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319432/ (дата обращения: 25.12.2019).
3. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25.10.2016 № 9) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216432/ (дата обращения: 25.12.2019).
4. Приказ Минобрнауки России от 30.03.2015 № 322 (ред. от 13.07.2017) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.04.02 Менеджмент (уровень магистратуры)» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.04.2015 № 36854) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178271/ (дата обращения: 25.12.2019).
5. Голубева, Н. Л. Высококвалифицированные управленческие кадры – основа развития инновационно-проектной деятельности библиотек // Семнадцатые Кайгородовские чтения. Культура, наука, образование в информационном пространстве региона: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Краснодар, 13 апр. 2017 г. / Главн. ред. С. С. Зенгин. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2017. – С. 76-78.
6. Доронина, И. Н., Дунаев, Р. А., Черняков, А. Н. Формирование профессиональной модели библиотечно-информационного специалиста в аспекте дискурсивного пространства библиотеки // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 2. – С. 31.
7. Жегульская, Ю. В. Образовательная программа Кемеровского государственного института культуры «Библиотечно-информационная деятельность»: баланс традиций и современных требований // Труды ГПНТБ СО РАН. – 2018. – № 13-1. – С. 106-117.
8. Каленов, Н. Е., Цветкова, В. А. Новые вызовы в библиотечно-информационном пространстве: современные кадры – забота самих библиотек // Библиотековедение. – 2017. – Т. 66. – № 5. – С. 587-591.
9. Кудрина, Е. Л., Ивина, К. В. Цифровая среда – новые вызовы вузовской библиотеке // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 2 (10). – С. 126-134.
10. Матвеева, И. Ю. Профессиональное сознание библиотечных специалистов: состояние и возможности развития // Вестник интегративной психологии. – 2016. – № 14. – С. 231-234.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 “O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v RF na 2017–2030 gody” [Decree of the President of the Russian Federation No. 203 “On the Strategy for the Development Information Society in the Russian Federation for 2017-2030”, dated on May 9, 2017], legal reference system “Consultant plus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (accessed 25.12.2019).

2. Pasport natsional'noi programmy "Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii" (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam, protokol ot 24.12.2018 №16) [*Passport of the national program "Digital Economy of the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and Priority projects, Protocol No. 16, dated on December 24, 2018)*], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319432/ (accessed 25.12.2019).
3. Pasport prioritetnogo proekta «Sovremennaya tsifrovaya obrazovatel'naya sreda v Rossiiskoi Federatsii» (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam, protokol ot 25 oktyabrya 2016 g. № 9) [*Passport of the priority project "Modern Digital Educational Environment in the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and Priority projects, Protocol No. 9, dated on October 25, 2016)*], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216432/ (accessed 25.12.2019).
4. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 30.03.2015 № 322 (red. ot 13.07.2017) "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 38.04.02 Menedzhment (uroven' magistratury)" (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 15.04.2015 № 36854) [*Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated on March 30, 2015 No. 322 (edited dated on July 13, 2017) "On Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the Field of Training 38.04.02 Management (Master's Level)" (Registered in the Ministry of Justice of Russia dated on April 15, 2015 No. 36854)*], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178271/ (accessed: 25.12.2019).
5. Golubeva N. L. Vysokokvalifitsirovannye upravlencheskie kadry – osnova razvitiya innovatsionno-proektnoi deyatel'nosti bibliotek. Semnadsatye Kaigorodovskie chteniya. Kul'tura, nauka, obrazovanie v informatsionnom prostranstve regiona: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Krasnodar, 13 apr, 2017 g. [*Seventeenth Kaigorodskii Reading. Culture, Science, Education in the Information Space of the Region: Collection of Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Krasnodar, April 13, 2017*]. Glavn. red. S. S. Zengin. Krasnodar, Krasnodarskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2017, pp. 76-78.
6. Doronina I. N., Dunaev A. N., Chernyakov R. A. Formirovanie professional'noi modeli bibliotechno-informatsionnogo spetsialista v aspekte diskursivnogo prostranstva biblioteki [*Formation of a professional model of a library and information specialist in the aspect of the library's discursive space*]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [*Modern problems of science and education*], 2019, no. 2, p. 31.
7. Zhegul'skaya Yu. V. Obrazovatel'naya programma Kemerovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury "Bibliotechno-informatsionnaya deyatel'nost": balans traditsii i sovremennykh trebovaniy [*Educational program of Kemerovo State Institute of Culture "Library and Information Activity": balance of traditions and modern requirements*]. Trudy GPNTB SO RAN [*Proceedings of SPSL SB RAS*], 2018, no. 13-1, pp. 106-117.
8. Kalenov N. E., Tsvetkova V. A. Novye vyzovy v bibliotechno-informatsionnom prostranstve: sovremennye kadry – zabota samikh bibliotek [*New challenges in the library and information space: modern staff – the concern of libraries themselves*]. Bibliotekovedenie [*Russian Journal of Library Science*], Vol. 66, no. 5, pp. 587-591.
9. Kudrina E. L., Ivina K. V. Tsifrovaya sreda – novye vyzovy vuzovskoi biblioteke [*Digital environment – new challenges to University library*]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki [*Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*], 2019, no. 2(10), pp. 126-134.
10. Matveeva I. Yu. Professional'noe soznanie bibliotechnykh spetsialistov: sostoyanie i vozmozhnosti razvitiya [*Professional consciousness of library specialists: state and opportunities for development*]. Vestnik integrativnoi psikhologii, 2016, no. 14, pp. 231-234.

Шарин Валерий Иванович

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-4934-8975

e-mail: Sharin_vi@usue.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ

Аннотация. Проблема мотивации общественного служения на государственной гражданской службе, влияющая на эффективность деятельности и профессиональный уровень кадрового состава, носит актуальный характер. Исследование направлено на изучение проблемы мотивации общественного служения на российской государственной гражданской службе. Методологическая база включает концепцию бюрократии М. Вебера, концепцию мотивации общественного служения Дж. Перри и Л. Уайз, а также труды ведущих российских и зарубежных ученых в данной области. При анализе данных применялись методы системного анализа, общенаучные методы. Учеными и практиками даются неоднозначные оценки роли мотивации общественного служения в структуре мотивации чиновников. Поэтому целью работы является ответ на вопрос: Имеет ли мотивация общественного служения существенное влияние на мотивацию чиновников к несению государственной гражданской службы?». Анализ мотивационных предпочтений показал, что большинством государственных служащих мотивация общественного служения не воспринимается как ведущая мотивация несения службы. В работе исследованы причины отсутствия мотивации общественного служения у российских чиновников. По итогам исследования предложены меры, направленные на повышение мотивации общественного служения государственных гражданских служащих.

Ключевые слова: гражданская служба, мотивация общественного служения, общественные интересы, альтруизм, эффективность службы, роль мотивации, причины снижения мотивации, предлагаемые меры.

Цитирование: Шарин В.И. Проблемы общественного служения российских чиновников // Вестник университета. 2020. № 3. С. 38–44.

Sharin Valery

Doctor of Economic Sciences, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0003-4934-8975

e-mail: Sharin_vi@usue.ru

PROBLEMS OF PUBLIC SERVICE OF RUSSIAN OFFICIALS

Abstract. The problem of motivation of public service in the civil service, affecting the efficiency and professional level of personnel, is relevant. The research is aimed at studying the problem of motivation of public service in the Russian civil service. The methodological base includes the concept of bureaucracy by M. Weber, the concept of motivation of public service by J. Perry and L. Wise, as well as the publications of leading Russian and foreign scientists in this field. When analysing the data, the methods of system analysis and General scientific methods were used. Scientists and practitioners give ambiguous estimates of the role of motivation of public service in the structure of motivation of officials. Therefore, the aim of the paper is to answer the question: whether the motivation of public service has a significant impact on the motivation of officials to perform public civil service. The analysis of motivational preferences has showed that the motivation of public service is not perceived by the majority of civil servants as the leading motivation of service. The reasons for the lack of motivation of public service among Russian officials have been examined in the paper. According to the results of the study, measures aimed at increasing the motivation of public service of civil servants have been proposed.

Keywords: civil service, motivation of public service, public interests, altruism, efficiency of service, role of motivation, reasons for reducing motivation, proposed measures.

For citation: Sharin V.I. (2020) Problems of public service of russian officials. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 38–44. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-38-44

Одной из существенных проблем государственной гражданской службы является обеспечение мотивации чиновников. Исследования ученых показывают, что в круг ведущих мотиваций государственных служащих входит особая мотивация – мотивация служения обществу, которая воспроизводится в силу внутренней потребности в службе на благо государства, общества. Мотивация служения обществу рассматривается Дж. Перри и Л. Уайз как альтруистическая потребность индивида служить интересам людей, государства и общества, исполнять значимые для государства и общества работы, жертвовать своими потребностями в общественных интересах. Исследователями установлено позитивное влияние мотивации общественного служения на иные мотивации, между тем результаты исследований российских ученых дают различную картину состояния мотивации общественного служения, к тому же отмечается тенденция к ее снижению, превалирование «эгоистических» мотивов государственных служащих над «альтруистическими» [5, с. 14; 22].

Мотивация общественного служения представляет теоретический и практический интерес ввиду важности при стратегическом подходе к построению, планированию индивидуальной мотивационной среды чиновников. Чтобы определить, как мотивация общественного служения оценивается российскими государственными служащими, насколько значима ее роль в структуре мотиваций к прохождению службы, необходимо изучить природу мотивации общественного служения, особенности практики ее применения на российской государственной гражданской службе, кроме того, важно установить причины сложившегося уровня мотивации общественного служения российских чиновников и предложить меры по ее повышению.

Наибольшее влияние на формирование современной модели государственного управления оказала концепция бюрократии М. Вебера, развитая в XI главе его работы «Economy and Society». Идеальная бюрократия, по мнению автора, рациональна, высокопрофессиональна, обезличена и аполитична. Бюрократ служит государству, обществу, а не лицам, он не должен быть прислужником вышестоящих чиновников, и обязан работать, руководствуясь интересами дела, независимо от смены власти [27].

На базе веберовской модели государственного управления в XX в. получила свое развитие менеджериальная модель государственного управления, которая установила новые требования к чиновникам и потребовала модернизации подходов к мотивации их деятельности. Мотивации, объединенные концепцией общественного служения, были предложены Дж. Перри и Л. Уайз и нашли отражение в концепции «Мотивация общественного служения» (англ. Public service motivation; далее – PSM) [22]. Авторами была заложена основа для современного понимания мотивации общественного служения для государственной службы как предрасположенность человека к реакции на мотивы стремления служить на благо общества, существующие в основном или исключительно в государственных органах или организациях. Это особый вид мотивации, заключающийся в бескорыстном оказании помощи гражданам в интересах государства.

Зарубежными учеными исследованы различные аспекты PSM. Так, результаты исследований показывают, что государственные служащие с более высоким ее уровнем в большей степени удовлетворены своей работой, более преданы своей организации и обладают более высокой производительностью труда, чем те, у кого такая мотивация отсутствует [12; 19]. Исследования показывают, что PSM связана с такими характеристиками отношения к труду, как удовлетворенность работой, стремление ее сохранить, производительность труда. Причем производительность растет, когда сотрудники чувствуют, что результаты работы окажут положительное влияние на общество. Выявлено положительное влияние PSM на лояльность, организационную приверженность [20; 23; 24; 25; 26].

Исследователи находят истоки, глубинные корни PSM в воспитании детей в религиозных семьях, семьях с консервативными традициями и в воспитании родителем, который служил в армии [21]. В целом работы исследователей отражают позитивное влияние PSM на все стороны государственной службы, рост эффективности деятельности чиновников, что обеспечивает развитие государства и повышение благосостояния населения [17, с. 29].

Российскими учеными также исследовались различные аспекты PSM, например, связанные с ее оценкой как фактора активизации и обновления состояния служебной (организационной) среды, полезного инструмента для повышения эффективности государственной службы [8]. Так PSM определяет эффективность деятельности и, как следствие, прозрачность, ответственность, честность, служение обществу и интересам государства, а также поведение конкретного государственного служащего [3, с. 28]. По мнению Т. М. Атнашева, понятие «общественное служение» для российского случая имеет содержательный оттенок – смысловой акцент явления смещается в сторону служения государству, а не службы обществу в целом, как это принято в Западной Европе и США [4, с. 162].

Отсутствие PSM влечет несовпадение структуры мотивации личности чиновников и требований профессиональной деятельности, что ведет к профессиональной деформации, резко снижает эффективность деятельности. Так, работники, имеющие предпочтительные для рабочего места особенности структуры мотивации, в среднем имеют показатели результативности труда на 20-25 % выше, чем их коллеги без соответствующих особенностей в структуре мотивации [6]. На формирование и уровень PSM влияет рост в обществе значимости личностно ориентированных факторов и снижение значимости факторов, ориентированных на общественные интересы. Снижение значимости мотивации общественного служения снижает мотивацию поступления на государственную службу [16].

Рассмотрим, на каком уровне находится PSM российских чиновников. Результаты исследований мотивации государственных гражданских служащих, проведенных в 2012 г. К. О. Магомедовым, показывают, что мотив «желание принести пользу обществу и государству» имеют 24,7 % респондентов из числа государственных гражданских служащих [13, с. 26]. По результатам исследований мотивации государственных гражданских и муниципальных служащих, проведенных в 2016 г. Н. Л. Ивановой и Д. А. Подольским, было установлено, что мотив «желание приносить пользу обществу» при поступлении на службу отметили как доминирующий 28,3 % респондентов [11].

Результаты опроса студентов-заочников ГОУ ВО «Коми республиканская академия государственной службы и управления» в 2018 г., работающих в государственном секторе, показали, что мотивация общественного служения («возможность приносить пользу людям») среди других мотивов государственной службы не является приоритетной. Оценка респондентами мотиваций в процентном соотношении отражена в таблице 1.

Таблица 1

Ранжирование мотиваций к несению государственной гражданской службы

Показатель	Значение, %
Стабильность	19
Социальные гарантии	18
Принадлежность к категории госслужащих	17
Возможность приносить пользу людям	15
Гарантии занятости, правовая защищенность	15
Возможность участвовать в реализации государственной политики	14
Иное	2

Источник: [18]

Широкомасштабные социологические исследования ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», проведенные в 2003-2017 гг., показали, что желание приносить пользу обществу, как мотив поступления на государственную службу, снизилось за данный период в два раза: с 38 % в 2003 г. до 16 % в 2017 г. (38 % в 2003 г., 31 % в 2006 г., 26 % в 2009 г., 25 % в 2012 г., 16 % в 2017 г.) [5, с. 14].

Таким образом, результаты исследований последних десяти лет демонстрируют невысокий (до трети численности респондентов) уровень PSM как среди чиновников, так и среди граждан, поступающих на государственную гражданскую службу. Между тем Дж. Перри рассматривал PSM как особую мотивацию к бескорыстному служению интересам общества, государства, имманентно присущую определенной категории индивидов, которые в целях ее реализации поступают на государственную службу. Соответственно, все или подавляющее большинство государственных служащих должны иметь данную мотивацию.

Снижение уровня PSM в России произошло, потому что работодателем, коим является государство, для чиновников законодательно (Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации») не установлено требование наличия мотивации служения обществу и государству [1]. Установленные требования касаются профессионализма и компетентности, добросовестности, беспристрастности, корректности и тому подобного, то есть в основном деловых качеств. Служение интересам гражданского общества и государства, как принцип государственной службы и деятельности государственных

служащих, нашло отражение в документе концептуального плана («Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации» (Утв. Президентом Российской Федерации 15 августа 2001 г. № ПР-1496)), однако он не получил дальнейшего законодательного оформления [2]. Соответственно, требование наличия PSM при поступлении на государственную службу или в ходе ее несения, не может рассматриваться как соответствующее законодательству о государственной службе, поэтому и не реализуется органами власти.

Оказал влияние на формирование PSM переход к рыночным отношениям и изменение личностных ценностей. В советском обществе под воздействием идеологии формировались свои специфические ценности: патриотизм, коллективизм, готовность к самопожертвованию, преобладание общественных интересов над частными, что обеспечивало приемлемый уровень мотивации служения государству советских чиновников [14]. Российский период сопровождался возрастанием значимости для личности прагматических ценностей, достижения делового успеха, высокого материального благосостояния, успешной личной жизни. Динамика возрастания прагматических ценностей отмечается исследователями в 1994-2006 гг. [9]. Таким образом, в обществе изменились ценностные ориентации личности, ее ориентированность на интересы общества, что не могло не сказаться на кадровом корпусе государственной службы. Проходящие государственную гражданскую службу чиновники, как дети своего времени, демонстрируют «удручающе низкий уровень» моральных принципов и ценностей, что представляет опасность для общества и страны [15, с. 68].

Следующей важной причиной является то, что поступающие на государственную службу, как правило, не имеют опыта безвозмездной работы на благо общества (общественной работы), на которой проявили бы гуманистическую направленность своей личности, получили опыт работы с людьми. Пришедшие на службу оказываются психологически не готовы работать в интересах государства и общества, возникает внутренний конфликт личности, снижается общая мотивация к службе. Наконец, на формирование PSM влияет командный принцип подбора и расстановки руководящих кадров чиновников, господствующий в постсоветский период. Команды чиновников всех уровней формируются в основном по корпоративным принципам: партийному, приятельскому, родственному и другим. В таких случаях во главу угла, как правило, ставятся не компетентность и профессионализм, и уж тем более не наличие PSM, а корпоративные, командные интересы, личная преданность руководителям, что позволяет реализовать в процессе государственной службы интересы и потребности членов команды. Данные подходы имеют, как считают многие авторы, например, Т. В. Зайцева, Т. Г. Нежина, высокую социальную опасность и порождают такие отрицательные последствия, как коррупция, низкое качество принимаемых чиновниками решений, несовершенная система оказания государственных услуг [10, с. 170]. Как отмечают В. Гимпельсон и В. Магун, «командность» не обязательно противостоит интересам дела, но не вписывается в веберовские критерии построения идеальной бюрократии [7, с. 68]. В идеале чиновник должен быть свободным от любых внутрикорпоративных, в том числе партийных, интересов, обязан служить только интересам государства и общества, его карьера должна строиться на основе личных заслуг перед государством.

Подведем итоги проведенного исследования. Наличие мотивации общественного служения, как главной мотивации к государственной службе, отмечено не более чем у трети российских чиновников.

Полученные результаты дают возможность ответить на поставленный нами исследовательский вопрос «Имеет ли мотивация общественного служения существенное влияние на мотивацию чиновников к несению государственной гражданской службы?» отрицательно. Большинство российских чиновников не имеют мотивацию общественного служения.

По нашему мнению, к причинам невысокого уровня PSM на государственной службе относятся: отсутствие законодательно установленных требований к наличию у чиновников мотивации служения обществу и государству; превалирование в обществе прагматичных ценностных ориентаций личности; отсутствие у поступающих на службу опыта безвозмездной работы на благо общества; господство командного принципа подбора и расстановки кадров на государственной гражданской службе.

В целях формирования нравственного, общественно ориентированного кадрового корпуса государственной гражданской службы, мотивированного общественным служением, а также повышения эффективности государственной службы нами предлагаются следующие меры. Служение интересам гражданского общества и государства, как принцип государственной службы и деятельности государственных служащих, должно найти отражение в законодательстве о государственной гражданской службе. В целях реализации данной

нормы подбор и расстановку кадров на должности государственной гражданской службы необходимо производить с учетом наличия соответствующих ценностных ориентаций, опыта общественной работы. На службе мотивация общественного служения должна формироваться как позитивная ценностная установка чиновников, а служебная (организационная) среда – быть ориентированной на службу государству, обществу. Необходимо пересмотреть систему оценки деятельности чиновников с учетом мотивационной структуры личности, морально-нравственных качеств.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 19.01.2020).
2. Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации (Утв. Указом Президента РФ от 15.08.2001 № ПР-1496 // Законодательная база Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/Docum Show_DocumID_23084.html (дата обращения: 19.01.2020).
3. Андреева, Д. А. Особенности мотивации государственных гражданских служащих в процессе оказания государственной услуги // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2014. – № 2. – С. 28-34.
4. Атнашев, Т. М. Самоотверженные чиновники? Факторы высокой мотивации госслужащих // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 3. – С. 149-166.
5. Барциц, И. Н., Борщевский, Г. А., Магомедов, К. О. Современное состояние и тенденции развития государственной гражданской службы в России: аналитический доклад. – М.: Дело, 2018. – 136 с.
6. Васильева, Е. И. Диагностика и развитие мотивации труда государственных гражданских служащих: опыт социологического анализа // Вестник ВЭГУ. – 2010. – № 4. – С. 114-119.
7. Гимпельсон, В. Е., Магун, В. С. Найм и карьера молодых чиновников: идеи М. Вебера и российская реальность // Россия реформирующаяся. – 2004. – № 4. – С. 68-82.
8. Данькова, Е. В., Меркулова, Ю. В. Мотивация общественного служения как фактор повышения эффективности государственной службы // Вопросы совершенствования системы государственного управления в современной России: сборник научных статей / Под общ. ред. Л. В. Фотиной. – М.: МАКС Пресс, 2016. – С. 162-168.
9. Журавлева, Н. А. Психология личности. Ценностные ориентации личности в изменяющемся российском обществе // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 1. – С. 30-39.
10. Зайцева, Т. В., Нежина, Т. Г. Привлечение молодежи на государственную и муниципальную службу: опыт регионов России // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 1. – С. 160-189.
11. Иванова, Н. Л., Подольский, Д. А. Гарантии государственных гражданских служащих как элемент современной кадровой политики // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 1. – С. 173-190.
12. Лиу, Б. Ч., Танг, Т. Л. П. Действительно ли любовь к деньгам ослабляет взаимосвязь между мотивацией служения обществу и удовлетворенностью работой? На примере государственных служащих в Китае // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – № 2. – С. 171-187.
13. Магомедов, К. О. Требование к государственному служащему – профессионализм // Государственная служба. – 2013. – № 4. – С. 23-27.
14. Мирошниченко, О. Н., Михайлова, М. В. Формирование позитивного образа государственного гражданского служащего: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 4. – С. 147-156.
15. Облонский, А. В. Этика в сфере публичной политики как фактор социокультурных изменений // Общественные науки и современность. – 2015. – № 4. – С. 65-82.
16. Тавокин, Е. П. Государственные служащие (Часть 1: Самооценка эффективности, деловых и нравственных качеств) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – № 2. – С. 5-20.
17. Эванс, П., Раух, Дж. Бюрократия и экономический рост: межстрановой анализ воздействия «веберианизации» государственного аппарата на экономический рост // Экономическая социология. – 2006. – Т. 7. – № 1. – С. 38-60.
18. Чарина, А. М. Управление мотивацией в системе государственной службы // Вопросы управления. – 2019. – № 2. – С. 243-253.
19. Ballart, X., Riba, C. Public service motivation: the case of Spain // International Review of Administrative Sciences. – 2017. – Vol. 83. – No. 1. – Pp. 43-62.

20. Bright, L. Does public service motivation really make a difference on the job satisfaction and turnover intentions of public employees? // *American Review of Public Administration*. – 2008. – Vol. 38. – No. 1. – Pp. 149-166.
21. Charbonneau, E., Van Ryzin, G.G. Public service motivation // *International Journal of Public Administration*. – 2017. – Vol. 40. – No. 5. – Pp. 401-407.
22. Perry, J.L., Wise, L.R. The motivational bases of public service // *Public Administration Review*. – 1990. – No. 5. – Pp. 367-373.
23. Potipiroon, W., Ford, M.T. Public service motivation always lead to organizational commitment? Examining the moderating roles of intrinsic motivation and ethical leadership // *Public Personnel Management*. – 2017. – Vol. 46. – No. 3. – Pp. 211-238.
24. Riba, C., Ballart, X. Public service motivation of Spanish high civil servants. Measurement and effects // *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*. – 2016. – No. 154. – Pp. 65-81.
25. Steijn, B. Person-environment fit and public service motivation // *International Public Management Journal*. – 2008. – Vol. 11. – No. 1. – Pp. 13-27.
26. Van Loon, N., Kjeldsen, A.M., Andersen, L.B. Public service motivation and perceived performance // *Review of Public Personnel Administration*. – 2018. – Vol. 38. – No. 2. – Pp. 139-166.
27. Weber, M. *Economy and society: in 2 vol.* / Ed. G. Roth, C. Wittich. – Berkeley: University of California Press, 1978. – Vol. 2.

References

1. Federal'nyi zakon ot 27.07.2004 № 79-FZ «O gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe Rossiiskoi Federatsii» [*Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" No. 79-FZ dated on July 27, 2004*], legal reference system "Consultant plus". Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (accessed 19.01.2020).
2. Kontseptsiya reformirovaniya sistemy gosudarstvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii (Utv. Ukazom Prezidenta RF ot 15.08.2001. № PR-1496) [*Concept of Reforming the Public Service System of the Russian Federation (Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. PR-1496, dated on August 15, 2001)*]. Zakonodatel' naya baza Rossiiskoi Federatsii. Available at: http://www.businesspravo.ru/Docum/Docum Show_Docum ID_23084. html (accessed 19.01.2020).
3. Andreeva D. A. Osobennosti motivatsii gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh v protsesse okazaniya gosudarstvennoi uslugi [*Features of motivation of civil servants in the process of providing public services*]. Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii, 2014, no. 2, pp. 28-34.
4. Atnashev T. M. Samootverzhennye chinovniki? Faktory vysokoi motivatsii gossluzhashchikh [*Selfless officials? Factors of high motivation of civil servants*]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [*Public Administration Issues*], 2017, no. 3, pp. 149-166.
5. Bartsits I. N., Borshchevskii G. A., Magomedov K. O. Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby v Rossii: analiticheskii doklad [*Current state and development trends of the state civil service in Russia: analytical report*]. Moscow, Delo, 2018, 136 p.
6. Vasil'eva E. I. Diagnostika i razvitie motivatsii truda gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh: opyt sotsiologicheskogo analiza [*Diagnostics and development of motivation of civil servants: experience of sociological analysis*]. Vestnik VEGU, 2010, no. 4, pp. 114-119.
7. Gimpel'son V. E., Magun V. S. Naim i kar'era molodykh chinovnikov: idei M. Vebera i rossiiskaya real'nost' [*Hiring and career of young officials: ideas of M. Weber and Russian reality*]. Rossiya reformiruyushchayasya, 2004, no. 4, pp. 68-82.
8. Dan'kova E. V., Merkulova Yu. V. Motivatsiya obshchestvennogo sluzheniya kak faktor povysheniya effektivnosti gosudarstvennoi sluzhby [*Motivation of public service as a factor of increasing the efficiency of public service*]. Voprosy sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya v sovremennoi Rossii: sbornik nauchnykh statei [*Issues of improving the system of public administration in modern Russia: collection of scientific papers*]. Pod obshch. red. L. V. Fotinoi. Moscow, MAKS Press, 2016, pp. 162-168.
9. Zhuravleva N. A. Psikhologiya lichnosti. Tsennostnye orientatsii lichnosti v izmenyayushchemsya rossiiskom obshchestve [*Personality psychology. Value orientations of personality in the changing Russian society*]. Psikhologicheskii zhurnal, 2012, vol. 33, no. 1, pp. 30-39.
10. Zaitseva T. V., Nezhdina T. G. Privlechenie molodezhi na gosudarstvennyuyu i munitsipal'nuyu sluzhbu: opyt regionov Rossii [*Attracting young people to the state and municipal service: the experience of the regions of Russia*]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [*Public Administration Issues*], 2019, no. 1, pp. 160-189.
11. Ivanova N. L., Podol'skii D. A. Garantii gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh kak element sovremennoi kadrovoi politiki [*Guarantees of civil servants as an element of modern personnel policy*]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [*Public Administration Issues*], 2017, no. 1, pp. 173-190.

12. Liu B. Ch., Tang T. L. P. Deistvitel' no li lyubov' k den'gam oslablyayet vzaimosvyaz' mezhdru motivatsiei sluzheniya obshchestvu i udovletvorennost'yu rabotoi? Na primere gosudarstvennykh sluzhashchikh v Kitae [*Does the love of money weaken the relationship between service motivation and job satisfaction? On the example of civil servants in China*]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [*Public Administration Issues*], 2014, no. 2, pp. 171-187.
13. Magomedov K. O. Trebovanie k gosudarstvennomu sluzhashchemu – professionalizm [*The requirement for a civil servant is professionalism*]. Gosudarstvennaya sluzhba [*Public Administration*], 2013, no. 4, pp. 23-27.
14. Miroshnichenko O. N., Mikhailova M. V. Formirovanie pozitivnogo obraza gosudarstvennogo grazhdanskogo sluzhashchego: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [*Formation of positive image of civil servants: domestic and foreign experience*]. Vestnik Chuvashskogo universiteta, 2013, no. 4, pp. 147-156.
15. Oblonskii A. V. Etika v sfere publichnoi politiki kak faktor sotsiokul'turnykh izmenenii [*Ethics in the sphere of public policy as a factor of socio-cultural changes*]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [*Social Sciences and Contemporary World*], 2015, no. 4, pp. 65-82.
16. Tavokin E. P. Gosudarstvennye sluzhashchie (Chast' 1: Samootsenka effektivnosti, delovykh i nraivstvennykh kachestv) [*Public servants (Part 1: self-assessment of efficiency, business and moral qualities)*]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*], 2010, no. 2, pp. 5-20.
17. Evans P., Rauh J. Byurokratiya i ekonomicheskii rost: mezhstranovoi analiz vozdeistviya "veberianizatsii" gosudarstvennogo apparata na ekonomicheskii rost [*Bureaucracy and economic growth: cross-country analysis of the impact of "weberianization" of the state apparatus on economic growth*]. Ekonomicheskaya sotsiologiya [*Journal of Economic Sociology*], 2006, vol. 7, no. 1, pp. 38-60.
18. Charina A. M. Upravlenie motivatsiei v sisteme gosudarstvennoi sluzhby [*Motivation management in the system of public service*]. Voprosy upravleniya, 2019, no. 2, pp. 243-253.
19. Ballart X., Riba C. Public service motivation: the case of Spain. *International Review of Administrative Sciences*, 2017, vol. 83, no. 1, pp. 43-62.
20. Bright L. Does public service motivation really make a difference on the job satisfaction and turnover intentions of public employees? *American Review of Public Administration*, 2008, vol. 38, no. 1, pp. 149-166.
21. Charbonneau E., Van Ryzin G. G. Public service motivation. *International Journal of Public Administration*, 2017, vol. 40, no. 5, pp. 401-407.
22. Perry J.L., Wise L.R. The motivational bases of public service. *Public Administration Review*, 1990, no. 5, pp. 367-373.
23. Potipiroon W., Ford M. T. Public service motivation always lead to organizational commitment? Examining the moderating roles of intrinsic motivation and ethical leadership. *Public Personnel Management*, 2017, vol. 46, no. 3, pp. 211-238.
24. Riba C., Ballart X. Public service motivation of Spanish high civil servants. Measurement and effects. *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*, 2016, no. 154, pp. 65-81.
25. Steijn B. Person-environment fit and public service motivation. *International Public Management Journal*, 2008, vol. 11, no. 1, pp. 13-27.
26. Van Loon N., Kjeldsen A. M., Andersen L. B. Public service motivation and perceived performance. *Review of Public Personnel Administration*, 2018, vol. 38, no. 2, pp. 139-166.
27. Weber M. *Economy and society*: in 2 vol. Ed. G. Roth, C. Wittich. Berkeley, University of California Press, 1978. Vol. 2.

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

УДК 005.311.6:004-027.19

JEL D81

DOI 10.26425/1816-4277-2020-3-45-51

Козловский Александр Васильевич
д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

Митюшников Анна Игоревна
аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

e-mail: i007ve@mail.ru

Kozlovsky Alexander
Doctor of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia

Mityushnikova Anna
Postgraduate student, State University of Management, Moscow, Russia
e-mail: i007ve@mail.ru

ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В данной статье рассмотрены аспекты принятия управленческих решений в условиях цифровой экономики и как следствие возможность своевременного и качественного реагирования на возникающие риски в процессе принятия управленческих решений. Данный вопрос рассмотрен с позиции влияния цифровизации на принятие управленческих решений как внутренних, так и внешних факторов функционирования рассматриваемой компании. Следовательно, рассматриваемая тема является актуальной, так как вопрос цифровизации с большим охватом распространяется во всех областях и сферах нашей жизни и как следствие должно охватывать в большей степени возможность улучшения уровня качества принятия управленческих решений, но так ли это?

Ключевые слова: инвестиции, проект, управленческие решения, риски, риск-менеджмент, цифровизация, цифровая экономика, эффективность.

Цитирование: Козловский А.В., Митюшников А.И. Принятие управленческих решений и риск-менеджмент в условиях цифровой экономики // Вестник университета. 2020. № 3. С. 45–51.

MANAGEMENT DECISION-MAKING AND RISK MANAGEMENT IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. This article reviews the aspects of management decision-making in the digital economy and as a consequence the possibility of timely and qualitative response to emerging risks in the process of management decision-making. This issue is considered from the position of influence on management decision-making both internal and external factors of the operation of the company has been considered. Therefore, the topic under consideration is relevant, since the issue of digitalization with a large coverage extends in all areas and spheres of our life and as a result should cover more the possibility of improving the quality of management decision-making, but is it so?

Keywords: investments, project, management decisions, risks, risk management, digitalization, digital economy, efficiency.

For citation: Kozlovsky A.V., Mityushnikova A.I. (2020) Management decision-making and risk management in the digital economy. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 45–51. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-45-51

В настоящее время компании, реализующие различные инвестиционные проекты и параллельно осуществляющие операционную деятельность в разных сегментах рынка, принимают управленческие решения в постоянно меняющихся условиях, как внутренних, так и внешних. При этом лицам, принимающим управленческие решения, приходится оперативно реагировать на активно меняющуюся конъюнктуру рынков. Бездействие может привести к рисковому ситуациям, влекущим за собой крупные потери финансовых активов. В современном менеджменте словосочетание «антикризисный управляющий» стало расхожим понятием, и этот тренд стал неотъемлемой частью функционирования компаний различного уровня и сферы деятельности.

© Козловский А.В., Митюшников А.И., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

По своей сути управленческое решение – это творческое, волевое действие субъекта управления, которое основывается на знании объективных законов в сфере функционирования управляемой системы и анализа информации об ее функционировании. Данное действие заключается в выборе цели, программы и способов деятельности коллектива для разрешения проблемы или изменения цели [6].

Совокупность внешних и внутренних факторов позволяет формировать управленческое решение, что в случае необходимости и наличия возможности формирует управленческие задачи, которые в свою очередь запускают в действие процесс принятия решений, что способствует достижению поставленных задач в заранее установленных временных и ценовых рамках и при этом принимать антикризисные решения в случае изменения рассматриваемой среды или координации действий. От принятого своевременно качественного управленческого решения будет зависеть успех достигаемого результата.

Существующие подходы и классификации позволяют распределить управленческие решения по зонам ответственности и делегировать в случае необходимости или принимать решение на основе комплексного анализа рассматриваемой ситуации и уже на основе полученных результатов строить модель, которая позволит наглядно представить возможность развития события [3].

В современных условиях менеджеры в рамках стратегического и операционного управления деятельностью компании при возникновении рискованных ситуаций не могут дать относительную качественную оценку последствиям финансовых вложений (особенно долгосрочного характера), так как каждая ситуация находится в системе постоянных изменений и колебаний как внешних, так и внутренних элементов экономической среды. Постоянная динамика и конструктивные изменения не всегда позволяют своевременно и адекватно принимать управленческие решения по ведению бизнеса или организации инвестиционной деятельности для компании.

При этом не стоит забывать, что каждая отдельная компания, изменяя свой подход к управлению путем внедрения новых цифровых технологий, позволяет минимизировать свои риски и изменить внутреннюю структуру и подходы к управлению внутри компании. Это приводит к положительным изменениям в экономике страны, так как каждая компания является неотъемлемым элементом общей структуры экономики страны [7].

Сегодня в мире востребованный бизнес показывает не только уровень высокой прибыли и рентабельности, но и свое развитие, как внутренне (выполнение своих обязательств, мотивация персонала, качество предлагаемых услуг или продукции), так и внешнее (рост и расширение зоны охвата деятельности этой компании на рынке, вовлечение в государственные проекты и программы, а также социально-ориентированность).

В существующей ситуации в процессе реализации различных инвестиционных проектов большая часть компаний старается проводить анализ входящей внешней информации, которая позволяет рассмотреть конъюктуру рынка, где будет реализовывается проект, а также смежные сферы. При этом проводятся экспертизы, разрабатываются бизнес-планы и моделируются ситуации будущих процессов в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Однако очень часто ситуация складывается таким образом, что внутренний климат и аспекты компании в большем объеме оказывают влияние на осуществление инвестиционной деятельности, чем внешние факторы.

Поэтому современные и быстроразвивающиеся компании стараются создавать внутренний климат компании путем мотивации коллектива, создания качественных условий труда и социального обеспечения. Этот аспект рассматривался и учитывался всегда в процессе функционирования крупных компаний, но в настоящее время современным менеджерам различного уровня недостаточно получать социальный пакет и бонус или иметь комфортное рабочее место: большая часть из них работает удаленно, и их ритм работы зависит от поставленных целей и мотивации. Поэтому менеджеру необходимо видеть цель, которая будет достигнута в процессе выполнения им своих непосредственных обязанностей и принятия им управленческих решений, и что она даст для компании в целом и для него в частности. Современные управленцы на этот вопрос смотрят шире: им необходимо расти и развиваться как личность, достигать карьерного роста и самоутверждаться.

Риск-менеджмент – это многостадийная цепочка последовательных действий, которая должна повторяться на протяжении всего жизненного цикла рассматриваемого инвестиционного проекта или функционирования компании в целом. Сложность управления рисками заключается в том, что многие компании и государство в целом при наличии большого теоретического опыта не выработали единой законодательно-правовой базы для практической работы.

Многие крупные компании, сталкиваясь со сложными ситуациями, разработали методические подходы к анализу, оценке и классификации рисков ситуаций с привязкой к виду деятельности, что позволяет оперативно и качественно реагировать на ситуации и принимать грамотное управленческое решение.

Известно, что существующая классификация проектных рисков – это, прежде всего, их развернутая качественная характеристика (систематизация, инвентаризация, идентификация), затем анализ проявлений рисков на результативность исследуемого проекта и дальнейшая работа по их минимизации, снижению или компенсации, что представляет собой анализ взаимодействия и влияния внутренней и окружающей среды.

Расширение уже существующей классификации видов риска, применяемой как на стадии проектирования, так и на дальнейших этапах жизненного цикла проекта, приведет к тому, что укрупненные подходы будут детализованы, в результате чего в дальнейшем можно будет избежать затруднительных ситуаций с минимальными потерями для инвестора.

В настоящее время термин «цифровизация» используется как в узком, так и в широком смыслах. Под цифровизацией в узком смысле понимается преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т. д. [4]. Это позволяет рассматривать многие вопросы в широком поле и видеть, как влияют внутренние и внешние факторы на рассматриваемый вопрос, находить оперативное решение конкретной задачи, что в свою очередь помогает снизить рискованные ситуации и стабилизировать работу компании.

Цифровизацию в широком смысле можно рассматривать как тренд эффективного мирового развития только в том случае, если цифровая трансформация информации отвечает следующим требованиям:

- охватывает производство, бизнес, науку, социальную сферу и обычную жизнь граждан;
- сопровождается лишь эффективным использованием ее результатов;
- ее результаты доступны пользователям преобразованной информации;
- ее результатами пользуются не только специалисты, но и рядовые граждане;
- пользователи цифровой информации имеют навыки работы с ней [4].

Цифровизация пришла на смену информатизации и компьютеризации, когда речь шла в основном об использовании вычислительной техники, компьютеров и информационных технологий для решения отдельных экономических задач [4]. Сейчас существующие вопросы менеджеры могут рассмотреть в более короткий срок и более продуктивно, но при этом частота возникающих задач по снижению рискованных ситуаций возрастает в геометрической прогрессии и это следствие уже сбоя в работе компании как внутри себя, так и с внешним окружением (государственные службы и структуры, партнеры, заказчики и т. д.).

Процесс цифровизации упрощает многие вопросы, но в реалиях сегодняшней жизни мы понимаем, что не все так просто, как кажется на первый взгляд. На рынках представлена масса всевозможных технологий и подходов к цифровизации процессов деятельности различных компаний, но многие из них сталкиваются с проблемой внедрения этих технологий и дальнейшей эксплуатации. Это связано с человеческим фактором, обучаемостью людей и их способностью соответствовать предъявляемым компетенциям. Молодые специалисты, только закончившие вузы, не всегда соответствуют требованиям работодателей, но при этом они обучаемы, амбициозны и знают себе цену, порой не соответствующую их способностям. Текучесть кадрового потенциала компании – бич сегодняшнего времени, в связи с чем многие компании боятся вкладывать в человеческий ресурс свои инвестиции и тем самым откладывают свое развитие и потенциальный рост.

7 мая 2018 г. вышел Указ Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», один из пунктов которого касается рассмотрения вопроса ускорения внедрения цифровых технологий в экономическую и социальную сферы страны. Для достижения поставленных в указе целей планируется увеличить долю внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников по отношению к доле валового внутреннего продукта страны не менее чем в три раза по сравнению с 2017 г. Это позволит привлечь отечественных производителей программного обеспечения и сформировать устойчивую безопасную инфраструктуру по передаче, обработке и хранению больших объемов данных, доступную для всех организаций и домохозяйств [1].

Достижение поставленной цели решалось путем создания комплекса конкретных действий, охватывающих разные элементы общей структуры цифровой экономики и решения определенных задач в данном направлении.

Первым элементом данной структуры стало создание системы правового регулирования цифровой экономики и глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок. Разработка правовых аспектов отражена в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее – Программа) [2].

Программа позволила разбить общий поток информации на блоки и более детально проработать основные элементы цифровой экономики по направлениям деятельности. При этом Программа была сформирована так, чтобы иметь тесную взаимосвязь с другими национальными проектами: «Жилье и городская среда», «Экология», «Образование», «Наука», «Здравоохранение» и т. д. В каждом из направлений расставлены приоритеты, указаны четкие сроки выполнения и ответственные исполнители по каждому направлению, что делает данный документ доступным и прозрачным для граждан.

Следующим элементом в данной цепочке стало формирование сквозных цифровых технологий, которые позволят сформировать единую цифровую среду, основанную на гибком подходе. Одной из ключевых позиций Программы стала подготовка высококвалифицированного кадрового потенциала для цифровой экономики страны, который соответствовал бы современным мировым требованиям и обеспечивал необходимыми компетенциями подготавливаемый кадровый резерв. Сложность данного вопроса заключается в том, что существующие платформы по подготовке и переподготовке таких кадров тоже требуют инвестиций и модернизации, а также соответствующего профессорско-преподавательского состава, который позволил бы поднять уровень подготовки обучающихся, чтобы соответствовать требованиям работодателей. При этом сами обучающиеся также должны желать получать знания качественного и высокого уровня.

Фраза «кадры решают все» на сегодняшний день крайне актуальна – это стало следствием проводимых ранее экономических преобразований в нашей стране, а также отложило свой отпечаток как на кадровое обеспечение предприятий и организаций, так и на сферу подготовки кадров. Проблема кадрового потенциала в ряде отраслей и сферах реального сектора экономики с каждым годом возрастает.

Руководители служб аппарата управления должны обладать знаниями и умениями организации работыверяемых им специалистов по соответствующему направлению. Специалисты указанных служб также должны обладать знаниями и умениями осуществления соответствующих функций и выполнения конкретной работы, часть из которой по форме стандартизирована (формы бухгалтерского учета, формы государственной статистической отчетности и др.), а другая часть – по форме носит необязательный, индивидуальный характер (в особенности связанная с нормированием, планированием, первичным учетом затрат и аналитической работой по изысканию внутренних резервов повышения эффективности производства) [5].

Практика функционирования предприятий и организаций свидетельствует о существенном снижении уровня их кадрового обеспечения начиная от руководителей и специалистов подразделений, технических и управленческих служб и заканчивая рабочими. Это присуще практически всем отраслям: промышленности, строительству, транспорту, сфере жилищно-коммунального хозяйства. Средний возраст высококвалифицированных рабочих кадров нередко превышает критическую черту и составляет 56-58 лет. Некоторое исключение при этом составляют организации связи, информационного обслуживания. Не удовлетворен спрос предприятий и организаций на квалифицированные инженерные кадры. Одновременно на рынке труда ощущается избыток кадров в сфере экономики и менеджмента, но с недостаточным уровнем знаний и подготовленности к практической работе. Таким образом, можно констатировать, что в стране имеет место кадровый кризис в части качества и структуры работников.

За последние 15 лет российские университеты и институты выпустили большое количество менеджеров, финансистов, юристов и экономистов, который переполнил рынок такими кадрами. Вследствие этого выросла конкуренция и многие из выпускников не смогли трудоустроиться по выбранной ими специальности, многим из них пришлось переучиваться. При этом высокоподготовленные кадры покинули страну и применяют свои знания и навыки в международных компаниях.

Наплыв эмигрантов из соседних республик еще больше усложнил сложившуюся ситуацию. В большей степени приезжие специалисты претендовали на технические или профильные (рабочие) специальности и тем самым закрыли эту нишу кадрового обеспечения. Вопрос их компетенций и возможности качественно выполнять поставленные задачи остается открытым.

Тем не менее, не все так плохо. Современная молодежь и выпускники вузов уже мыслят и живут другими приоритетами и ценностями, четко видят свои цели, и уже они задают темп образовательному процессу и заставляют его перестраиваться, модернизироваться и расширять свои возможности на международных рынках. За последние 5 лет поменялись приоритеты выбора направления обучения в сторону инженерных специальностей и информационных технологий. При этом данные направления подготовки чаще всего выбираются с отраслевой спецификой: строительство, промышленность и т. д. Это дает большую надежду на возрождение образования в России и его усиления на мировых рынках.

В существующих предприятиях и организациях вследствие большой текучести кадров преобладает риск с персоналом разного уровня и, как следствие этой проблемы, у компаний возникают риски операционной деятельности и принятия решений по реализации поставленных задач.

В последнее время многие крупные компании проводят внутреннюю политику по расширению и качественному изменению кадрового резерва, что позволит им развиваться и выходить на новые рынки, расширяя уже существующий потенциал. Во многих компаниях данная политика заключается в рассмотрении двух ключевых позиций. Одна из них – проведение мероприятий по подготовке кадрового потенциала для своих компаний и наполнение своей структуры молодыми кадрами. Для решения этого вопроса организации тесно сотрудничают с российскими вузами и организациями среднего профессионального образования. Их сотрудничество заключается не только в предоставлении мест практики обучающимся, но и в совместной разработке образовательных программ с учетом специфики отрасли компании или направленности деятельности, а также компетентностного подхода.

Вторым элементом данной политики является проведение внутри компании мероприятий по повышению квалификации действующих сотрудников, которые позволят расширить круг знаний и повысить спектр возможностей менеджера при принятии решений. Это могут быть не только обучающие программы и кейсы по специфике деятельности сотрудника, но и мотивационные коуч-сессии, развитие пространственного мышления, проведение мастермайнд-встреч (от англ. *mastermind* – выдающийся ум) и выездных ретритов (от англ. *retreat* – уединение, удаление от общества, затвор). Такие формы обучения не только обогащают нужными и полезными знаниями персонал, но и мотивируют его на коллективную работу и гармоничное взаимодействие команды проекта внутри компании и, как следствие, рост и развитие самой компании.

Потребность в необходимой и востребованной информации в настоящее время можно решить путем различных цифровых технологий и коммуникаций, а не только связей и контактов. Стоимость такой информации в повседневной жизни намного становится высокоэффективна не только в стоимостном выражении в части прироста прибыли и расширения спектра деятельности компании, но и в высвобождении свободного времени и при этом грамотном и эффективном менеджменте при принятии управленческих решений в процессе реализации проектов или ведения операционной деятельности. Расстановка приоритетов менеджментом компании в пользу цифровизации бизнес-процессов позволяет повышать ликвидность компании и возможность координации взаимодействия различных структур, минимизируя риски.

В эпоху общей цифровизации вопрос обеспечения информационной безопасности стоит не менее остро, чем вопрос кадрового обеспечения. В Программе данная проблема рассматривается с точки зрения внедрения цифровых технологий, обеспечивающих безопасность с использованием только отечественных разработок, которые гарантировали бы защиту интересов личности, бизнеса и государства в процессе передачи, обработки и хранения данных. Это позволит повысить уровень предлагаемых услуг в сфере информационной безопасности, а также увеличить количество рабочих мест для обеспечения данного направления и привлечь молодые кадры. Однако для этого необходимо увеличить финансирование на развитие отечественного рынка разработок в области информационной безопасности, а также на государственном уровне решить правовые аспекты данного вопроса.

Многие рассматриваемые в Программе вопросы тесно взаимосвязаны и влияют друг на друга. Так, например, при развитии цифровизации и внедрения новых технологий в виде платформенных решений позволит охватить не только отрасли реального сектора экономики и государственный сектор, а также провести преобразование приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, включая здравоохранение, образование, промышленность, сельское хозяйство, строительство, городское хозяйство, транспортную и энергетическую инфраструктуру, финансовые услуги. Этот большой спектр видов деятельности будет гармонично взаимодействовать и формировать доступную среду для населения России.

В настоящее время большая часть Программы уже или реализована либо находится в активной стадии реализации, при этом внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей охватила большую часть реализованных вопросов.

Внедрение цифровизации в экономику страны было принято начинать с государственного сектора, так как по проведенным исследованиям более 75 % всей информации проходит через государственное управление или оказание государственных услуг. Следовательно государство является держателем 2/3 общих потоков в части хранения и передачи информации.

Залог экономического развития и достижения стабильности экономики в современном мире зависит от цифровизации, которая в свою очередь должна быть открытой и доступной на всех уровнях жизнедеятельности каждого человека в стране.

За координацию работы ведомств по раскрытию данных отвечает Совет по открытым данным. По его информации, сегодня на едином портале открытых данных Data.gov.ru министерствами и ведомствами опубликовано почти 20 тыс. наборов данных. На основе сведений, размещаемых в машиночитаемом виде, разработчики создают удобные электронные сервисы, которые уже сегодня заметно меняют повседневную жизнь каждого человека. На сегодняшний день создано более 200 успешных приложений [8].

При этом надо будет понимать, что многое в решении этого вопроса будет зависеть от городских и местных властей, от их заинтересованности в использовании передовых технологий и внедрения цифровизации на местах. Это позволит более детально и оперативно рассматривать вопросы населения, видеть обратную связь.

С 2014 г. на региональном уровне реализуется проект «Открытый регион», который позволил создать платформенное решение, где созданы эффективные условия для взаимодействия жителей и власти. При этом данный проект предусматривает ведение открытого диалога как на региональном уровне, так и на уровне органов местного самоуправления. По состоянию на сегодняшний день официально в состав входят 32 российских региона. При этом надо понимать, что данный проект дает возможность каждому гражданину страны проявить заинтересованность и вовлеченность в процесс принятия решений по важным стратегическим направлениям своего региона. Это объединяет и укрепляет социальный аспект жизнедеятельности и усиливает взаимосвязь государства и каждого отдельного гражданина страны.

Это достаточно большой список задач может быть реализован только при поступательном и совместном взаимодействии государственного и муниципального управления в субъектах Российской Федерации и граждан страны.

На сегодняшний момент времени успешно работает портал gov.ru, который позволил в одном платформенном решении собрать информацию, которая размещена на официальных государственных информационных ресурсах.

При этом удобные и доступные сервисы и платформенные решения создаются не только для граждан, но и для бизнеса. И первым этапом стало применение дистанционных методов контроля организаций и предприятий, путем перехода на риск-ориентированный подход, который позволил отказаться от плановых проверок по 6 видам надзора, в том числе в области рекламы, тарифов, розничной продажи алкоголя и сокращению плановых проверок.

Все выше сказанное требует комплексного подхода для решения поставленных задач и выявления узких мест, которые могут привести как к рискованным ситуациям в процессе ведения операционной деятельности компаниями, так и для планирования инвестиционной. В данной связи создание комплексной системы финансирования проектов по разработке и (или) внедрению цифровых технологий и платформенных решений, включающей в себя венчурное финансирование и иные институты развития будет являться актуальным подходом для решения многих задач для компаний и государства в целом.

Процесс цифровизации страны уже не отменить и стоит ли это делать? Просто не надо доводить этот вопрос до абсурда и не забывать про человека, как основного элемента этой системы. По моему мнению основной посыл цифровизации должен заключаться в том, что все новое, что несет в себе цифровизация это новый шаг для достижения благоприятных ситуаций для человечества и страны в целом, но при этом каждый из нас как пользователь должен осознанно подходить к использованию элементов и процессов цифровой трансфор-

мации. Риски, возникающие в процессе осуществления бизнес-процессов в компаниях можно компенсировать в том числе по средством цифровизации и внедрения новых технологий. Однако существует и обратная сторона цифровизации, в следствии ее внедрения создаются условия, которые усиливают неблагоприятные ситуации для компаний и государства в целом. Поэтому в гонке за цифровизацией не надо забывать про баланс между положительными эффектами от нее и рисками, которая она порождает.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 23.12.2019).
2. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 23.12.2019)
3. Акперов, И. Г., Сметанин, А. В., Коновлева, И. А. Информационные технологии в менеджменте: учебник. – М.: Инфра-М, 2013. – 400 с.
4. Анохина, Е. М., Косов, Ю. В., Халин, В. Г., Чернова, Г. В. Системные риски управления при реализации государственной политики в области образования и науки: анализ проблемной ситуации, риски и их идентификация // Управленческое консультирование. – 2016. – № 10. – С. 8-26.
5. Серов, В. М. Компетентностный подход в профессиональном образовании, в противоречии с наукой о труде // Вестник университета. – 2019. – № 10. – С. 42-47.
6. Смирнов, Э. А. Разработка управленческих решений: учебник для вузов. – М: Юнити-Дана, 2000. – 271 с.
7. Фатхутдинов, Р. А. Управленческие решения: учебник. – М.: Инфра-М, 2014. – 344 с.
8. Открытый регион [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://open.gov.ru/openregion/> (дата обращения: 23.12.2019).

References

1. Ukaz prezidenta RF ot 07.05.2018 № 204 «O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda» [*Decree of the President of the Russian Federation dated on May 7, 2018 No. 204 “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”*], legal reference system “Consultant plus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (accessed 23.12.2019).
2. Paspport natsional'nogo proekta “Natsional'naya programma “Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii” (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nykh proektam, protokol ot 04.06.2019 № 7) [*Passport of the national project “National Program “Digital Economy of the Russian Federation” (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Minutes No. 7 of 04.06.2019)*], legal reference system “Consultant plus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (accessed 23.12.2019).
3. Akperov I. G., Smetanin A. V., Konovleva I. A. Informatsionnye tekhnologii v menedzhmente: Uchebnik [*Information technologies in management: Textbook*]. Moscow, Infra-M, 2013. 400 p.
4. Anokhina E. M., Kosov Yu. V., Khalin V. G., Chernova G. V. Sistemnye riski upravleniya pri realizatsii gosudarstvennoi politiki v oblasti obrazovaniya i nauki: analiz problemnoi situatsii, riski i ikh identifikatsiya [*Systemic management risks in the implementation of state policy in the field of education and science: analysis of the problem situation, risks and their identification*]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie [*Management consulting*], 2016, no. 10, pp. 8-26.
5. Serov V. M. Kompetentnostnyi podkhod v professional'nom obrazovanii, v protivorechii s naukoj o trude [*Competence approach in professional education, in contradiction with the science of work*]. Vestik universiteta, 2019, no. 10, pp. 42-47.
6. Smirnov E. A. Razrabotka upravlencheskikh reshenii: uchebnik dlya vuzov [*Development of management decisions: textbook for universities*]. Moscow, Unity-Dana, 2000. 271 p.
7. Fatkhutdinov R. A. Upravlencheskie resheniya: uchebnik [*Managerial decisions: Textbook*]. Moscow, Infra-M, 2014. 344 p.
8. Otkrytyi region [*Open region*]. Available at: <https://open.gov.ru/openregion/> (accessed 23.12.2019).

Майорова Наталья Викторовна
канд. культурологии, НОЦ «Биомед»
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»,
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: nmaj@mail.ru

Майоров Михаил Кириллович
аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: mayorov7@mail.ru

Бахтуразова Татьяна Владимировна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государст-
венный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: tv_bakhturazova@guu.ru

Еделев Дмитрий Аркадьевич
д-р экон. наук, наук, Национальный
проект «Здоровье Нации», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5863-2284
e-mail: info@national-health.ru

Mayorova Natalya
Candidate of Culturology, REC «Biomed»,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
e-mail: nmaj@mail.ru

Mayorov Mikhail
Postgraduate student, State University
of Management, Moscow, Russia
e-mail: mayorov7@mail.ru

Bakhturazova Tatyana
Candidate of Economic Sciences, State
University of Management, Moscow, Russia
e-mail: tv_bakhturazova@guu.ru

Edelev Dmitry
Doctor of Economic Sciences, National
project «Health of the Nation»,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5863-2284
e-mail: info@national-health.ru

МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУВЕРЕННОЙ СТРАНЫ

Аннотация. В статье выделены социальные и климатические факторы, оказывающие влияние на глобальные и региональные продовольственные системы государств и регионов. Отмечена важность обеспечения продовольственной безопасности и сбалансированного полноценного питания населения в период экономических затруднений для снижения уязвимости экономики и укрепления политической стабильности Российской Федерации; формирования потенциала, необходимого для противостояния кризису и быстрого восстановления после него. Рассмотрены проблемы продовольственной безопасности и задачи, направленные на предотвращение внутренних и внешних угроз, устойчивое развитие внутреннего производства, достаточного для обеспечения продовольственной независимости и государственного суверенитета.

Ключевые слова: безопасность, пища, Россия, экономика, производство, суверенитет, продовольственная политика, промышленная политика, промышленность, формирование, развитие, прогнозирование.

Цитирование: Майорова Н.В., Майоров М.К., Бахтуразова Т.В., Еделев Д.А. Механизмы обеспечения устойчивого развития и продовольственной безопасности суверенной страны // Вестник университета. 2020. № 3. С. 52–56.

MECHANISMS FOR ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND FOOD SECURITY OF A SOVEREIGN COUNTRY

Abstract. The social and climatic factors that affect the global and regional food systems of states and regions have been highlighted in the article. The importance of ensuring food security and balanced nutrition of the population at a time of economic hardship to reduce the vulnerability of the economy and strengthen the political stability of the Russian Federation, to build capacity to withstand the crisis and rapid recovery from it has been noted. The problems of food security and tasks aimed at preventing internal and external threats, sustainable development of domestic production sufficient to ensure food independence and state sovereignty have been considered.

Keywords: safety, food, Russia, economy, production, sovereignty, food policy, industrial policy, industry, formation, development, forecasting.

For citation: Mayorova N.V., Mayorov M.K., Bakhturazova T.V., Edelev D.A. (2020) Mechanisms for ensuring sustainable development and food security of a sovereign country. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 52–56. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-52-56

Изменение климата, резко возросшие масштабы вооруженных конфликтов и очагов нестабильности в азиатском регионе, обострение хронических межнациональных и международных конфликтов вызвали массовые и нередко неуправляемые миграции большого количества людей. В основе этого может лежать потепление климата и его чрезвычайно быстрая изменчивость, нарастание экстремальных климатических явлений, которые вызывают непрогнозируемую волатильность урожаев сельскохозяйственных культур, изменение их продуктивности и качества, что сказывается на производстве, качестве и количестве конечных продуктов питания,

© Майорова Н.В., Майоров М.К., Бахтуразова Т.В., Еделев Д.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

производимых из них. Все эти социальные и климатические факторы влияют на глобальные и региональные продовольственные системы государств и регионов, источники средств к существованию самих жителей, изменяя методы производства, распределения и потребления продуктов питания, ставя новые проблемы в области продовольственной безопасности питания и здоровья [4]. По данным доклада Организации Объединенных Наций «Состояние продовольственной безопасности», в мире увеличивается число голодающих: эта цифра растет третий год подряд и составляет на сегодня 821 млн человек. В то же время 2 млрд человек едят некачественную пищу или недоедают [9].

Голод, смерть, неполноценное питание, болезни являются угрозой человеческой цивилизации, процветанию общества, и стабильности системы власти. Именно поэтому продовольственная безопасность является основополагающим элементом суверенитета, независимости и национальной безопасности любого современного государства.

Особенностью экономики России в текущий момент является полифакторный, затяжной экономический и социальный кризис. Следовательно, мы должны признать важность обеспечения продовольственной безопасности и сбалансированного полноценного питания в период экономических затруднений. Это снизит уязвимость экономики и политической стабильности, а также позволит сформировать потенциал, необходимый для противостояния кризису и быстрого восстановления после него. От уровня обеспечения продовольственной безопасности зависит вся система экономической стабильности и экономической безопасности государства. Мы уверены, что обеспечение населения нашей страны доброкачественным продовольствием в достаточном количестве является главной задачей государства, и хотели бы напомнить, что именно нехватка продовольствия вызывает высокий уровень социальной и политической конфликтности.

Обеспечение продовольственной безопасности любой страны должно строиться на планомерной работе органов государственной власти в обеспечении пищевого достатка граждан своей страны. Основным рабочим документом такой работы в России является Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, принятая Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (далее – Доктрина-2020), которая при взвешенном и продуманном исполнении органами государственной власти и исполнителями позволяет России избегать голода [1]. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации является документом стратегического планирования, в котором отражены официальные взгляды на цели, задачи и основные направления государственной социально-экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации на долгосрочную перспективу.

Предыдущая Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, принятая Указом Президента Российской Федерации 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (далее – Доктрина-2010), была в основном выполнена [3]. Однако два показателя реализованы не были: Россия не достигла уровня самообеспечения по молоку и пищевой соли.

В пищевой и перерабатывающей промышленности России на 56 тыс. предприятиях сегодня работает 1,5 млн человек. Продажа продуктов питания составляет 49 % розничной торговли в стране, в которой трудятся миллионы человек. Наконец, пищевая промышленность – это 12 % валового внутреннего продукта, а вместе с сельским хозяйством и все 17 % [13].

Доктрина-2020 отвечает современным внешним недружественным вызовам нашей стране и разработана с учетом изменившихся внешних и внутренних условий функционирования агропромышленного комплекса страны. Под внешними недружественными вызовами в первую очередь подразумевается введение санкций в отношении России рядом высокоразвитых стран, ранее поставлявших продукты питания в Россию. В новой доктрине сделан акцент на укреплении продовольственной безопасности страны, замещении импортной продукции на внутреннем продовольственном рынке и повышении самообеспеченности России основными видами пищевых продуктов. Рассмотрим проблемы продовольственной безопасности России и предлагаемые механизмы их решения.

Несмотря на успешность реализации Доктрины-2010, остается ряд проблем [7; 8]. Главной проблемой продовольственной безопасности мы считаем проблему с кредитованием в Российской Федерации. Брать кредит в российских банках в 2020 г. под 13 % годовых может позволить себе очень немного предприятий пищевой промышленности [10]. Льготные государственные кредиты агропромышленным предприятиям странным

образом попадают в одни и те же руки [5]. Мы не склонны видеть в этом коррупцию, но вероятность кредитования за пределы «круга избранных» минимальна.

Первая проблема порождает вторую – старение основных производственных фондов пищевых предприятий и изношенность материально-технической базы. Старение основных производственных фондов пищевых предприятий сдерживает выпуск инновационной конкурентоспособной продукции высокого качества, соответствующего современным мировым требованиям [6]. Изношенность материально-технической базы приводит к значительному сокращению ассортимента вырабатываемой на территории нашей страны продукции, «убивает» небольшие производства и целые сегменты пищевой промышленности. Так, незаметно исчезло производство стратегически важного желатина. Все 16 заводов, ранее работавших в России закрыты, а желатин импортируется из Китая, который наоборот развил его производство. Такая же проблема с производством витаминов, импортируемых из США. Сегодня Россия не имеет своего родительского стада птицы и многого другого, что необходимо для производства продуктов питания в стране без оглядки на иностранные государства. Ограниченность свободных денежных средств у граждан приводит к снижению покупательской способности и дополнительному ограничению на ассортимент приобретаемой продукции, ограничиваясь дешевым ее сегментом. Покупка преимущественно дешевых продуктов запускает колесо inferнального разрушения российской пищевой промышленности. В этих условиях введение санкций в отношении качественных иностранных товаров, наверное, является плохим подспорьем российской пищевой промышленности по понятным из вышеперечисленных причин. Создавать механизмы и инструменты ликвидации дефицита кредитных ресурсов, старения основных производственных фондов пищевых предприятий и изношенности материально-технической базы, восстановления производства стратегически важных продуктов питания и ингредиентов по Доктрине-2020 пока не планируется.

Огромной проблемой пищевой промышленности России страны является фальсификация продуктов питания. Например, недавно «Росконтроль» провел проверку сливочного масла, купленного в российских магазинах. Из 36 проверенных образцов только 9 оказались настоящим сливочным маслом, а остальное – фальсификат, который содержит технический пальмовый жир, маргарин из растительных жиров, смешанный со свиным или говяжьим салом, подкрашенный и ароматизированный, произведенный нередко в антисанитарных условиях [11]. Фальсификат грабит и разрушает бизнес честных производителей, ломает рынок и конкуренцию, наконец убивает людей, ведь под видом настоящих продуктов предлагают продукты сомнительного происхождения. Механизмов борьбы с фальсификатом по Доктрине-2020 продовольственной безопасности Российской Федерации создаваться не планируется, более того само слово «фальсификат» и «фальсификация» в Доктрине-2020 отсутствует. Это ставит под сомнение нацеленность Правительства Российской Федерации на борьбу с фальсификацией продукции агропродовольственного комплекса.

Следующая проблема – оборудование предприятий пищевой промышленности. Автоматизированные линии для производства пищи в России не производятся. Все крупные предприятия страны работают на китайском, американском, немецком, австрийском, французском и итальянском оборудовании. Продукция, которая требует глубокой переработки сырья, – дорогая, и чем глубже, интеллектуальнее переработка, тем продукт дороже. Продукты глубокой переработки зерна стоят в 6-7 раз дороже зерна, которое является сырьем, из которого они делаются. Это же применимо и к мясу, молоку, семенам и орехам. Доктрина-2020 ориентирована на продажу сырья за границу. Создавать механизмы и инструменты производства собственных машин и аппаратов производства пищи на замену иностранных, возрождать пищевое машиностроение по Доктрине-2020 пока не планируется.

Для создания нового оборудования и работы на существующем нужны специалисты и высококвалифицированные конструкторы. Сегодня у нас не готовят инженеров-механиков, инженеров-конструкторов и инженеров автоматчиков, тех, кто связан с созданием робототехники. Создавать механизмы и инструменты подготовки собственных кадров и специалистов пищевого машиностроения по Доктрине-2020 пока не планируется.

В заключение отметим, что динамично развивающийся агропродовольственный сектор России способен надежно обеспечить население страны безопасной пищей, а при решении ряда проблем и задач, предотвращающих внутренние и внешние угрозы продовольственной безопасности, и устойчивое развитие внутреннего производства, достаточное для продовольственной независимости и государственного суверенитета.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (дата обращения: 07.02.2020).
2. Распоряжение Правительства РФ от 25.09.2010 № 1873-Р «Основы государственной политики Российской Федерации в области здорового питания населения на период до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106196/ (дата обращения: 07.02.2020).
3. Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/ (дата обращения: 07.02.2020).
4. Алексейчева, Е. Ю., Еделев, Д. А., Магомедов, М. Д. Экономическая география и регионалистика. – М.: Дашков и К, 2014. – 376 с.
5. Грицюк, Т. В. Государственное регулирование экономики: теория и практика. – М.: РДЛ, 2004. – 287 с.
6. Еделев, Д. А., Кантере, В. М., Матисон, В. А. Безопасность и качество продуктов питания: учебник. – М.: РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, 2010. – 295 с.
7. Еделев, Д. А., Кантере, В. М., Матисон, В. А. Проблемы обеспечения населения РФ безопасными и качественными пищевыми продуктами // Мир агробизнеса. – 2010. – № 1. – С. 4-7.
8. Еделев, Д. А., Кантере, В. М., Матисон, В. А. Технологии обеспечения безопасности и качества продуктов питания: проблемы, стратегические цели, перспективы развития // Пищевая промышленность. – 2010. – № 10. – С. 36-39.
9. Ершов, Ю. ООН: в мире становится все больше голодающих // Российская газета. – 2019. – 16 июля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/07/16/oon-v-mire-stanovitsia-vse-bolshe-golodaiushchih.html> (дата обращения: 07.02.2020).
10. Панин, Г. Ослабление рубля изменит ставки по кредитам и депозитам // Российская газета. – 2020. – 18 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/03/18/oslablenie-rublia-izmenit-stavki-po-kreditam-i-depozitam.html> (дата обращения: 07.02.2020).
11. Чаблин, А., Еделев, Д. Москва, Путину: «Я очень хочу жить!!! Перекройте путь этой отраве!» // Свободная пресса. – 2020. – 31 янв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/society/article/255937/> (accessed 07.02.2020).
12. Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 07.02.2020).
13. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 07.02.2020).

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 21.01.2020 № 20 "Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii" [*Decree of the President of the Russian Federation from 21.01.2020 No. 20 "About the approval of the Doctrine of food security of the Russian Federation"*], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (accessed 07.02.2020).
2. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.09.2010 № 1873-R "Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti zdravogo pitaniya naseleniya na period do 2020 goda" [*Decree of the Government of the Russian Federation of September 25, 2010 No. 1873-P "Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of healthy nutrition for the period until 2020"*], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106196/ (accessed 07.02.2020).
3. Ukaz Prezidenta RF ot 30.01.2010 № 120 «Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» [*Decree of the President of the Russian Federation of 30.01.2010 No. 120 "On approval of the doctrine of food security of the Russian Federation"*], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/ (accessed 07.02.2020).
4. Alekseycheva E. Yu., Edelev D. A., Magomedov M. D. Ekonomicheskaya geografiya i regionalistika [*Economic geography and regional studies*]. Moscow, Dashkov i K, 2014. 376 p.
5. Grityuk T. V. Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki: teoriya i praktika [*Economic geography and regional studies*]. Moscow, RDL, 2004. 287 p.

6. Edelev D. A., Kantere V. M., Matison V. A. Bezopasnost' i kachestvo produktov pitaniya: uchebnik [*Safety and quality of food: textbook*]. Moscow, RGAU-MSKhA im. K. A. Timiryazeva, 2010. 295 p.
7. Edelev D. A., Kantere V. M., Matison V. A. Problemy obespecheniya naseleniya RF bezopasnymi i kachestvennymi pishchevymi produktami [*Problems of providing the population of the Russian Federation with safe and high-quality food products*]. Mir agrobiznesa [*World of Agrobusiness*], 2010, no. 1, pp. 4-7.
8. Edelev D. A., Kantere V. M., Matison V. A. Tekhnologii obespecheniya bezopasnosti i kachestva produktov pitaniya: problemy, strategicheskieseli, perspektivyrazvitiya [*Technologies for ensuring safety and quality of food: problems, strategic goals, development prospects*]. Pishchevaya promyshlennost' [*Food Industry*], 2010, no. 10, pp. 36-39.
9. Ershov Yu. OON: v mire stanovitsya vse bol'she golodayushchikh [*UN: the world is becoming more starving*]. Rossiiskaya gazeta, 2019, July 16. Available at: <https://rg.ru/2019/07/16/oon-v-mire-stanovitsia-vse-bolshe-golodaiushchih.html> (accessed 07.02.2020).
10. Panin G. Oslablenie rublya izmenit stavki po kreditam i depozitam [*The weakening of the ruble will change the rates on loans and deposits*]. Rossiiskaya gazeta, 2020, March 18. Available at: <https://rg.ru/2020/03/18/oslablenie-rublia-izmenit-stavki-po-kreditam-i-depozitam.html> (accessed 07.02.2020).
11. Chablin A., Edelev D. Moskva, Putinu: "Ya ochen' khochu zhit'!!! Perekroite put' etoi otrave!" [*Moscow, to Putin: "I really want to live!!! Block the path to this poison!"*]. Svobodnaya pressa, 2020, January 31. Available at: <https://svpressa.ru/society/article/255937/> (accessed 07.02.2020).
12. Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossiiskoi Federatsii [*Official website of the President of the Russian Federation*]. Available at: <http://kremlin.ru/> (accessed 07.02.2020).
13. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [*Federal State Statistics Service*]. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 07.02.2020).

Родина Ирина Борисовна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-5131-4371

e-mail: 9360423@gmail.com

Владимирова Алла Федоровна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5635-472X

e-mail: vladimirova-0103@mail.ru

ИНТЕРАКТИВНЫЕ И АКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «МАКРОЭКОНОМИКА» В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация. Проведен анализ особенностей и проблем использования интерактивных, активных и дистанционных образовательных технологий в процессе преподавания учебной дисциплины «Макроэкономика» при подготовке бакалавров в высшем учебном заведении экономического и управленческого профиля. Доказано, что названные образовательные технологии, выступая настоящей необходимостью и обязательным требованием образовательного процесса в эпоху цифровизации, включают различные виды прорывных технологий в современных междисциплинарных научных исследованиях, высшем образовании, экономических науках. Обосновано, что указанные образовательные технологии являются шансом для высшей школы Российской Федерации занять лидирующие позиции в мировом рейтинге учебных заведений в условиях членства страны во Всемирной торговой организации. Представлена авторская методика инновационных методов обучения по дисциплине «Макроэкономика» в старейшем российском высшем учебном заведении.

Ключевые слова: активная образовательная технология, интерактивные методы обучения, макроэкономика, инновация, интерактивная лекция, формы интерактивных технологий.

Цитирование: Родина И.Б., Владимирова А.Ф. Интерактивные и активные технологии в преподавании дисциплины «Макроэкономика» в высшей школе // Вестник университета. 2020. № 3. С. 57–63.

INTERACTIVE AND ACTIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING THE DISCIPLINE “MACROECONOMICS” IN HIGHER EDUCATION

Abstract: The features and problems of using interactive, active and distance educational technologies in the process of teaching the educational discipline «Macroeconomics» in the preparation of bachelors in higher educational institutions of economic and managerial profile have been analysed. It has been proved, that the above-mentioned educational technologies, while being an urgent necessity and a mandatory requirement of the educational process in the digital age, include various types of breakthrough technologies in modern interdisciplinary scientific research, higher education, economic sciences. It has been substantiated, that these educational technologies are a chance for higher education in the Russian Federation to take a leading position in the world ranking of educational institutions in the context of the country's membership in the World Trade Organization. The author's technique of innovative teaching methods in the discipline «Macroeconomics» in the oldest Russian higher education institution has been presented.

Keywords: active educational technology, interactive teaching methods, macroeconomics, innovation, interactive lecture, forms of interactive technologies.

For citation: Rodina I.B., Vladimirova A.F. (2020) Interactive and active technologies in teaching the discipline “Macroeconomics” in higher education. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 57–63. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-57-63

Rodina Irina

Doctor of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5131-4371

e-mail: 9360423@gmail.com

Vladimirova Alla

Candidate of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5635-472X

e-mail: vladimirova-0103@mail.ru

В условиях тотальной цифровизации важнейшим направлением оптимизации подготовки бакалавров по дисциплине «Макроэкономика» выступают интерактивные формы обучения. Согласно Федеральным государственным стандартам высшего профессионального образования, для формирования профессиональных и общекультурных компетенций необходимо использование в процессе преподавания базовых учебных дисциплин интерактивных форм обучения (п. 7.3 ФГОС ВПО) [11; 12].

Использование прорывных технологий позволяет студенту выполнять роль активного субъекта обучения, а не объекта воздействия, а также найти свое уникальное место при выполнении самостоятельных творческих заданий. Интерактивные же технологии, включающие кейсы и ролевые игры как модели производственных ситуаций, предусматривают совместное решение возникающих проблем, исключают доминирование отдельно взятого участника учебного процесса или отдельно взятой идеи [1; 2; 3; 4; 8].

В статье учтен современный взгляд на прорывные информационные технологии и инновации в высшем образовании в условиях цифровой экономики отечественных авторов: В. В. Буряк, Ю. С. Бычкова, Л. Д. Гительман, Н. И. Козлов, Ю. Н. Лапыгин, Н. В. Харисова, В. М. Шепель; зарубежных специалистов: Т. Бьюзен, Д. Маккойд-Мэйсон и др.

В существующей литературе представлен современный подход к высшему образованию как к процессу формирования компетенций, предусматривающий создание условий к активному обучению, когда студент проявляет не только активность познания, но и способность самовыражения себя как субъекта образовательного процесса [5; 6; 7; 9; 10]. Другие авторы рассматривают активные методы как приемы педагогического воздействия, стимулирующие студентов активно мыслить, демонстрировать творческий подход в поиске решений [11; 12].

В литературе выделяют особенности активных и интерактивных образовательных технологий, когда взаимодействие преподавателя и студента основано не только на обратной связи между ними, но и на взаимодействии между студентами [4]. Авторам такой тезис представляется спорным, так как при интерактивных образовательных технологиях видоизменяются функции преподавателя: он выступает в роли координатора коллективного обучения в малых группах как формы организации образовательного процесса [11; 12]. Термин «интерактивные технологии», по сравнению с технологиями активными, употребляется в контексте возбуждения активности студентов в процессе взаимодействия под руководством преподавателя [12].

Цель настоящего исследования – выработка концептуальных основ применения интерактивных, активных и дистанционных образовательных технологий в процессе преподавания учебной дисциплины «Макроэкономика» при подготовке бакалавров в российских экономических вузах.

Реализация указанной цели предполагает решение следующих задач:

- пробуждение у студентов интереса к учебной дисциплине «Макроэкономика»;
- повышение эффективности усвоения материала по дисциплине «Макроэкономика»;
- самостоятельный поиск студентами поставленной задачи (единственного верного ответа из множества выбора или нахождение своего собственного мотивированного решения);
- обучение студентов работе в команде: толерантности к разным точкам зрения, уважению права на свободу слова.

Гипотеза исследования – применение интерактивных, активных и дистанционных образовательных технологий выступает прорывным методом и инновационным решением при обучении студентов по дисциплине «Макроэкономика», имеющей ряд специфических особенностей, поскольку:

- является теоретическим фундаментом при изучении отраслевых и функциональных экономических наук, следовательно, применение ролевых игр, инсценировок и кейс-методов приводит к появлению навыков самостоятельной оценки практических ситуаций, исследования корня проблемы, поиск ряда возможных решений и нахождение оптимального, которые можно будет применять на занятиях по другим учебным дисциплинам. При анализе кейсов студенты приобретают способность командной работы, что расширяет их возможности для преодоления различных проблем при изучении последующих дисциплин, изучаемых после макроэкономики;

- использует знания студентов, полученные в процессе изучения политической экономии, высшей математики. Например, использование метода Сократа по различным школам и направлениям современной макроэкономической мысли или различным типам экономических систем, который основан на заранее подготовленных наводящих вопросах, требующих лаконичных ответов и предполагающих критическое отношение

к догматическим утверждениям, позволяет извлекать знания, полученные студентами ранее по другим учебным дисциплинам. При этом формируется навык приходить к истине самостоятельно;

– выступает методологической основой дисциплин: «Микроэкономика», «Мировая экономика», «Маркетинг» и др. Проведение дискуссии в виде целенаправленного свободного или управляемого обсуждения конкретной темы данной дисциплины сопровождается обменом мнениями между студентами, что позволяет выявить различия в понимании вопроса и установлении истины, следовательно, может применяться как теоретическая предпосылка в последующих учебных дисциплинах.

По учебному плану по дисциплине «Макроэкономика» читаются лекции, проводятся семинарские занятия. Прорывные образовательные технологии способствуют самостоятельности мышления студентов, умению выполнять уникальные задачи в будущей профессии, вовлекают студентов в научные дискуссии, активный поиск новых знаний, приобретение прагматичных навыков, умения логически мыслить, строить умозаключения, рассуждать, что особенно важно в эпоху всеобщего тяготения к различным гаджетам. Многолетняя практика преподавания макроэкономики авторов статьи в старейшем экономическом университете показывает, что интерактивные технологии способствуют многократной активности студентов по сравнению с технологиями традиционными.

Интерактивные технологии оправданы в форматах лекционного потока, студенческой группы или пар студентов, когда психологически комфортная атмосфера, создающая ощущение защищенности, самостоятельность студента в поиске решения конкретной поставленной задачи, исключение доминирования какого-либо участника или сформулированной им идеи, многократная активность студента по сравнению с активностью преподавателя, применение теоретических знаний, полученных на лекциях, в процессе интерактивного занятия способствуют возникновению устойчивой обратной связи, при которой миссия преподавателя выражается в поощрении студенческой самостоятельности и инициативы, консалтинге по отдельным моментам темы занятия, корректировке отдельных действий студентов.

При интерактивном обучении формируется специфическая образовательная среда, характеризующаяся открытостью, накоплением прагматического опыта, взаимным контролем. Об эффективности интерактивных форм обучения свидетельствуют факты, что при самостоятельном чтении студенты запоминают лишь десятую часть информации, при прослушивании традиционно прочитанной лекции – не больше пятой части информации, при визуальной лекции в памяти остается лишь половина полученной информации, при исследуемых образовательных технологиях не усваивается только десятая часть информации. При использовании интерактивных форм обучения – дискуссий, игр, метода проектов, кейс-метода (англ. case-study) – усваивается свыше 90 % информации. Следовательно, интерактивные технологии выступают основным направлением совершенствования подготовки студентов в условиях цифровизации, а современные методические предпосылки должны опираться на интерактивные методы обучения.

Интерактивное обучение преследует следующие цели:

- рост эффективности образовательного процесса в условиях цифровизации;
- рост мотивации к обучению дисциплины «Макроэкономика»;
- овладение студентами профессиональными навыками;
- формирование навыков взаимодействия студентов;
- анализ результатов совместной деятельности;
- применение практических навыков владения средствами и информационными технологиями, полученных при изучении соответствующих учебных дисциплин, при обработке информации в дисциплине «Макроэкономика»;
- рост способности самостоятельного поиска информации;
- снижение удельного веса аудиторной нагрузки при росте часов самостоятельной работы студентов под контролем преподавателя.

Применение инновационных технологий целесообразно при проведении аудиторных занятий, самостоятельной работе и других видах учебных занятий на всех уровнях подготовки. Доля занятий в активных и интерактивных формах определяется конкретной образовательной программой, но, по нашему мнению, должны составлять не менее 20 % аудиторных часов. Количество часов на интерактивные формы оговаривается учебным планом и отражается в учебно-методическом комплексе конкретной дисциплины.

Среди особенностей интерактивного обучения следует выделить следующие.

1. При организации учебного процесса привлекаются все без исключения студенты, обладающие разными способностями, но осуществляющие индивидуальный вклад в совместную деятельность.

2. Интерактивное обучение основано на данных принципах:

- тщательный отбор профессиональной терминологии;
- выделение и оценка факторов конкретных ситуаций, на основе чего студенты выполняют разнообразные ролевые функции;
- обеспечение визуального контакта всей аудитории;
- поочередное осуществление роли руководителя каждым из студентов;
- использование технических средств в качестве иллюстрации учебного материала;
- постоянное активное взаимодействие преподавателя внутри группы студентов;
- оперативное вмешательство преподавателя при возникновении непредвиденных обстоятельств;
- использование индивидуальных заданий, учитывающих личные способности студентов;
- при условии неукоснительного соблюдения норм и правил, заранее оговоренных преподавателем, поощрение (наказание) по итогам.

3. Обучение должно осуществляться в условиях постоянной модернизации электронных учебно-методических рекомендаций, при использовании инновационных мультимедийных средств, лекций с кейсами, проведении аудиторных занятий в режиме реального времени с применением сети «Интернет».

По своему содержанию интерактивными формами обучения выступают: деловые и ролевые игры; тренинги; групповая научная дискуссия (диспут); дебаты; кейс-метод; метод проектов; мозговой штурм; портфолио; семинар в диалоговом режиме (семинар-диалог); разбор конкретных ситуаций; метод работы в малых группах (результат работы студенческих исследовательских групп); круглые столы; вузовские, межвузовские видеоконференции; проведение форумов; компьютерные симуляции; компьютерное моделирование и практический анализ результатов; презентации с использованием мультимедийных средств; интерактивные лекции; лекция с элементами пресс-конференции; бинарные лекции; лекции с заранее запланированными ошибками; проблемные лекции.

По мнению авторов, в процессе преподавания учебной дисциплины «Макроэкономика» наиболее целесообразно использовать из предложенного списка следующие интерактивные формы обучения [11; 12].

Интерактивная лекция. Происходит перед лекционным потоком студентов с применением следующих активных форм обучения: дискуссия (Тема 6. Потребление, сбережения, инвестиции), беседа (Тема 8. Модель денежного рынка), демонстрация слайдов или учебных фильмов (Тема 12. Занятость и безработица; Тема 13. Инфляция), мозговой штурм (Тема 19. Бюджетно-налоговая и кредитно-денежная политика государства) [11, с. 150, с. 215, с. 244, с. 364].

Лекция-пресс-конференция. Проводится по заранее оговоренной проблеме, согласно которой студентами заранее подготовлены логически завершенные доклады жестко установленной продолжительности (Тема 7. Достижение равновесного объема производства. Модель Дж. М. Кейнса «доходы – расходы») [11, с. 119]. При подведении итогов занятия преподаватель дает оценку выступлениям студентов, четко фиксирует выводы.

Лекция вдвоем (бинарная лекция). Это форма диалога двух преподавателей – сторонников двух различных научных школ с вовлечением в обсуждение студентов (Тема 2. Основные макроэкономические течения; Тема 5. Совокупный спрос и совокупное предложение. Равновесие на рынке товаров) [11, с. 18, с. 78]. Подобная лекция прививает студентам культуру научной дискуссии.

Лекция с заранее запланированными ошибками. Дает навыки к систематическому контролю предлагаемой информации через поиск содержательных, методологических, методических ошибок и неточностей. (Тема 16. Концепции государственного воздействия на экономику) [11, с. 305]. В конце лекции разбираются допущенные ошибки.

Проблемная лекция. Предусматривает раскрытие полученных знаний в результате поиска решения проблемы, заявленной в названии лекции, или оценке традиционных и современных точек зрения на проблему (Тема 17. Методы государственного регулирования экономики) [11, с. 320].

«Круглый стол». Это практическое занятие, проводимое в присутствии приглашенных экспертов и специалистов из числа выпускников кафедры, магистрантов, аспирантов для обсуждения актуальных вопросов

национальной и мировой экономики (Тема 8. Модель денежного рынка; Тема 9. Кредитная система [12, с. 47, с. 52]). Такое занятие имеет признаки обобщения мнений по обсуждаемой проблеме.

Коллоквиум. Это практическое занятие, проводимое для выяснения знаний студентов при обсуждении темы и вопросов учебной дисциплины (Тема 3. Макроэкономические аспекты национального счетоводства), являясь формой промежуточного контроля в эпоху цифровизации, когда все иные формы полностью формализованы, переведены на письменные тестовые работы [12, с. 150]. При современной всеобщей оснащенности студентов гаджетами, учебных аудиторий средствами беспроводной связи у преподавателя существуют серьезные сложности проверки фактических знаний и степени усвоения учебного материала у студентов.

«Мозговой штурм». Предполагает обсуждение существенного количества вариантов парадоксальных решений, когда из общего числа озвученных предположений выбираются те, что применяются в практической деятельности (Тема 15. Модели экономического роста) [12, с. 80]. При этом группа студентов делится на: генераторов идей, высказывающих предложения, позволяющие решить проблему; критиков, выделяющих негативные стороны в озвученных рекомендациях; аналитиков, адаптирующих данные рекомендации к российским хозяйственным условиям, учитывая высказывания критиков.

Имитационные игры. На практических занятиях по макроэкономике можно моделировать, например, деятельность центрального банка при осуществлении им денежно-кредитной политики в форме политики «дорогих» или «дешевых денег» при возникновении в национальной экономике соответствующих проблем. При этом имитируются и событие (инфляция или проблема неплатежей), и деятельность центрального банка, а также его структурных подразделений, и их конкретные действия (заседание Совета директоров Банка России по вопросам денежно-кредитной политики). Помимо сюжета имитационной игры, в ее сценарии предусмотрено описание структуры и назначения имитируемых процессов и объектов.

Метод инсценировки. Данный метод предусматривает разыгрыш конкретной ситуации по сценарию. Например, введение или продление западных антироссийских санкций после присоединения Крыма к Российской Федерации, ответные меры на данные действия. Студентам предлагается оценить и мотивировать действия США и его партнеров, оценить обстановку и выработать линию поведения. Основная цель применения метода – выработать навыки ориентироваться в различных обстоятельствах, давать объективную оценку любым действиям, учитывать возможности другой стороны, оказывать влияние на интересы другой стороны.

Среди неигровых имитационных активных методов следует применять анализ конкретных ситуаций и кейс-метод. Первый предусмотрен по всем без исключения темам курса макроэкономики [11; 12]. Конкретные простые, критические или экстремальные ситуации, разработанные и описанные авторами данной статьи, содержат противоречия, влекущие либо положительные, либо отрицательные последствия для экономики. Студентам предлагается оценить ситуацию и ответить на поставленные вопросы. Продолжением и развитием данного метода выступает кейс-метод. В предлагаемых кейсах содержатся реальные ситуации, хотя и включают элемент условности и ориентированы на использование макроэкономического моделирования.

Применение указанных методов позволяют студентам овладеть приемами работы в команде единомышленников, когда границы возможностей решения типичных проблем расширяются в рамках изучения конкретной темы по дисциплине, поскольку следует оценить сложившуюся обстановку, выявить сущность, определить собственную роль и линию поведения при решении ее.

Кейс-метод, получивший распространение в зарубежных университетах, был известен отечественной высшей школе с конца 1920-х гг., в эпоху цифровизации захватил первые позиции в преподавании экономических дисциплин, активно используется в бизнесе и выступает наиболее эффективным методом обучения студентов навыкам решения типичных задач макроэкономики. Его отличительной особенностью выступает создание проблемной ситуации на основе фактов из хозяйственной практики.

По нашему мнению, при изучении макроэкономики кейс-метод способствует формированию у студентов следующих навыков:

- аналитических, связанных с умением классифицировать, фильтровать существенную и несущественную информацию, добывать недостающую информацию;
- прагматичных, способствующих выбору и использованию различных методов и способов решения проблем;

- творческих, связанных с поиском самостоятельных, оригинальных путей решения задач;
- коммуникативных, связанных с приобретением способностей: ведения дискуссий, убеждения в своей правоте при отстаивании собственной точки зрения, кооперации;
- социальных, связанных с оценкой поведения, умением слушать, поддерживать дискуссию, приводить аргументы;
- навыков самоанализа.

Предлагаемые авторами кейсы по всем темам дисциплины «Макроэкономика» обладают следующими чертами: полностью отвечают цели конкретной темы курса; соответствуют уровню сложности подготовки бакалавров направлений «Экономика» и «Менеджмент»; являются актуальными; развивают аналитическое мышление; являются дискуссионными; имеют несколько решений.

В современных условиях ежегодно увеличивается число часов самостоятельной работы студентов под контролем преподавателя и сокращается количество аудиторных занятий, поэтому необходимо широко использовать дистанционные образовательные технологии для эффективности первого вида учебной нагрузки. По нашему мнению, при преподавании макроэкономики целесообразно применение таких технологий, как интернет-телефония (например, Skype), блог, программное обучение.

Привычные Skype и блоги позволяют преподавателю осуществлять голосовую связь со студентами через сеть «Интернет», регулярно добавлять записи (посты), содержащие текст, графики, таблицы, короткие методические указания на определенное время. Учитывая, что для блогов необходима публикация отзывов, они обладают определенными преимуществами по сравнению с электронной почтой, выступая средой сетевого общения. Преподаватель, создавая свой блог или журнал, делит участников по курсам и темам, а уже внутри этих журналов и форумов общается со студентами в контексте дисциплины «Макроэкономика».

Подводя итоги исследования, следует отметить, что полученные в нем результаты полностью подтверждают заявленную гипотезу исследования.

В ходе исследования был осуществлен анализ возможных интерактивных, активных и дистанционных образовательных технологий с учетом требований государственного образовательного стандарта. На основе личного опыта многолетнего преподавания учебной дисциплины «Макроэкономика» в старейшем российском университете были получены научные результаты, обладающие научной новизной и значимостью для преподавательской практики. Прикладной характер исследования объясняется примененным системным подходом, возможностью использования его результатов не только при изучении данной дисциплины.

Решение поставленных задач исследования выступает одним из приоритетных направлений развития российской высшей школы, что является определенным вкладом как в развитие учебной дисциплины «Макроэкономика», так и в практику подготовки бакалавров по направлениям «Экономика» и «Менеджмент».

Проведенное исследование позволяет авторам сделать некоторые выводы и обобщения. В цифровой экономике возрастает значение интерактивных форм обучения, когда студент, активно участвуя в образовательном процессе, ведет себя как полноценный субъект. Применение интерактивных методов обучения должно учитывать специфические особенности учебной дисциплины «Макроэкономика».

Библиографический список

1. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учебное пособие / Сост. Т. Г. Мухина. – Н.Новгород: ННГАСУ, 2013. – 97 с.
2. Блинов, А. О., Рудакова, О. С. Интерактивные методы обучения в магистратуре // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2014. – № 4. – С. 45-48.
3. Большакова, О. Н., Алексеева, Л. Ф. Готовность преподавателей вузов к организации работы по подготовке студентов к самостоятельной деятельности инновационной направленности // Высшее образование сегодня. – 2012. – № 1. – С. 62-64.
4. Бычкова Ю. С. Современные педагогические технологии // Социальная сеть работников образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/blog/shkola/obshcheshkolnaya-tematika/all/2011/11/04/sovremennyye-pedagogicheskie-tehnologii> (дата обращения: 14.01.2020).
5. Вылкова, Е. С. Ролевые игры как инновационный подход к повышению качества образовательного процесса в вузе // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2014. – № 2. – С. 87-90.

6. Граф В., Ильясов, И., Ляудис, В. Основы самоорганизации учебной деятельности и самостоятельная работа студентов. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 78 с.
7. Калашникова, Е. Ю., Коновалова, И. А., Ловянникова, В. В. Методика преподавания экономических дисциплин в современных условиях модификации // Молодой ученый. – 2013. – № 12. – С. 901-903.
8. Коменский, Я. А., Локк, Д., Руссо, Ж.-Ж., Песталоцци, И. Г. Педагогическое наследие. – М.: Педагогика, 1989. – 416 с.
9. Кругликов В.Н. Активное обучение в техническом вузе: теория, технология, практика. – СПб.: Военный инженерно-технический университет (ВИТУ), 1998. – 308 с.
10. Лапыгин, Ю. Н. Методы активного обучения: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2016. – 248 с.
11. Родина, И. Б. и др. Макроэкономика. Основной курс: учебное пособие для подготовки бакалавров по направлениям 38.03.01 Экономика, 38.03.02 Менеджмент. – 2-е изд., испр. / Отв. ред. М. С. Мокий. – М.: ГУУ, 2015. – 382 с.
12. Родина, И. Б., Владимирова, А. Ф. Макроэкономика. Основной курс: задачи, ситуации (кейсы), тесты: учебное пособие для подготовки бакалавров по направлениям 38.03.01 Экономика, 38.03.02 Менеджмент. – 3-е изд., испр. – М.: ГУУ, 2017. – 117 с.

References

1. Aktivnye i interaktivnye obrazovatel'nye tekhnologii (formy provedeniya zanyatii) v vysshei shkole: uchebnoe posobie [*Active and interactive educational technologies (forms of conducting classes) in higher educational institution: a tutorial*]. Sost. T. G. Mukhina. N. Novgorod, NNGASU, 2013, 97 p.
2. Blinov A. O., Rudakova O. S. Interaktivnye metody obucheniya v magistrature [*Interactive teaching methods in the magistracy*]. Alma mater (Vestnik vysshei shkoly), 2014, no. 4, pp. 45-48.
3. Bol'shakova O. N., Alekseeva L. F. Gotovnost' prepodavatelei vuzov k organizatsii raboty po podgotovke studentov k samostoyatel'noi deyatel'nosti innovatsionnoi napravlenosti [*Readiness of university teachers to organize work on preparing students for independent activities of an innovative orientation*]. Vysshee obrazovanie segodnya [*Higher Education Today*], 2012, no. 1, pp. 62-64.
4. Bychkova Yu. S. Sovremennye pedagogicheskie tekhnologii [*Modern pedagogical technologies*]. Sotsial'naya set' rabotnikov obrazovaniya. Available at: <http://nsportal.ru/blog/shkola/obshcheshkolnaya-tematika/all/2011/11/04/sovremennyyepedagogicheskie-tekhnologii> (accessed 14.01.2020).
5. Vylkova E. S. Rolevyie igry kak innovatsionnyi podkhod k povysheniyu kachestva obrazovatel'nogo protsessa v vuzе [*Role-playing games as an innovative approach to improving the quality of the educational process at the higher education institution*]. Alma mater (Vestnik vysshei shkoly), 2014, no. 2, pp. 87-90.
6. Graf V., Il'yasov I., Lyaudis V. Osnovy samoorganizatsii uchebnoi deyatel'nosti i samostoyatel'naya rabota studentov [*Fundamentals of self-organization of educational activity and independent work of students*]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. 78 p.
7. Kalashnikova E. Yu., Konovalova I. A., Lovyannikova V. V. Metodika prepodavaniya ekonomicheskikh distsiplin v sovremennykh usloviyakh modifiktsii [*The methodology of teaching economic disciplines in modern conditions of modification*]. Molodoi uchenyi, 2013, no. 12, pp. 901-903.
8. Komenskii Ya. A., Lock J., Russo J. J., Pestalotstsi I. G. Pedagogicheskoe nasledie [*Pedagogical heritage*]. Moscow, Pedagogika, 1989. 416 p.
9. Kruglikov V. N. Aktivnoe obuchenie v tekhnicheskoy vuzе: teoriya, tekhnologiya, praktika [*Active learning in a technical university: theory, technology, practice*]. St-Petersburg, Voennyi inzhenerno-tekhnicheskii universitet (VITU), 1998. 308 p.
10. Lapygin Yu. N. Metody aktivnogo obucheniya: uchebnyy i praktikum dlya vuzov [*Methods of active teaching: a textbook and workshop for universities*]. Moscow, Yurait, 2016, 248 p.
11. Rodina I. B. i dr. Makroekonomika. Osnovnoy kurs: uchebnoe posobie dlya podgotovki bakalavrov po napravleniyam 38.03.01 Ekonomika, 38.03.02 Menedzhment [*Macroeconomics. Main course: a manual for the preparation of bachelors in the areas of 38.03.01 Economics, 38.03.02 Management*], 2-e izd., ispr. Отв. ред. М. С. Мокий. Moscow, GUU, 2015. 382 p.
12. Rodina I. B., Vladimirova A. F. Makroekonomika. Osnovnoy kurs: zadachi, situatsii (keisy), testy: uchebnoe posobie dlya podgotovki bakalavrov po napravleniyam 38.03.01 Ekonomika, 38.03.02 Menedzhment [*Macroeconomics. Basic course: tasks, situations (cases), tests: a manual for the preparation of bachelors in the areas of 38.03.01 Economics, 38.03.02 Management*], 3-e izd., ispr. Moscow, GUU, 2017. 117 p.

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338.58

JEL R41

DOI 10.26425/1816-4277-2020-3-64-68

Донченко Вадим Валерианович
канд. техн. наук, ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0544-7608
e-mail: Donchenko@niiat.ru

Филиппова Римма Владимировна
аспирант, ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1364-297
e-mail: Rimma-filippova@yandex.ru

Donchenko Vadim
Candidate of Technical Sciences, Scientific and Research Institute of Motor Transport, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0544-7608
e-mail: Donchenko@niiat.ru

Filippova Rimma
Postgraduate student, Scientific and Research Institute of Motor Transport, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1364-297
e-mail: Rimma-filippova@yandex.ru

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗДЕРЖЕК, СВЯЗАННЫХ С ВРЕМЕННЫМИ ПАРАМЕТРАМИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ

Аннотация. Описаны направления экономической оценки издержек, связанных со временем транспортных передвижений городского населения. Показано, что решение задачи по повышению надежности городского сообщения ведет к экономии времени пассажиров и возможности использования полученной экономии более производительным образом, следовательно, расчет стоимостной оценки величины изменения времени пребывания в пути может быть учтен при выборе к реализации того или иного транспортного проекта, для оценки затрат и результатов государственных инвестиций или регулирующих воздействий. Предложена модель экономической оценки эффективности транспортных проектов на основе учета сокращения среднего времени перемещения городского населения и повышения надежности транспортных корреспонденций городского транспорта.

Ключевые слова: автомобильный транспорт, время перемещения, надежность, транспортные корреспонденции, стоимость передвижения, экономическая эффективность, транспортные системы, экономия времени.

Цитирование: Донченко В.В., Филиппова Р.В. Анализ подходов к оценке экономических издержек, связанных с временными параметрами функционирования городских транспортных систем // Вестник университета. 2020. № 3. С. 64–68.

ANALYSIS OF APPROACHES TO ASSESSING THE ECONOMIC COSTS ASSOCIATED WITH THE TIME PARAMETERS OF URBAN TRANSPORT SYSTEMS FUNCTIONING

Abstract. The directions of economic assessment of the costs associated with the time of transport movements of the urban population have been described. It has been shown, that solving the problem of improving the reliability of urban transport leads to saving passengers' time and the possibility of using the resulting savings in a more productive way, therefore, the calculation of the cost estimate of the change in travel time can be taken into account when choosing to implement a particular transport project, to assess the costs and results of public investment or regulatory impacts. A model of economic efficiency evaluation of transport projects, based on accounting of reduction in average travel time of urban population and improving the reliability of transport correspondences of urban transport has been proposed.

Keywords: road transport, travel time, reliability, transport correspondences, transportation cost, economic efficiency, transport systems, saving of time.

For citation: Donchenko V.V., Filippova R.V. (2020) Analysis of approaches to assessing the economic costs associated with the time parameters of urban transport systems functioning. *Vestnik universiteta*. 1. 3, pp. 64–68. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-64-68

© Донченко В.В., Филиппова Р.В., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Стоимостная оценка экономии, связанной с сокращением времени передвижения, является важнейшим фактором, который должен учитываться при оценке выгодности инвестиций в транспортную инфраструктуру, оценке эффективности мер и решений по организации дорожного движения. Государственные организации используют анализ затрат и выгод проектов и решений в сфере городского пассажирского транспорта, чтобы убедиться, что их регулирующие инициативы и инвестиции в транспортную инфраструктуру будут использовать общественные ресурсы наиболее эффективным образом и способствовать прозрачности принятия решений. При этом часто требуется назначение стоимостных (монетарных) оценок факторам, для которых отсутствуют очевидные рыночные цены. Зачастую, расчет стоимости оценки изменения времени поездки делается на основе стоимости часа времени для определенных групп пользователей, исходя из целей поездок и вида транспорта. С точки зрения потребителя во многих случаях важно не только сокращение времени поездки, но и повышение ее надежности, то есть вероятности того, что поездка завершится в запланированное время [5].

Под надежностью перевозочного процесса городского пассажирского транспорта в целом понимается вероятность осуществления поездки в соответствии с запланированным временем прибытия к пункту назначения или, в случае общественного пассажирского транспорта, с установленным расписанием движения на маршрутах. Изменение условий движения вынуждает пользователей городского пассажирского транспорта закладывать в график своей поездки резервное время, которое компенсирует ненадежность сообщения и обеспечивает приезд к месту назначения вовремя. Такое время называют буферным, и оно оценивается как дополнительные затраты времени пассажира или водителя для обеспечения надежности передвижения.

Анализ зарубежной литературы показал, что понятия «надежность» и «ненадежность» длительно-сти поездки, транспортного сообщения широко используются в различных научных статьях и публикациях зарубежных авторов: G. S. Becker, M. Boiteux and L. Baumstark, S. Concas and A. Kolpakov, M. Fosgerau, K. M. Gwilliam, A. J. Venables, экспертов Международного транспортного форума (англ. International Transport Forum) [2; 3; 5]. Надежность транспортных корреспонденций городского пассажирского транспорта не рассчитывается так же просто, как средняя продолжительность поездки. Последняя хорошо понимается общественностью, а обычная концепция ее оценки основывается на использовании стратегических транспортных моделей, чего нельзя сказать про надежность сообщения.

Термин «стоимостные затраты пассажира, связанные с затрачиваемым им временем на внутригородские перемещения» можно описать как совокупную стоимостную оценку средних затрат на поездку и стоимостную оценку закладываемого буферного времени (потери, связанные с ненадежностью транспортных корреспонденций).

Стоимость единицы буферного времени в общем случае больше стоимости единицы времени самой поездки. Величина этой разницы зависит от ряда факторов: цели поездки, важности мероприятия, социального статуса человека и уровня его доходов и так далее и должна являться предметом дополнительных исследований.

В большинстве исследований распределения транспортного спроса для выбора способа передвижения используются технологии дискретного выбора. Часто используется логистический анализ для расчета параметров, влияющих на выбор людьми вида транспорта и маршрута. Кроме того, в современных исследованиях эксперты и ученые также начали использовать в этих целях мета-анализ [3].

Признается многими учеными, что для деловых поездок стоимостная величина экономии времени передвижения равна часовым затратам на наем работника брутто (гросс-зарплата в бухгалтерском учете – это сумма вознаграждения за труд работника, включающая все компоненты зарплаты, в том числе налог на доходы физических лиц). Учитывая, что рынки труда и системы налогообложения в разных странах различны, то и определение часового дохода также разнится [4].

В целом в зарубежных исследованиях имеется консенсус в отношении принятых подходов к стоимостной оценке экономии времени передвижения, используемых переменных, а также степени схожести конкретных рекомендованных значений.

Стоимость сэкономленного времени поездки зависит от категории пользователя (его социальный статус, уровень доходов и т. д.); целей, обстоятельств и условий поездки; возможных вариантов перемещения. Однако не может быть уверенности, что эти факторы даже для конкретного пользователя будут стабильными

во времени. Тем не менее, если учесть, что основная доля индивидуальных поездок (например, трудовых) имеет сходные цели и ежедневный/еженедельный график данных поездок повторяется, то при сравнении вариантов вида транспорта и маршрута (например, общественный транспорт в сравнении с личным автомобилем; платные автомагистрали в сравнении с параллельными бесплатными шоссе), можно получить объяснения транспортных решений пользователей при контролируемом количестве переменных. Получаемые выводы могут быть распространены на значительную долю поездок населения.

В своей работе М. Fosgerau отмечает, что экономическая привлекательность различных мест притяжения в значительной степени определяется временем и стоимостью доступа к ним посредством транспортной системы, а сопряженные с передвижением денежные и временные расходы являются основными элементами показателя отрицательной полезности поездок [2]. Сокращение одного или обоих этих элементов повышает благосостояние пассажиров, так как у них появляется больше времени для получения дохода на работе или для досуга.

Важным и интересным вопросом является оценка влияния на стоимость сэкономленного времени возможности для пользователей осуществлять в пути трудовые функции или посвящать время поездки досугу. В своем исследовании М. Fosgerau показывает, что теория, на которой основывается анализ транспорта, сохраняет свою актуальность и в условиях, когда компромисс между временем передвижения и временем, затраченным на иные виды деятельности, меняется таким образом, что время передвижения становится более продуктивным или более приятным (возможность решать определенные производственные задачи в процессе передвижения или посвящать это время досугу). Исходя из этого М. Fosgerau доработал уравнение Хеншера (англ. Hensher equation), выражающее оценку преимуществ экономии времени в деловых поездках. Автор полагает, что показатель стоимостной оценки времени передвижения должен быть равен сумме заработной платы после вычета налогов и разницы между предельной готовностью платить за увеличение рабочего времени и предельной готовностью платить за сокращение времени передвижения (первая строка табл. 1). Если работа предпочтительнее передвижения, то показатель «готовность платить» выше, и наоборот.

Таблица 1

**Стоимость сокращения времени передвижения.
Доработанная теоретическая модель М. Fosgerau (2019)**

Показатель	Функция полезности и ее детерминанты	Стоимость сокращения времени передвижения для частных поездок
Стоимость сокращения времени передвижения без учета использования пользователем времени в пути	$U(C, t_L, t_W, t_D)$, где C – потребление времени, t_L – время досуга, t_W – рабочее время, t_D – время передвижения	$W + U_{iW} / U_C - U_{iD} / U_C$, где W – размер зарплаты за вычетом налогов, U_{iW} / U_C – готовность платить за увеличение рабочего времени, U_{iD} / U_C – готовность платить за сокращение времени передвижения
Стоимость сокращения времени передвижения применительно к работе при передвижении в транспортных средствах	$U(C, t_L, t_W, t_D + t_{DW})$, где C – потребление времени, t_L – время досуга, t_W – рабочее время, t_D – время передвижения, t_{DW} – работа в пути	$(1 - \alpha_W) \cdot W + (U_{iW} / U_C - U_{iD} / U_C)$, где α_W – продуктивность работы в пути, W – размер зарплаты за вычетом налогов, U_{iW} / U_C – готовность платить за увеличение рабочего времени, U_{iD} / U_C – готовность платить за сокращение времени передвижения
Стоимость сокращения времени передвижения применительно к досугу при передвижении в транспортных средствах	$U(C, t_L, t_W, t_D + t_{DW} + t_{DL})$, где C – потребление времени, t_L – время досуга, t_W – рабочее время, t_D – время передвижения, t_{DW} – работа в пути, t_{DL} – досуг в пути	$(1 - \alpha_L) \cdot W + (1 - \alpha_L) \cdot (U_{iW} / U_C - U_{iD} / U_C)$, где α_L – продуктивность досуга в пути, W – размер зарплаты за вычетом налогов, U_{iW} / U_C – готовность платить за увеличение рабочего времени, U_{iD} / U_C – готовность платить за сокращение времени передвижения

Источник: [2]

Уравнение Хеншера (1) формализует теоретический подход к оценке времени передвижения при деловых поездках, но оно редко используется на практике в силу отсутствия надежных оценок его составляющих. Однако, если задача заключается в преобразовании времени в пути во время, потраченное на работу или на досуг, то М. Fosgerau показывает, что уравнение Хеншера также можно сократить до $(1-\alpha) \cdot W$, где W – размер заработной платы до удержания налогов. Размер заработной платы до удержания налогов представляет собой общую стоимость для разных коммерческих структур, а относительная производительность времени, потраченного на работу в процессе поездки (α), в определенной степени компенсирует суммарное время вне офиса. Производительность труда при перемещении в транспортном средстве, вероятно, будет выше в случае более длительных поездок, поскольку при подобных поездках остается больше времени для выполнения дискретных видов занятий.

$$VBTTTS = (1-r-p \cdot q) \cdot MPL + MPF + (1-r) \cdot VW + r \cdot VL, \quad (1)$$

где r – доля сэкономленного времени передвижения, которая используется в целях досуга (%); p – доля сэкономленного времени передвижения, которая используется для работы в пути (%); q – относительная производительность работы, выполненной в пути, по отношению к показателю производительности на рабочем месте в офисе; MPL – значение валового внутреннего продукта или валового регионального продукта на душу населения (руб.); MPF – стоимость дополнительной результативности, обусловленной снижением усталости в пути (комфорт); VW – разница между оценками работника «контрактного» рабочего времени и времени в пути; VL – разница между оценками времени досуга и времени в пути.

Подобная взаимосвязь между относительной производительностью осуществляемой в пути деятельности и временем, затраченным на иные виды деятельности, позволяет скорректировать величины сокращения времени в пути, с тем чтобы отразить, как пользователи городского пассажирского транспорта фактически используют время в пути. М. Fosgerau считает, что снижение стоимости сокращения времени в пути вряд ли окажет непосредственное влияние на ценность, которую пользователи городского пассажирского транспорта придают повышению надежности, поскольку оно мало влияет на затраты и неудобства, которые они испытывают в связи с неприбытием в назначенное время.

Может ли стоимостная оценка сокращения времени передвижения быть нулевой? Если данный показатель равен нулю, то это означает, что пользователи городского пассажирского транспорта готовы перемещаться в течение длительных, даже бесконечных периодов времени, поскольку их способность продуктивно или с удовольствием использовать время в пути будет такая же, как и в условиях отсутствия поездок [1].

В результате исследования можно сделать следующие выводы.

1. Стоимость времени неодинакова для различных видов поездок (трудовых, культурно-бытовых, деловых, социальных).
2. Стоимость времени нелинейно возрастает с ростом величины сэкономленного времени для каждого отдельного пользователя.
3. Пользователи городского пассажирского транспорта готовы платить не за минуту, а за определенную сумму сэкономленного времени. Стоимость сэкономленного времени зависит от его величины.
4. Стоимость минуты передвижения в комфортных условиях не равна (существенно меньше) стоимости минуты передвижения в некомфортных условиях. Условия проезда на протяжении всей поездки могут вызывать неприятные ощущения и эмоции у пассажиров, поэтому сокращение времени поездки в таких условиях будет более ценным, чем экономия времени в комфортных условиях.
5. Необходимо учитывать косвенные экономические эффекты мероприятий по организации дорожного движения, связанные с улучшением или ухудшением транспортной доступности территорий.

Библиографический список

1. Baumol, W. J. Income and substitution effects in the Linder Theorem // The Quarterly Journal of Economics. – 1973. – Vol. 87. – No. 4. – Pp. 629-633.
2. Fosgerau, M. Automation and the value of time in passenger transport // International Transport Forum Discussion Paper. – 2019. – 24 p.

3. Fosgerau, M. The valuation of travel time variability // Quantifying the Socio-Economic Benefits of Transport: ITF Roundtable Reports. – Paris: OECD Publishing, 2017. – Pp. 39-56.
4. Small, K. Valuation of travel time // Economics of Transportation. – 2012. – Vol. 1. – Pp. 2-14.
5. Venables, A. J. Incorporating wider economic impacts within cost-benefit appraisal // Quantifying the Socio-Economic Benefits of Transport: ITF Roundtable Reports. – Paris: OECD Publishing, 2017. – Pp. 109-127.

References

1. Baumol W. J. Income and substitution effects in the Linder Theorem. The Quarterly Journal of Economics, 1973, vol. 87, no. 4, pp. 629-633.
2. Fosgerau M. Automation and the value of time in passenger transport. International Transport Forum Discussion Paper, 2019, 24 p.
3. Fosgerau M. The valuation of travel time variability. Quantifying the Socio-Economic Benefits of Transport: ITF Roundtable Reports, Paris, OECD Publishing, 2017, pp. 39-56.
4. Small K. Valuation of travel time. Economics of Transportation, 2012, vol. 1, pp. 2-14.
5. Venables A. J. Incorporating wider economic impacts within cost-benefit appraisal. Quantifying the Socio-Economic Benefits of Transport: ITF Roundtable Reports, Paris, OECD Publishing, 2017, pp. 109-127.

Знаменский Дмитрий Юрьевич

канд. полит. наук, ФГБОУ
ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3492-1567
e-mail: belyferz@list.ru

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. Объектом исследования является научный потенциал современного университета, а предметом – система социальных факторов его формирования. Цель исследования – выявление роли социальных факторов в развитии научного потенциала современного университета. Методологической основой работы выступает системно-динамический подход к исследованию научного потенциала, заключающийся в последовательном раскрытии его пространственного, временного и технологического компонентов. В рамках первого компонента следует особо отметить такой малоизученный аспект, как социальные основы научного потенциала, включающие систему ценностей сотрудников и обучающихся вуза, их мотивацию к занятию научной деятельностью и уровень престижа научной деятельности в вузе. В статье представлен анализ компонентов научного потенциала современного университета. В частности, выявлена тесная взаимосвязь указанных социальных факторов с кадровыми основами научного потенциала вуза, а именно с тенденциями развития его кадрового состава. Предложена система оценки социальных факторов научного потенциала вуза. Результаты исследования могут быть использованы вузами в целях повышения уровня мотивации научно-педагогических работников к научно-исследовательской деятельности, а также Министерством науки и высшего образования Российской Федерации при проведении оценки научно-исследовательской деятельности российских вузов.

Ключевые слова: высшее образование, научно-исследовательская деятельность, научный потенциал, социальные факторы научного потенциала, престиж профессии, профессиональная мотивация.

Цитирование: Знаменский Д.Ю. К вопросу о социальных факторах формирования научного потенциала современного университета // Вестник университета. 2020. № 3. С. 69–75.

Znamenskiy Dmitriy

Candidate of Political
Sciences, State University
of Management, Moscow,
Russia
ORCID: 0000-0002-3492-1567
e-mail: belyferz@list.ru

TO THE ISSUE ABOUT SOCIAL FACTORS OF FORMATION OF MODERN UNIVERSITY'S SCIENTIFIC POTENTIAL

Abstract. The object of the research is the scientific potential of the modern university, and the subject is the system of social factors of its formation. The purpose of the study is to identify the role of social factors in the development of the scientific potential of the modern university. The methodological basis of the paper is a system-dynamic approach to the study of scientific potential, which consists in the consistent disclosure of its spatial, temporal and technological components. Within the framework of the first component, it is necessary to emphasize such a little-studied aspect as the social foundations of scientific potential, including the system of values of employees and students of the university, their motivation to engage in scientific activity and the level of prestige of scientific activity at the university. The components of the scientific potential of the modern university have been analysed in the article. In particular, the close interrelation of the specified social factors with personnel bases of scientific potential of higher education institution, namely with tendencies of development of its personnel structure has been revealed. A system for assessing the social factors of the scientific potential of the university has been proposed. The results of the study can be used by universities to increase the level of motivation of teaching staff to research activities, as well as the Ministry of Education and Science of Russia – in assessing the research activities of Russian universities.

Keywords: higher education, research activities, scientific potential, social factors of scientific potential, professional prestige, professional motivation.

For citation: Znamenskiy D. Yu. (2020) To the issue about social factors of formation of modern university's scientific potential. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 69–75. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-69-75

Благодарности. Статья подготовлена в рамках НИР, финансируемой за счет средств внутреннего гранта ФГБОУ ВО «Государственный университет управления».

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the research financed by an internal grant of the State University of Management.

© Знаменский Д.Ю., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

В условиях современного общества осуществление научных исследований является не просто неотъемлемым элементом любого вуза, но и одним из ключевых направлений его деятельности. В этой связи представляется нелишним заметить, что значение высшей школы в национальной научно-технологической системе все чаще подчеркивается как на научно-экспертном, так и на высшем государственном уровне [10; 12]. Данное обстоятельство делает актуальным вопрос о возможностях организаций высшей школы по самостоятельному решению научно-исследовательских задач, иными словами, об их научном потенциале.

Следует отметить, что исследования научного потенциала, в том числе применительно к вузам, зачастую ограничивалось анализом его ресурсной базы: материально-технического, финансового, информационного и кадрового обеспечения научно-исследовательской деятельности (далее – НИД). По сравнению с указанными факторами, гораздо меньшее внимание уделялось социальным факторам развития научного потенциала: мотивации молодежи к научной деятельности, престижу научно-педагогической профессии и т. д. Означенные обстоятельства, подкрепленные объективными потребностями практики, определили цель настоящего исследования – выявление роли социальных факторов в развитии научного потенциала современного университета.

Указанная цель, в свою очередь, предопределяет логическую структуру настоящей статьи: сначала представляется важным кратко охарактеризовать авторский подход к исследованию научного потенциала вуза, затем – описать структуру и роль социальных факторов его развития, после чего предположить и обосновать возможную методику их оценки.

Проблематика развития вузовской науки неоднократно становилась предметом исследования отечественных ученых. Так, обращает на себя внимание ряд работ, раскрывающих такие аспекты развития научного потенциала высшей школы, как формирование научного потенциала вуза (В. В. Чекмарев и А. Р. Наумов, К. П. Литвинова) и его оценка (В. В. Качак, А. М. Масленников и П. А. Ружанский, А. В. Сычев), интеграция науки, образования и реального сектора экономики (А. И. Газизова, Л. И. Галлямова) и др. [4; 5; 9; 11; 19]. Представляет интерес также проблема развития научных школ в монопрофильных вузах, поднимаемая в ряде публикаций, в том числе А. М. Калык, М. С. Петренко, Ж. В. Нечаевой и Е. С. Щербаковой [8]. Следует обратить внимание, что некоторые отечественные ученые оперируют термином «интеллектуальный капитал вуза», что, в сущности, можно в данном конкретном случае рассматривать как синоним его научного потенциала [13].

Весьма плодотворной представляется методология исследования научного потенциала вузов, изложенная в публикациях А. В. Сычева, также опирающегося на принципы системной динамики [18]. В частности, стоит отметить сформулированные указанным автором методологические и методические принципы оценки научного потенциала негосударственного вуза, а также разработанную им систему показателей такой оценки [15; 16; 17]. Однако нельзя не заметить, что выводы А. В. Сычева, во-первых, распространяются исключительно на негосударственный сектор высшего образования и, во-вторых, касаются проблем управления научным потенциалом отдельно взятого вуза, не затрагивая вопросы развития научного потенциала высшей школы в целом.

Вместе с тем влияние социальных факторов остается достаточно малоизученным аспектом развития научного потенциала вузов. Одни из немногих работ, посвященных вопросам воспроизводства научного потенциала высшей школы России, – это исследование В. В. Балашова, изложенное в его докторской диссертации, а также монографическое исследование Е. А. Бурдуковской, А. А. Шумейко и Н. К. Щепкиной о профессиональной социализации студентов в вузе [1; 2]. Косвенно данная проблематика затрагивается в статьях Л. М. Волосниковой [3].

Думается, что в основу методологии исследования научного потенциала вуза, в том числе социальных факторов его формирования, может быть положен системно-динамический подход, обоснованный в работе «Научный потенциал негосударственного вуза: системный подход к исследованию» [7]. Под научным потенциалом в данном случае следует понимать способности его научной подсистемы продуцировать новые знания в самых различных формах на основе задействования совокупности внутренних и внешних факторов. Подобная трактовка научного потенциала открывает возможность его анализа как объекта управления [18].

Такое управление, как представляется, осуществляется в трех ключевых измерениях: пространственном, временном и технологическом. При этом пространственное измерение предполагает анализ функционирования научной подсистемы вуза, в рамках которой формируется и реализуется научный потенциал. Исследование временного измерения подразумевает выделение таких основополагающих этапов жизненного цикла научного потенциала, как его формирование, реализация и развитие. В третьем, технологическом

измерении подчеркивается значимость технологий, в том числе оценочных, в механизме управления научным потенциалом [17].

Рассматривая пространственное измерение научного потенциала вуза, следует подчеркнуть значение научной подсистемы вуза как ареала развертывания первого. Именно в рамках научной подсистемы сначала происходит формирование исходных условий (факторов) НИД, а затем – его реализация, то есть получение новых знаний, и, наконец, развитие научного потенциала вуза. Научная подсистема состоит из трех ключевых компонентов. Первый представлен институциональной составляющей, то есть совокупностью научных подразделений вуза и профильных административно-общественных структур, а также комплексом локальных нормативных актов, определяющих основы их деятельности. Второй компонент выступает в виде ресурсной составляющей, которая включает всю совокупность материально-технического, информационного и финансового обеспечения НИД. Третий компонент выражен в различных формах результатов функционирования научной подсистемы (новых знаниях, инновационных продуктах, технологиях и т. д.).

При анализе временного измерения научного потенциала вуза основное внимание необходимо уделить этапам его жизненного цикла. Представляется логичным выделить следующие этапы.

1. Создание условий (факторов) формирования научного потенциала.
2. Реализация научного потенциала, то есть продуцирование новых знаний в различных формах.
3. Развитие научного потенциала.

При этом первый этап в свою очередь целесообразно разделить на такие подэтапы, как:

- формирование институциональных, организационно-кадровых и социальных факторов научного потенциала (фактически – формирование основ научной подсистемы вуза);
- наделение созданных структур и институтов материально-техническими, информационными, финансовыми и иными ресурсами;
- интеграция сформированной научной подсистемы в национальную инновационную систему и международное научное сотрудничество.

Содержание второго этапа раскрывается, как будет подробно показано ниже, в целом ряде форм реализации научного потенциала: институциональных, аттестационно-статусных, научно-информационных, инновационных и финансовых.

Третий этап предполагает дальнейшее развитие научного потенциала, в том числе совершенствование организационной структуры, наращивание ресурсного обеспечения, развитие кадрового потенциала научной подсистемы и т. д. Не вызывает сомнений тот факт, что данное развитие немыслимо в отрыве от анализа результатов оценки научного потенциала, которая, по нашему мнению, должна проводиться на всех этапах его жизненного цикла.

Из вышесказанного вытекает актуальность третьего, технологического измерения научного потенциала вуза. Оно предполагает определяющую роль принципов и методик оценки научного потенциала, которая, как уже говорилось, охватывает все фазы жизнедеятельности последнего.

Не вызывает сомнений, что на практике все вышеописанные явления и процессы неотделимы друг от друга: так, научная подсистема одновременно развивается в пространстве и во времени, что сопряжено с задействованием разнообразных технологий, в том числе оценочно-методического плана. Диалектика реальной жизни объективно определяет неразрывную связь измерений научного потенциала, что с необходимостью предполагает их синтез и в теоретико-методологической плоскости. Думается, что результатом такого синтеза выступает системно-динамический подход как единство пространственных, временных и технологических аспектов исследования. Этот подход лежит в основе авторской позиции по вопросам определения сущности научного потенциала, методологии его исследования и практики управления им [16].

Безусловно, факторы формирования научного потенциала вуза неразрывно связаны с фазами (подэтапами) становления его научной подсистемы, объективная логика которых такова: первая фаза сопряжена с формированием институциональных, организационно-кадровых и социальных основ научной подсистемы; в рамках второй фазы происходит наделение созданных структур и институтов материально-техническими, информационными, финансовыми и иными ресурсами; на третьей, завершающей фазе формирования научного потенциала созданная научная подсистема интегрируется в национальную инновационную систему и международное научное сотрудничество. На основе структурированного таким образом

хронологического алгоритма представляется возможным систематизировать комплекс внутренних и внешних факторов, влияющих на формирование научной подсистемы, а стало быть, и научного потенциала вуза.

Изучение факторов (условий, движущих сил), влияющих на развитие научного потенциала вуза, представляется весьма важной проблемой в свете повышенного внимания государства и гражданского общества к сфере вузовской науки. В относительно немногочисленных работах, посвященных исследованию обозначенных вопросов, зафиксированы попытки обобщения и систематизации основных движущих сил формирования и развития научного потенциала в сфере высшего образования. Различные авторы по-разному определяют комплекс этих факторов и взаимосвязи между ними. В самом обобщенном виде основные авторские позиции сводятся к классификации факторов формирования и развития научного потенциала на:

- внутренние и внешние;
- непосредственно действующие и так называемые объективные факторы среды;
- ресурсные, организационные и социальные.

Стоит напомнить, что объективная логика развертывания научной подсистемы такова: сначала формируются институциональные, организационно-кадровые и социальные ее основы, что позволяет выделить три соответствующие группы факторов. Затем происходит наделение созданных структур и институтов материально-техническими, информационными, финансовыми и иными ресурсами – логично предположить, что в дело вступают соответствующие содержательному критерию ресурсные факторы. Наконец, осуществляется интеграция сформированной научной подсистемы вуза в национальную инновационную систему и поле международного научного сотрудничества, что требует выделения комплекса интеграционных факторов. Таким образом, авторская классификация охватывает, во-первых, институциональные, организационно-кадровые и социальные факторы; во-вторых, ресурсные факторы; в-третьих, интеграционные факторы. Этот комплекс движущих сил формирования и развития научного потенциала вуза будет подвергнут тщательному анализу и оценке.

В этой связи следует подчеркнуть непреложный факт: эффективность функционирования вузовских научно-исследовательских структур напрямую зависит от ее кадрового обеспечения. Специфика кадровой составляющей научной подсистемы любого вуза, в отличие от чисто научной организации, заключается в том, что в качестве субъектов НИД здесь выступают не только научно-педагогические работники, но и различные категории обучающихся: студенты, соискатели, аспиранты, докторанты. Представляется возможным согласиться с мнением И. Ю. Даниловой относительно того, что «в высшей школе специфика научного труда заключается в том, что он неразрывно связан с учебным процессом, нуждами подготовки высококвалифицированных специалистов» [6, с. 7]. В этой связи представляется нелишним заметить, что одной из основных функций высшей школы является воспроизводство научно-педагогических кадров. Поэтому включение студентов в НИД выступает в качестве важной составляющей рассматриваемого фактора.

Отмеченные в целом ряде публикаций проблемы кадрового потенциала отечественной науки характерны и для вузовской науки. Одной из очевидных проблем является подготовка научно-педагогических кадров. Так, лишь немногие из поступивших в аспирантуру доходят до защиты, еще меньше тех, кто впоследствии остается в числе профессорско-преподавательского состава. Данный фактор (равно как и сокращение бюджетного приема в аспирантуру) негативно влияет на процессы воспроизводства научного потенциала, так как создает условия для разрыва поколений в вузовской науке. Указанную тенденцию подтверждают следующие данные статистики: из числа лиц, закончивших обучение в аспирантуре в вузах страны, успешно защищают диссертацию менее трети [14]. Похожая ситуация складывается с докторантурой.

Помимо количественных показателей следует иметь в виду и негативные качественные характеристики защищаемых работ. Подтверждением этого являются многочисленные нарекания общественности и Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации к работе диссертационных советов и к качеству защищаемых диссертаций.

Не менее острой проблемой остается также сокращение численности научно-педагогических кадров, которое проявляется в: естественном выбытии кадров без их адекватного замещения; радикальной смене рода деятельности со стороны как молодых ученых, так и представителей зрелого поколения; транснациональной миграции научно-педагогических кадров («утечке умов»).

Не вызывает сомнений также роль социальных факторов формирования научного потенциала вуза в исследуемых процессах. Думается, что указанные факторы представляют собой совокупность таких движущих сил, как: система характерных для вуза индивидуальных и коллективных ценностей, определяющих престиж научных исследований; имеющиеся в распоряжении администрации вуза разнообразные социальные, в том числе материальные, стимулы, мотивирующие преподавателей и обучающихся к НИД; степень осведомленности сотрудников и обучающихся вуза относительно основных направлений и возможностей НИД [16]. Следствием действия исследуемой группы движущих сил формирования научной подсистемы является определенная социокультурная среда, складывающаяся в вузе и, в свою очередь, оказывающая активное обратное влияние на исходные социальные факторы.

Резонно предположить, что при оценке указанных факторов наиболее эффективными являются опросные методы (анкетирование, глубинные интервью, фокус-групповые интервью) с акцентом на: эффективность материального стимулирования к научным исследованиям; значимость (статус) НИД в вузе; участие в НИД как фактор карьерного роста; участие в НИД как фактор профессионального развития; степень информированности сотрудников и учащихся вуза о проводимых в нем научных исследованиях [15].

Каждый показатель представляется возможным оценивать по десятибалльной шкале. Например, минимальное (0-2 балла) значение показателя эффективности материального стимулирования в сфере научно-исследовательской работы характеризует практическое отсутствие соответствующих рычагов, 3-5 баллов – их невысокую эффективность, 5-7 баллов – удовлетворительное состояние системы стимулирования, а 8-10 баллов – высокую эффективность последней.

При оценке статуса НИД в вузе предлагаемые значения таковы: 0-2 балла – данная сфера непрестижна; 3-5 баллов – наука имеет второстепенное значение; 5-7 баллов – статус НИД довольно высок, но ниже, чем у образовательной деятельности; 8-10 – научные исследования имеют приоритетное значение.

Оценивая влияние участия в научных исследованиях на карьеру, возможно предложить следующие значения показателей: 0-2 балла – участие в научных исследованиях никак не влияет на карьерный рост; 3-5 баллов – данное влияние второстепенно; 5-7 баллов – научная деятельность влияет на карьерный рост не более, чем преподавательская; 8-10 баллов – участие в НИД оказывает определяющее влияние на карьерные перспективы.

Для характеристики участия в НИД, как фактора профессионально-личностного развития, предлагается следующая шкала: 0-2 балла – данный вид деятельности никак не влияет на профессионально-личностное развитие сотрудников; 3-5 баллов – имеет второстепенное влияние; 5-7 баллов – оказывает существенное воздействие; 8-10 баллов – носит определяющий характер.

Заключительный показатель – степень осведомленности сотрудников и учащихся вуза о проводимых в нем научных исследованиях и возможностях НИД, предоставляемых вузом, – предлагается оценивать по шкале: 0-2 баллов – отсутствие необходимой информации у сотрудников; 3-5 баллов – ее существенный дефицит; 5-7 баллов – доводимая информация освещает 1-2 ключевых научных мероприятия; 8-10 баллов – объем информации достигает необходимого и достаточного уровня [17].

Таким образом, применение предлагаемой методики оценки социальных факторов формирования научного потенциала вуза позволит выявить «узкие места» в управлении научно-исследовательской деятельностью вуза, в первую очередь, в части мотивации научно-педагогических работников и обучающихся, а также оценить уровень престижа научно-исследовательской деятельности в вузе. В ближайшее время предполагается апробация указанной методики (как части более широкой системы показателей оценки научного потенциала вуза) силами авторского коллектива ФГБОУ ВО «Государственный университет управления».

Библиографический список

1. Балашов, В. В. Управление воспроизводством научного потенциала высшей школы России: дис. ... д-р экон. наук: 08.00.05. – М., 2001. – 312 с.
2. Бурдуковская, Е. А., Шумейко, А. А., Щепкина, Н. К. Личностное становление студента в социокультурной среде вуза. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. – 174 с.
3. Волосникова, Л. М. О принципе академической автономии // Университетское управление: практика и анализ. – 2005. – № 5. – С. 44-49.

4. Газизова, А. И. В поиске путей эффективного взаимодействия науки, образования и производства // Учебные записки Петрозаводского государственного университета. – 2015. – № 5. – С. 35-40.
5. Галлямова, Л. И. Интеграция академической науки и высшей школы как фактор интеллектуального потенциала Тихоокеанской России // Россия и АТР. – 2017. – № 1 (95). – С. 35-48.
6. Данилова, И. Ю. Многоуровневая модель организации научно-исследовательской работы студентов как средство обеспечения качества образования в вузе: дисс. ... канд. пед. наук. – М., 2010. – 172 с.
7. Знаменский, Д. Ю., Сычев, А. В. Научный потенциал негосударственного вуза: системный подход к исследованию // Науковедение. – 2013. – № 4 (17). – С. 10-13.
8. Кальяк, А. М., Петренко, М. С., Нечаева, Ж. В., Щербакова, Е. С. Становление и развитие научных школ в монопрофильном вузе // Высшее образование в России. – 2015. – № 2. – С. 97-105.
9. Качак, В. В., Масленников, А. М., Ружанский, П. А. Оценка научного потенциала вузов регионов России и эффективность его использования / Моск. гос. инженер.-физ. ин-т (техн. ун-т), Науч.-исслед. лаб. «Науч.-техн. потенциал высш. шк. ». – М.: МИФИ, 1998. – 79 с.
10. Кирюшина, О. Н. Научный потенциал высшей школы как фактор модернизации системы образования и основа развития общества // Национальная ассоциация ученых. – 2016. – № 4. – С. 88-90.
11. Литвинова, К. П. Развитие научно-образовательного потенциала высшей школы // Совет ректоров. – 2015. – № 7. – С. 65-68.
12. Преображенский, Б. Г. Взаимодействие высшей школы и государства – условие эффективного развития научного потенциала // Успехи современного естествознания. – 2009. – № 6. – С. 74-76.
13. Селиверстова, О. В., Фролова, Н. С. Интеллектуальный капитал вуза, как один из компонентов образовательных услуг: международный опыт финансирования и развития научного потенциала высшей школы // Науковедение. – 2014. – № 3. – С. 68.
14. Статистика науки и образования. Выпуск 3. Подготовка научных кадров высшей квалификации в России. Информационно-статистический материал. – М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2017. – 170 с.
15. Сычев, А. В. К вопросу о принципах и методике оценки эффективности использования научного потенциала негосударственного вуза // Вестник университета. – 2014. – № 12. – С. 234-237.
16. Сычев, А. В. Научный потенциал негосударственного вуза: содержание, факторы формирования, формы реализации // Науковедение. – 2014. – № 4 (23). – С. 16.
17. Сычев, А. В. Первичная оценка научного потенциала негосударственного вуза: варианты подходов // Науковедение. – 2014. – № 4 (23). – С. 17-19.
18. Сычев, А. В. Системно-динамический подход как методология исследования научного потенциала негосударственного вуза // Вестник университета. – 2014. – № 13. – С. 245-248.
19. Чекмарев, В. В., Наумов, А. Р. Интеллектуальный потенциал университета: опыт формирования. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. – 245 с.

References

1. Balashov V. V. Upravlenie vosproizvodstvom nauchnogo potentsiala vysshei shkoly Rossii [*Management of reproduction of Russian high school's scientific potential*], dis. ... dokt. ekon. nauk: 08.00.05. Moscow, 2001. 312 p.
2. Burdukovskaya E. A., Shumeiko A. A., Shchepkina N.K. Lichnostnoe stanovlenie studenta v sotsiokul'turnoi srede vuza [*Personal growth of student at socio-cultural area of high school*]. Blagoveshchensk, Amurskii gos un-t, 2006. 174 p.
3. Volosnikova L. M. O principe akademicheskoi avtonomii [*About the academic autonomy principle*]. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz, 2005, no. 5, pp. 44-49.
4. Gazizova A. I. V poiske putei effektivnogo vzaimodeistviya nauki, obrazovaniya i proizvodstva [*Searching ways of effective interaction between science, education and production*]. Uchebnye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, no. 5, pp. 35-40.
5. Gallyamova L. I. Integratsiya akademicheskoi nauki i vysshei shkoly kak faktor intellektual'nogo potentsiala Tikhookeanskoi Rossii [*Integration of academical science and high school as a factor of Pacific Russia's intellectual potential*]. Rossiya i ATR [Russia and Pacific RIM], 2017, no. 1 (95), pp. 35-48.
6. Danilova I. Yu. Mnogourovnevaya model' organizatsii nauchno-issledovatel'skoi raboty studentov kak sredstvo obespecheniya kachestva obrazovaniya v vuze [*Multilevel model of students' scientific activity organization as a tool of guaranty of educational quality at high school*]: dis. ... kand. ped. nauk. Moscow, 2010. 172 p.
7. Znamenskii D. Yu., Sychev A. V. Nauchnyi potentsial negosudarstvennogo vuza: sistemnyi podkhod k issledovaniyu [*Scientific potential of non-governmental university: system approach to research*]. Naukovedenie, 2013, no. 4 (17), pp. 10-13.

8. Kal'yak A. M., Petrenko M. S., Nechaeva J. V., Shcherbakova E. S. Stanovlenie i razvitie nauchnykh shkol v mnogoprofil'nom vuze [*Founding and development of scientific schools in multi-profile university*]. Vysshee obrazovanie v Rossii [*Higher Education in Russia*], 2015, no 2, pp. 97-105.
9. Kachak V. V., Maslennikov A. M., Ruzhanskii P. A. Otsenka nauchnogo potentsiala vuzov regionov Rossii i effektivnost' ego ispol'zovaniya [*Appreciation of scientific potential of Russian regional high school organizations and efficiency of it's using*]. Mosk. gos. inzhener.-fiz. in-t (tekhn. un-t), Nauch.-issled. lab. "Nauch.-tekhn. potentsial vyssh. shk.". Moscow, MIFI, 1998. 79 p.
10. Kiryushina O. N. Nauchnyi potentsial vysshei shkoly kak faktor modernizatsii sistemy obrazovaniya i osnova razvitiya obshchestva [*Scientific potential of high school as a factor of educational system's modernization and as a base of social development*]. Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh, 2016, no. 4, pp. 88-90.
11. Litvinova K. P. Razvitie nauchno-obrazovatel'nogo potentsiala vysshei shkoly [*High school scientific and educational potential's development*]. Sovet rektorov, 2015, no. 7, pp. 65-68.
12. Preobrazhenskii B.G. Vzaimodeistvie vysshei shkoly i gosudarstva – uslovie effektivnogo razvitiya nauchnogo potentsiala [*Interaction between high school and state as a condition of effective scientific potential's development*]. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya [*Advances in Current Natural Sciences*], 2009, no. 6, pp. 74-76.
13. Seliverstova O.V., Frolova N.S. Intellektual'nyi kapital vuza, kak odin iz komponentov obrazovatel'nykh uslug: mezhdunarodnyi opyt finansirovaniya i razvitiya nauchnogo potentsiala vysshei shkoly [*Intellectual capital of high school as a component of educational service: international experience of financing and development of high school's scientific potential*]. Naukovedenie, 2014, no. 3. p. 68.
14. Statistika nauki i obrazovaniya. Vypusk 3. Podgotovka nauchnykh kadrov vysshei kvalifikatsii v Rossii. Informatsionno-statisticheskii material [*Statistics of science and education. Issue 3. Preparation of high-level scientific personal in Russia. Information-statistical material*]. Moscow, FGBNU NII RINKTsE, 2017. 170 p.
15. Sychev A. V. K voprosu o printsipakh i metodike otsenki effektivnosti ispol'zovaniya nauchnogo potentsiala negosudarstvennogo vuza [*To the issue about principles and methods of appreciation of efficiency of non-governmental high school organisation's scientific potential's using*]. Vestnik Universiteta. 2014, no. 12, pp. 234-237.
16. Sychev A. V. Nauchnyi potentsial negosudarstvennogo vuza: soderzhanie, factory formirovaniya, formy realizatsii [*Scientific potential of non-governmental high school organization: content, factors of formation, forms of realization*]. Naukovedenie, 2014, no. 4 (23), p. 16.
17. Sychev A. V. Pervichnaya otsenka nauchnogo potentsiala negosudarstvennogo vuza: varianty podkhodov [*Primary appretiation of scientific potential of non-governmental university: variety of approaches*]. Naukovedenie, 2014, no. 4 (23), pp. 17-19.
18. Sychev A. V. Sistemno-dinamicheskii podkhod kak metodologiya issledovaniya nauchnogo potentsiala negosudarstvennogo vuza [*System-dynamical approach as a methodology of non-governmental high school organisation's scientific potential's research*]. Vestnik Universiteta. 2014, no. 13, pp. 245-248.
19. Chekmarev V. V., Naumov A. R. Intellektual'nyi potentsial universiteta: opyt formirovaniya [*Intellectual potential of the university: experience of formation*]. Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova, 2006. 245 p.

**Куприянов Вячеслав
Васильевич**

д-р техн. наук, ФГАОУ
ВО «Национальный исследова-
тельский технологический уни-
верситет «МИСиС», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-3793-8361

e-mail: msmu_asu@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ОПЕРАТИВНОГО ОБНАРУЖЕНИЯ НЕШТАТНЫХ ГАЗОВЫХ СИТУАЦИЙ НА ВЫЕМОЧНЫХ УЧАСТКАХ ШАХТ

Аннотация. Статья направлена на развитие одного из подходов к принятию решений персоналом по оперативному анализу и интерпретации аварийных ситуаций в горных выработках. Предложена методика количественной оценки нестационарных процессов для обнаружения нештатных газовых ситуаций и аварийных загазований. Она ориентирована на полное использование информационной избыточности, содержащейся в экспериментальных реализациях результатов взаимодействия технологий с призабойной частью горного массива. Были применены следующие положения: появление нештатных газовых ситуаций приводит к разрыву взаимодействия газодинамических процессов на участках записи метанограмм, а наличие связи свидетельствует о «штатном» развитии ситуаций. Показано, что в целом методика реализуется в два этапа: оценка существенности связи путем проверки значимости коэффициента ранговой корреляции Спирмена при его аппроксимации распределением Стьюдента и проверка стационарности наблюдаемой связи на двух временных интервалах наблюдения. Установлено, что предложенная методика при соответствующей модификации применима и для идентификации суфляров в горных выработках. Предложены две методики мониторинга газовой эволюции. Верификация их содержания подтверждена шахтными экспериментами.

Ключевые слова: нештатная газовая ситуация, горная выработка, метанограмма, контролируемый параметр, выбросоопасные зоны, газовыделение, пылевыведение, суфляр, нестационарный процесс, ранжирование, ранговая корреляция, коэффициент корреляции Спирмена, достоверная вероятность, переборные методы, критерий непротиворечивости.

Цитирование: Куприянов В.В. Методология оперативного обнаружения нештатных газовых ситуаций на выемочных участках шахт // Вестник университета. 2020. № 3. С. 76–83.

Kupriyanov Vyacheslav
Doctor of Technical Sciences,
National University of Science
and Technology «MISIS»,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3793-8361

e-mail: msmu_asu@mail.ru

METHODOLOGY FOR RAPID DETECTION OF ABNORMAL GAS SITUATIONS AT THE EXCAVATION SITES OF MINES

Abstract. The article is directed to the development of one of the approaches to decision-making by the personnel on the meaningful analysis and interpretation of emergency situations in mine workings. The technique of quantitative estimation of non-stationary processes for detection of abnormal gas situations and emergency gassing has been offered. It has been focused on the full use of information redundancy, contained in the experimental implementations of the results of the interaction of technologies with the bottomhole part of the mountain massif. The following provisions were applied: the appearance of abnormal gas situations leads to a rupture of the interaction of gas dynamic processes at the sites of recording methanograms, and the presence of a link indicates a «regular» development of situations. It has been shown, that, on the whole, the methodology is implemented in two stages: the evaluation of the significance of the connection by verifying the significance of the Spearman rank correlation coefficient when it is approximated by Student's distribution and checking the stationarity of the observed connection at two time intervals of observation. It has been established, that the proposed technique, with appropriate modification, is also applicable to identification of soullars in mine workings. Two methods for monitoring gas evolution have been proposed. Verification of their content has been confirmed by mine experiments.

Keywords: abnormal gas situation, mine working, methanogram, controlled parameter, emission hazard zones, gas evolution, dust generation, soullar, nonstationary process, ranking, rank correlation, Spearman correlation coefficient, confidence probability, exhaustive methods, consistency criterion.

For citation: Kupriyanov V.V. (2020) Methodology for rapid detection of abnormal gas situations at the excavation sites of mines. *Vestnik universiteta*. 1. 3, pp. 76–83. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-76-83

В различных литературных источниках рассматривается комплекс вопросов, связанных с теоретическим обоснованием методологии автоматизированного обеспечения безопасности ведения горных работ [3; 4; 5; 6; 10]. В результате формирования информационных моделей сценариев возникновения и развития ряда аварий была показана важность реализации таких процессов, как разведка техносферы подземных горных предприятий для оперативной идентификации источников опасности, выявление причин появления аварий путем анализа результатов мониторинга.

Известно, что сложность решения задачи обнаружения выбросоопасных по газу зон угольных пластов и суфлярных источников в рамках классических подходов, предполагающих использование осредненных характеристик, сопряжена с возникновением запаздывания, создающего неуправляемые зоны по газовому фактору в период вызревания катастроф [2; 6; 11]. Это приводит к достаточным затруднениям принятия инженерных решений при оценке мониторинговых данных. В связи с этим в данной работе сделана попытка применить непараметрический подход к решению указанной задачи. Суть предлагаемой методики состоит в оценке степени связи двух и более нестационарных газодинамических процессов на коротких по времени их реализациях.

Забои горных выработок могут характеризоваться по газодинамическим явлениям как опасные и неопасные, что определяется анализом гистограмм распределений газовыделений. Штатные газовые ситуации возникают при нормальных условиях выемки угля (вне зон выбросов угля и газа) и сопровождаются газовыделениями, хорошо аппроксимируемыми нормальным законом [5]. В нештатных газовых ситуациях (далее – НшГС) нормальный закон распределения неприемлем из-за увеличения изменчивости объемов выделения газа за цикл выемки. Поэтому НшГС обусловлена выбросоопасными по газу зонами угольных пластов или, другими словами, появлением дополнительного источника газовыделения в выработанном пространстве. Для оперативной идентификации последнего в работе предлагается математико-статистическая процедура оценки аэродинамической и газодинамической взаимосвязи показаний двух датчиков метана [6]. Однако для ее реализации необходимо аналитическое формализованное описание этой взаимосвязи, применимое для различных шахтных условий и основанное на статистическом определении параметров газовых процессов. При непредвиденных обстоятельствах указанное аналитическое описание может нарушаться, что в конечном результате повлияет на точность принимаемых решений по идентификации источника газовыделения. Кроме того, данный подход отличается большим объемом и временем обработки данных экспериментов.

В этих условиях представляется эффективной концепция управляемости и наблюдаемости и непараметрическая количественная оценка степени связи нестационарных процессов [11]. Для параметра любой нештатной ситуации характерно, что коэффициенты взаимокорреляции с ним других физически однородных контролируемых параметров являются несущественными. Для задачи обнаружения НшГС это адекватно разрыву взаимодействия параметра НшГС (текущих содержаний газа) на фиксированных участках его записи в метанограммах с однородными параметрами штатных газовых ситуаций (в случае установки двух и более датчиков метана). Наличие такого взаимодействия в записях метанограмм свидетельствует об отсутствии НшГС. Подобным образом можно идентифицировать суфлярные источники в забоях выработок, приводящие к аварийным загазированию. Их обнаружение затруднено из-за воздействия на режим проветривания забоя случайных нестационарных возмущений в период газового последствия забоя на выемку угля. Появление таких возмущений связано с выходом забоя в зону геологических нарушений.

При обнаружении НшГС исходной информацией является основной нестационарный параметр (процентное содержание газа у первого по ходу вентиляционной струи датчика метана в период работ по выемке угля) $n(t) = \{n(t_1), n(t_2), \dots, n(t_N)\}$ и группа других нестационарных параметров $\theta(t)$, $x(t)$, $u(t)$ – (процентное содержание газа у второго, третьего и т. д. по ходу вентиляционной струи датчиков метана в период выемки угля), предположительно связанных с $n(t)$. Полагаем, что показания датчиков метана при нормальном режиме проветривания выработки взаимосвязаны между собой. На основании этих данных оценивалась степень связи между $n(t)$ и $\theta(t)$, ее существенность при заданном уровне значимости, проверялась стационарность наблюдаемой связи.

Нестационарность параметров вызвана изменением математического ожидания (их дисперсия во времени не меняется). В каждый момент времени известны лишь мгновенные значения этих параметров и неизвестны их математические ожидания. В связи с этим для оценочных процедур нельзя воспользоваться коэффициентом взаимной корреляции. В этих условиях брались коэффициенты ранговой корреляции.

Допустим, что вектор $n(t)$ принимает N различных значений, которые можно расположить в виде последовательности:

$$n^{(1)} \leq n^{(2)} \leq n^{(i)} \leq \dots \leq n^{(N)}, \quad (1)$$

где $n^{(i)}$ – значение i -ой по абсолютной величине координаты вектора $n(t)$; $n^{(1)}$, $n^{(N)}$ – соответственно наименьшее и наибольшее значения координат этого вектора.

Причем, если имеются N несовпадающих значений параметра $n \rightarrow n(R)$, $1 \leq i \leq N$, то рангом R_i величины n_i является ее порядковый номер в записи (1), то есть $n_i = n^{(R_i)}$, $1 \leq i \leq N$.

Рассмотрим коэффициенты ранговой корреляции Спирмена и Кендалла, которые соответственно вычисляются по формулам [8]:

$$\left. \begin{aligned} \tau_c &= 1 - \frac{6}{N^3 - N} \sum_{i=1}^N (R_i - Q_i)^2 \\ \tau_k &= \frac{1}{N^2 - N} \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^N \text{sign}(R_i - R_j) \text{sign}(Q_i - Q_j), \end{aligned} \right\} \quad (2)$$

где Q_i – ранг случайной величины θ_i вектора $\theta(t)$. Дисперсии коэффициентов τ_c , τ_k имеют вид [4]:

$$\sigma_c^2 = \frac{1}{N-1}; \quad \sigma_k^2 = \frac{4N+10}{9N(N-1)}. \quad (3)$$

Коэффициент Спирмена является более мощным (имеет меньший уровень значимости) по сравнению с τ_k . Поэтому воспользуемся этим коэффициентом для решения поставленной задачи. Величина $|\tau_c|$ изменяется от 0 до 1; при $\tau_c = 0$ случайные процессы независимы. Чем больше значение $|\tau_c|$, тем теснее связь между контролируемыми параметрами. Распределение коэффициента τ_c уже при $N > 10$ достаточно хорошо аппроксимируется распределением Стьюдента с $(N-2)$ степенями свободы. Для оценки существенности рангово-корреляционной связи воспользуемся формулой [8]:

$$|\tau_c| > t_{\frac{\alpha}{2}}(N-2) \left[(1 - \tau_c^2)(N-2)^{-1} \right]^{\frac{1}{2}}, \quad (4)$$

где α – выбранный уровень значимости $t_{\frac{\alpha}{2}}(N-2) - 100 \frac{\alpha}{2} \%$ точки распределения Стьюдента с $(N-2)$ степенями свободы.

При соблюдении условия (4) можно с вероятностью $(1 - \alpha)$ утверждать, что на проверяемом участке между контролируемыми параметрами имеется корреляционная связь. При определении рангов предполагалось, что никакие из рассматриваемых значений параметров $n(t)$, $\theta(t)$ не совпадают между собой. В реальных ситуациях, как правило, имеются совпадения (наблюдаемые значения равны между собой). Для идентификации совпавших наблюдений используются средние ранги, определяемые по методике обработки совпадений Вилкоксона [7; 8]. Перед вычислением средних рангов проводилось ранжирование абсолютных значений n_i и θ_i согласно (1) и разбиение исходных выборок параметров $n(t)$ и $\theta(t)$ на группы равных значений (операция выявления совпавших и несовпавших результатов идентификации). Для вычисления средних рангов достаточно подсчитать число значений n_j (или θ_j), входящих в каждую выявленную j -ю группу совпадений.

Средний ранг R_j для каждой j -ой группы находился из выражения:

$$R_j = \tau_1 + \tau_2 + \dots + \tau_{j-1} + \frac{\tau_j + 1}{2}, \quad (5)$$

где τ_j – число совпавших значений в j -ой группе экспериментальных данных.

Для проверки стационарности наблюдаемой связи между $n(t)$ и $\theta(t)$ надо вычислить τ_c на нескольких участках записи параметров и проверить соблюдение условия:

$$|\tau_c(1) - \tau_c(2)| \leq \sigma_c(in\ var\ 1,2), \quad (6)$$

где $\sigma_c(in\ var)$ – среднеквадратичное отклонение коэффициента τ_c , найденное для двух временных интервалов наблюдения по формуле (3).

Если неравенство (6) выполняется, то можно считать, что отличие в значениях $\tau_c(1)$ и $\tau_c(2)$ имеет случайный характер, а связь между параметрами является стационарной. Значимость коэффициента τ_c определяется по доверительной вероятности, рассчитываемой для распределения Стьюдента в соответствии с (4).

Обнаружение НшГС проводилось путем оценки степени связи текущих параметров $n(t)$ и $\theta(t)$ (содержание газа у первого и второго по ходу вентиляционной струи датчиков метана в период выемки угля). Использовались экспериментальные данные для двух интервалов измерений, каждый из которых имел по 20 точек. Для вычисления средних рангов R_n и Q_n выделялись группы равных значений n_j и θ_j на интервалах их регистрации. Расчеты R_n , Q_n для групп значений параметров n_j и θ_j велись согласно (5). Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена для двух временных интервалов согласно (2) составили: $\tau_c(1) = 0,805$, $\tau_c(2) = 0,210$. Были получены значения $\sigma_{\tau_c}^2$ и σ_{τ_c} для коэффициентов Спирмена: $\sigma_{\tau_c}^2 = 0,0526$; $\sigma_{\tau_c} = 0,23$.

Очевидно, что разность между значениями коэффициента τ_c : $|\tau_c(1) - \tau_c(2)| = 0,595 > \sigma_{\tau_c} = 0,23$ больше σ_{τ_c} . Таким образом, расхождение в коэффициентах τ_c имеет неслучайный характер, а связь между показаниями датчиков метана не является стационарной. Другими словами, фиксируем появление НшГС в период выемки угля, то есть газовая реакция соответствует выбросоопасным зонам угольных пластов.

Согласно регламентируемой Правилами безопасности доверительной вероятности превышения предельных значений содержаний метана в выработках в 0,025 уровень минимально допустимой различимости контролируемых параметров в 4 бита эквивалентен уровню значимости 5 %. При пороге значимости $\alpha = 0,05$ и $N = 20$ для рассматриваемого случая при $t_{\alpha}(N-2) = 2,101$ согласно (4) было получено критиче-

ское значение коэффициента $\tau_{c\text{крит}} = 0,484$. Сопоставление величин $\tau_c(1)$, $\tau_c(2)$ и $\tau_{c\text{крит}}$ свидетельствует об отсутствии на втором участке метанограммы тесной корреляционной связи между $n(t)$ и $\theta(t)$ или между показаниями двух датчиков метана.

Фиксация условий:

$$\tau_c(1) > \tau_{c\text{крит}}, \tau_c(2) < \tau_{c\text{крит}} \quad (7)$$

будет идентифицировать появление слоевого скопления метана. А для первого участка записи метанограммы характерно наличие штатной газовой ситуации (или нормальность функционирования выработки).

Обоснованность использования условий (7) для обнаружения НшГС на разных временных интервалах подтверждается независимостью смежных значений объемов газовыделения как в невыбросоопасных, так и выбросоопасных зонах угольных пластов, полученных при исследовании всплесков газовыделения от буровзрывных работ в подготовительных выработках, проводимых по зонам угольных пластов разной степени выбросоопасности [2; 4; 10].

Изложенная рангово-корреляционная методика позволяет не только оценивать степень связи двух нестационарных процессов, но и последовательно сравнить по тесноте связи несколько пар нестационарных процессов. При этом по минимальному объему текущей информации можно судить: меняется связь между процессами или нет с течением времени без вычисления плотностей вероятностей в фиксированных точках интервала наблюдения. По приведенной методике можно проводить анализ взаимосвязи показаний двух измерителей содержания пыли, контролируемых параметры одной и той же вентиляционной струи, с целью обнаружения нештатных ситуаций по пылевому фактору. Например, указывать на появление опасности локального пылевыделения при выемке угля в очистных забоях, погрузке угля и его конвейерной доставке, проведении подготовительных и нарезных работ.

Изложенная методика может быть применена и для анализа временной взаимосвязи показаний одного и того же датчика метана для обнаружения посторонних источников газовыделения в забое выработки, например, суфляра. В этом случае в исходящей вентиляционной струе измеряют содержание метана на протяжении подвигания выработки, соизмеримом с временем газового последствия забоя на выемку угля (около 1,5 ч) [4; 6]. Это время разбивается на два временных интервала, содержащих по 18-20 точек. Коэффициенты ранговой корреляции при экспериментальной проверке метода на шахте «Северная» шахтоуправления «Воркутауголь» составили:

$$\tau_c(1) = 0,867, \tau_c(2) = 0,820, \text{ а } \sigma_{\tau_c} = 0,243.$$

Разность:

$$|\tau_c(1) - \tau_c(2)| = 0,047 < \sigma_{\tau_c} = 0,243.$$

Таким образом, эта разность имеет случайный стационарный характер. При пороге значимости $\alpha = 0,05$ и $N = 20$ было найдено $\tau_{c \text{ крит}} = 0,286$.

Сравнение $\tau_c(1)$, $\tau_c(2)$ и $\tau_{c \text{ крит}}$ говорит о существовании достаточно тесной корреляционной связи между показаниями датчика, а значит, об отсутствии в забое выработки суфлярного выделения (трещины).

При этом у датчика формируется один и тот же портрет штатных газовых ситуаций при нормальном режиме проветривания забоя. Появление же суфляра приводит к искажению вида этого портрета. Это выражается в выполнении условий типа (7) для временных интервалов записи текущих показаний одного датчика метана. Поэтому появление суфлярного газовыделения можно обнаружить по исчезновению тесноты взаимосвязи показаний одного и того же датчика.

Кроме того, используя выборку измерений, можно восстановить модель суфляров в виде разностных управлений. Для этого можно использовать переборные методы селекции, позволяющие теоретически объяснять экспериментальные результаты перебора моделей [1]. Пусть метанограммы составляют следующую выборку данных измерений:

k	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
x_1	10,0	9,5	20,0	8,6	8,0	7,5	7,0	6,5	6,0	5,5	5,0	4,5	4,0	3,5	3,0	2,5	2,0	1,5	1,0	0,0	0,0
x_2	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20

Начальными условиями являются: $k = 0$, $x_1 = 10$, $x_2 = 0$.

Задача состоит в том, чтобы по данным выборки восстановить модель в виде разностных уравнений. Дискретизируем переменные на $N = 20$ уровней. Находим выборку A (первую инструментальную переменную):

x_1	20	19	18	17	16	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
x_2	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20

Дискретизируем переменные на $N/2=10$ уровней. Находим выборку B (вторую инструментальную переменную):

x_1	20	20	18	18	16	16	14	14	12	12	10	10	8	8	6	6	4	4	2	2
x_2	2	2	4	4	6	6	8	8	10	10	12	12	14	14	16	16	18	18	20	20

Модели ищем в следующем виде:

$$x_1(k) = a_0 + a_1x_1(k-1) + a_2x_2(k) + a_3x_2(k-1),$$

$$x_2(k) = b_0 + b_1x_2(k-1) + b_2x_1(k) + b_3x_1(k-1).$$

В переборе участвуют 15 моделей кандидатов, у которых часть коэффициентов равна нулю, а остальные определяются по методу наименьших квадратов (МНК), причем коэффициенты с индексом A – по выборке A , с индексом B – по выборке B . Критерий непротиворечивости рассчитываем по квадратам разности коэффициентов:

$$C_{N_A} = \sqrt{\frac{1}{m}[(a_{0A} - a_{0B})^2 + (a_{1A} - a_{1B})^2 + \dots + (a_{3A} - a_{3B})^2]},$$

$$C_{N_B} = \sqrt{\frac{1}{m}[(b_{0A} - b_{0B})^2 + (b_{1A} - b_{1B})^2 + \dots + (b_{3A} - b_{3B})^2]},$$

$$CN_{сум} = \frac{1}{2}(CN_A + CN_B).$$

Оценки критериев указаны в таблице 1, из которой следует, что только для одиннадцатой модели системный критерий равен 0. Убеждаемся, что задача восстановления модели при помощи перебора по двум инструментальным переменным решена правильно.

Исходная модель $x_{1(k)} = x_{1(k-1)} - 0,5$ и $x_{2(k)} = x_{2(k-1)} + 1,0$ или $dx_1/dt = -0,5$ и $dx_2/dt = 1,0$ восстановлена компьютером по выборке измерений без детальных указаний эксперта. Эксперт лишь задал критерий перебора моделей-кандидатов, по минимуму которого найдена модель. Никаких доверительных интервалов не потребовалось. Пример демонстрирует направление создания искусственного интеллекта, не требующего подсказки эксперта при принятии решений [5; 9; 10].

Таблица 1

Оценка критериев непротиворечивости

Номер модели	Число слагаемых, m	Значение коэффициентов				Критерий непротиворечивости (по коэффициентам)
		α_0	α_1	α_2	α_3	
1	4	МНК	МНК	МНК	МНК	$CN_A > 0$ $CN_B > 0$ $CN_{сис} > 0$
2	3	0	МНК	МНК	МНК	$CN_A > 0$ $CN_B > 0$ $CN_{сис} > 0$
3	3	МНК	0	МНК	МНК	$CN_A > 0$ $CN_B > 0$ $CN_{сис} > 0$
4	3	МНК	МНК	0	МНК	$CN_A > 0$ $CN_B > 0$ $CN_{сис} > 0$
5	3	МНК	МНК	МНК	0	$CN_A > 0$ $CN_B > 0$ $CN_{сис} > 0$
6	2	0	МНК	0	МНК	$CN_A > 0$ $CN_B > 0$ $CN_{сис} > 0$
7	2	0	МНК	МНК	0	$CN_A > 0$ $CN_B > 0$ $CN_{сис} > 0$
8	2	МНК	0	МНК	0	$CN_A > 0$ $CN_B > 0$ $CN_{сис} > 0$
9	2	0	0	МНК	МНК	$CN_A > 0$ $CN_B > 0$ $CN_{сис} > 0$

Номер модели	Число слагаемых, m	Значение коэффициентов				Критерий непротиворечивости (по коэффициентам)
		α_0	α_1	α_2	α_3	
10	2	МНК	0	0	МНК	$CN_A > 0 \quad CN_B > 0 \quad CN_{\text{сис}} > 0$
11	2	МНК	МНК	0	0	$CN_A = 0 \quad CN_B = 0 \quad CN_{\text{сис}} = 0$
12	1	МНК	0	0	0	$CN_A > 0 \quad CN_B > 0 \quad CN_{\text{сис}} > 0$
13	1	0	МНК	0	0	$CN_A > 0 \quad CN_B > 0 \quad CN_{\text{сис}} > 0$
14	1	0	0	МНК	0	$CN_A > 0 \quad CN_B > 0 \quad CN_{\text{сис}} > 0$
15	1	0	0	0	МНК	$CN_A > 0 \quad CN_B > 0 \quad CN_{\text{сис}} > 0$

Источник: [10; 11]

Универсальность подхода определяется возможностью исследования целого ряда неконтролируемых реакций горного массива на технологические воздействия по сводной информации, отражающей текущие значения этих реакций. Установлено, что суфляры следует описывать несколькими различными системами разностных уравнений, используемыми по очереди в зависимости от начальных условий. Это является новым для математической физики, где каждый объект имеет одно математическое описание. Все это в совокупности позволяет повысить эффективность инженерных решений, обоснованно корректировать узловые параметры системы управления газовойделением, включающей отвод газа через выработанное пространство, проветривание забоя, дегазацию, а также снизить вероятности аварий и катастроф.

Библиографический список

- Ивахненко, А. Г., Ивахненко, Н. А., Костенко, Ю. В. Непараметрические прогнозирующие модели МГУА // Автоматика. – 1989. – № 3. – С. 3-10.
- Качурин, Н. М., Клишин, В. И., Борщевич, А. М., Качугин, А. Н. Прогноз метановой опасности угольных шахт при интенсивной отработке угольных пластов. – Тула: ТулГУ, 2013. – 219 с.
- Кожевников, Ю. В. Введение в математическую статистику. – Казань: КГТУ, 2013. – 196 с.
- Козырева, Е. Н., Шинкевич, М. В. Разработка рекомендаций по повышению эффективности управления газовойделением на выемочных участках // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2016. – № 5. – С. 138-142.
- Куприянов, В. В., Баранникова, И. В. Методологические аспекты диспетчерского контроля газовойвоздушных ситуаций на участках шахты // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2016. – № 9. – С. 46-58.
- Пучков, Л. А., Аюров, В. Д. Синергетика горно-технологических процессов. – М.: МГТУ, 1997. – 264 с.
- Хан, Г., Шапиро, С. Статистические модели в инженерных задачах. – М: Мир, 1980. – 395 с.
- Химмельблау, Д. Анализ процессов статистическими методами. – М.: Мир, 1983. – 957 с.
- Kupriyanov, V. V., Kupreev, N. I. Intelligence computer-aided industrial ecology system // CAD/CAM, Robotics and Factories of the Future: Proceedings of the 6th International Conference. London, Aug. 19-22, 1991. – London: South Bank Polytechnic, 1991. – Pp. 184-188.
- Liu, Q., Meng, X., Hassall, M., Li, X. Accident-causing mechanism in coal mines based on hazards and polarized management // Safety Science. – 2016. – Vol. 85. – Pp. 276-281.
- Jiang, F., Yin, Y., Zhu, Q., Wang, C., Qu, X., Yanshilixue, Yu., Gongcheng, X. Experimental study of precaution technology of heading face coal and gas outburst based on dynamic changes of stress and methane concentration // Chinese Journal of Rock Mechanics and Engineering. – 2014. – No. 33. – Pp. 3581-3588.

References

- Ivakhenko A. G., Ivakhenko N. A., Kostenko Yu. V. Nonparametric predictive models of MGAA [Nonparametric predictive models of MGAA]. Avtomatika, 1989, no. 3, pp. 3-10.

2. Kachurin N. M., Klishin V. I., Borshchevich A. M., Kachurin A. N. Prognoz metanovoi opasnosti ugol'nykh shakht pri intensivnoi otrabotke ugol'nykh plastov [*Forecast of methane hazard of coal mines with intensive mining of coal seams*]. Tula, TulGU, 2013. 219 p.
3. Koshevnikov Yu. V. Vvedenie v matematicheskuyu statistiku [*Introduction to mathematical statistics*]. Kaza'n, KGTU, 2013. 196 p.
4. Kozyreva E. N., Shinkevich M. V. Razrabotka rekomendatsii po povysheniyu effektivnosti upravleniya gazovydeleniem na vyemochnykh uchastkakh [*Development of recommendations to improve the efficiency of gas evolution management at the excavation sites*]. Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2016, no. 5, pp. 138-142.
5. Kupriyanov V. V., Barannikova I. V. Metodologicheskie aspekty dispetcherskogo kontrolya gazovozdushnykh situatsii na uchastkakh shakhty [*Methodological aspects of air-gaz situations dispatching control at the sites of mine*]. Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten' [*Mining Informational and Analytical Bulletin*], 2016, no. 9, pp. 46-58.
6. Puchkov L. A., Ayurov V. D. Sinergetika gornotekhnologicheskikh protsessov [*Synergetics of mining technology processes*]. Moscow, MGGU, 1997. 264 p.
7. Khan G., Shapiro S. Statisticheskie modeli v inzhenernykh zadachakh [*Statistical models in engineering problems*]. Moscow, Mir, 1980. 395 p.
8. Khimmel'blau D. Analiz protsessov statisticheskimi metodami [*Process analysis by statistical methods*]. Moscow, Mir, 1983. 957 p.
9. Kupriyanov V. V., Kupreev N. I. Intelligence computer-aided industrial ecology system. CAD/CAM, Robotics and Factories of the Future: Proceedings of the 6th International Conference. London, Aug. 19-22, 1991. London, South Bank Polytechnic, 1991, pp. 184-188.
10. Liu Q., Meng X., Hassall M., Li X. Accident-causing mechanism in coal mines based on hazards and polarized management. Safety Science, 2016, vol. 85, pp. 276-281.
11. Jiang F., Yin Y., Zhu Q., Wang C., Qu X., Yanshilixue Yu., Gongcheng X. Experimental study of precaution technology of heading face coal and gas outburst based on dynamic changes of stress and methane concentration. Chinese Journal of Rock Mechanics and Engineering, 2014, no. 33, pp. 3581-3588.

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 338.26

JEL O21

DOI 10.26425/1816-4277-2020-3-84-88

Быдтаева Эвелина Евгеньевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», г. Владикавказ, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9563-9525

e-mail: ava-ava-ava@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВА НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ВЕКТОР ДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИКИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ

Аннотация. Обоснована необходимость государственного влияния на интересы и предпочтения субъектов экономики; рассмотрены варианты механизма влияния интересов государства и субъекта экономики на вектор действий последнего; раскрыты содержательные различия методов государственного воздействия на различные субъекты экономики; конкретизированы требования к элементам, составляющим основу стратегии развития. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в процессе формирования стратегии экономического развития. Сделан вывод о том, что на этапе формирования стратегии экономического развития доминирование интересов государства может быть обеспечено им в отношении отдельной категории субъектов экономики; влияние на интересы остальных субъектов экономики государство может осуществлять в форме «декларации намерений».

Ключевые слова: формирование стратегии, экономические интересы, субъекты экономики, государственное регулирование, стратегия экономического развития, методы госрегулирования, интересы государства, стратегия.

Цитирование: Быдтаева Э.Е. Влияние государства на экономические интересы и вектор действий субъектов экономики в процессе формирования стратегии // Вестник университета. 2020. № 3. С. 84–88.

Bydtaeva Evelina

Candidate of Economic Sciences, North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

ORCID: 0000-0001-9563-9525

e-mail: ava-ava-ava@mail.ru

THE STATE INFLUENCE ON ECONOMIC INTERESTS AND VECTOR OF ACTIONS OF ECONOMY SUBJECTS IN THE PROCESS OF STRATEGY FORMATION

Abstract. The need of the state influence on interests and preferences of economy subjects has been proved; options of the mechanism of influence of interests of the state and the subject of economy on a vector of actions of the last have been considered; substantial distinctions of methods of state influence on the economy subjects have been disclosed; requirements to the elements making the basis of the strategy of development have been concretized. Results of the conducted research can be used in the process of forming the strategy of economic development. It has been concluded that at the stage of formation of the economic development strategy, the dominance of the interests of the state can be ensured by it in relation to a separate category of economy subjects; the state can exercise influence on the interests of other economy subjects in the form of a «declaration of intent».

Keywords: strategy formation, economic interests, economy subjects, state regulation, strategy of economic development, state regulation methods, interests of state, strategy.

For citation: Bydtaeva E.E. (2020) The state influence on economic interests and vector of actions of economy subjects in the process of strategy formation. *Vestnik universiteta*. 1. 3, pp. 84–88. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-84-88

© Быдтаева Э.Е., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

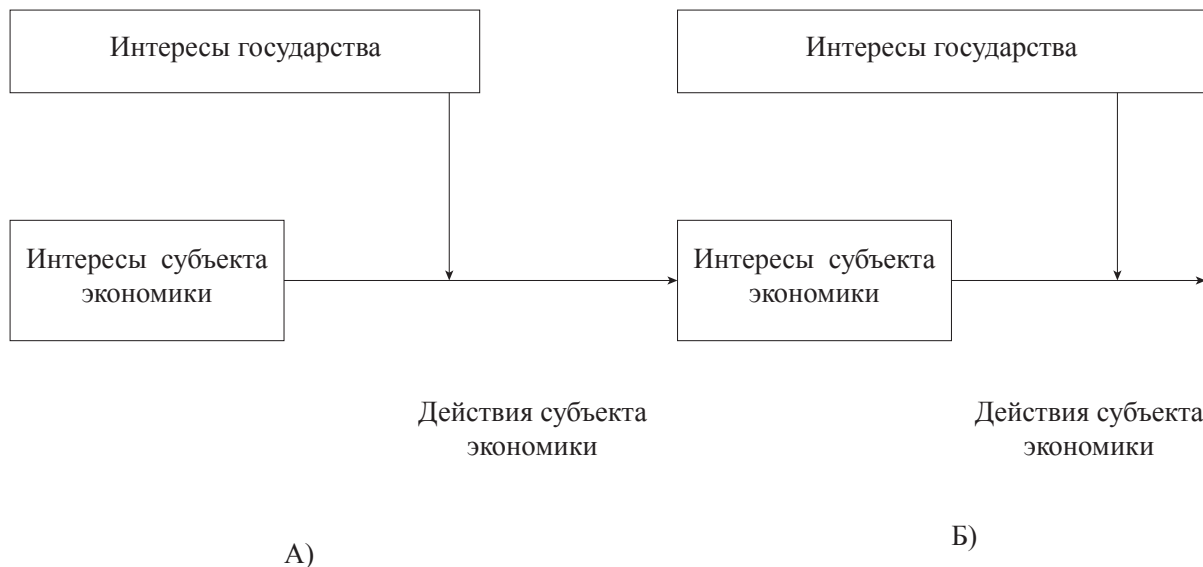
Экономическое развитие представляет собой следствие, результат деятельности субъектов экономики, содержание которой определяет регрессивную или прогрессивную направленность развития. Формирование и реализация общегосударственной стратегии экономического развития – это процесс, опирающийся на взаимодействие множества заинтересованных в его осуществлении субъектов.

Наличие заинтересованности во взаимодействии для формирования и реализации общегосударственной стратегии экономического развития априори можно предположить на разных уровнях у всех субъектов экономики: реализация индивидуального, имманентного интереса каждого из них упрощается, если таковой включен в модель общего развития всех субъектов экономики как элемент системы интересов. Наличие интереса в формировании общегосударственной стратегии экономического развития можно предположить и у тех субъектов экономики, индивидуальный интерес которых не включен в модель общего развития в качестве элемента системы интересов (по причине нейтральности или противоречия общим интересам). Реализация индивидуального интереса этих субъектов упрощается, если известна модель развития остальных субъектов экономики.

Вместе с тем очевидно, что эффективность формирования и реализации стратегии во многом зависит от решения вопроса не только учета интересов (как частного случая – стратегий) различных субъектов развития, но и влияния на них, в определенной степени подчиняющего эти интересы общегосударственным. Государство, имея соответствующие институционально детерминированные возможности, может и должно влиять на интересы и предпочтения субъектов экономики с целью обеспечения соответствия их индивидуально рационального развития общественно выгодному в масштабе нации [1; 6]. Этим определяется важнейшая регулирующая роль государства.

Если интересы субъектов экономики соответствуют интересам государства, то задача регулирования заключается в таком воздействии на регулируемые субъекты, которое направлено на сохранение режима сотрудничества, то есть сводится к задаче координации на основании некоторого механизма конкретного варианта действий. Исходя из того, что государство обладает собственными интересами, можно предполагать, что оно в первую очередь заинтересовано в переводе субъектов в режим сотрудничества (упомянутая выше задача координации), а затем – в реализации наиболее выгодных для него действий субъектов [2].

Детерминирующее влияние интересов государства и субъекта экономики на вектор действий последнего может осуществляться по разным схемам (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Схема вариантов воздействия интересов государства на вектор действий субъекта экономики

На схеме А отражена ситуация, когда субъекты экономики, руководствуясь собственными интересами, осуществляют те или иные действия с определенным вектором направленности, который может быть изменен под влиянием внешних воздействий, детерминируемых интересами государства. На схеме Б отражена

ситуация, когда интересы субъектов экономики формируются под влиянием интересов государства. В этом случае интенсивность последующих регулирующих воздействий на действия субъекта экономики снижается, а эффективность возрастает. Таким образом, данная схема отражает, по сути, упреждающее регулирование.

Интересы субъекта лежат в основе его представлений о будущем развитии, находящихся отражение в стратегии. Эффективная стратегия подразумевает согласование интересов субъектов экономики на этапе ее формирования. Соответственно, эффективный механизм формирования и реализации стратегии развития должен опираться на использование комплекса властных ресурсов государства, прежде всего, на начальных этапах этого процесса – при формировании интересов, стратегических установок, стратегий субъектов экономики, то есть предполагает применение схемы Б. Схема А описывает корректировку нежелательных параметров регулируемых объектов, о ее неэффективности говорилось выше.

Использование комплекса властных ресурсов государства на этапе формирования интересов имеет выраженную специфику в отличие от применения таковых в процессе госрегулирования. Она заключается в том, что государство претендует на оказание влияния на намерения, мысли, идеи субъектов экономики, тогда как госрегулирование воздействует на те или иные параметры, характеризующие состояние и развитие конкретного субъекта экономики. При этом влияние осуществляется в форме «декларации намерений».

Наличие указанной специфики ставит вопрос о способах осуществления государственной власти, методах государственного регулирования, влияния на интересы (стратегические установки) субъектов экономики в процессе формирования стратегии.

Выделяются разные методы государственного воздействия на субъекты экономики и их классификации. Так, по степени непосредственного воздействия государства на процесс принятия субъектами управленческих решений выделяют прямые и косвенные методы государственного регулирования; по организационно-институциональному критерию – административные и экономические [5]. Выделяют также методы информационные, институциональные, методы макроэкономического регулирования, ресурсные (затратные) методы (госзаказы, госзакупки, адресное субсидирование и кредитование, формирование и использование фондов страхования рисков, налоговое льготирование) [3].

На наш взгляд, существующие классификации не позволяют проследить содержательные различия методов госрегулирования деятельности субъектов экономики, обусловленные различием именно субъектности государственного воздействия (см. рис. 2).

Отдельные методы основаны на постоянном участии государства в текущей хозяйственной, финансовой и инвестиционной деятельности субъекта экономики (см. рис. 2а). Воздействие государства на такой субъект экономики осуществляется через механизм внутрихозяйственных связей. Эти методы используются государством в отношении государственных или муниципальных предприятий либо предприятий, контрольный пакет акций которых принадлежит государству.

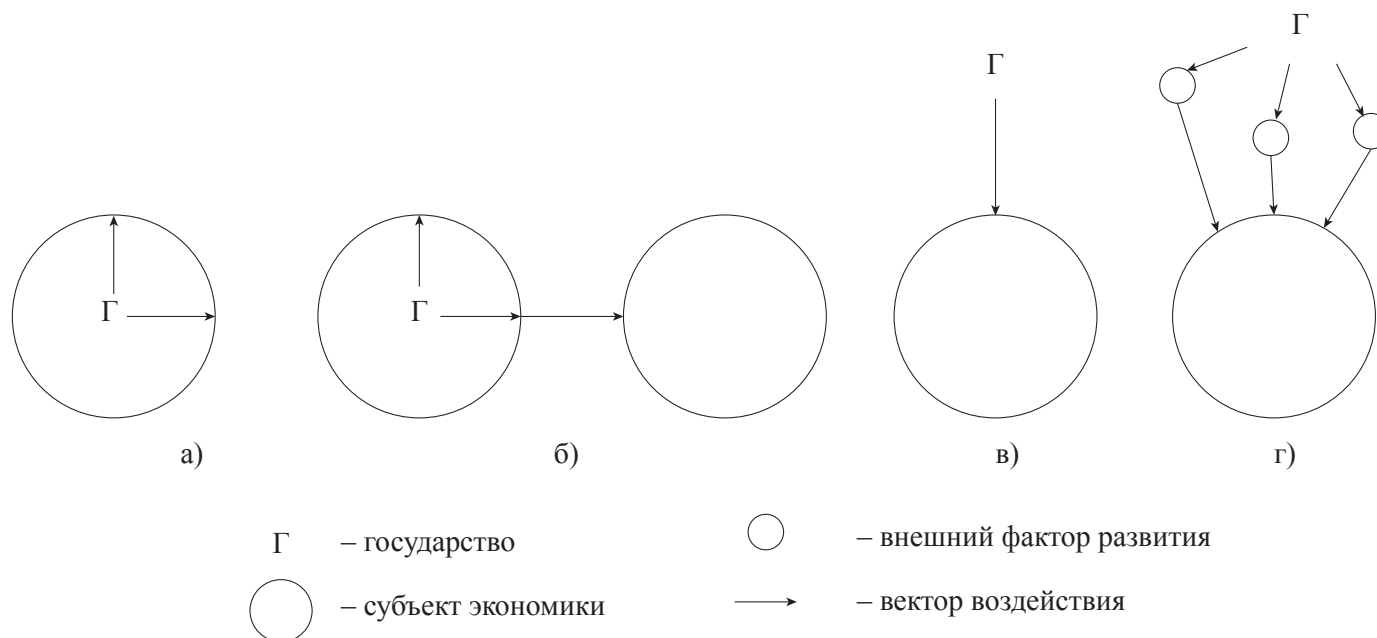
Часть методов базируется на установлении тесных взаимосвязей между обозначенной выше категорией субъектов экономики и остальными субъектами экономики, когда воздействие государства на субъект экономики осуществляется посредством механизма договорных отношений (см. рис. 2б).

Значительная часть методов опирается на обусловленное воздействие государства на субъект экономики, осуществление которого определяется параметрами субъекта экономики (см. рис. 2в). К таким методам относятся государственное субсидирование, налоги, штрафы, преференции, квоты, таможенные пошлины, методы административного воздействия.

Часть методов основана на опосредованном воздействии государства на субъекты экономики через внешние факторы развития (см. рис. 2г). Сам механизм опосредованного, а не прямого воздействия предполагает его неустойчивый, вероятностный характер. К этой группе методов можно отнести информационное обеспечение, борьбу с экономической преступностью, защиту от недобросовестной конкуренции и др.

Указанные варианты механизма воздействия государства на субъекты экономики с учетом декларируемой формы этого воздействия характеризуют разный потенциал сближения государственных интересов и интересов прочих субъектов экономики. Соответствующие им методы на основании данного различия по уровню корреляции интересов субъектов экономики можно дифференцировать на методы воздействия, обеспечивающие:

- высокий уровень корреляции (составляющий единицу в случае с предприятиями госсектора экономики). К этой группе можно отнести методы госрегулирования, механизм реализации которых обеспечивается по вариантам а) и б);
- средний уровень корреляции. К этой группе можно отнести методы госрегулирования, механизм реализации которых обеспечивается по варианту в);
- низкий уровень корреляции. Эту группу составят методы госрегулирования, механизм реализации которых обеспечивается по варианту г).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Схемы вариантов механизма воздействия государства на субъекты экономики

Основу стратегии должны составлять такие элементы, которые имеют наибольший потенциал сохранения неизменности, стабильности в течение периода формирования и реализации стратегии. Еще Н. Д. Кондрачев предупреждал: в план можно вводить лишь всесторонне обоснованные количественные параметры [4].

Очевидно, что на этапе формирования стратегии экономического развития наиболее активно должны применяться методы, с высокой степенью вероятности обеспечивающие доминирующее влияние государственных интересов на экономические интересы прочих субъектов экономики. Соответственно, основу национальной стратегии промышленного развития составят стратегии предприятий, находящихся в федеральной или муниципальной собственности, либо тех, владельцем контрольного пакета акций которых является государство.

Эффективность планирования указанных субъектов можно значительно повысить, активно используя так называемый административный ресурс. К предприятиям государственного сектора экономики могут применяться более жесткие и формализованные технологии формирования стратегий, позволяющие повысить степень их управляемости. При этом технологии должны дифференцироваться в зависимости от формы собственности предприятий.

Так, формирование стратегии развития и контроль ее осуществления казенными предприятиями может осуществляться на основе жестких процедур директивного управления. Деятельность акционерных обществ, в капитале которых участвует государство, оно может ориентировать на параметры национальных стратегий посредством активного представительства в совете директоров либо в составе акционеров.

Создание сектора предприятий, контролируемых государством, способных к эффективному сотрудничеству, может рассматриваться в качестве инструмента преодоления различных проявлений (типов) кризиса развития национальной экономической системы.

Итак, на этапе формирования стратегии экономического развития доминирование интересов государства может быть обеспечено им в отношении отдельной категории субъектов экономики. Влияние на интересы остальных субъектов экономики государство может осуществлять в форме «декларации намерений».

Библиографический список

1. Быдтаева, Э. Е., Бекмурзаева, З. Х. Системный характер влияния государства на субъекты промышленного развития // Вестник университета. – 2013. – № 16. – С. 138-143.
2. Быдтаева, Э. Е. Формирование целевой функции государственного регулирования экономики // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 11, ч. 2 (64-2). – С. 186-189.
3. Кириченко, В. Реформационный процесс в становлении государственной промышленной политики России // Российский экономический журнал. – 1999. – № 8. – С. 12-13.
4. Кондратьев, Н. Д. План и предвидение (к вопросу о методах составления перспективных планов развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://polbu.ru/kondratev_largecycles/ch17_all.html (дата обращения: 08.01.2020).
5. Кузьбожев, Э. Н., Козьева, И. А., Клевцова, М. Г. Экономическая география и регионалистика (история, методы, состояние и перспективы размещения производительных сил): учебное пособие для академического бакалавриата. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 431 с.
6. Якунина, И. Н. Государство как ключевой инструмент обеспечения реализации общегосударственных интересов России // Социально-экономические явления и процессы. – 2008. – № 2 (10). – С. 91-93.

References

1. Bydtaeva E. E., Bekmurzaeva Z. H. Sistemnyi kharakter vliyaniya gosudarstva na sub»ekty promyshlennogo razvitiya [*The systemic nature of the influence of the state on the subjects of industrial development*]. Vestnik Universiteta, 2013, no. 16, pp. 138-143.
2. Bydtaeva E. E. Formirovanie tselevoi funktsii gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki [*Formation of the target function of state regulation of the economy*]. Ekonomika i predprinimatel'stvo [*Journal of Economy and Entrepreneurship*], 2015, no. 11, part 2 (64-2), pp. 186-189.
3. Kirichenko V. Reformatsionnyi protsess v stanovlenii gosudarstvennoi promyshlennoi politiki Rossii [*The reformation process in the formation of the state industrial policy of Russia*]. Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal, 1999, no. 8, pp. 12-13.
4. Kondrat'ev N. D. Plan i predvidenie (k voprosu o metodakh sostavleniya perspektivnykh planov razvitiya [*Plan and foresight (on the issue of methods of drawing up long-term development plans)*]. Available at: http://polbu.ru/kondratev_largecycles/ch17_all.html (accessed 08.01.2020).
5. Kuz'bozhev E. N., Koz'eva I. A., Klevtsova M. G. Ekonomicheskaya geografiya i regionalistika (istoriya, metody, sostoyanie i perspektivy razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil): uchebnoe posobie dlya akademicheskogo bakalavriata [*Economic geography and regionalism (history, methods, state and prospects of distribution of productive forces): study guide for academic undergraduate*], 3-e izd., pererab. i dop. Moscow, Yurait, 2019, 431 p.
6. Yakunina I. N. Gosudarstvo kak klyuchевой instrument obespecheniya realizatsii obshchegosudarstvennykh interesov Rossii [*The state as a key tool to ensure the implementation of Russia's national interests*]. Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy [*Social-Economic Phenomena and Processes*], 2008, no. 2 (10), pp. 91-93.

Князева Елизавета Юрьевна

студент магистратуры, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

e-mail: gggg57@rambler.ru

Дьяконова Ольга Семеновна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

e-mail: diakonova_o@mail.ru

Knyazeva Elizaveta

Graduate student, State University of Management, Moscow, Russia

e-mail: gggg57@rambler.ru

Dyakonova Olga

Candidate of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia

e-mail: diakonova_o@mail.ru

РОЛЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. Рассмотрена роль управленческого учета в деятельности логистических организаций. Приведены некоторые подходы к пониманию логистической системы, объясняющиеся многоаспектностью данного понятия. Выделены элементы логистической системы, которые в зависимости от места в системе выполняют определенные функции. Обосновано взаимодействие факторов, способствующих достижению конкурентных преимуществ логистической системы. Выявлена основная цель управленческого учета – обеспечение менеджеров предприятия данными, необходимыми им для принятия своевременных управленческих решений. Перечислены основные задачи, которые решаются с помощью системы управленческого учета. Сделан вывод, что грамотно выстроенный управленческий учет должен учитывать все денежные потоки (наличные и безналичные), позволяющие наглядно оценивать доходность бизнеса в целом, а также каждого проекта в отдельности.

Ключевые слова: логистика, логистическая система, логистические организации, управленческий учет, управленческие решения, информация, информационная система, бизнес-процесс.

Цитирование: Князева Е.Ю., Дьяконова О.С. Роль управленческого учета в деятельности логистических организаций // Вестник университета. 2020. № 3. С. 89–93.

ROLE OF MANAGEMENT ACCOUNTING IN THE ACTIVITIES OF LOGISTICS ORGANIZATIONS

Abstract. The role of management accounting in the activities of logistics organizations has been considered. Some approaches to understanding the logistics system, explained by the multidimensional nature of this concept, have been adduced. The elements of the logistics system, which, depending on the location in the system, perform certain functions, have been highlighted. The interaction of factors contributing to the achievement of competitive advantages of the logistics system has been substantiated. The main goal of management accounting – to provide managers with the data they need to make timely management decisions has been revealed. The main tasks, that are solved using the management accounting system, have been enumerated. It has been concluded that a well-structured management accounting should take into account all cash flows (cash and non-cash), allowing you to visually assess the profitability of the business as a whole, as well as each project separately.

Keywords: logistics, logistics system, logistics organizations, management accounting, management decisions, information, information system, business process.

For citation: Knyazeva E.Yu., Dyakonova O.S. (2020) Role of management accounting in the activities of logistics organizations. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 89–93. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-89-93

Главной задачей любой компании в условиях рыночной экономики является грамотное управление финансами. Эффективное управление компанией подразумевает, что в деятельности присутствует порядок и прозрачность взаимодействий всех подразделений, на каждом уровне действуют четкие инструкции, и собирается статистика, обратная связь по каждому этапу. Это позволяет руководству видеть работу компании в целом, прогнозировать результаты, координировать работу всех подразделений. Поэтому невозможно качественно управлять логистической системой, не имея полной информации про объект управления.

© Князева Е.Ю., Дьяконова О.С., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Грамотно выстроенная и внедренная система управленческого учета необходима руководителю компании, чтобы иметь полную и достоверную информацию о реальном состоянии дел. На основе такой информации принимаются оперативные и стратегические управленческие решения.

Управленческий отчет должен отвечать двум основным требованиям:

- предоставлять информацию максимально оперативно, отражая ситуацию в бизнесе в режиме «здесь и сейчас», что особенно важно в условиях кризиса. Для принятия своевременных решений, менеджменту важно понимать: «где я нахожусь сейчас», а не «где я находился месяц назад»;
- иметь набор удобных инструментов для анализа. Отчет должен давать ответы на вопросы: «Что произошло?», «Почему это произошло?» и «В каком направлении двигаться дальше?». Например, мало знать объем продаж, важно понимать, что повлияло на этот объем: кто, что, кому и после чего продал.

Таким образом, менеджменту необходим набор рычагов и индикаторов, который позволит оценивать положение дел «здесь и сейчас» и понимать, какие рычаги можно двигать и как это повлияет на результат.

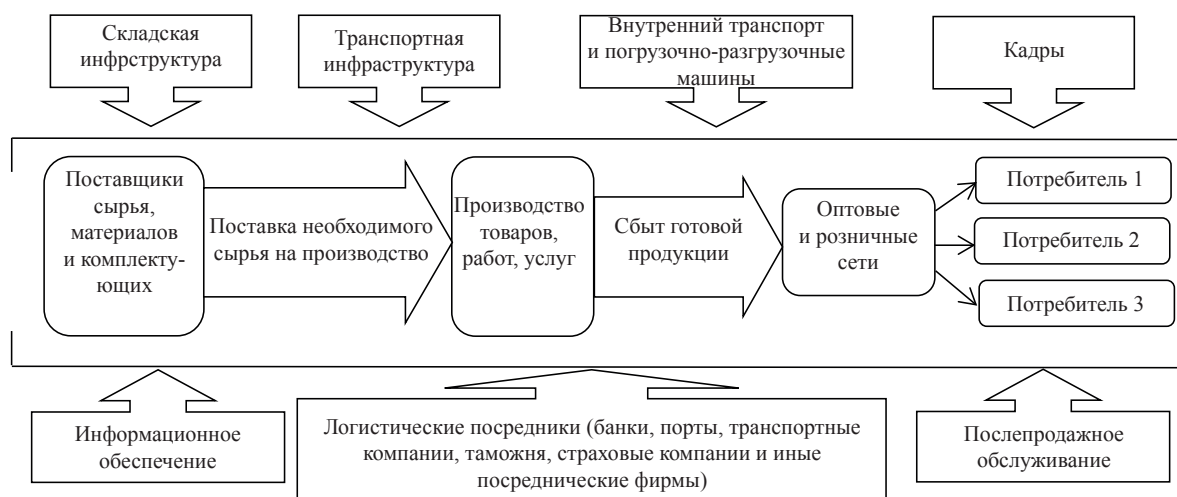
На сегодняшний день существует множество подходов к пониманию логистической системы, что объясняется многоаспектностью данного понятия. Так, например, Т. В. Алесинская, А. М. Гаджинский понимают под логистической системой «динамическую, открытую, стохастическую, адаптивную систему с обратной связью, выполняющую те или иные логистические функции» [1, с. 31; 3, с. 87].

Б. А. Аникин и Т. А. Родкина под логистической системой понимают «сложную, организационно завершенную (структурированную) экономическую систему, состоящую из элементов-звеньев, взаимосвязанных в едином процессе управления материальными и сопутствующими потоками, причем задачи функционирования этих звеньев объединены внутренними целями организации бизнеса и (или) внешними целями» [2, с. 50].

Приведенные определения трактуют логистическую систему с позиции общесистемного подхода, который используется при описании системы любого рода, в том числе при описании экономической системы, то есть без учета ее функциональных особенностей. Поэтому целесообразно сформулировать определение понятия «логистическая система» с учетом не только системного подхода, но и принципов логистики.

Исходя из этого, логистическая система – это относительно устойчивая совокупность экономически обособленных субъектов (поставщиков, потребителей, логистических посредников и др.), взаимосвязанных и взаимодействующих в целях планирования, организации и координации материальных и сопутствующих потоков для обеспечения минимизации затрат каждого из операторов на рынке логистических услуг, а также затрат конечного потребителя.

Элементами логистической системы выступают экономически обособленные субъекты, которые в зависимости от места в системе выполняют определенные функции. К элементам логистической системы относят поставщиков материальных, финансовых и информационных ресурсов, производственные предприятия, сбытовые, торговые, посреднические организации разного уровня, складскую и дорожную инфраструктуры, транспортные компании, биржи, банки и другие финансовые учреждения, иные компании, оказывающие сопутствующие услуги и т. д. На рисунке 1 представлена схема логистической системы.

Составлено авторами по материалам источника [4]

Рис. 1. Элементы логистической системы

Появление информационных технологий и использование их в рамках логистических систем позволяет объединить все информационные потоки для планирования и координации логистических операций, эффективного взаимодействия всех участников системы, повышения уровня сервиса. Применение информационных технологий в процессах продвижения материальных потоков способствует оптимизации работы логистической системы и удовлетворению потребностей потребителей. Взаимодействие всех вышеуказанных факторов способствует достижению конкурентных преимуществ, позволяет совершенствовать обслуживание, повышать уровень сервиса.

Основная цель управленческого учета – обеспечение менеджеров предприятия данными, необходимыми им для принятия своевременных управленческих решений [6]. Систему управленческого учета можно считать эффективной в том случае, если она способствует более быстрому и легкому достижению целей компании с наименьшими расходами на ее создание и функционирование. В значительной мере управленческий учет работает с текущими фактами ведущейся на предприятии хозяйственной деятельности, по которым необходимо оперативно принимать решения для оптимизации производственных процессов. Информация управленческого учета имеет в большинстве случаев конфиденциальный характер и является коммерческой тайной.

Управленческий учет должен фокусироваться на будущих периодах бизнес-деятельности предприятия и на том, что можно предпринять, чтобы благоприятно повлиять на ход предстоящих событий. На сегодняшний день ведение управленческого учета является одним из наиболее важных условий, способствующих принятию верных управленческих решений руководством предприятия. Так как каждая организация должна самостоятельно выбрать направление своей деятельности, виды производимой продукции и объемы производства, возникает потребность в получении и накоплении информации, составляющей необходимые для ведения учета данные [5].

Метод ведения учета должен быть отражен в организационных документах: приказах и распоряжениях руководителей организаций. Система управленческого учета действует с помощью выполнения функций, которые можно разделить на две основные группы:

- 1) обеспечивающие организацию информационного потока;
- 2) определяющие его содержание.

В первой группе функций можно выделить следующие:

- создание и внедрение системы обмена данными между различными подразделениями компании и представление информации (формирование различных внутренних отчетов);
- анализ данных;
- планирование бизнес-деятельности.

Во второй группе функций выделяем:

- координацию работы подразделений, отделов компании или ее сотрудников;
- мотивацию персонала;
- контроль над выполнением планов.

В рамках указанных функций цель ведения управленческого учета достигается с помощью решения задач, которые можно конкретизировать подзадачами (более мелкими задачами). Можно определить множество решаемых в системе управленческого учета задач. В каждом конкретном случае выбор будет индивидуальным и будет зависеть от целей, поставленных самим предприятием, а также от того, какова ситуация на рынке в настоящий момент времени, какой стратегией и тактикой руководствуются топ-менеджеры, в какой мере стандартизированы и формализованы учетно-аналитические процедуры и процесс вынесения решений в данной организации.

Основные задачи, которые решаются с помощью системы управленческого учета:

- 3) представление данных:

- оценка активов;
- обоснование стоимости продукции или услуг;
- исчисление прибыли;
- создание информационных файлов о затратах и доходах;
- формирование и представление руководству разнообразной внутренней отчетности;

- 4) планирование:
 - создание тактических и оперативных планов;
 - прогнозирование будущих показателей;
 - подготовка данных для определения стратегических целей и долгосрочных задач;
- 5) анализ:
 - нахождение способов самого рационального использования имеющихся ресурсов, включая ограниченные;
 - подготовка данных для вынесения решений о возможности финансирования проектов, видов деятельности, отдельных сегментов и т. п.;
 - инвестиционная деятельность;
 - выявление возможностей для роста прибыли и оптимизация полученных результатов между отчетными периодами;
 - подготовка данных, необходимых для верных решений о структуре и объеме производства;
- 6) контроль:
 - укрепление внутреннего контроля финансов;
 - проведение внутреннего аудита;
 - проведение сравнения достигнутых и плановых показателей;
 - создание рекомендаций для руководства по ликвидации и предотвращению найденных отклонений;
- 7) координация:
 - направление деятельности разных сегментов;
 - оптимизация бизнес-структуры;
 - создание политики в сфере распределения накладных расходов между бизнес-единицами или производимыми продуктами;
 - организация информационного обмена между различными подразделениями и сотрудниками;
- 8) мотивация:
 - повышение мотивации персонала и менеджеров;
 - нахождение вариантов участия работников в прибыли;
 - определение зон ответственности для менеджеров;
 - разработка методов оценки эффективности функционирования подразделений и сотрудников.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно заключить, что организация управленческого учета – это не просто собирание цифр в единой базе, но и использование полученных данных с пользой для бизнеса. В отличие от налогового или бухгалтерского учета управленческий учет дает менеджерам возможность прогнозировать аспекты деятельности предприятия и получать доступ к аналитике в любое время. Управленческий учет формируется для внутреннего пользования и позволяет правильно отражать текущее состояние компании, а также прогнозировать ее развитие. Своевременное принятие управленческих решений обеспечивает возможность оптимизации бизнес-процессов, что содействует укреплению финансового здоровья предприятий любого масштаба. Грамотно выстроенный управленческий учет должен учитывать все денежные потоки (наличные и безналичные), что позволяет наглядно оценивать доходность бизнеса в целом, а также каждого проекта в отдельности. При этом руководитель всегда в курсе реального состояния предприятия, а значит он имеет обоснованные аргументы для принятия решений.

Библиографический список

1. Алесинская, Т. В. Основы логистики. – Таганрог: ЮФУ, 2013. – 12 с.
2. Аникин, Б. А. Основы логистики: учебник / Под ред. Б. А. Аникина, Т. А. Родкиной. – М.: Проспект, 2017. – 339 с.
3. Гаджинский, А. М. Логистика: учебник. – 21-е изд. – М.: Дашков и К°, 2018. – 418 с.
4. Гайдаенко, А. А. Логистика. – М.: КноРус, 2014. – 267 с.
5. Друри, К. Управленческий учет для бизнес-решений. – М.: Юнити, 2015. – 655 с.
6. Каверина, О. Д. Управленческий учет: теория и практика: учебник. – Люберцы: Юрайт, 2016. – 488 с.

References

1. Alesinskaya T. V. Osnovy logistiki [*Fundamentals of logistics*]. Taganrog, YuFU, 2013. 12 p.
2. Anikin B. A. Osnovy logistiki: uchebnik [*Fundamentals of logistics*]. Pod red. B. A. Anikina, T. A. Rodkinoi. Moscow, Prospekt, 2017, 339 p.
3. Gadzhinskii A. M. Logistika: uchebnik [*Logistics: a textbook*], 21-e izd. Moscow, Dashkov i K⁰, 2018. 418 p.
4. Gaidaenko A. A. Logistika [*Logistics*]. Moscow, KnoRus, 2014. 267 p.
5. Druri K. Upravlencheskii uchët dlya biznes-reshenii [*Management accounting for business solutions*]. Moscow, Yuniti, 2015. 655 p.
6. Kaverina O. D. Upravlencheskii uchët: teoriya i praktika: uchebnik [*Managerial accounting: theory and practice: a textbook*]. Lyubertsy, Yurait, 2016. 488 p.

Рязанова Галина Николаевна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9742-3437
e-mail: ryazanovagn63@gmail.com

ЭПОХА МЕТАМОДЕРНИЗМА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АГРАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. Рассмотрен период смены эпохи постмодернизма на метамодернизм (метамодерн). Раскрыты особенности метамодернизма как неоднозначная направленность философско-мировоззренческих концепций и его влияние на экономическое пространство разных уровней иерархии. Подчеркнуто, что особенно остро последствия эпохи метамодерна отразились на экономике России 1990-х гг., поскольку системные связи, сложившиеся в период модерна и постмодерна, были разрушены ввиду политических трансформаций и импорта либеральных институтов в экономику страны. Уровень микроэкономического агента рассмотрен на примере предприятий агропромышленного сектора. Выявлены этапы эволюции развития предприятий агропромышленного комплекса. Прослежена трансформация модели взаимодействия агропромышленных предприятий с другими микроэкономическими агентами в эпоху метамодернизма.

Ключевые слова: метамодернизм, метамодерн, философско-мировоззренческая концепция, агропромышленные предприятия, этапы эволюции развития предприятий АПК, трансформация модели взаимодействия аграрных предприятий.

Цитирование: Рязанова Г.Н. Эпоха метамодернизма и ее влияние на модель взаимодействия аграрных предприятий // Вестник университета. 2020. № 3. С. 94–101.

Ryazanova Galina
Candidate of Economic Sciences,
State University of Management,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9742-3437
e-mail: ryazanovagn63@gmail.com

THE ERA OF METAMODERNISM AND ITS IMPACT ON THE MODEL OF INTERACTION OF AGRARIAN ENTERPRISES

Abstract. The period of the change of the era of postmodernism to metamodernism (metamodern) has been considered. The features of metamodernism, as the ambiguous orientation of philosophical and worldview concepts and its impact on the economic space of different levels of the hierarchy have been revealed. It has been emphasized, that the consequences of the metamodern era especially sharply reflected in the Russian economy of the 1990s, since the systemic ties that developed during the modern and postmodern periods were destroyed due to political transformations and the import of liberal institutions into the country's economy. The level of a microeconomic agent on the example of enterprises in the agricultural sector has been reviewed. The stages of evolution of the development of agricultural enterprises have been identified. The transformation of the interaction model of agricultural enterprises with other microeconomic agents in the era of metamodernism has been traced.

Keywords: metamodernism, metamodern, philosophical and worldview concept, agricultural enterprises, stages of evolution of agricultural enterprises, transformation of the model of interaction of agricultural enterprises.

For citation: Ryazanova G.N. (2020) The era of metamodernism and its impact on the model of interaction of agrarian enterprises. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 94–101. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-94-101

Мировые политические, социальные и экономические кризисы определяют междисциплинарный вектор рассмотрения глобальных проблем. Мировоззренческая картина мира, наполняющая экономическое пространство разных эпох, является ключевой для философского императива поведения экономических агентов

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-010-00905.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Project № 19-010-00905.

© Рязанова Г.Н., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

всех уровней иерархии, их ценностной ориентации в принятии управленческих решений. Поэтому рассмотрение связи экономических агентов невозможно без оценки философско-мировоззренческих концепций, характерных для исследуемой эпохи. Конец XX столетия стал рубежом смены философской парадигмы постмодерна [14]. Постмодернистское наследие оставило человечеству много разнонаправленных задач. Потребность возврата модернистских императивов «объективной истины» давление калейдоскопично-фрагментарного позднего постмодерна, как «одного из доминирующих преступлений интеллектуалов» объединились в инерции, связанной с попыткой удержать устои модерна и страхом перед трансформацией социально-экономического пространства [12; 16, с. 9; 17, с. 7]. Апогеем этого объединения стала эра метамодернизма как стремление к поиску баланса между модерном и постмодерном [18]. Концепция метамодернизма, как эволюционная производная от постмодернизма, ставит еще больше вопросов и, порой, тупиковых. Это моноэкономического агента, лежащее в основе постмодернизма, перерастает в размытую невнятную концепцию колебаний с элементами релятивистской научной парадигмы, однако с динамично меняющимися ценностями, разрушающими конкретную, определенную картину мира экономического пространства [15].

В этот период мировое сообщество столкнулось с кризисными явлениями. Кризис охватил политическую, социальную и экономическую сферу [10]. Волатильность цен на энергоносители, нестабильность социальных отношений, психологическое напряжение в обществе стали свидетельством новой эпохи. В мировом политическом пространстве особенно остро эра метамодерна проявилась в трансформации политического строя в странах бывшего СССР в 1990-х гг. Развал СССР и вектор на либерализацию экономики нанесли серьезный удар по всем республикам, входящим в его состав. Системные связи, играющие ключевую роль во взаимодействии микроэкономических агентов, сформированные за десятилетия существования советского государства, подверженные колебаниям метамодерна, связанными с трансформациями социально-экономических отношений, были разорваны, мезоэкономические взаимодействия потеряны, микроэкономические отношения значительно сокращены [11]. Эта ситуация отразилась, в частности, на горизонтальных и вертикальных связях агропромышленных предприятий, что повлекло собой глубокий кризис в сельскохозяйственном производстве [9].

Аграрная наука во всех направлениях перестала обеспечивать потребности хозяйственной практики: научная система земледелия оказалась не востребована у новых собственников почвенных угодий – арендаторов, единственной целью которых было получение краткосрочной прибыли, а значит, выращивание только высокоурожайных пропашных культур (кукурузы, подсолнечника). Эти растения выносили плодородие почвы, поскольку бессистемные севообороты не могли стабилизировать почвенные биоценозы и восстановить почвенную экосистему, что привело к истощению почвенного плодородия значительной части высокопродуктивных сельскохозяйственных угодий. Ветеринарная наука и селекция в животноводстве и популяционной генетике была погружена в глубокую депрессию. Репродуктивные центры были закрыты, выведение новых пород животных не производилось. Исследования и достижения в разработке новых высокопродуктивных пород в сфере молочного животноводства и производства мяса посредством применения генетики, которые были в период СССР, в 1990-е гг. были полностью утеряны, поскольку аграрные хозяйства ввиду низкой рентабельности животноводства снижали поголовье всех видов скота и не нуждались в обновлении стада. В этот период было почти полностью уничтожено овцеводство, птицеводство, в разы сократилось поголовье крупного рогатого скота, производство свинины.

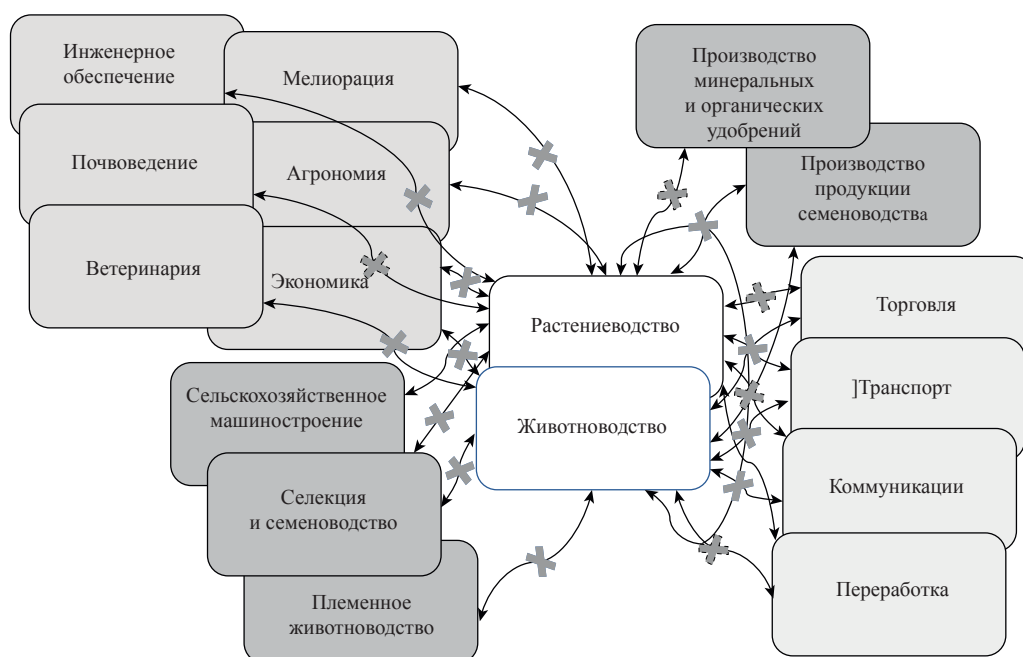
Государственная сортоиспытательная система, обеспечивающая советское семеноводство районированными сортами элиты, супер-элиты и первой репродукции, в условиях низкого финансирования не могла справиться с задачей обеспечения российского растениеводства конца XX в. качественными высокопродуктивными семенами с высокой всхожестью, кустистостью всходов и, как следствие, высокой урожайностью с учетом региональных почвенно-климатических особенностей. Посевные площади сельскохозяйственных предприятий засевались засоренными семенами со слабой продуктивностью и выносливостью в отношении погодных и почвенных условий, что значительно снизило урожайность сельскохозяйственных культур. Более 80 % предприятий агропромышленного комплекса (далее – АПК) России территориально расположены в зоне рискованного земледелия. В период СССР значительное влияние на систему земледелия оказывали мелиоративные мероприятия. Они оптимизировали гидрологические, почвенные и климатические недостатки регионов, выравнивали почвенное плодородие, боролись с водной и ветровой эрозией полей и предотвращали ее. В постсоветский период мелиоративные мероприятия почти совсем не проводились.

Стагнация наблюдалась и в сфере создания, производства и внесения удобрений. Промышленное производство минеральных удобрений было сокращено незначительно, а выпуск органических и органо-минеральных удобрений значительно упал.

Сельскохозяйственные предприятия в виду отсутствия оборотных средств, вынуждены были снижать выпуск продукции растениеводства и животноводства. В агрономическом процессе нарушалась система севооборотов, аграрные культуры возделывались по принципу быстрой выгоды, например, в период острой потребности маслосемян подсолнечника для производства подсолнечного масла поля засеивались подсолнечником два и даже три года подряд. Эта пропашная культура выносит значимое количество питательных веществ и требует обязательной ротации. Однако, в условиях агрессивного сельского хозяйства севообороты не соблюдались. В результате часть плодородных земель была серьезно истощена, а часть даже вышла из сельскохозяйственного оборота. Это произошло в том числе в следствии неструктурированного правового поля:

- отсутствия четкой законодательной регламентации отношений арендодателей и арендаторов;
- отсутствия ясного межевания сельскохозяйственных угодий (профиля и границ полей);
- отсутствие контроля экологической безопасности агропромышленного производства со стороны государства.

Экономическое пространство метамодерна, в котором оказались агропромышленные предприятия в конце 1990-х гг. было глубоко депрессивным. Взаимодействие аграрных хозяйств как внутри сектора АПК (горизонтальные и вертикальные связи), так и с предприятиями смежных отраслей были разорваны и неуправляемы. Все сегменты интеграционной цепи – разрушены (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Модель взаимодействия предприятий АПК России с предприятиями смежных отраслей в 1990-е гг.

Модель демонстрирует разрыв связи аграрного производства (растениеводства и животноводства – в центре модели) с наукой (слева сверху). Институты механизации, мелиоративная наука, агрономические научно-исследовательские институты, структуры, курирующие экономику сельского хозяйства, не могли оказать достойной поддержки сельскохозяйственным предприятиям. Слабое финансирование, кадровые проблемы, отсутствие современного оборудования не представляли возможным научному блоку создавать новые идеи, модели сельскохозяйственных машин и прицепной техники, новые агротехнологии.

Отсутствие поддержки сельскохозяйственного машиностроения привело большинство российских производств сельхозтехники к упадку. Новые модели не появлялись в течении длительного периода. Селекционные

работы советской эпохи в области семеноводства и селекции животных были приостановлены, многие селекционные станции и центры закрыты. Вертикальная интеграция «от поля до прилавка»: «продукция растениеводства – продукция животноводства – переработка – транспортная логистика – реализация» распалась.

Необходима была государственная регуляция для восстановления утраченных связей предприятий АПК, для развития агропромышленного производства, для выхода из глубокого кризиса аграрного сектора [13].

Метамодерн – это колебательные движения разрушения и созидания. И, если конец XX в. характеризуется разрушением устоявшихся институтов в России на всех уровнях иерархии, то XXI в. формирует структуру нового строя, трансформируя институциональную среду на макро-, мезо- и микроуровне. Начиная с 2000-х гг. Правительством России было принято решение о поддержке сектора АПК. С этого периода начинается этап восстановления структуры внутри аграрного сектора и аграрных хозяйств с микроэкономическими агентами других секторов экономики. Основными документами, направленными на формирование структурной определенности агропромышленного производства, стали в 2000-е гг.:

- «Основные направления агропродовольственной политики Правительства Российской Федерации на 2001-2010 годы» от 27 июля 2000 г.;
- «Земельный кодекс Российской Федерации» (ФЗ № 136 от 25 октября 2001 г.);
- Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года» (постановление Правительства Российской Федерации № 858 от 3 декабря 2002 г.) [4; 5; 6].

Следует отметить общий характер первых нормативных документов и отсутствия четкой целевой функции.

Следующий этап характеризуется более четкой структурой: в Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» обозначены основные положения регулирования агропромышленного производства, в части антимонопольного, фискального и других аспектов [1].

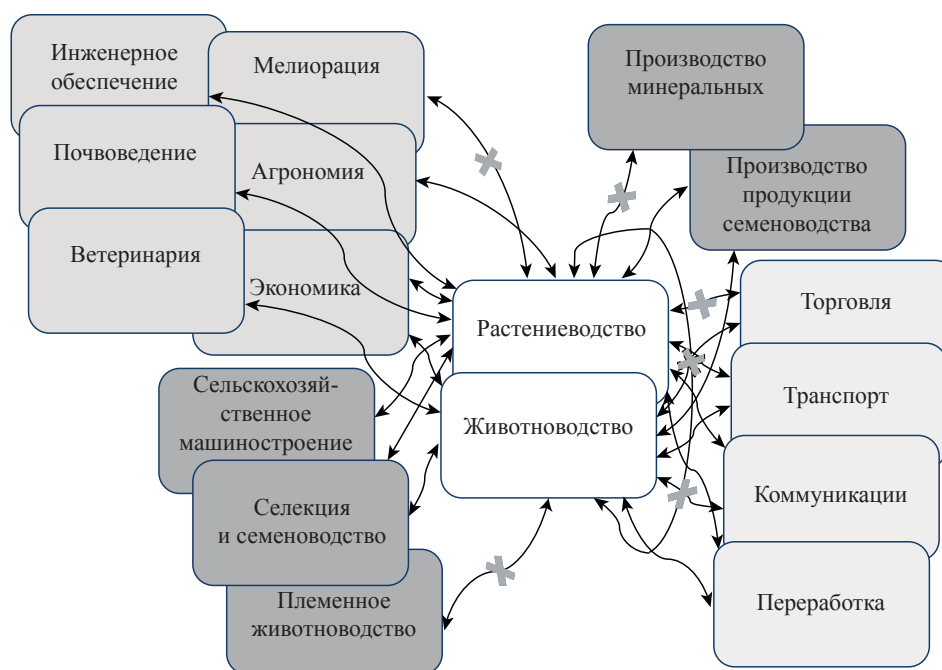
Вступление нашей страны во Всемирную торговую организацию спровоцировала новые вызовы со стороны иностранных поставщиков продукции АПК [7]. Возникла необходимость обеспечения продовольственной безопасности и суверенности государства. Целевые показатели развития подотраслей агропромышленного сектора отражены в Доктрине продовольственной безопасности (Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120) и в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы (Постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717) [2; 3]. В этих документах обозначены показатели поддержки сельскохозяйственных предприятий по каждому целевому результату.

В последнее десятилетие село получает значительную поддержку по нескольким направлениям:

- субсидирование инвестиционных затрат на строительство новых объектов инфраструктуры;
- льготное кредитование по ставке 5 % от Россельхозбанка, в том числе малого и среднего бизнеса;
- погектарные выплаты сельхозтоваропроизводителям (согласно площади аграрного хозяйства);
- субсидирования продуктивного молочного животноводства (если технология производства молока соответствует современному уровню развития отрасли);
- субсидирование технических средств производства, если они произведены отечественными сельхозмашиностроителями;
- поддержка фермерских хозяйств и сельскохозяйственной кооперации [8].

Трансформация институциональных условий позитивно сказалась на состоянии агропромышленных предприятий. Модель взаимодействия предприятий АПК с предприятиями смежных отраслей демонстрирует существенные позитивные изменения – многие звенья цепи восстановлены (см. рис. 2).

Отношения микроэкономических агентов агропромышленного сектора с предприятиями смежных секторов, благодаря регуляционной функции государства, существенно изменились. Полностью восстановлены связи внутри агропромышленного бизнеса, в подотраслях растениеводства и животноводства. Многие аграрные хозяйства расширяют собственную кормовую базу для снижения издержек на главной статье затрат, а также снижения рисков приобретения некачественных кормов в сфере разведения скота на мясо и молочном животноводстве. Это способствует расширению посевных площадей, ротации севооборотов, введению в современные севообороты новые сельскохозяйственные культуры, наиболее питательные корма и сидераты. Последние, в свою очередь, положительно влияют на состояние почв и повышают почвенное плодородие.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Модель взаимодействия предприятий АПК России с предприятиями смежных отраслей в 2010-е гг.

Расширилось производство и внесение химических и органических удобрений, номенклатурный ряд средств защиты вырос в несколько раз с учетом почвенно-климатических, технологических условий, условий вегетации разных аграрных культур и других факторов.

Производство сельскохозяйственных самоходных машин и адаптеров развивается и динамично наполняется новыми моделями, учитывающими особенности российского аграрного производства (влажную весеннюю посевную, сухую осень в определенных регионах).

Эти институциональные трансформации позволили агропромышленным предприятиям почти полностью решить проблему импортозамещения продуктов питания (за исключение говядины ввиду длительного периода ее производства и низкой рентабельности в сравнении с латиноамериканской и некоторых видов овощей и фруктов).

Экономические отношения эпохи метамодерна отличаются стремительной сменой институциональных условий на макроуровне, законов взаимодействия контрагентов на микроуровне, мотивов принятия решений на моноуровне. Зыбкость и нестабильность политических, социальных, экономических и психологических аспектов мирового хозяйства накладывают отпечаток на экономических агентов всех уровней иерархии, действующих в условиях постоянной неопределенности.

Поведение экономических агентов подвержено стремительным изменениям. Потребитель становится все более взыскательным и капризным: сегодня он готов употреблять в пищу один вид мясных деликатесов, а завтра ему нужно разнообразие, причем не всегда четко определенное. В турбулентной среде метамодерна, когда ценности, приверженности и даже сексуальная принадлежность моноэкономического агента динамично меняются, развитие экономических отношений проявляется в разнонаправленных векторах. Как показал анализ, эпоха метамодерна оказывает влияние и на агропромышленный сектор экономики. В условиях современности либеральные направления идеологической и экономической политики не могут удовлетворить потребности хозяйственной практики. Ключевая регулирующая функция принадлежит государству.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О развитии сельского хозяйства» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (дата обращения: 10.12.2019).

2. Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/ (дата обращения: 10.12.2019).
3. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (ред. от 06.09.2018) «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/post717-2012.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).
4. Постановление Правительства РФ от 03.12.2002 (ред. от 29.04.2005) № 858 «О Федеральной целевой программе «Социальное развитие села до 2010 года» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=201015615&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 10.12.2019).
5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ae1af642112664f47a9e7afe92be8acce267e7e1/ (дата обращения: 10.12.2019).
6. Основные направления агропродовольственной политики Правительства Российской Федерации на 2001-2010 годы (одобрены на заседании Правительства РФ 27 июля 2000 года) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=413840#09296791925134129> (дата обращения: 10.12.2019).
7. Арутюнов, А. Л. Итоги развития аграрного сектора России за 2006/2016 гг. // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / Под ред. Б. А. Ерзнкяна. Вып. 42. – М.: ЦЭМИ РАН, 2018. – С. 132-136.
8. Неопуло, К. Л. Кредитование малого и среднего бизнеса: возможности гарантийной поддержки // Сборник научных трудов кафедры банковского дела и предпринимательства: сборник трудов конференции «Финансовый сектор России: новые вызовы и пути развития». Москва, 23 янв. 2017 г. / Отв. ред. Т. Ю. Мазурина, О. И. Ларина. – М.: ГУУ, 2017. – С. 20-23.
9. Рязанова, Г. Н. Применение искусственного интеллекта в сельскохозяйственной отрасли Российской экономики в условиях догоняющего развития // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: материалы 1-й Международной научно-практической конференции. Москва, 4-5 дек. 2017 г. – М.: ГУУ, 2017. – С. 69-74.
10. Сазанова, С. Л. Ценности и стимулы хозяйствования как факторы развития предпринимательства в России // Проблемы теории и практики управления. – 2017. – № 6. – С. 136-142.
11. Суркова, Л. Е. Снижение рисков взаимодействия организаций на основе использования интернет-ресурсов // Естественные и технические науки. – 2019. – № 2 (128). – С. 193-194.
12. Федорова, М. М. Традиционализм как антимодернизм // Полис. – 1996. – № 2. – С. 143-160.
13. Шарипов, Ф. Ф. О необходимости государственного планирования направлений развития производственной инфраструктуры с учетом пространственного фактора // Львовские чтения – 2017: сборник статей V Всероссийской научной конференции. Москва, 26 апр. 2017 г. / Под науч. ред. Г. Б. Клейнера. – М.: ГУУ, 2017. – С. 178-180.
14. Baciú, C., Bocoş, M., Baciú-Urzică, C. Metamodernism – a conceptual foundation // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 209. – Pp. 33-38.
15. Diaconu, M. A. Truth and knowledge in postmodernism // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 137. – Pp. 165-169.
16. Popper, K. R. Objective knowledge: An evolutionary approach. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 380 p.
17. Sherry, P. Laughter among the ruins: Postmodern comic approaches to suffering // Ars Disputandi. – 2002. – Vol. 2. – Pp. 54-55.
18. Vermeulen, T., Van den Akker, R. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture. – 2010. – Vol. 2. – Pp. 56-77. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677

References

1. Federal'nyi zakon № 264 ot 29.12.2006 № 264-FZ (red. ot 25.12.2018) "O razvitii sel'skogo khozyaistva" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2020) [Federal Law No. 264-FZ "On the Development of Agriculture", dated on December 29, 2006 (edited dated on December 25, 2018) (with amendments and additions came into force dated on January 1, 2020)], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (accessed 10.12.2019).

2. Ukaz Prezidenta RF ot 30.01.2010 № 120 «Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoi bezopasnosti» [*Decree of the President of the Russian Federation No. 120 "On Approval of the Food Security Doctrine", dated on January 30, 2010*], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/ (accessed 10.12.2019).
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14.07.2012 № 717 (red. ot 06.09.2018) «Gosudarstvennaya programma razvitiya sel'skogo khozyaistva i regulirovaniya rynkov sel'skokhozyaistvennoi produktsii, syr'ya i prodovol'stviya na 2013–2020 gody» [*Resolution of the Government of the Russian Federation No. 717, dated on July 14, 2012 (edited dated on September 6, 2018) "The State Program of Development of Agriculture and Regulation of Markets of Agricultural Products, Raw Materials and Food for 2013-2020"*]. Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki [*Official website of the Federal State Statistics Service*]. Available at: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/post717-2012.pdf> (accessed 10.12.2019).
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.12.2002 (red. ot 29.04.2005) № 858 "O Federal'noi tselevoi programme "Sotsial'noe razvitie sela do 2010 goda" [*Resolution of the Government of the Russian Federation No. 858, dated on December 3, 2002 (edited dated on April 29, 2005) "On the Federal Target Program "Social development of the village until 2010"*]. Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii [*Official Internet-portal of Legal Information*]. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&n-d=201015615&page=1&rdk=0#10 (accessed: 10.12.2019).
5. Zemel'nyy kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 25.10.2001 № 136-FZ (red. ot 02.08.2019) [*Land code of the Russian Federation No. 136-FZ, dated on October 25, 2001 (edited dated on August 2, 2019)*], legal reference system "Consultant plus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ae1af642112664f47a9e7afe92be8acce267e7e1/ (accessed 10.12.2019).
6. Osnovnye napravleniya agroprodovol'stvennoi politiki Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii na 2001-2010 gody (odobreny na zasedanii Pravitel'stva RF 27 iyulya 2000 goda) [*The main directions of agro-food policy of the Government of the Russian Federation for 2001-2010 (approved at the meeting of the Government of the Russian Federation on July 27, 2000)*], legal reference system "Consultant plus". Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=-EXP&n=413840#09296791925134129> (accessed 10.12.2019).
7. Arutyunov A. L. Itogi razvitiya agrarnogo sektora Rossii za 2006/2016 gg. [*Results of development of the agricultural sector of Russia for 2006/2016*]. Teoriya i praktika institutsional'nykh preobrazovaniy v Rossii: Sbornik nauchnykh trudov. Pod red. B. A. Erznkyana, Vyp. 42 [*Theory and practice of institutional changes: Collection of scientific works. Edited by B. A. Erznkyan, I. 42*]. Moscow, TsEMIMI RAN, 2018, pp. 132-136.
8. Neopulo K.L. Kreditovanie malogo i srednego biznesa: vozmozhnosti garantiinoi podderzhki [*Crediting of small and medium-sized businesses: possibilities of guarantee support*]. Sbornik nauchnykh trudov kafedry bankovskogo dela i predprinimatel'stva: sbornik trudov konferentsii "Finansovyi sektor Rossii: novye vyzovy i puti razvitiya". Moskva, 23 yanv. 2017 g. [*Collection of scientific works of the Department of Banking and Entrepreneurship: Proceedings of the conference: "Financial Sector of Russia: New Challenges and Development Paths"*. Moscow, January 23, 2017]. Otv. red. T. Yu. Mazurina, O. I. Larina. Moscow, GUU, 2017, pp. 20-23.
9. Ryazanova G. N. Primenenie iskusstvennogo intellekta v sel'skokhozyaistvennoi otrasli Rossiiskoi ekonomiki v usloviyakh dogonyayushchego razvitiya [*The use of artificial intelligence in the agricultural sector of the Russian economy in the conditions of catch-up development*]. Shag v budushchee: iskusstvennyi intellekt i tsifrovaya ekonomika: materialy 1-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 4-5 dek. 2017 g. [*Step into the future: artificial intelligence and digital economy: Proceedings of the 1-st International scientific and practical conference. Moscow, 4-5 December, 2017*]. Moscow, GUU, 2017, pp. 69-74.
10. Sazanova S. L. Tsennosti i stimuly khozyaistvovaniya kak faktory razvitiya predprinimatel'stva v Rossii [*Business values and incentives as factors of business development in Russia*]. Problemy teorii i praktiki upravleniya, 2017, no. 6, pp. 136-142.
11. Surkova L. E. Snizhenie riskov vzaimodeistviya organizatsii na osnove ispol'zovaniya internet-resursov [*Reducing the risks of interaction between organizations based on the use of Internet resources*]. Estestvennye i tekhnicheskie nauki [*Natural and technical sciences*], 2019, no. 2 (128), pp. 193-194.
12. Fedorova M. M. Traditsionalizm kak antimodernizm [*Traditionalism as anti-modernism*]. Polis, 1996, no. 2, pp. 143-160.
13. Sharipov F. F. O neobkhodimosti gosudarstvennogo planirovaniya napravlenii razvitiya proizvodstvennoi infrastruktury s uchetom prostranstvennogo faktora [*On the necessity of state planning of directions of industrial infrastructure development taking into account the spatial factor*]. L'vovskie chteniya – 2017. Sbornik statei V Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 26 apr. 2017 g. [*L'vovskie readings – 2017. Proceedings of articles of the V-th All-Russian Scientific Conference. Moscow, April 26, 2017*]. Pod nauchnoi redaktsiei G. B. Kleiner. Moscow, GUU, 2017, pp. 178-180.

14. Baciuc C., Bocoş M., Baciuc-Urzică C. Metamodernism – a conceptual foundation. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 209, pp. 33-38.
15. Diaconu M.A. Truth and knowledge in postmodernism. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 137, pp. 165-169.
16. Popper K. R. *Objective knowledge: An evolutionary approach*. Oxford, Clarendon Press, 1972, 380 p.
17. Sherry P. Laughter among the ruins: Postmodern comic approaches to suffering. *Ars Disputandi*, 2002, vol. 2, pp. 54-55.
18. Vermeulen T., Van den Akker R. Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics and Culture*, 2010, vol. 2, pp. 56-77. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677

Секонго Науа Базиль
аспирант, ФГАОУ ВО «Россий-
ский университет дружбы наро-
дов», г. Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0001-8963-7742

e-mail: nahouabasilesekongo@yahoo.fr

ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЗАПАДНОАФРИКАНСКИХ СТРАН С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье подробно рассмотрены проблемы торгово-экономических отношений западноафриканских стран с Европейским союзом, дана краткая характеристика Экономического сообщества западноафриканских государств. Раскрыта сущность взаимоотношений Западной Африки и Европейского союза на основании статей как зарубежных, так и отечественных исследователей в области безопасности, регионального экономического развития и интеграции и др. Описан исторический путь в рамках нормативно-правовой документации международного уровня, которая предшествовала подписанию Соглашения об экономическом партнерстве. Проведенное исследование опиралось на аналитику стоимостной динамики экспорта, импорта и торгового баланса, кратко приведена их структура. Раскрыты основные негативные аспекты, с которыми сталкиваются страны Западной Африки в связи с внедрением Соглашения об экономическом партнерстве, в частности тарифные ограничения, запрет на использование экспортных налогов, что подрывает национальный суверенитет Экономического сообщества западноафриканских государств. Тем не менее подписанное Соглашение позволит Западной Африке активно интегрироваться в мировую торговлю, улучшить экономическую и демографическую ситуацию при том, что общий торговый тариф останется на прежнем уровне.

Ключевые слова: ЕС, Западная Африка, ЭКОВАС, торговля, соглашение, экспорт, импорт, тариф.

Цитирование: Секонго Науа Базиль. Проблемы торгово-экономических отношений западноафриканских стран с Европейским Союзом, перспективы их развития // Вестник университета. 2020. № 3. С. 102–110.

Sekongo Nahoua Basile

Postgraduate student, RUDN
University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8963-7742

e-mail: nahouabasilesekongo@yahoo.fr

PROBLEMS OF TRADE AND ECONOMIC RELATIONS OF WEST AFRICAN COUNTRIES WITH THE EUROPEAN UNION, PROSPECTS FOR THEIR DEVELOPMENT

Abstract. The problems of trade and economic relations between West African countries and the European Union have been considered in the article in detail, a brief description of the Economic Community of West African States has been given. The essence of relationships between West Africa and the European Union based on the papers, both foreign and domestic researchers in the field of security, regional economic development and integration etc. has been disclosed. The historical path within the framework of international legal documentation that preceded the signing of the Economic Partnership Agreement has been described. The conducted study was based on the analysis of the cost dynamics of exports, imports and trade balance, their structure has been briefly adduced. The main negative aspects faced by West African countries in connection with the implementation of the Economic Partnership Agreement, in particular tariff restrictions, the ban on the use of export taxes, which undermines the national sovereignty of the Economic Community of West African States, have been revealed. Nevertheless, the signed Agreement will allow West Africa to actively integrate into world trade, improve the economic and demographic situation, while the overall trade tariff will remain at the same level.

Keywords: EU, West Africa, ECOWAS, trade, agreement, export, import, tariff.

For citation: Sekongo Nahoua Basile. (2020) Problems of trade and economic relations of West African countries with the European Union, prospects for their development. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 102–110. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-102-110

В настоящее время страны западноафриканского региона переживают бурный экономический рост, обусловленный активностью процессов демократизации и региональной интеграции, и поэтому хотят активно участвовать в процессах международной торговли и распределения мирового валового продукта. Западная Африка – крупнейший из четырех субрегионов Африки южнее Сахары как по численности населения,

© Секонго Науа Базиль, 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

так и по числу государств. Особое место занимает Западная Африка как в экономике «черного континента», так и в природно-ресурсном потенциале Африки южнее Сахары, хотя бы уже потому, что именно в Западной Африке расположены основные запасы углеводородного сырья региона.

28 мая 1975 г. подписанием Лагосского договора его государствами-членами было образовано Экономическое сообщество западноафриканских государств (далее – ЭКОВАС). Сообщество включает такие государства, как: Бенин, Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Кот-д’Ивуар, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Гана, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Биссау и Того. Общая цель создания ЭКОВАС заключается в содействии сотрудничеству и интеграции в рамках создания экономического и валютного союза для поощрения экономического роста и развития в Западной Африке. ЭКОВАС имеет сходство с Европейским союзом (далее – ЕС) по целям и способам сотрудничества для реализации региональной интеграции между государствами-членами.

ЕС является ведущим партнером для стран Западной Африки в рамках торгово-экономических отношений, финансирования, инвестиций и гуманитарной помощи. На государства-члены ЕС приходится 56 % всей мировой официальной помощи развитию Африки. Прежде чем подробно представить проблемы и перспективы развития основных договорных аспектов торгово-экономических отношений стран-участниц ЭКОВАС и ЕС, рассмотрим сущность их взаимоотношений, которая довольно часто освещается в статьях как зарубежных, так и отечественных исследователей [2].

Так, диссертация С. Ж. Агидиссу, написанная в 2008 г., демонстрирует контраст между тем, что было до 2007 г., и тем, что стало после принятия Лиссабонского договора от 13 декабря 2007 г. о реформировании ЕС. Проведенное исследование показало, что объем иностранных инвестиций, поступивших в экономику стран Западной Африки, был незначителен, преобладающая часть внешних финансовых ресурсов поступала в виде официальной финансовой помощи и международных кредитов. Тем не менее, С. Ж. Агидиссу подчеркивает, что, по данным Всемирного Банка, Западная Африка находилась на пятом месте в списке регионов – крупнейших получателей официальной помощи от других государств (почти 70 % инвестиционных расходов государств региона покрывается за счет иностранной помощи [1, с. 7].

Далее, уже в 2011 г. Н. Уэсткотт, управляющий службы Европейских внешних действий в Африке, на конференции Института по изучению безопасности ЕС (EUISS) по политике ЕС в Африке, акцентирует внимание на том, что заключенный Лиссабонский договор является «служителем государств-членов». Он описывает различные способы, с помощью которых ЕС развивает сотрудничество с Африкой и ее народом: от гуманитарной помощи до торговли и инвестиций; от безопасности и стабильности развития до борьбы с изменением климата [7].

Также взаимоотношения между ЕС и Западной Африкой в рамках безопасности подробно описывает Дж. К. Шинкайе, начальник штаба бюро председателей по Африканскому союзу. По его мнению, политический диалог между ЕС и Западной Африкой, бесспорно развивается, способствуя лучшему пониманию и реализации общих подходов к проблемам и безопасности в Африке, Европе и во всем мире, о чем свидетельствуют структурные и систематические связи между органами принятия решений, таких как комитет по миру и безопасности ЕС (PSC) и АС PSC, Военный комитет ЕС (ЕЦМПК) и АС Военно-штабной комитет (MSC), представляют собой группы по управлению кризисами с обеих сторон, также оказывают ценную финансовую поддержку для операций по безопасности. Достоверность слов Дж. К. Шинкайе подтверждают данные из отчета Африканского фонда мира за 2014 г., которые подтверждают тот факт, что происходит наращивание потенциала в области безопасности, начинают создаваться и развиваться Африканские учебные центры мира и безопасности, также приводятся данные об их эффективности [5].

А. Марк, Н. Верджи и С. Мogaка пишут о том, что в Западной Африке требуется вмешательство во многие области, включая поддержку отстающих регионов, укрепление местного управления, улучшение землеустройства и стимулирование создания рабочих мест среди других. В связи с этим ЕС представил масштабные планы на 2014-2020 гг., расписанные в соответствующей программе «Региональная ориентировочная программа Европейский союз – Западная Африка на 2014-2020 годы», которая имеет основную направленность на поддержание мира, безопасности и стабильности в западноафриканском регионе, развития региональной экономической интеграции и помощи в развитии торговли. Официально текст данной программы опубликован на официальном сайте ЕС [4].

Также в качестве демонстрации негативного аспекта взаимодействия приводится выдержка из статьи М. Р. Коутонин, в которой на примере Франции демонстрируется негативная сторона зависимости бывших африканских колоний от Запада. По данным на 2017 г., приведенным автором, 14 африканских стран обязаны поставлять Франции 85 % своего иностранного резерва в центральный банк Франции под французским контролем. При этом 13 других западноафриканских стран до сих пор платят колониальный долг Франции [9].

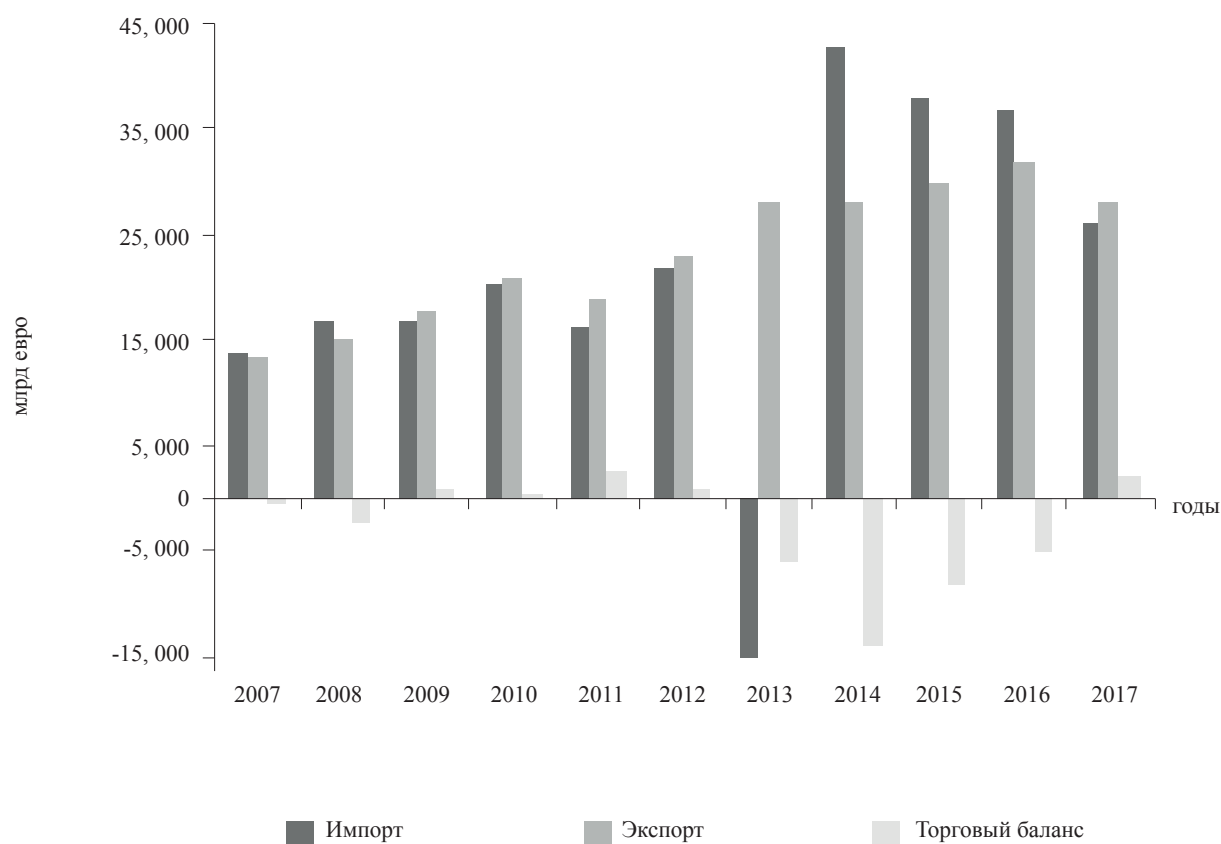
Таким образом, рассмотрев существенные аспекты взаимодействия между ЭКОВАС и ЕС можно сделать вывод, что несмотря на большинство благоприятных моментов, во взаимодействии двух объединений имеются и негативные моменты. Подписанию Соглашения об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС предшествовали три конвенции о торговом и экономическом сотрудничестве стран Африки, бассейна Карибского моря и Тихого океана (далее – АКТ), торговое Соглашение Котону, суть которых кратко представим ниже.

Первая конвенция о торговом и экономическом сотрудничестве между ЕС и странами АКТ была подписана в 1975 г. в столице Того – Ломе. Данная конвенция заменила и расширила заключенную ранее конвенцию Яунде между ЕС и Ассоциацией стран Африки и Малагасийской Республикой. В конвенции говорилось о том, что теперь страны АКТ получали возможность беспощинного экспорта промышленной и тропической сельскохозяйственной продукции. Также обещалась техническая и финансовая помощь со стороны ЕС, речь шла о субсидиях и льготных кредитах от Европейского фонда развития и Европейского инвестиционного банка. Далее последовала вторая Ломейская конвенция, подписанная в 1979 г. Участниками конвенции стали ЕС и 58 стран АКТ. Это соглашение расширяло область сотрудничества, что включало в себя миграцию рабочей силы, энергетическую политику, защиту инвестиций, и другие вопросы. Третья Ломейская конвенция, которая вступила в силу в марте 1985 г., расширила положения второй конвенции в области дальнейшего углубления коммерческого сотрудничества и совершенствования систем стабилизации экспортной выручки [1].

Соглашение Котону (2000-2020 гг.) было подписано 23 июля 2000 г. между ЕС и странами АКТ и на данный момент является самым последним соглашением в истории их сотрудничества в области развития. Одним из фундаментальных элементов Соглашения Котону является торговое сотрудничество между государствами ЕС и АКТ. Именно это соглашение дает возможность беспощинно ввозить на территорию ЕС практически все виды продукции, и основано на четырех основных принципах: партнерство, участие, диалог и взаимные обязательства, а также дифференциация и регионализация. Главной заявленной целью Соглашения Котону было содействие торговле между двумя объединениями, что привело бы к сокращению и, в конечном счете, искоренению нищеты, к содействию устойчивому развитию и постепенной интеграции стран АКТ в мировую экономику [10].

Перед тем как добиться подписания экономического соглашения между ЕС и ЭКОВАС, стороны столкнулись с рядом разногласий. Одним из наиболее спорных на переговорах был вопрос о том, как страны Западной Африки должны открывать свои рынки для европейского импорта. Также между ЕС и ЭКОВАС существовали разногласия по спорному положению о режиме страны наибольшего благоприятствования. ЭКОВАС добивался от ЕС отмены сельскохозяйственных субсидий, которые, по его мнению, оказывают негативное влияние на западноафриканских сельхозпроизводителей. Однако ЕС утверждал, что у него нет особого политического желания идти на дальнейшие уступки по сельскохозяйственным субсидиям в рамках переговоров ВТО. Впрочем, на встрече в Брюсселе стороны все же договорились о создании контактной группы. Двумя спорными моментами обсуждения перед подписанием соглашения об экономическом партнерстве были последствия отмены по сельскохозяйственным субсидиям для региональной интеграции и борьбы с нищетой. Также после подписания соглашения об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС в течение десятилетия около 80 % рынка отдельных африканских стран должны быть открыты для европейских товаров и услуг. Для европейских производителей это является хорошей новостью, а западноафриканские страны, напротив, опасаются, что более дешевые продукты из ЕС, заполняющие местный рынок, будут нести угрозу местному производству в Западной Африке. Тем не менее, данный негативный момент не воспрепятствовал подписанию соглашения об экономическом сотрудничестве между сторонами, хотя не обошлось и без препятствий и споров.

ЭКОВАС является важнейшим торговым партнером ЕС, поэтому целесообразно на рисунке 1 представить стоимостную динамику экспортно-импортных операций между объединениями [3].

Составлено автором по материалам источника [8]

Рис. 1. Динамика экспортно-импортных операций между ЕС и ЭКОВАС за 2007-2017 гг.

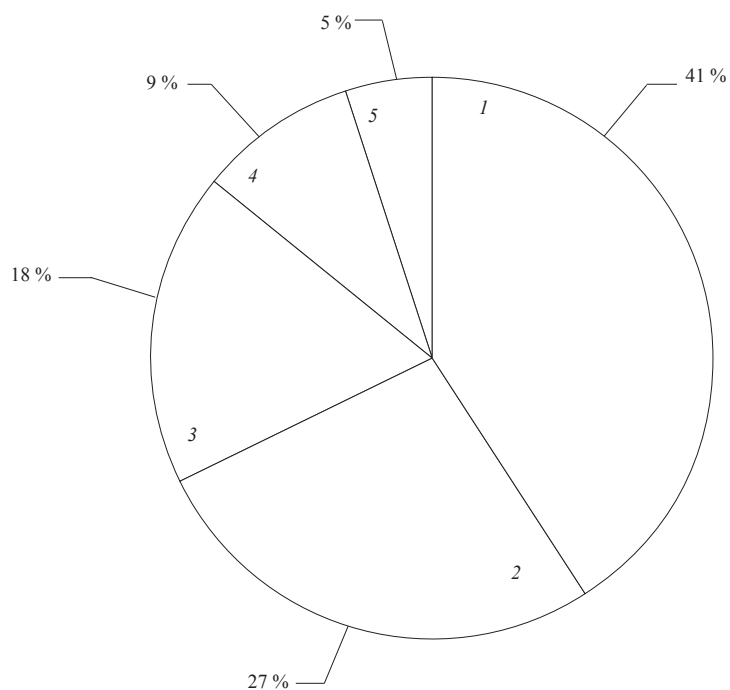
Проанализировав данные рисунка 1, можно сделать вывод, что наибольшая стоимость импорта ЕС была в 2014 г. и составила 43 млрд евро, при этом экспорт ЭКОВАС составил около 28 млрд евро, поэтому сальдо торгового баланса представлено максимально отрицательной за весь период и составило 13 млрд евро. К 2017 г. торговая ситуация между ЕС и ЭКОВАС улучшилась и экспорт даже превысил импорт поэтому сальдо торгового баланса составило 2 млрд евро.

Данная тенденция положительно характеризует партнерские торговые взаимоотношения между объединениями, в связи с чем целесообразно представить структуру экспорта и импорта ЭКОВАС на рисунках 2, 3 [8].

Из рисунка 2 видно, что экспорт стран Западной Африки в ЕС состоит в основном из топлива (41 %), в частности сырой нефти и нефтепродуктов, а также сельскохозяйственной продукции (27 %): какао-бобов, кофе, орехов кешью, бананов. Также значительное место в экспорте занимают минеральные ресурсы (18 %), к которым относятся алмазы, углеводороды. Незначительно экспортируются фармацевтические препараты (9 %) и другие товары и услуги (5 %).

Торговля услугами между ЕС и Западной Африкой расширяется, охватывая, в частности, транспортировку и логистику, путешествия и бизнес-услуги. Западная Африка также является наиболее важным объектом для осуществления финансовых инвестиций ЕС в Африке, в частности финансовая программа помощи Котону. Туризм активно развивается в таких странах Западной Африки, как Сенегал, Мали, Кабо-Верде.

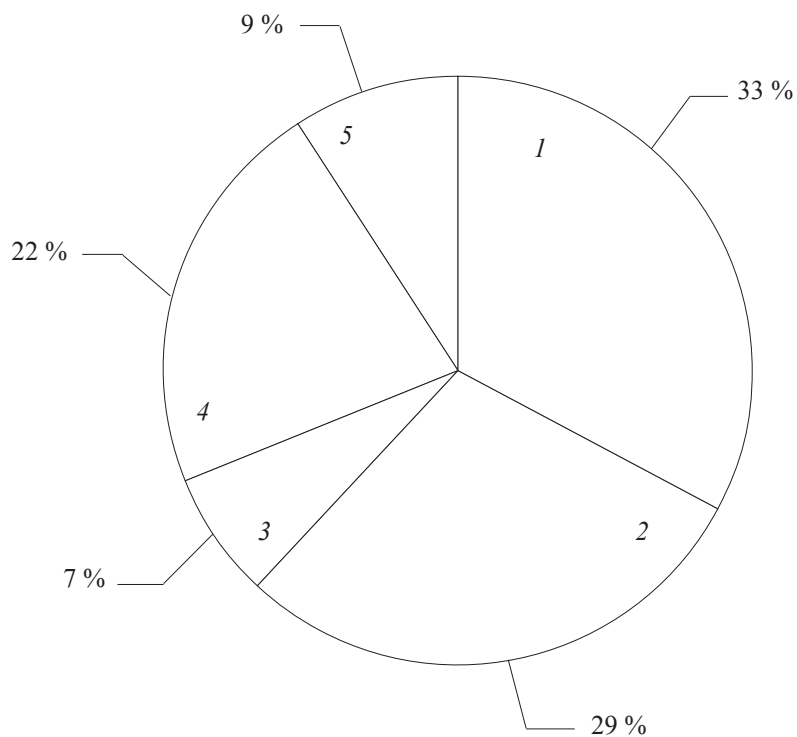
Из рисунка 3 видно, что географическая структура импорта Западной Африки из ЕС состоит из химической продукции, доля которой в импорте ЕС составляет почти одну треть от общего объема импорта (33 %). Машины и транспортное оборудование составляет 29 %. В то же время вывоз из ЕС в ЭКОВАС минеральных продуктов составляет 7 %, а фармацевтических препаратов – 22 %. Кроме того, импорт оборудования из ЕС поможет местным предприятиям и отраслям снизить себестоимость продукции и развивать производственные мощности.

1 – Топливо; 2 – Сельскохозяйственная продукция; 3 – Минеральные ресурсы;
4 – Фармацевтические препараты; 5 – Прочее

Составлено автором по материалам источника [8]

Рис. 2. Структура экспорта из ЭКОВАС в ЕС

1 – Химическая продукция; 2 – Машины и транспортное оборудование; 3 – Минеральные продукты;
4 – Фармацевтические препараты; 5 – Другое

Составлено автором по материалам источника [8]

Рис. 3. Структура импорта из ЕС в ЭКОВАС

Подписанию Соглашения об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС предшествовала недостаточность одностороннего доступа ЭКОВАС к рынкам ЕС, так как была необходима реальная торговля, развитие соглашений, которые поощряли бы постепенное открытие своего рынка. Они должны были также быть совместимыми с правилами ВТО. ЕС продолжал вести переговоры о «соглашениях об экономическом партнерстве» со всеми регионами в Африке, находясь в поисках пути повышения экономического развития и региональной интеграции в Африке, основываясь на собственном опыте в качестве растущего регионального блока. И наконец, ЕС стремился оказать поддержку созданию благоприятных условий для бизнеса, стимулирующих внутренние и внешние инвестиции, что имеет важное значение для создания рабочих мест, которые приносили бы большее процветание семьям и общинам [12].

В соответствии с этим в Уагадугу, столице Буркина-Фасо, 30 июня 2014 г. было подписано Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС. Основной целью данного соглашения являлось экономическое развитие стран Западной Африки и их интеграция в мировую систему, повышение уровня жизни населения за счет создания дополнительных рабочих мест. Для достижения основной цели были определены 28 компонентов, сгруппированных по следующим пяти осям:

- диверсификация и увеличение производственных мощностей;
- развитие внутрирегиональной торговли и облегчение доступа к мировому рынку;
- совершенствование и укрепление связанных с торговлей национальных и региональных инфраструктур;
- осуществление необходимых корректировок и рассмотрение других связанных с торговлей потребностей;
- внедрение и мониторинг Соглашения об экономическом партнерстве [5].

В настоящее время Соглашения об экономическом партнерстве действует уже более пяти лет и является взаимовыгодным и для ЕС, и для ЭКОВАС, что подтверждается докладами Европейской комиссии: «Экономическое воздействие Соглашению об экономическом партнерстве Западной Африки и ЕС» и «Соглашение об экономическом партнерстве с Западной Африкой – факты и цифры», которые характеризуют, что Западная Африка является основным экономическим партнером ЕС среди всех регионов африканского континента. Заключенное Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС демонстрирует стремление Западной Африки к более тесной региональной интеграции, а возникающее сотрудничество является крупным достижением с точки зрения торговли и развития. Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС поможет Западной Африке лучше интегрироваться в глобальную торговую систему и будет поддерживать инвестиции и экономический рост в регионе [3].

Несмотря на оптимистичные доклады Европейской комиссии, мнения относительно Соглашения об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС весьма различны. В соответствии с условиями соглашения, Западная Африка по-прежнему имеет возможность защищать свою сельскохозяйственную продукцию либо путем тарифного регулирования, либо в случае необходимости, путем введения защитных мер.

Несмотря на взаимовыгодность Соглашения об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС для обеих сторон существует ряд проблем, которые свойственны данной форме торгово-экономического сотрудничества.

1. Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС – это новые рамки для торговли и инвестиций, результатом которых стала постепенная либерализация рынка ЭКОВАС, потому что поток продуктов из ЕС увеличивался. Но при этом имеется вероятность, что более дешевые продукты из ЕС, затопляющие местный рынок, будут нести угрозу местному производству в Западной Африке.

2. Несмотря на продолжающиеся региональные интеграционные процессы в Западной Африке, проблемы в рамках внутрирегиональной торговли остаются проблемой для экономики ЭКОВАС. Региональная торговля отстает по сравнению с торговлей с развитыми и развивающимися странами за пределами Африки. Все страны Западной Африки, за исключением Либерии, являются членами Всемирной торговой организации, но и она в настоящее время также проходит процесс присоединения при полной поддержке ЕС.

3. Ограниченная защита местных рынков. Это означает, что Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС запрещает использование тарифов в качестве инструмента промышленного развития. Тарифы или импортные пошлины используются странами для создания клина между отечественными и зарубежными продуктами с целью выявления преимуществ для товаров местного производства. Это помогает поддерживать местные предприятия, находящиеся на ранней стадии развития.

Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС лишает страны-члены Западной Африки необходимого пространства для развития – использование экспортных налогов. Экспортные налоги страны используют для того, чтобы сделать конкретное сырье доступным для местного использования.

Соглашение также настаивает на том, что любые выгодные торговые уступки, которые ЭКОВАС предоставляет третьей стороне с долей глобальной торговли свыше 1,5 %, ЭКОВАС придется обсуждать с ЕС, что подрывает национальный суверенитет и сотрудничество.

4. Потери для местного производства. Вторая важная проблема, связанная с подписанием Соглашения об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС – это потери от либерализации 75 % торговли западноафриканских стран в течение 20 лет. От этого пострадают производители в сфере легкой промышленности, которые составляют основу для интенсивного промышленного развития [9].

Негативные последствия Соглашения об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС для региональной интеграции и борьбы с нищетой. Во-первых, стратегия ЕС по созданию кластеров отдельных зон свободной торговли, связывающих Европу с четырьмя региональными группировками, угрожает нанесением ущерба солидарности между африканскими странами, что может воспрепятствовать региональной интеграции вместо ее продвижения. Африканские страны могут даже поощряться за укрепление региональных торговых барьеров в ответ на неблагоприятные торговые режимы, осуществляемые ЕС, не в последнюю очередь из-за потенциально серьезной потери таможенных доходов, основных государственных доходов. Во-вторых, наименее развитые страны, которые уже разочарованы в связи с высокими ожиданиями, связанными с двусторонними договорами, сталкиваются с риском того, что соглашение будет создавать новые барьеры не только региональной интеграции, но и сокращения масштабов нищеты, что было названо общей целью обоих партнеров.

Несмотря на существующие проблемы, которые несет в себе подписание Соглашения об экономическом партнерстве для ЭКОВАС, существуют и связанные с ним перспективы развития, которые представим ниже. Соглашение полностью учитывает различия в уровне развития между двумя регионами. В ходе переговоров ЕС взял на себя обязательство открыть свой рынок для продукции всех стран Западной Африки, как только соглашение вступит в силу. Взамен ЕС произведет частичное и постепенное открытие рынка Западной Африки. Только когда Западная Африка будет готова пойти на уступки для основных конкурентов в Европе, ЕС сможет продвигать улучшения [6].

Осуществление торговой деятельности в рамках Соглашения об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС поможет Западной Африке лучше интегрироваться в глобальную торговую систему и будет поддерживать инвестиции и экономический рост в регионе. Для Западной Африки соглашение увеличит экспорт в ЕС, простимулирует инвестиции и внесет свой вклад в развитие производственного потенциала с положительным эффектом на занятость. Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и ЭКОВАС будет поддерживать необходимые реформы, и содействовать экономическому и социальному развитию. Его реализация будет способствовать укреплению региональной интеграции. Для ЕС это откроет новые возможности для бизнеса и повышает правовую определенность для европейских инвесторов в западноафриканском регионе, даст партнерам практические инструменты для решения любых потенциальных проблем и активизации торгово-экономического сотрудничества [11].

В заключение статьи можно отметить, что основные проблемы для стран Западной Африки, связанные с Соглашением об экономическом партнерстве между Европейским союзом и Экономическим сообществом западноафриканских государств – это уступка Западной Африкой своего тарифного дохода в обмен на обещанную помощь со стороны Европейского союза и возможности использования экспортных налогов, что подрывает национальный суверенитет. Также значительной проблемой является либерализация 75 % торговли, что приведет к потерям местного производства. Однако несмотря на представленные проблемы, Соглашение об экономическом партнерстве между Европейским союзом и Экономическим сообществом западноафриканских государств является взаимовыгодным для обеих сторон. Западной Африке оно позволит интегрироваться в мировую торговлю, что увеличит инвестиции в экономику объединения и экономический рост, стимулирует занятость населения. Для Европейского союза откроет возможности освоения новых территорий для инвестиций и осуществления производства, выгодность импорта товаров из стран Западной Африки.

Библиографический список

1. Агидиссу, С. Ж. Внешнеэкономические связи стран Западной Африки: пути развития и совершенствования: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации. – М., 2008. – 253 с.
2. Дмитриев, М. И. Специфика конкурентной борьбы за сферы влияния в современной Африке // Суть времени. – 2016. – № 185. – С. 24-29.
3. Корендясов, Е. Н., Урнов, А. Ю., Шубин, В. Г. Африка, Россия и 50-летие ОАЕ/АС // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 9. – С. 6-13.
4. Фитуни, Л. Л. Экономика Африки: вызовы посткризисного развития. Статья 2. Реальный сектор вчера, сегодня, завтра // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 9. – С. 8-14.
5. Abramova, I. O. Potential of the African continent in the Updated Strategy of Development of the Russian Federation // African Studies in Russia. Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Yearbook 2014-2016 / (Eds.) R. V. Dmitriev, I. O. Abramova, D. M. Bondarenko, L. L. Fituni. – М.: Institute for African Studies RAS, 2017. – Pp. 5-15.
6. Koutonin, M. R. 14 African countries forced by France to pay colonial tax for the benefits of slavery and colonization // Silicon Africa [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.siliconafrika.com/france-colonial-tax/> (дата обращения: 24.12.2019).
7. Marc, A., Verjee, N., Mogaka, S. The challenge of Stability and Security in West Africa // The World Bank [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/en/topic/fragilityconflictviolence/publication/the-challenge-of-stability-and-security-in-west-africa/> (дата обращения: 24.12.2019).
8. Shinkaiye, J. K. Ensuring peace and security in Africa: Implementing the New Africa-EU Partnership // Chatham House [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Africa/271010shinkaiye.pdf> (дата обращения: 24.12.2019).
9. The Cotonou Agreement: Partnership Agreement between the members of the African, Caribbean and Pacific group of States of the one part, and the European Community and its Member States of the other part, signed in Cotonou, Republic of Benin on 23 June 2000 // EUR-Lex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22000A1215%2801%29> (дата обращения: 24.12.2019).
10. West Africa // European Commission website [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/regions/west-africa/> (дата обращения: 24.12.2019).
11. West Africa – EU prepare for final signatures towards implementation of the EPA // Economic Community of West African States (ECOWAS) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ecowas.int/west-africa-eu-prepare-for-final-signatures-towards-implimentation-of-the-epa/> (дата обращения: 24.12.2019).
12. Westcott, N. A new framework for European relations with Africa // European Union External Actions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://collections.internetmemory.org/haeu/content/20160313172652/> (дата обращения: 24.12.2019).

References

1. Agidissu S. J. Vneshneekonomicheskie svyazi stran Zapadnoi Afriki: puti razvitiya i sovershenstvovaniya [*Foreign economic relations of the countries of West Africa: ways of development and improvement*]: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.14. Moscow, 2008. 253 p.
2. Dmitriev M. I. Spetsifika konkurentnoi bor'by za sfery vliyaniya v sovremennoi Afrike [*The specifics of competition for spheres of influence in modern Africa*]. Sut' vremeni, 2016, no. 185, pp. 24-29.
3. Korendyasov E. N., Urnov A. Yu., Shubin V. G. Afrika, Rossiya i 50-letie OAE/AC [*Africa, Russia and the 50th anniversary of the OAU/AU*]. Aziya i Afrika segodnya [*Asia and Africa today*], 2013, no. 9, pp. 6-13.
4. Fituni L. L. Ekonomika Afriki: vyzovy postkrizisnogo razvitiya. Stat'ya 2. Real'nyi sektor vchera, segodnya, zavtra [*African economy: challenges of post-crisis development. Article 2. Real sector yesterday, today, tomorrow*]. Aziya i Afrika segodnya [*Asia and Africa today*], 2010, no. 9, pp. 8-14.
5. Abramova I. O. Potential of the African Continent in the Updated Strategy of Development of the Russian Federation. African Studies in Russia. Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Yearbook 2014-2016. Eds. R. V. Dmitriev, I. O. Abramova, D. M. Bondarenko, L. L. Fituni. Moscow, Institute for African Studies RAS, 2017. pp. 5-15.
6. Koutonin M. R. 14 African countries forced by France to pay colonial tax for the benefits of slavery and colonization. Silicon Africa. Available at: <http://www.siliconafrika.com/france-colonial-tax/> (accessed 24.12.2019).
7. Marc A, Verjee N., Mogaka S. The challenge of stability and security in West Africa. The World Bank. Available at: <http://www.worldbank.org/en/topic/fragilityconflictviolence/publication/the-challenge-of-stability-and-security-in-west-africa/> (accessed 24.12.2019).

8. Shinkaiye J. K. Ensuring peace and security in Africa: Implementing the New Africa-EU Partnership. Chatham House. Available at: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Africa/271010shinkaiye.pdf> (accessed 24.12.2019).
9. The Cotonou Agreement: Partnership Agreement between the members of the African, Caribbean and Pacific group of states of the one part, and the European Community and its member states, of the other part, signed in Cotonou, Benin on 23 June 2000. EUR-Lex. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22000A1215%2801%29> (accessed 24.12.2019).
10. West Africa. European Commission website. Available at: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/regions/west-africa/> (accessed 24.12.2019).
11. West Africa – EU prepare for final signatures towards implementation of the EPA. Economic Community of West African States (ECOWAS). Available at: <http://www.ecowas.int/west-africa-eu-prepare-for-final-signatures-towards-implimentation-of-the-epa/> (accessed 24.12.2019).
12. Westcott N. A new framework for European relations with Africa. European Union External Actions. Available at: <http://collections.internetmemory.org/haeu/content/20160313172652/> (accessed 24.12.2019).

Токун Людмила Валентиновна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7112-4428
e-mail: ltokoun@mail.ru

Берг Анжелика Германовна
студент, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9327-9052
e-mail: likaberg02@gmail.com

Tokun Liudmila
Candidate of Economic Sciences, State
University of Management, Moscow,
Russia
ORCID: 0000-0002-7112-4428
e-mail: ltokoun@mail.ru

Berg Angelika
student, State University of Management,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9327-9052
e-mail: likaberg02@gmail.com

ВЫБОР «ОКНА ВРЕМЕНИ» ПРИ ПРОВЕДЕНИИ IPO РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена проблематике проведения публичного размещения компаний на российском фондовом рынке. Представлены аргументы, обосновывающие необходимость привлечения капитала посредством проведения публичного размещения в Российской Федерации. Рассмотрены зарубежные и отечественные исследования влияния фактора времени при проведении публичного размещения. Выявлена и обоснована необходимость учета фактора времени при принятии решения о выводе компании на IPO. Проанализирован российский фондовый рынок и его основные тенденции, оценена возможность применения зарубежного опыта на рынке Российской Федерации. На основе проведенного исследования предложено способствовать созданию благоприятных «окон», которые помогут устранить слабые стороны, а также обеспечивать научно обоснованное регулирование с целью создания благоприятных условий для IPO.

Ключевые слова: IPO, окно IPO, первичное публичное размещение, волны IPO, оптимальное время проведения IPO, фактор времени, цикличность фондового рынка, российский фондовый рынок.

Цитирование: Токун Л.В., Берг А.Г. Выбор «окна времени» при проведении IPO российских компаний // Вестник университета. 2020. № 3. С. 111–117.

CHOICE OF “TIME WINDOW” IN CARRYING OUT IPO OF RUSSIAN COMPANIES

Abstract. The article is devoted to the problems of public placement of companies on the Russian stock market. The arguments proving necessity of raising capital through public offering in the Russian Federation have been presented. Foreign and domestic researches of the influence of the time factor during public offering have been considered. The necessity of taking into account the time factor when making a decision on the company's IPO has been identified and justified. The Russian stock market and its main trends have been analysed, the possibility of applying foreign experience on the Russian market has been assessed. Based on the conducted research, it has been proposed to promote the creation of favorable «Windows», which will help eliminate weaknesses, as well as provide evidence-based regulation in order to create favorable conditions for IPO.

Keywords: IPO, IPO window, Initial Public Offering, IPO waves, optimal IPO time, time factor, Stock market cycling, Russian Stock market.

For citation: Tokun L.V., Berg A.G. (2020) Choice of “time window” in carrying out IPO of Russian companies. *Vestnik universiteta*. 1. 3, pp. 111–117. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-111-117

В современном мире большинство компаний в процессе своей деятельности стремятся развиваться и расширять присутствие на рынке. Для достижения этих целей организация вынуждена вкладывать средства как в производство, увеличивая тем самым его масштаб, так и в современные технологии. Кроме того, немаловажную роль играет обучение руководства последним тенденциям в области ведения бизнеса. Это позволяет осуществлять грамотное руководство компанией. Безусловно, развитие компании требует значительных вложений. Ресурсы для финансирования проектов по развитию компании привлекаются различными способами.

Первый способ – привлечение долгового финансирования посредством банковского кредита или выпуска облигаций. Этот способ является наиболее дешевым и менее рискованным с точки зрения ожидаемого результата по объему привлеченного капитала. Однако злоупотребление кредитами приводит к росту долговой нагрузки и, как следствие, может вести к банкротству, то есть невозможности компании платить

© Токун Л.В., Берг А.Г., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

по своим обязательствам. Таким образом, каждый новый привлеченный кредит приводит к увеличению рисков для кредитора и заемщика. Повышение рисков, в свою очередь, является основой для установления высоких процентов по кредиту и выдвижению большего количества ковенант.

Второй способ – привлечение средств институциональных инвесторов, представленных как фондами, так и частными инвесторами – бизнес-ангелами. Таких частных инвесторов, в особенности в России, не так много. Согласно статье, опубликованной на сайте новостного портала РБК, в 2018 г. частные инвесторы, корпорации и венчурные фонды из России инвестировали более 350 млн долл. США в бизнес компаний [3]. Наибольшую активность по количеству инвестиций проявил фонд Rune Capital, заключив 16 сделок на общую сумму в 15 млн долл. США, максимальный объем средств в размере 35 млн долл. США был проинвестирован фондом Fort Ross Venture. Среди бизнес-ангелов наибольшую активность проявил А. Румянцев, проинвестировав в 15 проектов.

Третий способ – продажа части акционерного капитала широкому кругу инвесторов путем проведения IPO (от англ. Initial Public Offering – первичное публичное предложение, первичное публичное размещение).

С одной стороны, IPO является одним из наиболее эффективных способов привлечения иностранных инвестиций. Перед компанией, которая стала публичной, открываются огромные перспективы. С другой стороны, IPO – трудный и затратный процесс, к которому многие компании попросту не подготовлены. Однако, не только готовность самой компании к IPO определяет успешный исход публичного размещения. Немаловажную роль играет «желание рынка» принять ценную бумагу данного эмитента. Поэтому размещение ценных бумаг ближе к верхней границе ценового диапазона, зависит от целой совокупности макро- и микрофакторов, в числе которых и момент времени его проведения.

В процессе проведения IPO участвуют различные организаторы размещения: биржа, банкиры, финансовые и юридические консультанты, андеррайтер, букраннер и так далее. При этом выбрать оптимальный момент времени для проведения IPO как с точки зрения самой компании, так и с точки зрения рынка – достаточно трудная задача для собственников компании и для профессиональных консультантов по сделкам IPO.

Осложняет задачу и тот факт, что российский фондовый рынок недостаточно развит, о чем говорит его низкая капитализация – 39 % от валового внутреннего продукта (далее – ВВП) страны в 2018 г. Для сравнения, в 2007 г., во время экономического роста России, капитализация составляла ~107,7 % от ВВП страны. Низкая капитализация, ограниченность всего двумя десятками относительно ликвидных бумаг, – все это приводит к высокой волатильности российского фондового рынка. Это в свою очередь сокращает длительность «окна IPO», и делает процесс публичного размещения еще труднее.

Как выбрать верный момент для проведения публичного размещения – один из наиболее частых вопросов, которым задаются руководители крупных компаний. Это подчеркивает актуальность и востребованность знаний в этой области. При этом количество научных работ и литературы на данную тему очень ограничено, что во многом объясняется закрытостью сферы инвестиционных консультантов.

Наибольшее количество статей, посвященных данной тематике, написано зарубежными авторами. Среди российских авторов существует лишь одна диссертационная работа С. Г. Главиной, которую мы рассмотрим далее [1].

Абсолютное большинство связывает выбор наилучшего времени для проведения IPO с анализом «волн IPO». «Волны» могут быть вызваны различными факторами. Среди основных факторов можно выделить следующие: предшествующая доходность, асимметрия информации между фирмой, инвестором и андеррайтером, технологические изменения, появление последователей/копирующих лидеров рынка.

Так в 2005 г. А. Alti разработал модель распространения информации в ходе проведения IPO [4]. В основу данной модели легли выводы о том, что проведенное «IPO-пионер» стимулирует дальнейшие публичные размещения. А его цена оказывает сильное влияние на ценообразование «IPO последователей». Такая реакция объясняется тем, что распространенная информация о прошедших IPO уменьшает неопределенность в отношении общих факторов оценки последующих и делает их размещение более дешевым (например, сокращаются расходы на маркетинг). Иначе говоря, успешно проведенное IPO говорит о существовании высокого спроса на рынке со стороны инвесторов. Распространение информации об этом в свою очередь оказывает сильный побочный эффект – подъем рынка. То есть если предложение цены акции на IPO в данном месяце превышает первоначальные ожидания, а именно, размещается по верхней границе ценового

диапазона, то объем IPO в последующие месяцы резко увеличится и наоборот. При этом стоит отметить, что наибольший скачок объема IPO наблюдается на первой фазе «горячего рынка». Таким образом, согласно модели А. Altì, образующиеся «волны IPO», как результат совокупности действий всех информированных инвесторов, возникают и развиваются эндогенно.

К похожему выводу пришли К. Boeh и С. Dunbar, которые в своем исследовании проанализировали влияние институциональных особенностей рынка IPO на возникновение «волн IPO» [7]. Они утверждают, что фирма, корректирующая условия во время регистрации IPO или непосредственно в момент выхода на рынок, влияет на «ценность при регистрации» эмитентов, ищущих капитал. Поскольку данные решения, как правило, отражают закрытую информацию об общем, коллективном мнении эмитентов о состоянии рынка IPO (помимо того, что указано другими макроэкономическими показателями и показателями состояния рынка), они оказывают существенное влияние на текущую активность инвесторов. Ввод дополнительных переменных, отражающих наблюдаемые рыночные условия IPO, позволил более детально проанализировать процесс формирования «волн IPO» на рынке.

L. Pastor и P. Veronesi в своем исследовании утверждали, что количество IPO меняется в зависимости от изменения рыночных условий [9]. Они разработали модель для расчета оптимального времени IPO. Данная модель предполагала, что IPO волны вызываются изменением таких факторов, как доходность и ожидаемая совокупная рентабельность. Выборка, на которой было проведено исследование, состояла из проведенных IPO американского рынка с января 1960 г. по декабрь 2002 г., а также доходности американского рынка (за основу был взят показатель ROE) за сопоставимый период. Построив графики, L. Pastor и P. Veronesi выявили волнообразную тенденцию количества проведенных IPO, характеризующуюся последовательно возрастающими пиками и спадами. Сопоставление данного графика с доходностью позволило им выявить, что началу «волны IPO» (подъему), как правило, предшествует высокая рыночная доходность, а спуску «волны IPO» (падению) – низкая рыночная доходность.

Влияние предшествующей доходности также изучали F. Batnini и M. Hammami. В своей работе они исследовали влияние фондовых рынков на первичное публичное размещение акций (IPO) [5]. Результаты, полученные путем автокорреляционного анализа и подсчета регрессии, позволили выявить связь между прошлой доходностью фондового рынка и количеством последующих IPO. По их мнению, перед установкой даты проведения IPO менеджеры анализируют долгосрочные результаты финансового рынка. Выявления «бычьего» тренда на фондовом рынке от шести месяцев до одного года стимулирует менеджеров на проведение IPO компании. При этом F. Batnini и M. Hammami отмечают, что выявление «медвежьего» тренда длительностью более двух лет, может привести топ менеджмент к аналогичному решению, что во многом объясняется инверсией фондового рынка.

Обширное исследование цикличности мирового рынка IPO и ее влияние на процесс первичного публичного размещения провела С. Г. Главина. Она подчеркнула, что единая цель для всех участников заключается в максимизации прибыли от участия в сделке IPO, и поэтому «окно» для проведения IPO определяется таким образом, чтобы воспользоваться возросшей ценой за ценные бумаги компании-эмитента. Таким образом, эмитенты, планирующие проведение IPO, группируются и подстраиваются под общее настроение, что в свою очередь приводит к созданию так называемых кластеров IPO, которые в последствии формируют «волны IPO».

В своей работе С. Г. Главина также отметила, что динамика развития мирового, восточноевропейского и российского рынков первичных публичных размещений имеют существенные различия, в следствии чего цикличность мирового, регионального и национального рынков имеет разную характеристику. При этом российский рынок IPO, находящийся под влиянием мировых трендов, сам не оказывает большого влияния на глобальный.

С. Г. Главина определила ряд рекомендаций при выборе времени для проведения IPO компании, а именно, она отметила необходимость учета состояния мировой экономики, роста национального ВВП и уровня ключевой ставки (предпочтение отдается периодам с наиболее низкой ставкой). Эмитентам рекомендуется учитывать состояние отрасли, в которой работает компания, и в случае наличия, брать во внимание их опыт проведения IPO. Размещение предпочтительнее всего проводить на начальной фазе «горячего» рынка, которая приходится, согласно исследованию, на второй и четвертый кварталы года [1].

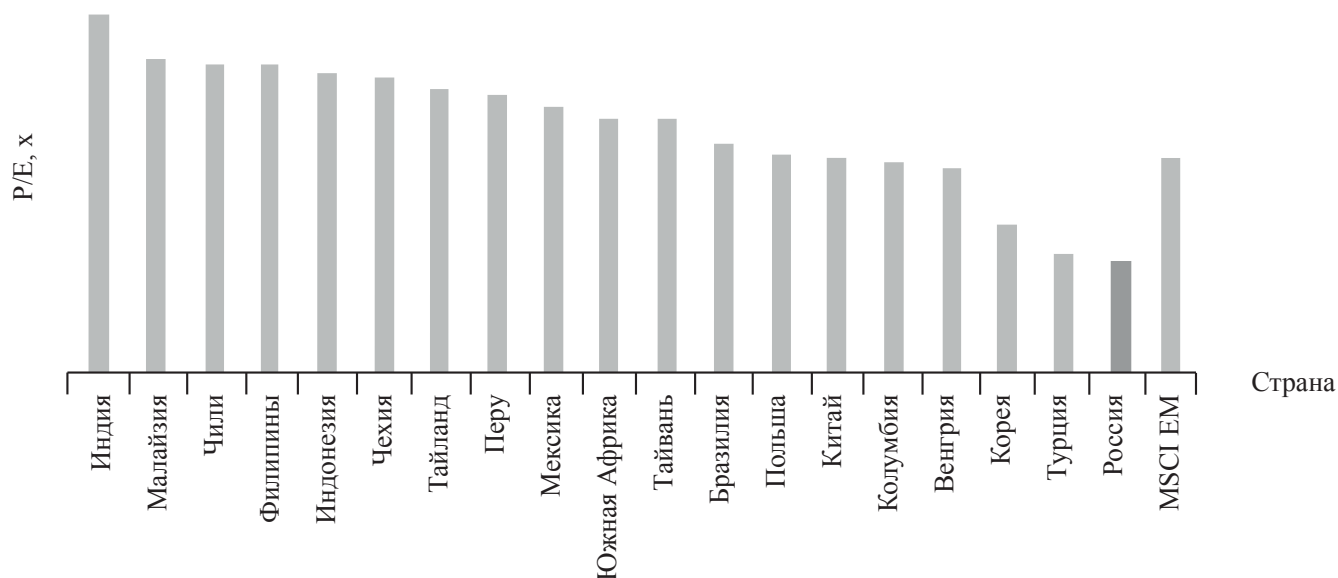
Как и в других странах, в России за год существует четыре «окна». Данные окна представляют собой удачный период для публичного листинга, однако низкая ликвидность российского рынка не дает никаких гарантий успеха при размещении даже во время установленных «окон».

Первое «окно» открывается в десятых числах января и длится примерно месяц, то есть до десятых чисел февраля. В этом случае вся оценка проводится исходя из проверенной отчетности за 9 месяцев. Следующее «окно» приходится на середину марта и закрывается в середине мая, при этом все финансовые показатели рассчитываются исходя из аудированной отчетности за предыдущий финансовый год. Третье «окно» открывается в первых числах июня и закрывается в середине июля, после чего все инвесторы уходят на «летние каникулы» вплоть до первых чисел сентября. Оценка компании, IPO которой проводят во время третьего «окна», основывается на проверенной отчетности за предыдущий финансовый год. Начало четвертого «окна» приходится на первые числа сентября, и закрывается «окно» в середине ноября. В основе расчетов лежат данные из проверенной отчетности компании за первое полугодие текущего года.

Анализируя российский рынок IPO за период с 2002 г. по 2018 г., можно отметить, что он характеризовался как «бычьим», так и «медвежьим» трендами: 2002-2003 гг. – холодный, «медвежий» рынок; 2003-2007 гг. – горячий, «бычий»; 2007-2009 гг. – холодный; 2009-2010 гг. – горячий; 2010-2012 гг. – холодный; 2012-2013 гг. – горячий; 2013-2015 гг. – холодный и, наконец, 2015-2017 гг. – горячий, о чем свидетельствует повышение IPO активности, начиная с 2015 г. За этот период российский рынок прошел 4 полностью законченных цикла: 2002-2007 гг. с длительностью цикла 5 лет, 2007-2010 гг. – 3 года, 2010-2013 гг. – 4 года, 2013-2017 гг. – 4 года. В результате можно сделать вывод, что российский рынок IPO обладает явно выраженными циклами с периодичностью 3-5 лет. В 2018 г. настала фаза холодного или «медвежьего» рынка, которая характеризуется полным отсутствием IPO и снижением M&A активности (от англ. mergers and acquisitions – слияние и поглощение). Однако приведенные здесь выводы – предварительные ввиду ограниченности данных.

Как уже было отмечено, появление «окна» зависит от совокупности факторов, включая макроэкономическую и политическую обстановку. Безусловно, макроэкономические явления уже заложены в мультипликаторах, которые непосредственно связаны с капитализацией рынка. Как правило, именно низкие мультипликаторы являются индикатором, который заставляет руководство компании повременить с публичным листингом.

Так в 2017 г. агрегированный коэффициент P/E (от англ. Price/Earnings – Цена/Прибыль) российского рынка акций снизился до среднего уровня 7,5, что может свидетельствовать о его неоцененности, а показатель P/BV (от англ. Price/Book Value Ratio – капитализация компании/балансовая стоимость активов) в среднем снизился до 0,85. Соотношение риск-доходность для рынка акций, в отличие от предыдущего года, оказалось в отрицательной области. Это привело к «медвежьему» рынку в 2018 г., мультипликатор P/E опустился до 5,4, что является самым низким значением сред всех развивающихся стран (рис. 1). Такая отрицательная динамика привела к полному отсутствию IPO в 2018 г. [6; 8].

Составлено авторами по материалам источников: [6; 8]

Рис. 1. Значение мультипликатора P/E для развивающихся стран

Все прошедшие в 2017 г. размещения прошли по нижней границе ценового диапазона (табл. 1). Сказать, что именно это стало причиной отсутствия IPO активности в 2018 г., однозначно нельзя. Размещение по нижней границе в целом является определенным трендом на российском рынке. Как правило, это связано с завышенными ожиданиями эмитента по оценке компании, что приводит к достаточно долгому процессу закрытия книги заявок. Таким образом, исходя из последних размещений, книга закрывается очень поздно. Кроме того, количество подписок может быть ограничено, и размещение проходит по нижней границе ценового диапазона.

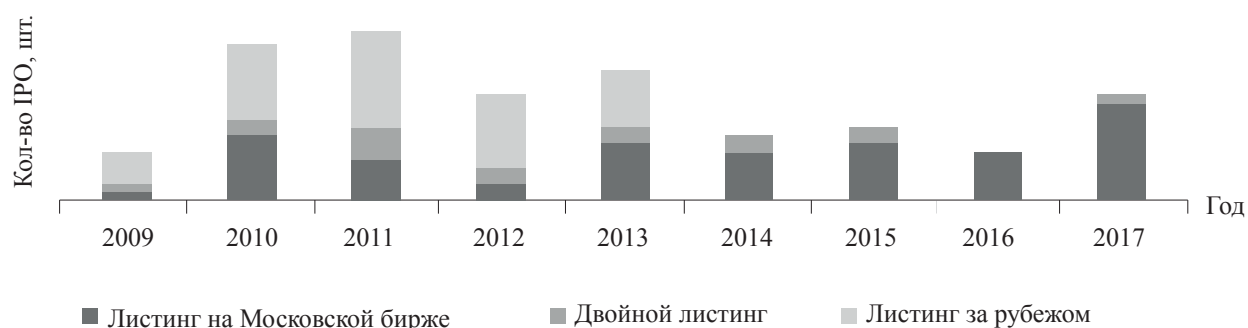
Таблица 1

Основные характеристики российских IPO с 2012 г. по 2017 г.

Компания	Биржа размещения	Объем привлеченных средств, млн долл. США	Дата окончания размещения	Верхняя граница, долл. США	Нижняя граница, долл. США	Цена размещения, долл. США
ПАО Глобалтрак менеджмент	МБ	65	03.11.2017	2,48	2,26	2,26
En+ Group	London Stock Exchange	1 500	03.11.2017	17	14	14
Обувь России	МБ	103	19.10.2017	2,91	2,4	2,4
Детский мир (IPO)	МБ	300	08.02.2017	1,71	1,43	1,43
Русснефть	МБ	500	24.11.2016	9,29	7,58	8,51
ФГ Будущее	МБ	185	28.10.2016	20,03	16,85	18,92
Selecta Biosciences	NASDAQ	65	27.06.2016	14	14	14
Европлан (IPO)	МБ	47	10.12.2015	8,23	7,58	8,23
Новороссийский комбинат хлебопродуктов (НКХП)	МБ	52	15.12.2015	7,31	6,27	7,23
Московский кредитный банк (МКБ) (IPO)	МБ	238	30.06.2015	0,07	0,06	0,07
Объединенная вагонная компания (ОВК) (IPO)	МБ	173	29.04.2015	13,38	13,38	13,38
Сеть гипермаркетов «Лента» (IPO)	London Stock Exchange	952	28.02.2014	11	10	10
Тинькофф банк	London Stock Exchange	1 087	22.10.2013	17,5	14	17,5
АЛРОСА (IPO)	МБ	1 304	24.10.2013	1,2	1,1	1,1
Luxoft, a DXC Technology Company	NYSE	70	26.06.2013	18	16	17
QIWI Plc	NASDAQ	213	03.05.2013	18	16	17
Московская Биржа	МБ	498	15.02.2013	2,04	1,78	1,78
Мегафон	London Stock Exchange, МБ	1 860	27.11.2012	25	20	20
MD Medical Gr Inv	London Stock Exchange	311	15.10.2012	12,5	11,5	12

Составлено авторами по материалам источника: [2]

Исходя из таблицы 1, можно выявить, что наиболее популярной площадкой для российских эмитентов исторически была Лондонская фондовая биржа (LSE), которая позволяла компаниям привлекать иностранный капитал и обеспечивала более высокую ликвидность. Однако в последние годы российские компании предпочитают Московскую биржу (рис. 2), это связано прежде всего с меньшими затратами на проведение IPO.

Составлено авторами по материалам источника: [2]

Рис. 2. Листинг российских компаний с 2009 г. по 2017 г.

Исходя из сказанного выше, можно заключить, что сравнивать российский рынок с американским не стоит. Американский рынок коренным образом отличается от всех остальных, и в каком-то смысле его можно изобразить в виде кривой спроса. На американском рынке последние размещения проходят по завышенной оценке. Так, например, во время IPO компании LIVES, ценовой диапазон был вообще пересмотрен в сторону увеличения. В США в первый же день торгов цена растет практически на 20 %. Это во многом объясняется тем, что многие инвесторы покупают акции в первый день торгов, предполагая уже в течение 1-2 дней продать акции, получив достаточно высокую доходность. При этом спросом пользуются даже акции компаний, которые с большой долей вероятности никогда не будут приносить прибыль.

Основная причина разрастания своеобразного «пузыря» на американском рынке связана, прежде всего, с огромным количеством денег на рынке акционерного капитала. Фонды, которые проинвестировали несколько лет назад в технологических гигантов, капитализация которых на данный момент близка к триллионам долларов, получают достаточно высокие дивиденды. Все эти дивиденды, как правило, идут на дальнейшие инвестиции, и так возникает замкнутый круг, который в дальнейшем может перерасти в «пузырь».

На российском же рынке все обстоит абсолютно по-другому. Исторически, проводя IPO, российские компании ориентируются на иностранных инвесторов. В свете последних, в том числе политических событий, количество таких инвесторов неуклонно падает – часть фондов закрывают отделения в России, прекращают инвестиции в российские бумаги. Политические риски отталкивают иностранных инвесторов, которые находят альтернативные варианты инвестирования в развивающиеся экономики: Польша, Словения и т. д. Однако несмотря на то, что иностранных инвесторов становится меньше, многие инвесторы продолжают покупать бумаги российских компаний на вторичном рынке, но в IPO предпочитают не вкладываться. Во многом это можно объяснить тем, что капитализация многих компаний после размещения падает.

При этом стоит отметить позитивный тренд увеличения российского капитала, который идет от населения. С каждым днем все больше людей открывают брокерские счета и инвестируют в ценные бумаги. Согласно статистике Московской биржи, можно выделить растущую долю российских частных инвесторов в структуре биржевых торгов, которые в дальнейшем будут повышать ликвидность рынка и задавать восходящий тренд.

Подводя итоги, стоит отметить, что несмотря на все трудности, интерес к публичному размещению со стороны российских компаний есть. Свидетельство этому – достаточное количество российских компаний, которые не раз высказывали желание провести листинг.

Для инвесторов, в особенности иностранных, российский рынок по-прежнему остается достаточно рискованным. Тем не менее, рынок продолжает развиваться, и приумножить капитал на нем можно. Потенциально особым интересом со стороны инвесторов в ближайшее время будут пользоваться компании, реализующие цифровые услуги, которые уже давно задают тренды на мировом рынке.

Таким образом, интерес есть у обеих сторон – покупателя и продавца, им остается лишь встретиться. Для обеспечения «успешной встречи», то есть достижения оптимальной цены и момента размещения, которые бы устраивали и покупателя, и продавца, необходимы соответствующие условия. Способствовать созданию благоприятных «окон» IPO – задача регулятора. Именно Банку России необходимо проводить исследования рынка, которые помогут устранить слабые стороны, а также обеспечивать научно обоснованное регулирование с целью создания благоприятных условий для IPO.

Библиографический список

1. Главина, С. Г. Цикличность мирового рынка IPO и её влияние на процесс первичного публичного размещения: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / РУДН. – М., 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/47173467-Ciklichnost-mirovogo-rynka-ipo-i-eyo-vliyanie-na-process-pervichnogo-publichnogo-razmeshcheniya.html> (дата обращения: 15.01.2020).
2. Московская биржа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.moex.com> (дата обращения: 15.01.2020).
3. Эксперты определили самых активных венчурных инвесторов года // РБК. – 2018. – 26 дек. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/12/2018/5c22283f9a7947307bb63b91 (дата обращения: 15.01.2020).
4. Alti, A. IPO Market Timing // The Review of Financial Studies. – 2015. – Vol. 18. – No. 3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://faculty.mcombs.utexas.edu/aydogan.alti/Research/ipo.pdf> (дата обращения: 15.01.2020).
5. Batnini, F., Hammami, M. IPO waves: How market performances influence the market timing of IPO? // The Journal of Applied Business Research. – 2015. – Vol. 35. – No. 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/282770875_IPO_waves_How_market_performances_influence_the_market_timing_of_IPO (дата обращения: 15.01.2020).
6. Bloomberg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bloomberg.com (дата обращения: 15.01.2020).
7. Boeh, K., Dunbar, C. IPO waves and the issuance process // Journal of Corporate Finance. – 2014. – Vol. 25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ideas.repec.org/a/eee/corfin/v25y2014icp455-473.html> (дата обращения: 15.01.2020).
8. Capital IQ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.capitaliq.com (дата обращения: 15.01.2020).
9. Pastor, L., Veronesi, P. Rational IPO Waves // The Journal of Finance. – 2005. – Vol. 60. – No. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/3694852> (дата обращения: 15.01.2020).

References

1. Glavina S. G. Tsiklichnost' mirovogo rynka IPO i ee vliyanie na protsess pervichnogo publichnogo razmeshcheniya [*The cyclical nature of the global IPO market and its impact on the initial public offering process*]: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.14, RUDN. Moscow, 2017. Available at: <https://docplayer.ru/47173467-Ciklichnost-mirovogo-rynka-ipo-i-eyo-vliyanie-na-process-pervichnogo-publichnogo-razmeshcheniya.html> (accessed 15.01.2020).
2. Moskovskaya Birzha [*Moscow Stock Exchange*]. Available at: <https://www.moex.com> (accessed 15.01.2020).
3. Eksperty opredelili samykh aktivnykh venchurnykh investorov goda [*Experts have identified the most active venture investors of the year*]. RBC [RBC], 2018, Dec. 26. Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/12/2018/5c22283f9a7947307bb63b91 (accessed 15.01.2020).
4. Alti, A. IPO Market Timing. The Review of Financial Studies. Available at: <https://faculty.mcombs.utexas.edu/aydogan.alti/Research/ipo.pdf> (accessed 15.01.2020).
5. Batnini F., Hammami M. IPO waves: How market performances influence the market timing of IPO? The Journal of Applied Business Research, 2015, vol. 35, no. 5. Available at: https://www.researchgate.net/publication/282770875_IPO_waves_How_market_performances_influence_the_market_timing_of_IPO. (accessed 15.01.2020).
6. Bloomberg. Available at: www.bloomberg.com (accessed 15.01.2020).
7. Boeh K., Dunbar C. IPO waves and the issuance process. Journal of Corporate Finance, 2014, vol. 25. Available at: <https://ideas.repec.org/a/eee/corfin/v25y2014icp455-473.html> (accessed 15.01.2020).
8. Capital IQ. Available at: www.capitaliq.com (accessed 15.01.2020).
9. Pastor L., Veronesi P. Rational IPO Waves. The Journal of Finance, 2005, vol. 60, no. 4. Available at: <https://www.jstor.org/stable/3694852> (accessed 15.01.2020).

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

УДК 332.146 JEL R58

DOI 10.26425/1816-4277-2020-3-118-122

Джиоев Владимир Алексеевич
аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: vlad.jioev@yandex.ru

СУЩНОСТЬ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ И ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА РЕГИОНОВ

Аннотация. Инвестиционная привлекательность региона – один из главных показателей уровня развития региона и, как следствие, результативности работы властей. В связи с ограниченностью заемных финансовых ресурсов привлечение частных инвестиций, как внутренних, так и иностранных, становится одной из важнейших задач руководства. Развитие различных методов и подходов оценки инвестиционной привлекательности, а также изучение различных способов ее повышения в настоящее время актуально. Для того, чтобы грамотно определить уровень инвестиционной привлекательности региона и выработать стратегию его дальнейшего развития, необходимо разобраться в самом понятии инвестиционной привлекательности. В статье проанализированы различные трактовки понятия инвестиционной привлекательности и инвестиционного климата, описаны основные подходы к их взаимосвязи, а также предложены авторские определения данных понятий и их соотношение.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, инвестиционный климат, инвестиционная политика, региональная экономика, регион, инвестиции.

Цитирование: Джиоев В.А. Сущность и взаимосвязь понятий инвестиционной привлекательности и инвестиционного климата регионов // Вестник университета. 2020. № 3. С. 118–122.

Dzhioev Vladimir
Postgraduate student, State University
of Management, Moscow, Russia
e-mail: vlad.jioev@yandex.ru

ESSENCE AND INTERRELATION OF THE CONCEPTS OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS AND INVESTMENT CLIMATE OF REGIONS

Abstract. The investment attractiveness of the region is one of the main indicators of the level of development of the region and, as a consequence, the effectiveness of the work of the authorities. Due to limited borrowed financial resources, attracting private investment, both local and foreign, becomes one of the most important tasks of the leadership. The development of modern methods and approaches to assessing the investment attractiveness of the region and increasing its level on the basis of the data obtained today is more than relevant. In order to correctly determine the level of investment attractiveness of the region and develop a strategy for its further development, it is necessary to understand the very concept of investment attractiveness. This article analyses various interpretations of the concepts of investment attractiveness and the investment climate, describes the main approaches to their relationship, the author also proposed his definitions of these concepts and their relationship.

Keywords: investment attractiveness, investment climate, investment policy, regional economy, region, investments.

For citation: Dzhioev V.A. (2020) Essence and interrelation of the concepts of investment attractiveness and investment climate of regions. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 118–122. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-118-122

В связи со сложившейся в России экономической ситуацией, вводом различных санкций, нестабильностью валютного рынка, ограничением доступа к внешнему кредитованию значительно увеличилась конкуренция между регионами за привлечение частного капитала. Данная ситуация ставит перед руководителями

© Джиоев В.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

регионов задачу по созданию благоприятных условий для привлечения инвесторов и развития бизнеса, что в свою очередь приведет к созданию новых рабочих мест, пополнению регионального и федерального бюджетов за счет взимаемых как с юридических, так и с физических лиц налоговых отчислений, вложениям в инновационное и высокотехнологичное производство, а также обеспечению социально-экономической стабильности в стране в целом.

При выборе объекта инвестирования инвестор большое внимание уделяет уровню инвестиционной привлекательности региона. Несмотря на то, что существует большое количество научных работ, как отечественных, так и иностранных авторов по оценке инвестиционной привлекательности региона, на данный момент отсутствует прозрачная и понятная любому инвестору методика оценки инвестиционной привлекательности регионов. Дискуссионным остается и вопрос определения инвестиционной привлекательности.

Существуют различные трактовки понятия инвестиционной привлекательности. Так, Н. Д. Гуськова в своей книге «Инвестиционный менеджмент» определяет инвестиционную привлекательность как показатель, включающий перспективность различных регионов с точки зрения окупаемости вложений и возможных рисков [5]. Данное определение следует понимать как общее, при этом в отечественной и зарубежной литературе существуют различные интерпретации «инвестиционной привлекательности предприятия», «инвестиционной привлекательности региона» и «инвестиционной привлекательности страны». В рамках настоящего исследования предлагаем рассмотреть понятие «инвестиционная привлекательность региона» в частности.

Л. Г. Ахтариева рассматривает инвестиционную привлекательность региона как совокупность различных показателей, таких как уровень экономического, социального и финансового развития [3].

Существует достаточно большое количество определений, трактующих инвестиционную привлекательность региона как интегральный показатель, формирующийся путем аккумуляции взвешенных факторов. Так, В. В. Литвинова в своей статье «Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: к вопросу о дефинициях и оценке» предлагает следующее определение инвестиционной привлекательности региона: «это интегральная характеристика среды инвестирования, которая создается за счет оценки инвестиционного потенциала и инвестиционного риска региона, и отражает восприятие региона инвесторами» [8].

С. И. Аксенова утверждает, что инвестиционная привлекательность – это характеристика, объединяющая в себя инвестиционную базу региона, экологическую и природную составляющую региона, а также финансовые возможности региона с целью софинансирования инвестиционных проектов [1].

Е. В. Вологдин трактует инвестиционную привлекательность как «совокупность социально-экономических, природно-географических, политических и других факторов, которые формируют представление инвестора о том, целесообразно и эффективно ли инвестирование в объекты, которые находятся в определенном регионе» [4, с. 29]. Данное определение отражает лишь ряд факторов, определяющих инвестиционную привлекательность, при этом не учитывает рисковую составляющую, что нашло отражение в формулировках О. Н. Изюмовой и С. И. Аксеновой.

О. Н. Изюмова расценивает инвестиционную привлекательность региона как «сформированное инвестиционным потенциалом и инвестиционными рисками состояние регионального хозяйства, отображаемое локальными и агрегированными индикаторами безопасности, доходности, реальности и перспективности инвестиций в социальное, экологическое и экономическое развитие, обеспеченное достижением экономического эффекта мероприятий по осуществлению инноваций» [6, с. 3].

Рейтинговое агентство «Эксперт РА» определяет инвестиционную привлекательность региона как «взаимосвязь инвестиционного риска и инвестиционного потенциала» [9]. Данная трактовка таких составляющих инвестиционной привлекательности, как потенциал региона и риск, легла в основу методики оценки инвестиционной привлекательности регионов России, проводимой рейтинговым агентством «Эксперт РА».

Наряду с «инвестиционной привлекательностью» зачастую используют термин «инвестиционный климат». Многими исследователями подчеркивается необходимость разграничения таких понятий, как «инвестиционный климат» и «инвестиционная привлекательность». Многочисленные авторы, среди которых Л. Л. Игонина, И. Б. Максимов, И. Ю. Ткаченко, Н. И. Малых, О. А. Игнатьева, В. В. Литвинова и другие, весьма разнообразно характеризуют содержание исследуемой категории.

По мнению И. Р. Хисматулина и О. А. Игнатьевой, инвестиционный климат «представляет собой сложившуюся в течение ряда лет совокупность различных социально-экономических, природных, экологических,

политических и других условий, определяющих масштабы, объем и темпы привлечения инвестиций в основной капитал региона» [12].

И. Ю. Ткаченко и Н. И. Малых иначе трактуют данное понятие: под инвестиционным климатом они понимают группу факторов, побуждающих инвесторов вкладываться в тот или иной регион [11].

В. В. Литвинова считает, что инвестиционный климат – это «интегральная характеристика среды инвестирования, которая создается на основании оценки инвестиционной привлекательности региона в течение длительного промежутка времени и влияющая на желание потенциального инвестора осуществить вложения» [8].

Одним из дискуссионных вопросов является взаимосвязь понятий инвестиционной привлекательности и инвестиционного климата. В настоящее время существует три основных взгляда на данный вопрос. Так, «Эксперт РА» уравнивает понятия «инвестиционная привлекательность» и «инвестиционный климат»; Г. П. Подшиваленко определяет инвестиционный климат как более широкое понятие, чем инвестиционная привлекательность; А. Аникеева наоборот считает, что инвестиционный климат входит в состав инвестиционной привлекательности [2; 9; 10].

Анализируя каждую из представленных точек зрения, следует отметить, что первый подход, уравнивающий понятия инвестиционного климата и инвестиционной привлекательности, используемый, в основном, специалистами «Эксперт РА», наиболее спорен и неоднозначен, так как многими исследователями они были все же разграничены. В частности, в своей монографии В. В. Литвинова разделила термины «инвестиционная привлекательность» и «инвестиционный климат», мотивируя это тем, что понятие «инвестиционный климат» может быть использовано исключительно для сферы планируемых вложений, но не для конкретного объекта инвестирования, то есть термин «инвестиционный климат компании» не используется, что указывает на нетождественность инвестиционного климата и инвестиционной привлекательности [7].

Второй подход, определяющий инвестиционный климат как более глубокое и емкое понятие, чем инвестиционная привлекательность, значительно распространеннее и популярнее, однако он в некоторой степени противоречит наиболее распространенному определению инвестиционного климата, из которого в большей степени следует третий подход, включающий инвестиционный климат в инвестиционную привлекательность.

В мировой практике сложилось четкое понимание взаимосвязи между инвестиционным климатом и инвестиционной привлекательностью. В публикациях Всемирного банка и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе инвестиционный климат определяется как «совокупность характерных для каждой местности факторов, определяющих возможности компаний и формирующих у них стимулы к осуществлению продуктивных инвестиций, созданию рабочих мест и расширению своей деятельности» [13, с. 12].

Однако, следует отметить, что инвестиционный климат помимо правовых и теоретических составляющих имеет экономические, человеческие и политические, которые объединены одной общей чертой – все они могут меняться федеральными и региональными властями. Такие же факторы, как природные, экологические и географические, а также наличие полезных ископаемых – неизменны и не зависят от человеческого фактора и государственного вмешательства. В связи с этим инвестиционную привлекательность рекомендуется рассматривать как составляющую трех групп факторов: базовых условий, неизменных с течением времени и проводимой политики, инвестиционного климата, состоящего из ряда показателей, воздействуя на которые федеральное и региональное руководство могут улучшать уровень инвестиционной привлекательности региона и инвестиционных рисков, снижение которых также повышает интерес потенциальных инвесторов к региону.

В завершение, описав разнообразные трактовки понятия и сущности инвестиционной привлекательности и инвестиционного климата региона, а также проследив их взаимосвязь, предлагаем авторские трактовки этих понятий, наиболее полно передающие их смысл.

Инвестиционная привлекательность региона – это состояние экономики региона, которое состоит из действующего инвестиционного климата и определенных рисков, а так же из базовых условий, которые не поддаются изменению и оказывают значительное влияние на решение потенциальных инвесторов.

Инвестиционный климат региона – это взаимосвязь экономических, политических, социальных, а также иных факторов, которые могут меняться в результате деятельности государства и непосредственно влияют на уровень инвестиционной привлекательности региона.

Следует отметить, что создание благоприятных условий для повышения инвестиционной привлекательности и привлечение инвесторов в регион – одна из основных задач региональных властей, от эффективного выполнения которой зависит не только развитие региона, но и всей России.

Библиографический список

1. Аксёнова, С. Инвестиционная привлекательность отдельных регионов России для иностранного капитала. – М.: Лаборатория книги, 2010. – 46 с.
2. Анисеева, А. Актуальные проблемы инвестиционных рейтингов регионов России // Инвестиции в России. – 2005. – №5. – С. 3-7.
3. Ахтариева, Л. Г. Современные подходы к оценке инвестиционной привлекательности регионов // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2014. – № 1 (7) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-otsenke-investitsionnoy-privlekatelnosti-regionov> (дата обращения: 22.01.2020).
4. Вологдин, Е. В. Оценка инвестиционной привлекательности региона: теория и практика (на примере Алтайского края): монография. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. – 158 с.
5. Гуськова, Н. Д., Краковская, И. Н., Слушкина, Ю. Ю., Маколов, В. И. Инвестиционный менеджмент. – М.: Кнорус, 2014. – 440 с.
6. Изюмова, О. Н. Анализ методологических подходов к управлению и оценке инвестиционной привлекательности и инновационного потенциала региона // Управление экономическими системами. – 2011. – № 35 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-metodologicheskikh-podhodov-k-upravleniyu-i-otsenke-investitsionnoy-privlekatelnosti-i-innovatsionnogo-potentsiala-regiona> (дата обращения: 22.01.2020).
7. Литвинова, В. В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: монография. – М.: Финансовый университет, 2013. – 116 с.
8. Литвинова, В. В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: к вопросу о дефинициях и оценке // Финансы: Теория и Практика. – 2014. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya-privlekatelnost-i-investitsionnyy-klimat-regiona-k-voprosu-o-definitsiyah-i-otsenke> (дата обращения: 22.01.2020).
9. Методика составления рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России // RAEX (Эксперт РА) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://raex-a.ru/files/research/2018_regcongress.pdf (дата обращения: 22.01.2020).
10. Подшиваленко, Г. П. Инвестиционный климат и инвестиционная привлекательность // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2010. – № 15. – С. 7-10.
11. Ткаченко, И. Ю., Малых, Н. И. Инвестиции: учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 240 с.
12. Хисматулов, И. Р., Игнатъева, О. А. Особенности инвестиционного климата России на современном этапе // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 1 (9) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-investitsionnogo-klimata-rossii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 22.01.2020).
13. Best-Practice Guide for a Positive Business and Investment Climate. – Vienna: Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE), 2006. – 157 p.

References

1. Aksenova S. Investitsionnaya privlekatel'nost' otdel'nykh regionov Rossii dlya inostrannogo kapitala [Investment attractiveness of certain regions of Russia for foreign capital]. Moscow, Laboratoriya knigi, 2010. 46 p.
2. Anikeeva A. Aktualnye problem investitsionnykh reitingov regionov Rossii [Actual problems of investment ratings of Russian regions]. Investitsii v Rossi, 2005, no. 5, pp. 3-7.
3. Ahtarieva L. G. Sovremennye podkhody k otsenke investitsionnoi privlekatelnosti regionov [Modern approaches to assessing the investment attractiveness of the regions]. Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika. 2014, no. 1 (7). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-otsenke-investitsionnoy-privlekatelnosti-regionov> (accessed 22.01.2020).
4. Vologdin E. V. Otsenka investitsionnoi privlekatelnosti regiona: teoriya i praktika (na primere Altaiskogo kraja): monografiya [Assessment of the investment attractiveness of the region: theory and practice (on the example of the Altai Territory): monograph]. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2017. 148 p.
5. Gus'kova N. D., Krakovskaya I. N., Slushkina Yu. Yu., Makolov V. I. Investitsionnyi menedzhment [Investment management]. Moscow, KnoRus, 2014. 440 p.

6. Izyumova O. N. Analiz metodologicheskikh podkhodov k upravleniyu i otsenke investitsionnoi privlekatel'nosti i innovatsionnogo potentsiala regiona [*Analysis of methodological approaches to management and assessment of investment attractiveness and innovative potential of the region*]. Upravlenie ekonomicheskimi sistemami [*Management of Economic Systems*], 2011, no. 35. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-metodologicheskikh-podkhodov-k-upravleniyu-i-otsenke-investitsionnoy-privlekatelnosti-i-innovatsionnogo-potentsiala-regiona> (accessed 22.01.2020).
7. Litvinova V. V. Investitsionnaya privlekatel'nost' i investitsionnyi klimat regiona: monografiya [*Investment attractiveness and investment climate of the region: a monograph*]. Moscow, Finansovyi universitet, 2013. 116 p.
8. Litvinova V. V. Investitsionnaya privlekatel'nost' i investitsionnyi klimat regiona: k voprosu o definitsiyakh i otsenke [*Investment attractiveness and investment climate of the region: on the issue of definitions and assessment*]. Finansy: Teoriya i Praktika [*Finance: Theory and Practice*], 2014, no. 1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya-privlekatelnost-i-investitsionnyy-klimat-regiona-k-voprosu-o-definitsiyah-i-otsenke> (accessed 22.01.2020).
9. Metodika sostavleniya reitinga investitsionnoi privlekatel'nosti regionov Rossii [*Methodology for rating investment attractiveness of Russian regions*]. RAEX (Ekspert RA). Available at: <https://www.raexpert.ru/docbank//9d2/edc/c7b/7e657930b91b607637dd568.PDF> (accessed 22.01.2020).
10. Podshivalenko G. P. Investitsionnyi klimat i investitsionnaya privlekatel'nost' [*Investment climate and investment attractiveness*]. Finansovaya analitika: problemy i resheniya [*Financial Analytics: Problems and Solutions*], 2010, no. 15, pp. 7-10.
11. Tkachenko I. Yu., Malykh N. I. Investitsii: uchebnoe posobie [*Investments: a tutorial*]. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2009. 240 p.
12. Khismatulov I. R., Ignat'eva O. A. Osobennosti investitsionnogo klimata Rossii na sovremennom etape [*Features of the investment climate in Russia at the present stage*]. Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem [*Modern Studies of Social Issues*], 2012, no. 1 (9). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-investitsionnogo-klimata-rossii-na-sovremennom-etape> (accessed 22.01.2020).
13. Best-Practice Guide for a Positive Business and Investment Climate. Vienna: Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE), 2006. 157 p.

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК 657 JEL C81

DOI 10.26425/1816-4277-2020-3-123-126

Агеева Ольга Андреевна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

e-mail: oa-ageeva@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙНЫХ КАТЕГОРИЙ «ЗАПАСЫ», «ЗАТРАТЫ», «РАСХОДЫ» И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ИХ ОТРАЖЕНИЯ В ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию трех понятийных категорий бухгалтерского учета: запасы, затраты и расходы – в их взаимосвязи, которая определена последовательностью их отражения в финансовой отчетности согласно трем стадиям кругооборота капитала: заготовление – производство – продажи. Сформулирована проблема, связанная со смешением информации об исследуемых категориях при отражении их в финансовой отчетности. В частности, в комплексную статью «запасы» включены одновременно сырье, материалы, товары, относящиеся к стадии заготовления, и незавершенное производство с готовой продукцией, формируемые на стадии производства. С целью преодоления указанной проблемы дана оценка существующей методике отражения информации об исследуемых понятиях в финансовой отчетности и обоснована необходимость и направления ее совершенствования.

Ключевые слова: запасы, затраты, расходы, финансовая отчетность, стадии кругооборота капитала, заготовление, производство, продажи.

Цитирование: Агеева О.А. Взаимосвязь понятийных категорий «запасы», «затраты», «расходы» и последовательность их отражения в финансовой отчетности // Вестник университета. 2020. № 3. С. 123–126.

Ageeva Olga

Doctor of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia

e-mail: oa-ageeva@yandex.ru

INTERRELATION OF CONCEPTUAL CATEGORIES “STOCKS”, “COSTS” AND “EXPENSES” AND SEQUENCE OF PRESENTING THEM IN THE FINANCIAL REPORTING

Abstract. The article is devoted to the study of three conceptual categories of accounting: stocks, costs and expenses, in their interrelation defined by the sequence in which they are presented in financial reporting in accordance with three stages of the capital cycle: procurement – production – sales. The problem caused by mixing up the information about the categories under study while presenting them in the financial reporting has been formulated. In particular, the complex item «inventory» includes both raw materials, materials, goods related to the procurement stage, and work-in-progress with finished products formed at the production stage. In order to overcome this problem, an assessment of the existing methodology for reflecting information about the concepts under study in financial statements has been given, and the need and directions for its improvement have been justified.

Keywords: stocks, costs, expenses, financial reporting, capital cycle, procurement, production, sales.

For citation: Ageeva O.A. (2020) Interrelation of conceptual categories “stocks”, “costs” and “expenses” and sequence of presenting them in the financial reporting. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 123–126. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-123-126

© Агеева О.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

В условиях изменяющихся по содержанию и составу показателей форм финансовой отчетности произошло размывание разницы между отдельными видами запасов, такими как: сырье, материалы, товары, готовая продукция. Вместе с тем каждый отдельный вид запасов, отраженный в финансовой отчетности, свидетельствует об особенной учетной и финансовой информации, присущей только этому виду актива. В связи с этим раскрываемая в статье проблема представляется актуальной. Цель настоящей статьи заключается в выявлении основных направлений совершенствования действующей методики отражения учетных данных о запасах и обеспечения тем самым качества информации, представленной в финансовой отчетности.

Задачи нашего исследования на выбранную тему заключаются в следующем:

- дать оценку применяемой в настоящее время методике отражения в бухгалтерской (далее – финансовой) отчетности запасов и обосновать необходимость ее совершенствования;
- упорядочить употребление в экономической литературе понятий «затраты» и «расходы» с целью устранения методологической путаницы;
- раскрыть логику и последовательность отражения анализируемых категорий в финансовой отчетности в соответствии со стадиями кругооборота капитала.

Начнем с анализа укрупненной в соответствии с требованиями международных стандартов финансовой отчетности (далее – МСФО) балансовой статьи «запасы».

В предшествующей версии формы баланса, рекомендованной Министерством финансов Российской Федерации, в составе статьи «запасы» раскрывались такие подстатьи, как: сырье, материалы, товары, затраты в незавершенном производстве, готовая продукция, расходы будущих периодов, прочие запасы и затраты.

В действующей версии формы баланса анализируемая статья показывается одной укрупненной позицией: «запасы».

На наш взгляд, мы встретились с тем самым случаем, когда новым может стать давно забытое старое. Обоснуем, почему предыдущую версию раскрытия информации в бухгалтерском балансе о запасах с разбивкой на подстатьи считаем более полезной для пользователей финансовой отчетности. Заметим, что приоритетными пользователями, согласно МСФО, признаны инвесторы и кредиторы, принимающие управленческие решения, в том числе и на основе информации, содержащейся в финансовой отчетности [4]. Кроме того, пользователями финансовой отчетности являются: управленческий персонал компании, контрагенты в лице поставщиков и покупателей, налоговые, статистические службы и другие заинтересованные лица.

Очевидно, что раскрытие состава запасов расширяет информацию о них, тем самым повышая аналитичность важнейшего финансового отчета – баланса.

Вместе с тем, есть еще один важный аргумент в пользу расширения балансовой информации о запасах. И этот аргумент связан со стадиями кругооборота капитала (1 – заготовление; 2 – производство; 3 – продажи).

Проблема состоит в том, что в укрупненной статье «запасы» произошло смешение информации, формируемой на разных стадиях кругооборота капитала: на первой и второй.

С первой стадией кругооборота капитала связаны такие запасы, как сырье, материалы, товары. Со второй стадией связано незавершенное производство в цехе и готовая, но не проданная продукция на складе. Например, готовая продукция принципиально отличается от товаров тем, что она производится непосредственно в производственном цехе и имеет такой атрибут, как себестоимость, которая калькулируется на предприятии-производителе на производственной стадии кругооборота капитала. В свою очередь, товары имеют такой атрибут, как покупная стоимость, которая формируется на стадии заготовления. И только третья стадия объединяет готовую продукцию с товарами, она для них общая, однако, к балансовой статье «запасы» эта стадия кругооборота капитала отношения уже не имеет.

Относительно расходов будущих периодов следует заметить, что они не должны отражаться в составе запасов и в балансе в целом, поскольку по существу данная категория расходов является авансами, выданными поставщикам и подрядчикам, и должна включаться в состав выданных авансов.

Известно, что основной целью финансовой отчетности является аккумуляция в ней информации, необходимой пользователям, прежде всего инвесторам и кредиторам, управленческому персоналу для принятия адекватных сложившейся ситуации решений. И можно с уверенностью утверждать, что на каждой из стадий кругооборота капитала пользователи принимают разные решения, связанные с задачами, решаемыми на соответствующей стадии.

Например, возьмем запасы на складе, то есть на стадии заготовления, ими надо управлять: чтобы, с одной стороны, их хватало для бесперебойного процесса производства, а, с другой стороны, чтобы не было их избытка на складе [7]. Приобретение и хранение избыточного количества запасов отвлекает денежные средства из оборота, снижая показатели эффективности использования ресурсов и ликвидности. На первой стадии кругооборота капитала запасы оцениваются по фактической заготовительной себестоимости [2].

Переходя с первой стадии кругооборота на вторую, по существу при перемещении со склада в производственный цех, запасы меняют оценку. Теперь они показываются в составе незавершенного производства в оценке, принятой в учетной политике. Действующие российские учетные стандарты допускают несколько таких оценок [1; 2]. На этой стадии решаются такие управленческие задачи как мониторинг длительности производственного цикла, оценка остатков незавершенного производства на конец месяца, с точки зрения соответствия учетной политике и установленному нормативу и другие.

Вторая стадия кругооборота капитала включает еще одно перемещение запасов, а именно готовой продукции из производственного цеха на склад. На складе готовой продукции решаются задачи, стоящие перед отделом сбыта, службой маркетинга. Одной из важнейших задач на этом этапе производственного процесса – обеспечить быстрейший сбыт готовой продукции, обеспечить возврат вложенных в производство денежных средств.

Кроме приведенных выше аргументов, укрупнение статьи «запасы» нарушает такое требование к качеству информации финансовой отчетности, как существенность, поскольку отсутствие аналитики по стадиям кругооборота капитала может привести пользователей отчетности к ошибке при принятии ими управленческих решений [3].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что принимающий решение пользователь финансовой отчетности должен видеть в балансе показатели, связанные с запасами, отдельно на каждой стадии, а не искать в пояснительной записке расшифровку к анализируемой статье в требуемом разрезе.

Проследим дальнейший путь запасов в финансовой отчетности. В производственном цехе они включаются в состав затрат как одна из основных составляющих себестоимости готовой продукции, особенно в материалоемких отраслях. Таким образом, запасы составляют часть готовой продукции, хранящейся на складе и еще не проданной [5; 6].

В соответствии с указанным фактом дадим определение затрат: это все ресурсы, потребленные в процессе производства.

Следовательно, до наступления третьей стадии кругооборота капитала затраты отражаются в бухгалтерском балансе в виде сальдо (остаток) на счетах: 20 «Основное производство», 43 «Готовая продукция», 45 «Товары отгруженные». Последний названный счет касается готовой продукции, которая отгружена, но право собственности на нее еще не перешло к покупателям. Например, готовая продукция отгружена комиссионеру, который в любой момент может ее вернуть. Или готовая продукция отгружена по экспортному контракту с особым переходом права собственности в соответствии с правилами Инкотермс (Incoterms), распространяющимися на права и обязанности сторон по договору купли-продажи в части поставки товаров. Самый поздний переход права собственности предусмотрен условием «франко – завод покупателя».

К сожалению, в экономической литературе понятие «затраты» зачастую заменяется понятием «расходы», встречается также замена «затрат» на «издержки производства».

По нашему мнению, термин «издержки» целесообразно применять только в одной отрасли - торговле, поскольку она не предусматривает расхода ресурсов, а несет издержки, связанные с обеспечением продаж товаров. В балансе торговых компаний отсутствуют затраты в составе незавершенного производства в цехе и непроданной готовой продукции на складе.

Вернемся к понятию «расходы», раскроем его сущность, выявим уместность употребления и обоснуем связь с понятием «затраты».

Под «расходами», следует понимать признанные затраты, при этом моментом признания является продажа готовой продукции.

Следовательно, «затраты» превращаются в «расходы» на третьей стадии кругооборота капитала – в момент продажи готовой продукции – и отражаются уже в другом – динамическом отчете о финансовых результатах в составе показателя «себестоимость проданной готовой продукции, выполненных работ, оказанных услуг».

К сожалению, в настоящее время в составе российских учетных стандартов нет такого, который бы регламентировал учет и отражение в финансовой отчетности всей совокупности затрат, представляющих собой фактическую производственную себестоимость готовой продукции. Вместе с тем есть стандарт, регламентирующий

учет расходов [1]. Этот факт также вносит путаницу, поскольку авторы при исследовании всех анализируемых нами в рамках данной статьи категорий неправомерно ссылаются на единственный стандарт по учету расходов.

На практике при учете затрат предприятия используют специальные внутриотраслевые документы, если они утверждены в рамках конкретного министерства или ведомства.

Таким образом, полагаем, что будет целесообразно разукрупнить балансовую статью «запасы» и показывать ее с расшифровкой по видам запасов в соответствии со стадиями кругооборота капитала.

Проводя исследования стадий заготовления, производства и продаж, следует учитывать, что «затраты» – это показатель на балансовую дату (статический), который отражается в статическом отчете-балансе, а «расходы» – показатель за период (динамический), который отражается в динамическом отчете о финансовых результатах. Следовательно, оба анализируемых показателя одновременно присутствуют в финансовой отчетности, но в разных отчетах, поскольку связаны с разными стадиями кругооборота капитала.

Затраты, как правило, не равны расходам, поэтому, на наш взгляд, отождествление этих двух показателей в экономической литературе создает методологическую путаницу, устранение которой является одной из задач, поставленных и решенных нами в рамках данной статьи.

Библиографический список

1. Положение по бухгалтерскому учету «Расходы организации» (ПБУ 10/99) // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minfin.ru/ru/performance/accounting/accounting/legislation/positions/#> (дата обращения: 25.12.2019).
2. Положение по бухгалтерскому учету «Учет материально-производственных запасов» (ПБУ 5/01) // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minfin.ru/ru/performance/accounting/accounting/legislation/positions/#> (дата обращения: 25.12.2019).
3. Агеева, О. А. Теоретико-методологические аспекты бухгалтерского учета и отчетности: монография. – М.: ГУУ, 2008. – 200 с.
4. Агеева, О. А., Ребизова, А. Л. Международные стандарты финансовой отчетности: учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 447 с.
5. Бабченко, Т. Н. Новое в учете материально-производственных запасов // Российский налоговый курьер. – № 12. – 2012. – С. 20-26.
6. Булавина, Л. Н. Бухгалтерский учет и аудит материально-производственных запасов. – М.: Финансы и статистика, 2013. – 400 с.
7. Волков, Н. Г. Учет материально-производственных запасов и неотфактурованных поставок // Бухгалтерский учет. – 2011. – № 21. – С. 64.

References

1. Polozhenie po bukhgalterskomu uchetu "Raskhody organizatsii" (PBU 10/99) [Regulations on accounting "Expenses of the organization" (PBU 10/99)]. Ofitsial'nyi sait Ministerstva finansov Rossiiskoi Federatsii [Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. Available at: <https://www.minfin.ru/ru/performance/accounting/accounting/legislation/positions/#> (accessed 25.12.2019).
2. Polozhenie po bukhgalterskomu uchetu "Uchet materialno-proizvodstvennykh zapasov" (PBU 5/01) [Regulations on accounting "Accounting of material and production stocks" (PBU 5/01)]. Ofitsial'nyi sait Ministerstva finansov Rossiiskoi Federatsii [Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. Available at: <https://www.minfin.ru/ru/performance/accounting/accounting/legislation/positions/#> (accessed 25.12.2019).
3. Ageeva O. A. Teoretiko-metodologicheskie aspekty bukhgalterskogo ucheta i otchetnosti: monografiya [Theoretical and methodological aspects of accounting and reporting: a monography]. Moscow, GUU, 2008. 200 p.
4. Ageeva O. A., Rebizova A. L. Mezhdunarodnye standarty finansovoi otchetnosti: uchebnik dlya vuzov [International financial reporting standards: a textbook for higher school]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Urait, 2013. 447 p.
5. Babchenko T. N. Novoe v uchete materialno-proizvodstvennykh zapasov [New in accounting for stock]. Rossiiskii nalogovyi kur'er, 2012, no. 12, pp. 20-26.
6. Bulavina L. N. Buhgalterskii uchët i audit materialno-proizvodstvennykh zapasov [Accounting and auditing of stocks]. Moscow, Finansy i statistika, 2013. 400 p.
7. Volkov N. G. Uchet materialno-proizvodstvennykh zapasov i neotfakturovannykh postavok [Stocks accounting and uninvoiced purchases]. Buhgalterskii uchët [Accounting], 2011, no. 21, p. 64.

Бердышев Александр Валентинович
канд. экон. наук, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-0634-9321

e-mail: AVBerdyshev@fa.ru

Бобырь Наталия Сергеевна

студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7878-7905

e-mail: nataly4961002@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕНТНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО БАНКА

Аннотация. В статье определены особенности экономического развития Чешской Республики после мирового финансового кризиса, роль Чешского национального банка в формировании макроэкономической политики, а также особенности денежно-кредитного регулирования в исследуемый период. Основная цель работы – оценка степени воздействия процентных ставок, используемых Чешским национальным банком в процессе денежно-кредитного регулирования, на динамику основных макроэкономических показателей, что рассматривается в качестве одного из необходимых условий результативности режима таргетирования инфляции. По результатам корреляционного анализа и точного теста Фишера определено наличие у Чешского национального банка возможности воздействия на основные макроэкономические показатели на основе используемых процентных инструментов денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: Чешский национальный банк, денежно-кредитная политика, таргетирование инфляции, валютный курс, процентная политика, учетная ставка, ломбардная ставка, РЕПО 2w.

Цитирование: Бердышев А.В., Бобырь Н.С. Особенности процентных инструментов денежно-кредитной политики Чешского национального банка // Вестник университета. 2020. № 3. С. 127–133.

FEATURES OF INTEREST-BEARING MONETARY POLICY INSTRUMENTS OF THE CZECH NATIONAL BANK

Abstract. The features of the economic development of the Czech Republic after the global financial crisis, the role of the Czech National Bank in the formation of macroeconomic policies, as well as the peculiarities of monetary regulation in the study period have been defined in the article. The main goal of the paper is to assess the impact of interest rates used by the Czech National Bank in the process of monetary regulation on the dynamics of the main macroeconomic indicators, which is considered as one of the necessary conditions for the effectiveness of the inflation targeting regime. By the results of the correlation analysis and Fisher's exact test, it has been determined that the Czech National Bank could affect the main macroeconomic indicators based on the percentage of monetary policy instruments used.

Keywords: Czech National Bank, monetary policy, inflation targeting, exchange rate, interest policy, discount rate, lombard rate, REPO 2w.

For citation: Berdyshev A.V., Bobyr N.S. (2020) Features of interest-bearing monetary policy instruments of the Czech National Bank. *Vestnik universiteta*. 1. 3, pp. 127–133. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-127-133

Berdyshev Aleksandr
Candidate of Economic Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0634-9321

e-mail: AVBerdyshev@fa.ru

Bobyr Natalya

Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7878-7905

e-mail: nataly4961002@yandex.ru

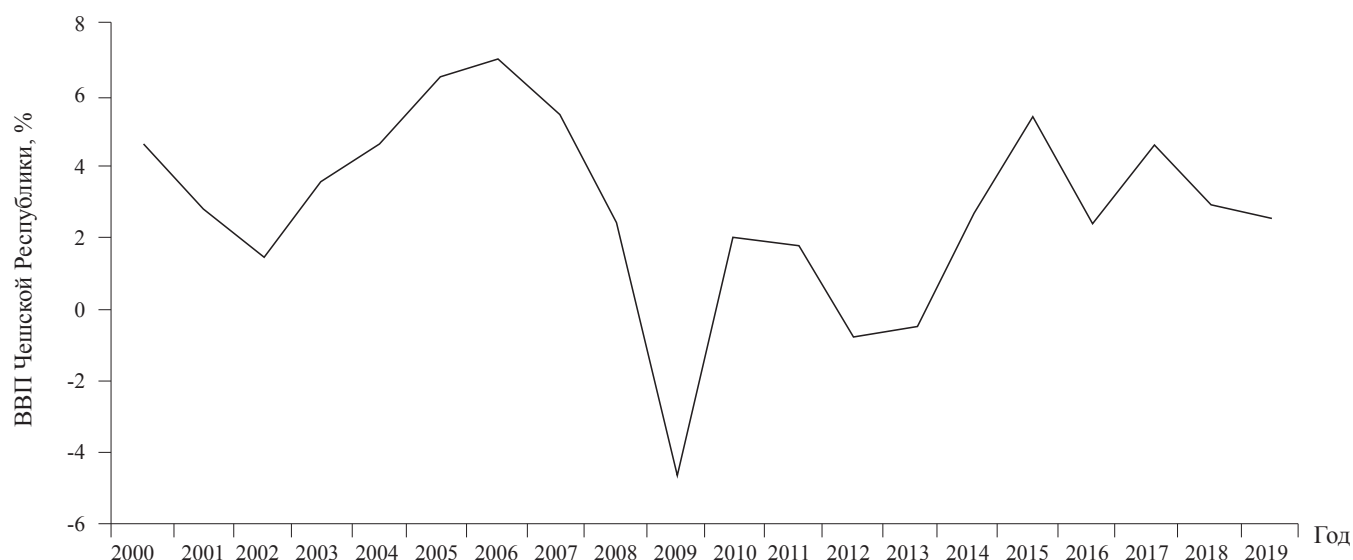
После мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. в Чешской Республике были сформированы эффективные государственные институты, способствующие высокой активности ведения бизнеса и повышению инвестиционной привлекательности страны.

На основе реализации взвешенной денежно-кредитной, структурной и долговой политики с 2013 г. рост реального валового внутреннего продукта (далее – ВВП) ускорился (см. рис. 1).

© Бердышев А.В., Бобырь Н.С., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

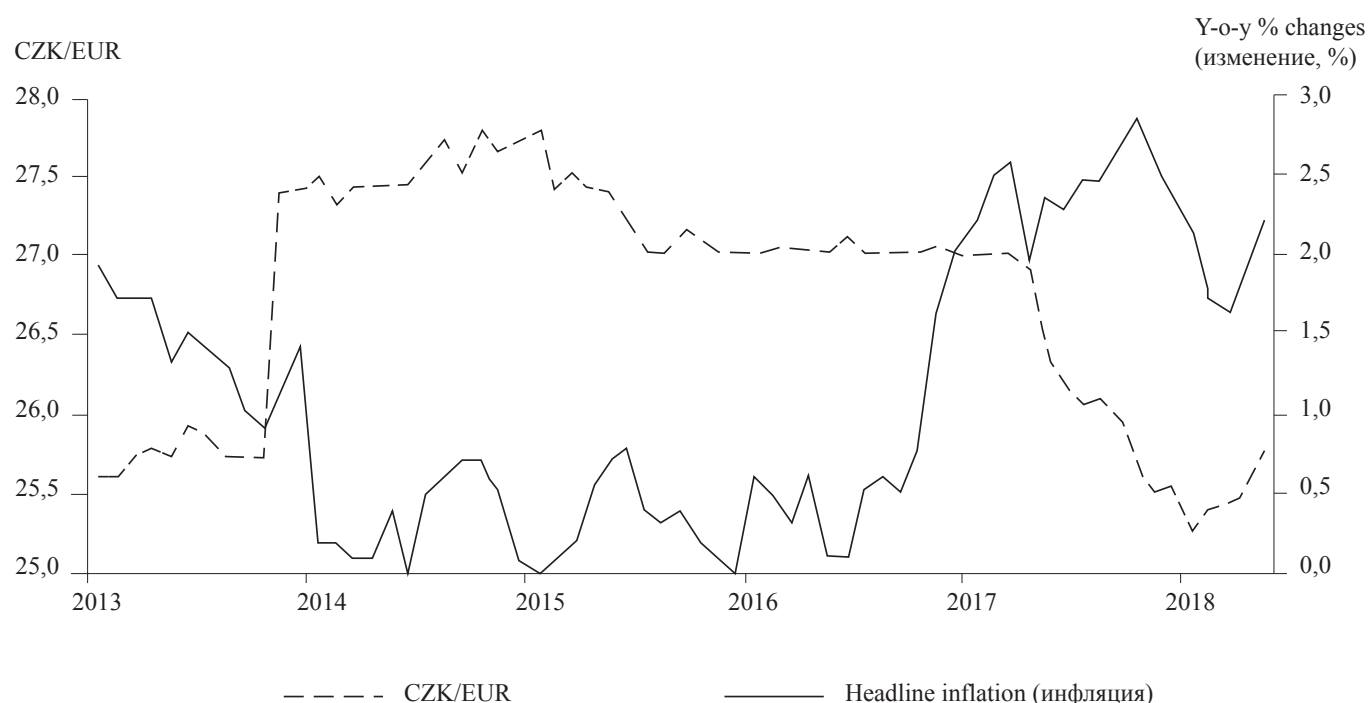
Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Динамика реального ВВП Чешской Республики (годовые изменения в процентах)

Основным драйвером роста чешской экономики в 2015 г. являлись государственные инвестиции. Однако в 2016 г. рост замедлился до 2,5 % в условиях сокращения государственных инвестиционных программ. При этом усилилось влияние на динамику ВВП частных инвестиций, обеспеченных ростом прибыли реального сектора и расширением банковского кредита, а также ростом потребления домашних хозяйств на основе увеличения уровня занятости и реальных доходов населения.

Следует отметить значительную роль Чешского национального банка (далее – ЧНБ) в формировании макроэкономической политики страны. В соответствии с Законом Чешской Республики № 6/1993 «О Чешском национальном банке», ЧНБ должен поддерживать стабильность цен, а также способствовать проведению общей экономической политики правительства, направленной на устойчивый экономический рост [4]. Характеризуя особенности денежно-кредитной политики ЧНБ, немаловажно отметить его приверженность принципам таргетирования инфляции и плавающему валютному курсу [1; 2; 3]. С января 2010 г. ЧНБ установил точечный таргет по инфляции в размере $2\% \pm 1$ процентный пункт [4]. Основными инструментами процентной политики ЧНБ являются: двухнедельная ставка REPO, учетная ставка и ломбардная ставка.

Интересным представляется опыт ЧНБ по преодолению последствий мирового финансового кризиса. Осенью 2008 г. ЧНБ были введены экстраординарные операции REPO по предоставлению ликвидности банкам сроком две недели и три месяца (с января 2011 г. трехмесячные операции были отменены). ЧНБ выкупал у банков собственные облигации до истечения срока их погашения, помимо этого был увеличен срок проведения операций REPO до шести месяцев, а также расширен перечень активов, принимаемых в качестве обеспечения по кредитам в порядке рефинансирования [5]. При этом в условиях усилившегося дефляционного риска в ноябре 2013 г. ЧНБ использовал валютный курс в качестве дополнительного инструмента воздействия в рамках стратегии инфляционного таргетирования. В частности, ЧНБ осуществлял вмешательство в валютный рынок, поддерживая национальную валюту на уровне 27 чешских крон за евро и накапливая при этом иностранную валюту (международные резервы ЧНБ в апреле 2017 г. составили 70 % ВВП). В апреле 2017 г. ЧНБ объявил о завершении политики минимального обменного курса. В последующие месяцы крона постепенно и постоянно укреплялась, достигнув 25,5 чешских крон к евро к концу 2017 г. Поскольку в течение 2017 г. инфляция увеличивалась, ЧНБ в августе 2017 г. повысил процентные ставки, после чего в марте 2018 г. базовая ставка стабилизировалась на уровне 0,75 % (см. рис. 2). Повышение процентной ставки определялось необходимостью предотвращения роста инфляции [8].

Источник: [6]

Рис. 2. Динамика инфляции и обменного курса чешской кроны в 2013-2018 гг.

Если в экономике наблюдаются инфляционные признаки перегрева, ЧНБ должен быть готов к повышению цен. В этих условиях более быстрыми темпами будут расти процентные ставки в Чехии, разрыв по отношению к процентным ставкам еврозоны способствует повышению курса чешских кроны. Однако повышение обменного курса будет способствовать снижению экономической активности и сдерживанию инфляционного давления [7].

Согласно Конституции Чешской Республики, основной целью ЧНБ является ценовая стабильность. Основными инструментами процентной политики в условиях реализации ЧНБ денежно-кредитной политики в режиме таргетирования инфляции являются учетная ставка, ломбардная ставка (процентная ставка по кредитам коммерческих банков под залог ценных бумаг) и REPO 2w (процентная ставка ЧНБ по сделкам по продаже ценных бумаг с последующим выкупом) [5].

Одним из условий эффективности режима таргетирования инфляции является наличие у центрального банка реальных возможностей по воздействию на макроэкономические показатели на основе доступных ему инструментов. Следуя основной цели данной работы, проведем оценку степени воздействия процентных ставок, используемых ЧНБ в процессе денежно-кредитного регулирования, на динамику основных макроэкономических показателей на основе корреляционного анализа и точного теста Фишера.

По результатам корреляционной матрицы были получены более пятидесяти коррелирующих пар (табл. 1).

Таблица 1

Корреляционная матрица

Корреляции (условия: $> 0,7$; $< -0,7$)	Учетная ставка, %	Ломбардная ставка, %	REPO 2w, %
Инфляция (CPI - OECD), %	0,618	0,608	0,627
ВВП в текущих ценах (по расходам), млн чешских крон	-0,754	-0,812	-0,798
Экспорт товаров, млн чешских крон	-0,720	-0,828	-0,807
Импорт товаров, млн чешских крон	-0,704	-0,815	-0,794
Сальдо торгового баланса, млн чешских крон	-0,689	-0,766	-0,751

КОРРЕЛЯЦИИ (условия: $> 0,7$; $< -0,7$)		Учетная ставка, %	Ломбардная ставка, %	REPO 2w, %
ВНД, млн чешских крон		-0,771	-0,825	-0,819
Валовое накопление капитала, млн чешских крон		-0,612	-0,649	-0,633
Номинальная заработная плата, чешских крон		-0,794	-0,850	-0,843
Денежная база, млн чешских крон		-0,742	-0,829	-0,816
Чистые иностранные активы, млн чешских крон		-0,515	-0,596	-0,573
Денежные агрегаты, млн чешских крон	M1	-0,711	-0,828	-0,794
	M2	-0,699	-0,804	-0,776
	M3	-0,692	-0,792	-0,766
Коммерческие банки	Совокупные активы	-0,630	-0,747	-0,731
	Кредиты нефинансовым организациям, чешских крон (+ в иностранной валюте с пересчетом)	-0,398	-0,536	-0,536
	Кредиты финансовым организациям, чешских крон (+ в иностранной валюте с пересчетом)	-0,532	-0,599	-0,584
	Кредиты правительству, чешских крон (+ в иностранной валюте с пересчетом)	0,180	0,257	0,288
	Кредиты домохозяйствам, чешских крон (+ в иностранной валюте с пересчетом)	-0,763	-0,846	-0,843

Составлено авторами по материалам исследования

По результатам точного теста Фишера, основой проведения которого явились результаты корреляционной зависимости, были определены шестнадцать тесно взаимосвязанных пар, из которых были выбраны пары со значениями менее $(-0,7)$ и превышающими $0,7$.

В результате была определена зависимость между инструментами процентной политики (учетная ставка, ломбардная ставка и REPO 2w) и основными макроэкономическими показателями (экспорт и импорт товаров, сальдо торгового баланса, ВВП и пр.) (табл. 2).

Таблица 2

Точный тест Фишера

Показатель		Учетная ставка, %	Ломбардная ставка, %	REPO 2w, %
Курс CZK/EUR		0,292	0,106	0,509
Курс CZK/USD		0,525	-	-
ВВП в текущих ценах (по расходам), млн чешских крон		1,000	1,000	1,000
Экспорт товаров, млн чешских крон		0,467	0,382	0,436
Импорт товаров, млн чешских крон		0,700	0,636	0,727
Сальдо торгового баланса, млн чешских крон		-	0,382	0,727
ВНД, млн чешских крон		1,000	1,000	1,000
Номинальная заработная плата, чешских крон		0,300	0,364	0,273
Денежная база, млн чешских крон		0,700	0,636	0,727
Денежные агрегаты, млн чешских крон	M1	1,000	1,000	1,000
	M2	-	0,636	0,727
	M3	-	0,636	0,727

Окончание табл. 2

Показатель		Учетная ставка, %	Ломбардная ставка, %	REPO 2w, %
Коммерческие банки	Совокупные активы	-	0,212	0,339
	Кредиты домохозяйствам, чешских крон (+ в иностранной валюте с пересчетом)	1,000	0,636	1,000

Составлено авторами по материалам исследования

Полученные в результате вычислений по тесту Фишера и корреляционной зависимости данные представлены в таблице 3.

Таблица 3

Данные теста Фишера и корреляционной зависимости

Показатель	Результат по тесту Фишера			Корреляционная зависимость		
	Учетная ставка	Ломбардная ставка	REPO 2w	Учетная ставка	Ломбардная ставка	REPO 2w
Курс CZK/EUR	0,292	0,106	0,509	0,750	0,716	0,725
Курс CZK/USD	0,525	-	-	0,750	-	-
Экспорт товаров	0,467	0,382	0,436	-0,720	-0,828	-0,807
Импорт товаров	0,700	0,636	0,727	-0,704	-0,815	-0,794
Сальдо торгового баланса	-	0,382	0,727	-	-0,766	-0,751
Номинальная заработная плата	0,300	0,364	0,273	-0,794	-0,850	-0,843
Денежная база	0,700	0,636	0,727	-0,742	-0,829	-0,816
Денежный агрегат М2	-	0,636	0,727	-	-0,804	-0,776
Денежный агрегат М3	-	0,636	0,727	-	-0,792	-0,766
Совокупные активы банковского сектора	-	0,212	0,339	-	-0,747	-0,731

Составлено авторами по материалам исследования

Курс CZK/EUR по результатам теста Фишера зависит в большей степени от REPO 2w, что подтверждает наличие тесноты корреляционной зависимости. При этом данный показатель находится в незначительной зависимости от учетной ставки и ломбардной ставки, что отрицает наличие прямой тесной взаимосвязи корреляционной зависимости.

Курс CZK/USD зависит от учетной ставки (среднее влияние инструмента по тесту Фишера и значительное влияние по корреляционной зависимости).

Объем экспорта товаров находится в средней степени зависимости от рассматриваемых инструментов по расчетам теста Фишера, что опровергает наличие тесной обратной зависимости, выявленной при расчете корреляционной зависимости.

На показатель объема импорта товаров высокую степень влияния оказывает учетная ставка и REPO 2w, и среднее – ломбардная ставка, что подтверждает наличие выявленной корреляционной зависимости.

На показатель сальдо торгового баланса высокое влияние оказывает REPO 2w, что подтверждает наличие тесной корреляционной зависимости, но ломбардная ставка оказывает среднее влияние, что опровергает наличие высокой степени тесноты выявленной корреляционной зависимости.

Показатель номинальная заработная плата находится в слабой степени зависимости от рассматриваемых инструментов по результатам теста Фишера, что опровергает наличие тесной корреляционной зависимости.

На величину денежной базы сильное влияние оказывают учетная ставка и REPO 2w, что подтверждает наличие высокой корреляционной зависимости. Денежная база находится в средней степени зависимости от ломбардной ставки, что свидетельствует о наличии выявленной корреляционной зависимости.

На величину денежного агрегата M2 сильное влияние оказывает REPO 2w, что подтверждает наличие высокой корреляционной зависимости. M2 находится в средней степени зависимости от ломбардной ставки, что подтверждает наличие выявленной корреляционной зависимости.

На денежный агрегат M3 сильное влияние оказывает REPO 2w, что подтверждает наличие высокой корреляционной зависимости. M3 находится в средней степени зависимости от ломбардной ставки, что подтверждает наличие выявленной корреляционной зависимости.

Показатель совокупных активов банковского сектора находится в слабой и средней степени зависимости от учетной ставки и REPO 2w, соответственно, что опровергает наличие выявленной высокой степени корреляционной зависимости.

На основе полученных данных становится возможным сделать вывод о том, какие процентные инструменты денежно-кредитной политики Чешского национального банка оказывают наибольшее/наименьшее влияние на рассматриваемые экономические показатели. Так, учетная ставка оказывает слабое влияние на курс валют CZK/EUR (0,292), умеренное (среднее) влияние на экспорт товаров (0,467) и номинальную заработную плату (0,3), и высокое влияние на импорт (0,7) и денежную базу (0,7). Ломбардная ставка оказывает заметное (среднее) влияние на денежную базу (0,636) и сальдо торгового баланса (0,382). REPO 2w оказывает слабое влияние на номинальную заработную плату (0,273), умеренное (среднее) влияние на совокупные активы банковского сектора (0,339) и высокое влияние на денежную базу (0,727).

Таким образом, не рассматривая иные условия результативности режима таргетирования инфляции, к числу наиболее значимым из которых относят инструментальную независимость центрального банка и наличие у него возможностей по прогнозированию инфляции и других макроэкономических показателей, а также достаточный уровень развития финансовых рынков, можно констатировать наличие у Чешского национального банка возможности воздействия на основные макроэкономические показатели на основе используемых процентных инструментов денежно-кредитной политики.

Библиографический список

1. Головнин, М. Ю. Денежно-кредитная политика стран Центральной и Восточной Европы в условиях глобализации: режимы и инструменты // Финансы: теория и практика. – 2016. – № 1. – С. 78-86.
2. Картиева, Д. С., Бердышев, А. В. Международный и российский опыт таргетирования инфляции // Финансовые рынки и банки. – 2019. – № 2. – С. 7-11.
3. Кондратов, Д. И. Евросоюз: ценовая стабильность как фактор экономического развития // Современная Европа. – 2011. – № 4 (48). – С. 80-94.
4. Хэммонд, Дж. Практика инфляционного таргетирования – 2012 // Банк России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbr.ru/statichtml/file/17131/ccbshb29r.pdf> (дата обращения: 17.01.2020).
5. Денежно-кредитная политика // Чешский национальный банк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnb.cz/cs/menova_politika/ (дата обращения: 17.01.2020).
6. Чехия: основные макроэкономические показатели // Czech Statistical Office [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.czso.cz/csu/czso/hmu_cr (дата обращения: 17.01.2020).
7. OECD Economic Surveys: Czech Republic 2018 // OECD [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/economy/czech-republic-economic-snapshot/> (дата обращения: 17.01.2020).
8. Kučera, L. Investice v transmisním mechanismu cílování inflace – Verifikace zdrojů variability investic v České Republice [Инвестиции в трансмиссионный механизм таргетирования инфляции – Проверка источников изменчивости инвестиций в Чешской Республике] // Politická Ekonomie [Политическая экономия]. – 2018. – No. 2. – Pp. 201-217.

References

1. Golovnin M. Yu. Denezhno-kreditnaya politika stran Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v usloviyakh globalizatsii: rezhimy i instrument: [Monetary policy of the countries of Central and Eastern Europe in the context of globalization: regimes and instruments]. Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice], 2016, no. 1, pp. 78-86.

2. Hemmond Dzh. Praktika inflyatsionnogo targetirovaniya – 2012 [*Practice of inflation targeting – 2012*]. Bank Rossii [*Bank of Russia*]. Available at: <https://cbr.ru/statichtml/file/17131/ccbshb29r.pdf> (accessed 17.01.2020).
3. Kartieva D. S., Berdyshev A. V. Mezhdunarodnyi i rossijskii opyt targetirovaniya inflyatsii [*International and Russian experience of inflation targeting*]. Finansovye rynki i banki, 2019, no. 2, pp. 7-11.
4. Kondratov D. I. Evrosoyuz: tsenovaya stabil'nost' kak faktor ekonomicheskogo razvitiya [*European Union: price stability as a factor in economic development*]. Sovremennaya Evropa [*Contemporary Europe*], 2011, no. 4 (48), pp. 80-94.
5. Denezhno-kreditnaya politika [*Monetary policy*]. Cheshskii natsional'nyi bank [*Czech National Bank*]. Available at: http://www.cnb.cz/cs/menova_politika/ (accessed 17.01.2020).
6. Chexhiya: osnovnye makroekonomicheskie pokazateli: [*Czech Republic: key macroeconomic indicators*]. Czech Statistical Office. Available at: https://www.czso.cz/csu/czso/hmu_cr (accessed 17.01.2020).
7. OECD Economic Surveys: Czech Republic 2018. OECD. Available at: <http://www.oecd.org/economy/czech-republic-economic-snapshot/> (accessed 17.01.2020).
8. Kučera L. Investice v transmisním mechanismu cílování inflace – Verifikace zdrojů variability investic v České Republice [*Investments in the transmission mechanism of inflation targeting-Checking the sources of investment variability in the Czech Republic*]. Politická Ekonomie [*Political Economy*], 2018, no. 2, pp. 201-217.

Комаров Алексей Валерьевич

канд. пед. наук, ФГБОУ

ВО «Московский авиационный

институт (национальный

исследовательский университет)»,

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-4944-9012**e-mail:** wert-63@yandex.ru**Мартюкова Вера Михайловна**

студент, ФГБОУ ВО «Финансовый

университет при Правительстве Рос-

сийской Федерации», г. Москва, Рос-

сийская Федерация

ORCID: 0000-0002-5454-429**e-mail:** vera.martyukova@bk.ru**НЕОБАНКИНГ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННЫХ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Аннотация. Рассмотрен необанкинг как одно из важнейших направлений развития современных финансовых технологий. Цель работы заключается в исследовании основополагающих предпосылок, преимуществ и перспектив развития необанкинга в Российской Федерации. С помощью методов ретроспекции, анализа, сравнения и графического исследования даны характеристики зарубежных и отечественных необанков: «Тинькофф Банк», «Рокетбанк», Touch Bank, «Точка», а также осуществляется их подробный сравнительный анализ с традиционными банковскими институтами. По итогам проведенного исследования в качестве заключения сделан вывод о главенствующей роли необанкинга в условиях современной цифровой трансформации мировой экономики.

Ключевые слова: необанкинг, необанк, цифровая экономика, кредитные организации, инновации, финансовые технологии, традиционные банковские институты, challenger banks.

Цитирование: Комаров А.В., Мартюкова В.М. Необанкинг как направление развития современных финансовых технологий // Вестник университета. 2020. № 3. С. 134–142.

**NEOBANKING AS A DIRECTION OF DEVELOPMENT
OF MODERN FINANCIAL TECHNOLOGIES**

Abstract. Neo-banking as one of the most important directions of development of modern financial technologies has been considered. The aim of the paper is to study the fundamental prerequisites, advantages and prospects of neobanking development in the Russian Federation. By the methods of retrospection, analysis, comparison and graphical research, characteristics of foreign and domestic neobanks, such as: Tinkoff Bank, Rocketbank, Touch Bank, Tochka have been given and also their detailed comparative analysis with traditional banking institutions is carried out. Based on the results of the study, the conclusion about the dominant role of neobanking in terms of the modern digital transformation of the world economy has been made.

Keywords: neobanking, neobank, digital economy, credit institutions, innovations, financial technologies, traditional banking institutions, challenger banks.

For citation: Komarov A.V., Martyukova V.M. (2020) Neobanking as a direction of development of modern financial technologies. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 134–142. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-134-142

Основополагающая роль в современной экономике, характеризующейся интенсификацией научно-технического прогресса и цифровизацией рыночных продуктов, принадлежит финансовым технологиям. По мнению председателя Центрального Банка Российской Федерации Э. С. Набиуллиной, финтех символизирует собой новую экономическую эпоху, ориентированную на глобальную инновационную трансформацию финансового сектора, и составляет колоссальную конкуренцию традиционным финансовым институтам [5]. Индустрия финтеха занимает лидирующую позицию в демократизации банковских услуг, генерируя инновационные идеи на цифровых площадках. Степень интегрирования финансовых технологий в деятельность коммерческих банков определяет их конкурентоспособность и финансовую устойчивость.

Очевидно, что компании, не участвующие в сегодняшней гонке за технологическое и цифровое лидерство, в конечном итоге окажутся на обочине экономического прогресса. Об этом свидетельствуют прогнозы международной консалтинговой компании McKinsey&Company, согласно которым к 2036 г. порядка 50 % экономических процессов подвергнутся автоматизации и цифровизации. Важнейшим следствием автоматизации в банковской сфере станет существенное сокращение рабочих мест. Согласно докладу «Цифровой прорыв» финансовой корпорации Citigroup, в период до 2030 г. сокращение составит 30 %, что демонстрирует рациональное стремление банковской системы к сокращению финансовых издержек [17].

© Комаров А.В., Мартюкова В.М., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Вышеизложенное актуализирует необходимость исследования необанкинга, наиболее перспективной в долгосрочном периоде инновационной модели развития банковской системы. Необанк (от греч. *neos* – молодой, новый) – это модернизированный банк, функционирующий исключительно на новейших цифровых платформах, качественно отличающихся от устаревших традиционных, и предлагающий, как правило, минимальные комиссии, но в то же время более высокие процентные ставки и уровень обслуживания [1]. В роли филиала выступает сайт или приложение, а все операции осуществляются в виртуальном пространстве.

Необанки взаимодействуют со своими клиентами в онлайн-режиме посредством современных гаджетов (смартфоны, планшеты, персональные компьютеры). В Великобритании они позиционируются как *challenger banks* (рус. банк-претендент или возражающий против чего-либо, оспаривающий что-либо), что вызвано первоначальной миссией данных банков, выражавшейся в завоевании той части сегмента финансового рынка, уровень обслуживания которой не соответствовал требованиям потребителей банковских услуг.

Главенствующая идея необанкинга в настоящий период заключается в максимальном удовлетворении потребностей клиентов, минимизацией временных, эмоциональных, финансовых издержек и устранении проблем, возникающих в рамках сотрудничества с традиционными кредитными организациями. Его эффективное функционирование основывается на полноценной нормативно-законодательной базе, развитой экономике и финансовой грамотности населения.

В своих исследованиях, посвященных преимуществам и специфике необанкинга, отечественный экономист И. А. Двоеглазова фокусирует внимание на том, что необанки являются «банками будущего» и спустя 10-15 лет практически полностью вытеснят традиционные банки с отделениями и большим штатом сотрудников [3]. Ключевым препятствием к полномасштабному переходу банковской системы на цифровые рельсы является, главным образом, возрастной фактор. Если поколения Y и Z легко адаптируются к технологическим новшествам, то более взрослое население предпочитает традиционное посещение банковского отделения.

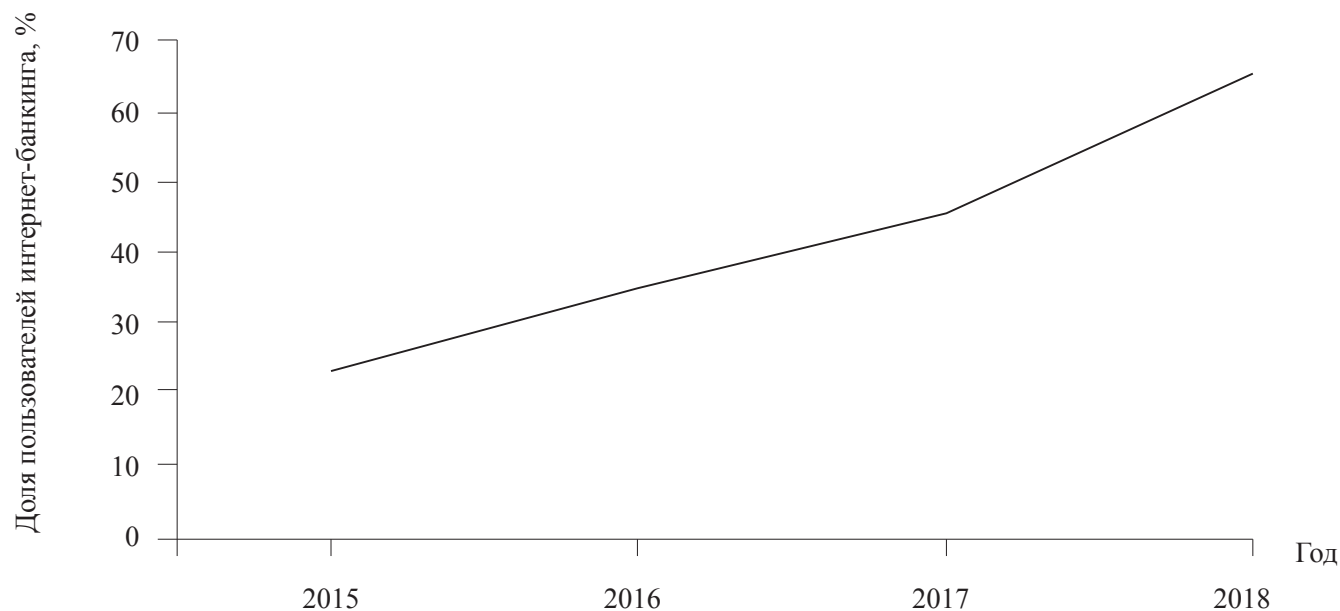
Как отмечают авторы журнала *Forbes* А. Ликуев и П. Бермишева, основной предпосылкой развития необанкинга на мировой и отечественной аренах стал экономический кризис в 2008 г., инициировавший череду слияний и поглощений в банковской сфере [14]. Следствием этого стало существенное усложнение ИТ-инфраструктуры у подавляющего большинства традиционных кредитных организаций, что вызвало необходимость агрегирования и консолидации различных баз данных, а также модернизации стандартов ведения банковской деятельности, направленные на предупреждение сценария 2008 г.

Помимо того, крупные банки упустили прогрессирующую тенденцию «мобилизации» клиентской базы, обусловленную популяризацией смартфонов и активным распространением мобильных услуг. По данным *BI Intelligence*, количество пользователей интернет-банкинга в США на сегодняшний день составляет 200,6 млн человек, что в процентном соотношении эквивалентно 61,3 % от всего населения страны. Положительная динамика будет сохраняться и в последующие годы – по прогнозам американских экономистов, к 2022 г. данный показатель достигнет 65,3 %.

Как видно из рисунка 1, в 2018 г. доля пользователей дистанционных каналов доступа к финансовым услугам в Российской Федерации составила 66,1 % от всего населения страны, что превысило показатели 2017 г. на 19,9 %. Также, согласно отчетам Центрального банка Российской Федерации, развитие интернет- и мобильного банкинга наблюдается не только в количественном, но и качественном отношении: уровень удовлетворенности указанными каналами доступа возрос на 12 %. Помимо того, зафиксирован ощутимый рост доли субъектов малого и среднего бизнеса (с 73,6 до 79,6 %), осуществляющих банковские операции в онлайн-режиме [15].

На фоне борьбы традиционной банковской системы с финансовым кризисом формировался совершенно новый феномен – необанкинг, занявший целый сегмент и обеспечивший себе устойчивые позиции на инновационном рынке. Согласно данным исследовательского центра *Burnmark*, по состоянию на 1 июля 2018 г. на мировом рынке функционировало порядка 80 необанков. В настоящий период Россия занимает стабильное второе место по их количеству (см. рис. 2).

Далее о популярности необанков свидетельствует нарастающая тенденция отказа от филиальных сетей. К примеру, в США такие крупнейшие традиционные кредитные организации, как *Bank of America*, *JP Morgan Chase* и *Wells Fargo*, реорганизовали 15 % отделений, ежегодно ликвидируя 1-2 % банковских офисов.

Источник: [13]

Рис. 1. Количество пользователей интернет-банкингом в России

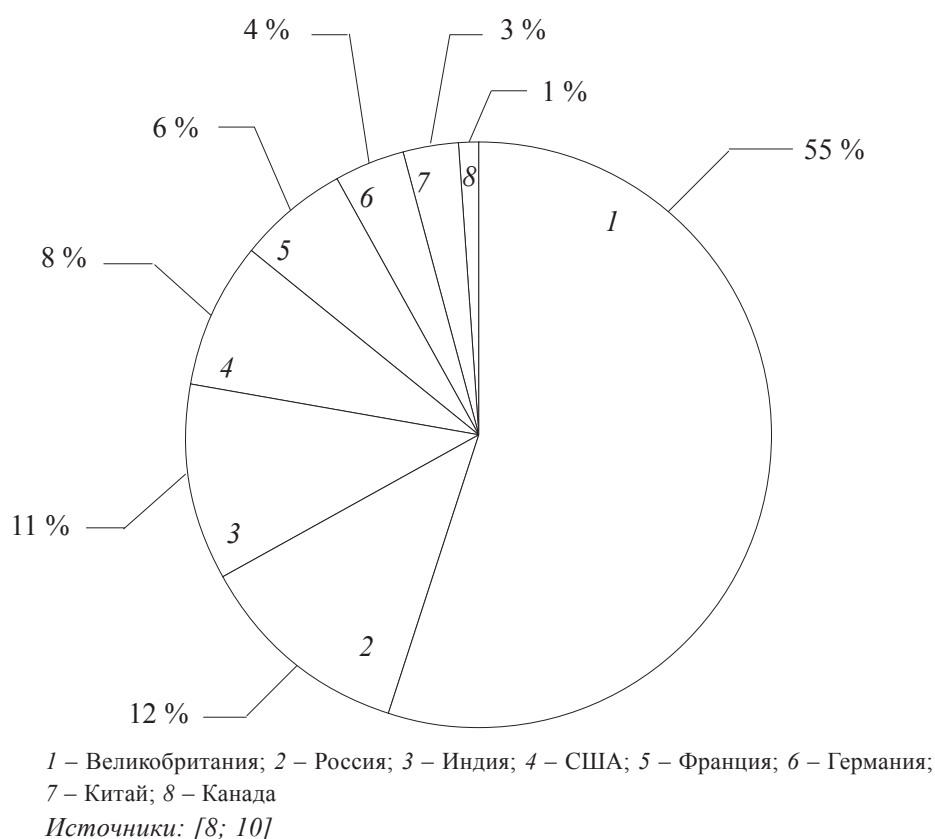
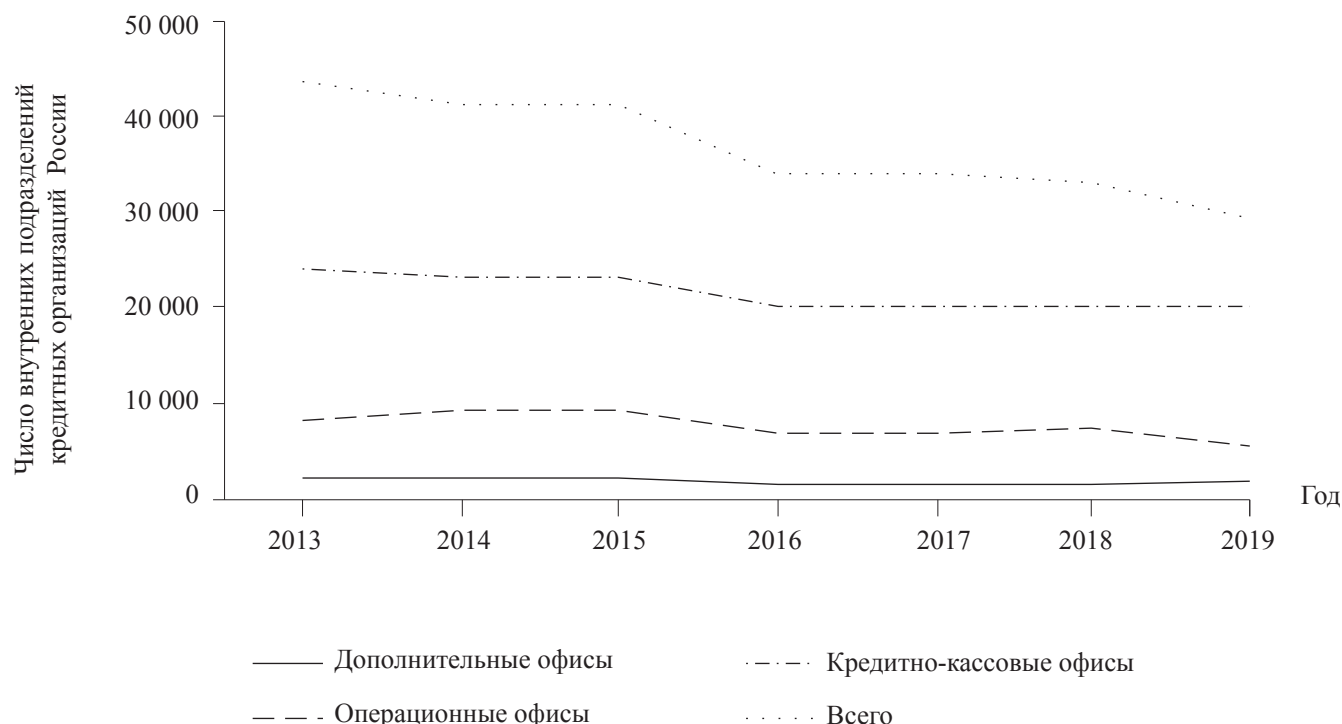

Рис. 2. Доля небанков по странам на 2018 г.

В целях формирования модернизированной модели обслуживания и существенного сокращения финансовых издержек итальянская Unicredit Group закрыла в 2018 г. 800 отделений, а ранее, в период с января 2014 г. по сентябрь 2015 г., реорганизовала 928 отделений.

Глава крупнейшего французского банка Societe Generale выступил с официальным заявлением о сокращении 20 % банковских отделений, акцентируя внимание на активной цифровизации технологий, трансформировавшей методы и каналы обслуживания клиентов. Начиная с 2005 г. на территории Великобритании было закрыто 2 тыс. банковских отделений, причем 149 из них принадлежали The Royal Bank of Scotland.

Обращаясь к отечественному опыту, следует обозначить, что тенденция сокращения филиалов зафиксирована и в нашей стране (рис. 3) [7].

Источник: [13]

Рис. 3. Количество внутренних структурных подразделений функционирующих кредитных организаций (филиалов) России за период 2013-2019 гг.

Согласно отчетам Центрального банка Российской Федерации, отраженным на рисунке 3, в 2013 г. количество внутренних структурных подразделений действующих кредитных организаций (филиалов) насчитывалось 43 555 единиц, а в 2019 г. – 29 500, то есть сокращение филиальных сетей за обозначенный период составило 33,3 %.

Как отмечается в исследовании А. А. Блажевича и А. А. Рябченко, данная тенденция вызвана, главным образом, кризисом отечественной банковской системы, связанной с девальвацией национальной валюты, нестабильным экономическим положением страны, антироссийскими санкциями 2014 г., снижением платежеспособности населения, а также снижением стоимости нефти [1].

Одновременно с этим следует признать, что важнейшим фактором сокращения филиальных сетей служит развитие интернет-банкинга, в частности возрастающая востребованность необанков.

Доцент финансов британской школы бизнеса Warwick Business School Кебина Ма, назвала данную тенденцию необратимой, отметив в качестве прогнозируемых положительных результатов популяризации необанкинга возможность осуществления более прозрачного и комфортного сравнительного анализа банковских услуг, что, в свою очередь, будет стимулировать конкуренцию в банковской среде.

Также в качестве основополагающих преимуществ необанка можно обозначить следующее.

1. Минимизация временных издержек, достигаемая посредством отсутствия очередей и возможности осуществления банковских операций (открытие счетов и проведение операций по ним, предоставление кредитов,

управление капиталом, привлечение вкладов и депозитов и т. д.) в комфортное для клиента время и место в виртуальном режиме с любого цифрового носителя. Также благодаря использованию инновационных технологий обеспечивается экономия времени при получении техподдержки, которая, необходимо отметить, является круглосуточной.

2. Лаконичный и интуитивно понятный интерфейс мобильных приложений, базирующийся на игровых механизмах. Ярким примером служит креативное решение интерфейса «пионеров» неоланкинга, в числе которых американские компании Simple и Moven, разработавшие первоклассную поддержку пользователей – клиент может задать свой вопрос в любой формулировке в мессенджере или по видеосвязи и получить компетентный ответ службы поддержки. На сегодняшний день данная опция составляет «джентельменский набор» любого неоланка.

3. Низкий уровень взимаемых с клиентов комиссионных. Традиционные банки вынуждены взимать их с клиентов в размере, как минимум, эквивалентном осуществляемым операционным расходам. Проиллюстрировать уровень операционных расходов можно, обратившись к примеру среднестатистического розничного банка Великобритании, тратящей 50 % от всех расходов на поддержание своей филиальной сети и информационные технологии.

4. Систематическое расширение списка разрабатываемых и успешно внедряемых инновационных банковских продуктов. К примеру, последними новинками на рынке неоланкинга являются опция оплаты счетов «в один клик» от компании Monzo, а также возможность установления недельных лимитов расходов по картам.

Прототипом неоланка является цифровой банк First Direct, запустивший телефонный банкинг в Великобритании в 1989 г. Отсутствие филиальной сети и дистанционное обслуживание клиентов стали революционным событием на финансовом рынке. В мае 1991 г. клиентская база новаторского банка расширилась до 100 тыс. клиентов, заняв абсолютно пустующую и перспективную нишу.

Далее с развитием Интернета возрастал и спрос на цифровые услуги, в силу чего в Великобритании был запущен интернет-банк Egg, клиенты которого могли управлять своими счетами и осуществлять различные банковские операции с помощью колл-центра или через сеть «Интернет». Сервис оказался крайне востребованным и привлек в скором времени более 2 млн клиентов.

В 2014 г. цифровой банкинг эволюционировал в первый полноценный неоланк «Atom», открывшийся также на территории Великобритании. Здесь для открытия счета и получения стандартных услуг требуются лишь данные паспорта или водительских прав. У банка отсутствуют физические филиалы, взаимодействие с клиентами осуществляется исключительно через мобильное приложение. Для входа в приложение используются биометрические технологии, позволяющие идентифицировать владельца по голосу и лицу.

Легендарным неоланком является Fidor Bank, функционирующий в разрезе брокерских игр и социальных сетей. Для пользования услугами данного банка необходимо зарегистрировать аккаунт, который позволит получить доступ к 25 банковским операциям: классические платежи, переводы на мобильный телефон, электронную почту, Twitter-аккаунт, сберегательные сертификаты, микрозаймы в одно нажатие кнопки, обмен валюты, покупку драгоценных металлов и т. д. Оригинальным маркетинговым ходом банка стало установление процентной ставки на свои кредиты в зависимости от числа Like на странице клиента. Каждые 2 тыс. новых «лайков» уменьшали процентную ставку кредита на 0,1 %.

Первым неоланком в России является «Тинькофф Банк», основанный О. Тиньковым в 2006 г. под названием «Тинькофф Кредитные Системы». В начале своей финансовой деятельности банк осуществлял адресную рассылку с предложениями оформить кредитные карты по почте, а позднее сфокусировался на обслуживании клиентов в интернете и через мобильные приложения. В настоящий период центральными продуктами «Тинькофф Банк» являются кредитные карты Tinkoff Platinum и дебетовые Tinkoff Black. Согласно отчету за 2018 г., банк реализовал более 2,7 млн кредитных карт, что обеспечило рост кредитного портфеля более чем на 50 %. Помимо того, в арсенале банковских услуг «Тинькофф Банк» имеются депозиты и ипотечные продукты. По состоянию на 2019 г. клиентская база банка составляет 5 млн человек.

В 2016 г. банк запустил маркетплейс – финансовый супермаркет, в котором можно приобрести как банковские продукты самого «Тинькофф Банк», так и партнерских компаний. В холдинг TCS Group Holding PLC входит собственная цифровая компания «Тинькофф Страхование», специализирующаяся на продаже банковских продуктов и решении страховых вопросов в виртуальном формате, не требующем посещения клиентами офисов. [12]

В этом заключается еще одна специфика и преимущество небанков. В то время, как традиционные кредитные организации работают в сотрудничестве со страховыми компаниями, предоставляя друг другу профильные услуги, в необанкинге банк и страховая состоят в одной группе, интегрируя в одном пространстве различные направления финансовой деятельности, в том числе, банковской и страховой.

В качестве основной причины названного процесса считают то, что традиционные банковские продукты уже не позволяют банкам конкурировать на прежнем уровне в условиях нарастающей глобализации.

Так, в 2016 г. «Тинькофф Банк» был признан самым крупным небанком в мире по результатам исследования международной консалтинговой компании Frost&Sullivan, а мобильное приложение банка четыре года подряд провозглашается победителем рейтинга Deloitte – крупной консалтинговой и аудиторской компании.

В 2018 г. TCS Group O. Тинькова достигла рекордных показателей в истории компании – чистая прибыль составила 27,1 млрд руб., что превышает показатели 2017 г. на 43 % [9]. На сегодняшний день, по данным Центрального банка Российской Федерации, «Тинькофф Банк» занимает 20 место по размеру чистых активов среди отечественных банков [16].

Согласно отчетам консалтингового агентства Marksw Webb, по количеству пользователей мобильной платформы «Тинькофф Банк» уступает только Сбербанку, ВТБ 24 и «Альфа-банку» [10].

Помимо «Тинькофф», в России успешно функционируют такие небанки, как «Рокетбанк», Touch Bank, Банк «Точка», iBANK (таблица 1).

Таблица 1

Специфика деятельности российских небанков

Банк	Способ открытия счета	Предлагаемые услуги	Обслуживание счета	Преимущества
«Рокетбанк»	Скачать приложение, заполнить личные данные, получить через неделю пластиковую карту	Расчетно-кассовые, кредитные, депозитные	290 руб/мес	– группировка расходов по категориям; – опция «совместный бюджет»; – уникальная система денежных переводов; – коммуникация со службой поддержки круглосуточно
Touch Bank	Оставить заявку на сайте, доставка карты бесплатно в течение суток	Расчетно-кассовые, кредитные, депозитные	бесплатно	– cashback 1 % от стоимости любых покупок и до 3 % по любимым категориям; – бесплатное снятие наличных по всему миру; – возможность открытия накопительного счета с начислением на остаток в рублях 9 % годовых; – межбанковские переводы осуществляются бесплатно
«Точка»	Заявка на сайте, ответ в течение 40 мин	Расчетно-кассовые, кредитные (преимущественно для МиСБ)	комиссия за транзакции 2,7 %	– управляет счетами юридических и физических лиц; – сервис сам подготовит документы для регистрации и отправит их в налоговую; – рассчитывает налоги, готовит декларацию; – торговый эквайринг по ставке 1,3 %.

Источник: [6; 11; 18]

Анализируя перспективы развития необанкинга в России, в первую очередь, обозначим несколько позитивных сценариев.

1. Трансформация инновационных стартапов и небольших организаций в крупные компании. Данная модель развития проиллюстрирована выше на примере «Тинькофф Банк», успешно преобразованного О. Тиньковым из небольшого банка АКБ «Химмашбанк», обслуживавшего предприятия химической

и фармацевтической промышленности, в процветающий конкурентоспособный необанк. На сегодняшний день финансовые результаты необанка «Тинькофф Банк» существенно превосходят результаты многих отечественных традиционных банковских организаций. Для сравнения, по итогам 2018 г. рентабельность капитала «Тинькофф Банк» составила 53,79 %, а рентабельность активов – 16,65 %, в то время как показатели рентабельности традиционного банка «ХКФ Банк» с приблизительно эквивалентной величиной капитала – 29,6 % и 5,5 % соответственно.

2. Открытие необанка на базе крупной функционирующей банковской организации. Яркими примерами служат Сбербанк, ВТБ и «Альфа-банк», объявившие в 2017 г. о создании необанка с собственной лицензией. Ряд экспертов скептически отнеслись к данному заявлению, однако успех данного необанка может быть достигнут за счет узнаваемости бренда «Альфа-Групп».

3. Слияние двух и более кредитных организаций с последующей реформацией структуры банка. Как отмечают Э. И. Булатова и В. А. Шеин, данный сценарий маловероятен в силу нежелания банков осуществлять слияние кредитных организаций [2].

В заключение следует отметить, что, несмотря на положительные темпы развития необанкинга и эффективные финансовые результаты, успеху банков «будущего» в долгосрочной перспективе препятствуют такие факторы, как:

- низкая финансовая грамотность населения и консерватизм [4];
- высокие финансовые издержки на приобретение лицензии (уставной капитал должен составлять 300 млн руб. для регистрации банка и 90 млн руб. для небанковской кредитной организации);
- необходимость делить межбанковскую комиссию с банком, чьей лицензией пользуется необанк (в случае если он не имеет собственной банковской лицензии).

Согласно оценкам некоторым экспертам, для сохранения финансовой устойчивости небанкам необходимо стабильно поддерживать число клиентов на уровне 200 тыс. человек [14]. Следующие несколько лет они продемонстрируют успешность необанкинга как инновационной модели развития современных финансовых технологий.

Библиографический список

1. Блажевич, А. А., Рябченко, А. А. Необанк как новое направление финансовых инноваций в Российской Федерации // Вестник института экономических исследований. – 2018. – № 4. – С. 160-168.
2. Булатова, В. И., Шеин, В. А. Необанкинг как инновационная модель развития современных банков // Казанский экономический вестник. – 2018. – № 1 (33). – С. 54-58.
3. Двоглазова, И. А. Банки будущего: интеграция с ИТ-сервисами или мультимедийный бизнес // Молодой исследователь Дона. – 2018. – № 3 (12). – С. 161-164.
4. Комаров, А. В., Мартюкова, В. М. Влияние технологии Big Data на современные экономические процессы // Финансовая экономика. – 2019. – № 4. – С. 624-627.
5. Комаров, А. В., Мартюкова, В. М. Финтех как эффективный инструмент создания инноваций на финансовых рынках // Финансовая экономика. – 2019. – № 2. – С. 168-171.
6. Рудская, Е. Н., Полтавская, Ю. Ю. Необанки: мировой опыт и перспективы // Молодой ученый. – 2016. – № 7. – С. 959-969.
7. Хвостик, Е., Францева, В. Отделение, на выход. Рынок банковских услуг переживает коренные изменения // Коммерсантъ. – 2015. – 20 нояб. – № 214. – С. 13.
8. Шеин, В. А. Особенности необанкинга как одного из направлений развития современных финансовых технологий // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пенза, 10 мая 2017 г. Ч. 1. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017. – С. 26-30.
9. Аналитическое агентство Nielsen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nielsen.com/ru/ru.html> (дата обращения: 01.02.2020).
10. Аналитическое агентство Marksw Webb [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://marksw Webb.ru/> (дата обращения: 01.02.2020).
11. АО «ОТП Банк», «Touch Bank» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.touchbank.com/> (дата обращения: 01.02.2020).
12. АО «Тинькофф Банк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tinkoff.ru/> (дата обращения: 01.02.2020).

13. E-Finance – Исследования банковских продуктов и каналов ДБО // Агентство Marksw Webb Rank & Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://marksw Webb.ru/e-finance/> (дата обращения: 01.02.2020).
14. Количество внутренних структурных подразделений действующих кредитных организаций (филиалов) Российской Федерации // Банк России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/int_div_010117 (дата обращения: 01.02.2020).
15. Ликуев, А., Бермишева, П. Необанки: будущее или тупиковая ветвь развития банковской системы // Forbes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/tehnologii/344459-neobanki-budushchee-ili-tupikovaya-vetvrazvitiya-bankovskoy-sistemy> (дата обращения: 01.02.2020).
16. Официальный сайт Министерства Финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mainfin.ru/banki/rating/po-aktivam> (дата обращения: 01.02.2020).
17. Развитие финтеха может оставить без работы 30% банковских служащих. – Режим доступа: <https://bits.media/news/razvitie-fintekha-mozhet-ostavit-bez-raboty-30-bankovskikh-sluzhashchikh/> (дата обращения: 01.02.2020).
18. Рокетбанк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rocketbank.ru/> (дата обращения: 01.02.2020).

References

1. Blazhevich A. A., Ryabchenko A. A. Neobank kak novoe napravlenie finansovykh innovatsii v Rossiiskoi Federatsii [*Neobank as a new direction of financial innovations in the Russian Federation*]. Vestnik instituta ekonomicheskikh issledovaniy [*Vestnik of Institute of Economic Research*], 2018, no. 4, pp. 160-168.
2. Bulatova V. I., Shein V. A. Neobanking kak innovatsionnaya model' razvitiya sovremennykh bankov [*Neobanking as an innovative model of development of modern banks*]. Kazanskii ekonomicheskii vestnik, 2018, no. 1 (33), pp. 54-58.
3. Dvoeglazova I. A. Banki budushchego: integratsiya s IT-servisami ili mul'tiformatnyi biznes [*Banks of the future: integration with IT services or multi-format business*]. Molodoi issledovatel' Dona, 2018, no. 3 (12), pp. 161-164.
4. Komarov A. V., Martyukova V. M. Vliyanie tekhnologii Big Data na sovremennye ekonomicheskie protsessy [*Influence of the Big Data technology on modern economic processes*]. Finansovaya ekonomika [*Financial Economy*], 2019, no. 4, pp. 624-627.
5. Komarov A. V., Martyukova V. M. Fintekh kak effektivnyi instrument sozdaniya innovatsii na finansovykh rynkakh [*Financial technologies as an effective tool for creating innovations in financial markets*]. Finansovaya ekonomika [*Financial Economy*], 2019, no. 2, pp. 168-171.
6. Rudskaya E. N., Poltavskaya Yu. Yu. Neobanki: mirovoi opyt i perspektivy [*Neobanks: world experience and prospects*]. Molodoi uchenyi, 2016, no. 7, pp. 959-969.
7. Khvostik E., Frantseva V. Otdelenie, na vykhod. Rynok bankovskikh uslug perezhivaet korennye izmeneniya [*Squad, go out. The banking market is undergoing fundamental changes*]. Kommersant, 2015, Nov. 25, no. 214, pp. 13.
8. Shein V. A. Osobennosti neobankinga kak odnogo iz napravlenii razvitiya sovremennykh finansovykh tekhnologii [*Features of neobanking as one of the directions of development of modern financial technologies*]. Innovatsionnye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 ch. Penza, 10 maya 2017 g. Ch. 1 [*Innovative Scientific Research: theory, methodology, practice: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference: in 2 Parts. Penza, May 10, 2017. Part I*]. Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2017, pp. 26-30.
9. Analiticheskoe agentstvo Nielsen [*Nielsen Analytical Agency*]. Available at: <http://www.nielsen.com/ru/ru.html> (accessed 01.02.2020).
10. Analiticheskoe agentstvo Marksw Webb [*Marksw Webb Analytical Agency*]. Available at: <http://marksw Webb.ru/> (accessed 01.02.2020).
11. АО "ОТБ Банк", "Touch Bank" [JSC "OTB Bank", "Touch Bank"]. Available at: <https://www.touchbank.com/> (accessed 01.02.2020).
12. АО "Тинькофф Банк" [JSC "Tinkoff Bank"]. Available at: <https://www.tinkoff.ru/> (accessed 01.02.2020).
13. E-Finance – Issledovaniya bankovskikh produktov i kanalov DBO [*E-Finance – Research of banking products and channels of RBS*]. Agentstvo Marksw Webb Rank & Report [*Marksw Webb Rank & Report Agency*]. Available at: <http://marksw Webb.ru/e-finance/> (accessed 01.02.2020).
14. Kolichestvo vnutrennikh strukturnykh podrazdelenii deistvuyushchikh kreditnykh organizatsii (filialov) Rossiiskoi Federatsii [*Number of internal structural divisions of operating credit institutions (branches) of the Russian Federation*]. Bank Rossii [*Bank of Russia*]. Available at: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/int_div_010117 (accessed 01.02.2020).
15. Likuev A., Bermisheva P. Neobanki: budushchee ili tupikovaya vetv' razvitiya bankovskoi sistemy [*Neo banks: the future or a dead-end branch of the banking system*]. Forbes. Available at: <http://www.forbes.ru/tehnologii/344459-neobanki-budushchee-ili-tupikovaya-vetvrazvitiya-bankovskoy-sistemy> (accessed 01.02.2020).

16. Ofitsial`nyi sait Ministerstva Finansov Rossiiskoi Federatsii [*Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation*]. Available at: <https://mainfin.ru/banki/rating/po-aktivam> (accessed 01.02.2020).
17. Razvitie fintekha mozhet ostavit` bez raboty 30 % bankovskikh sluzhashchikh [*Development of financial technologies can leave 30% of Bank employees unemployed*]. Available at: <https://bits.media/news/razvitie-fintekha-mozhet-ostavit-bez-raboty-30-bankovskikh-sluzhashchikh/> (accessed 01.02.2020).
18. Raketbank. Available at: [https:// rocketbank.ru/](https://rocketbank.ru/) (accessed 01.02.2020).

Коржнев Станислав Владимирович
аспирант, ФГБОУ ВО «Финансовый универ-
ситет при Правительстве Российской Федера-
ции», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-1540-0827

e-mail: korjnev_stas@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНВЕСТОРА И ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО С НЕЛИНЕЙНЫМИ ФУНКЦИЯМИ

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимодействия между инвестором и доверительным управляющим. Между инвестором и доверительным управляющим существует асимметрия информации, обуславливающая необходимость создания модели, которая позволила бы инвестору хотя бы частично эту асимметрию преодолеть и получить информацию о качестве услуги. В предыдущих работах автором была предложена теоретическая модель, описывающая данное взаимодействие с линейными функциями. В настоящей работе разработана модель с нелинейными функциями и сопоставлены выводы линейной и нелинейной модели. В итоге выводы моделей с линейными и нелинейными функциями относительно характера зависимости между комиссией и факторами, используемыми в модели, оказались одинаковыми.

Ключевые слова: рынок акций, управление активами, портфельные инвестиции, финансовые рынки, инвестиционные фонды, оценка результатов, прибыльность, торговые стратегии, поведенческие финансы, математическое моделирование.

Цитирование: Коржнев С.В. Моделирование взаимодействия инвестора и доверительного управляющего с нелинейными функциями // Вестник университета. 2020. № 3. С. 143–148.

MODELING OF INTERACTION BETWEEN AN INVESTOR AND A TRUST MANAGER WITH NONLINEAR FUNCTIONS

Abstract. The article is devoted to studying interaction between investor and trust manager. There is an information asymmetry between the investor and the trust manager, which makes it necessary to create a model that would allow the investor to overcome this asymmetry at least partially and get information about the quality of the service. In previous researches, the author proposed a theoretical model, describing this interaction with linear functions. In this paper, a model with nonlinear functions has been created and the conclusions of the linear and the nonlinear models have been compared. As a result, the conclusions of models with linear and nonlinear functions regarding the nature of the relationship between the commission and the factors used in the model were the same.

Keywords: stock market, asset management, portfolio investments, financial markets, mutual funds, performance evaluation, profitability, trading strategies, behavioral finance, mathematical modeling.

For citation: Korzhnev S.V. (2020) Modeling of interaction between an investor and a trust manager with nonlinear functions. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 143–148. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-143-148

Изучение деятельности управляющих фондов – распространенная тема исследований в настоящее время. Ряд исследований посвящен изучению различных проявлений оппортунистического поведения, например, в работе «Learning the tape: Evidence of gaming behavior in equity mutual funds» изучается завышение котировок, удерживаемых в портфеле фонда акций в конце квартала [5]. В течение продолжительного времени исследователи считали, что долгосрочная средняя доходность инвестиционных фондов совпадает со средней рыночной доходностью с поправкой на комиссию фонда и на степень рискованности активов. Однако

© Коржнев С.В., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

в работе «The value of active mutual fund management: An examination of the stockholdings and trades of fund managers» было показано, что в значительном числе инвестиционных фондов менеджеры обладают определенной статистически значимой способностью отбирать в свой портфель акции, которые в следующем после покупки периоде показывают доходность выше рыночной, и избавляться от тех акций, которые в следующем после продажи периоде показывают доходность ниже рыночной [6]. В работе «Should investors avoid all actively managed funds? A study in Bayesian performance evaluation» было показано, что результаты активно управляемых (то есть, достаточно часто пересматривающих состав портфеля) фондов в среднем лучше, и они привлекают больше средств инвесторов [4]. В исследовании «Can mutual fund Managers pick stocks? Evidence from their trades prior to earnings announcements» авторы пришли к выводу, что в среднем отчетность компаний, акции которых приобретают менеджеры фондов, оказывается лучше ожиданий аналитиков, а те компании, от акций которых менеджеры избавляются, в следующем квартале в среднем показывают отчетность хуже ожиданий аналитиков [3].

Но если существуют фонды, стабильно обыгрывающие рынок, то берут ли эти фонды более высокую плату за управление? В работе «Incentive fees and mutual funds» проведено сравнение результатов фондов, выплачивающих менеджерам премии за высокие результаты, и, следовательно, имеющих относительно высокую плату за управления, с результатами фондов, не выплачивающих подобные премии и взимающих относительно низкую комиссию [7]. Авторы выявили, что фонды, управляющие которых получают премии, показывают более высокие результаты и привлекают больше новых клиентов. Однако другой вывод авторов состоит в том, что при наличии премий управляющие имеют склонность принимать большие риски. Авторы пришли к таким выводам, исходя из статистического анализа; модели, которая бы объясняла поведение управляющих, они не приводят.

Между инвестором и доверительным управляющим существует асимметрия информации, которая и обуславливает необходимость создания модели, позволяющей инвестору хотя бы частично эту асимметрию преодолеть.

Модель, описывающая взаимодействие инвестора и доверительного управляющего на фондовом рынке, была представлена в предыдущих работах автора: «Означает ли более высокий размер комиссии более высокое качество услуги на рынке доверительного управления?» и «Моделирование экономического взаимодействия инвестора и доверительного управляющего», также в них было найдено ее решение для линейных функций [1; 2]. Ее основные предпосылки следующие.

Предпосылки поведения инвестора:

- 1) $G(f)$ – спрос инвестора на услуги управляющего, $G'(f) < 0$, $G(1) \leq 0$, где f – размер комиссии в виде доли от активов;
- 2) инвестору неизвестно распределение доходностей стратегии управляющего;
- 3) инвестор может получить информацию о нем только по результатам работы с управляющим;
- 4) получив результат работы за год, инвестор решает, продолжать ли сотрудничество с управляющим. Его решение носит вероятностный характер. $P(r)$ – вероятность продолжения работы, где r – доходность за последний год, $P'(r) > 0$.

Предпосылки поведения управляющего:

- 1) у управляющего есть своя стратегия с уникальным распределением доходности;
- 2) распределение доходности стратегии постоянно во времени и известно управляющему;
- 3) функция зависимости вероятность ухода инвестора от полученной доходности также известна управляющему;
- 4) размер комиссии выбирает управляющий, она взимается в форме доли от активов f ($1 < f < 0$);
- 5) размер комиссии устанавливается в начале сотрудничества и после этого не изменяется;
- 6) управляющий владеет информацией о функции спроса инвестора на его услуги;
- 7) управляющий максимизирует свой приведенный доход (по математическому ожиданию), выбирая оптимальный для себя размер f .

Полностью модель можно представить в виде уравнений дохода инвестора (1), дохода управляющего (2), вероятности ухода инвестора (3) и задачи управляющего (4):

$$W_t = G(f) \left(\prod_{u=1}^t (1 + r_u) \right) (1 - f)^t. \quad (1)$$

$$y_t = W_{t-1}(1 + r_t)f. \quad (2)$$

$$fl_t = \begin{cases} P(fl_t = 0) = P\left(\frac{W_t}{W_{t-1}} - 1\right) = P[(1 + r_t)(1 - f) - 1] \\ P(fl_t = 1) = 1 - P\left(\frac{W_t}{W_{t-1}} - 1\right) = 1 - P[(1 + r_t)(1 - f) - 1] \end{cases} \quad (3)$$

$$fl_t = 1 \rightarrow st = t.$$

$$\max_f E\left(\sum_{j=1}^{st} \frac{y_j}{(1+i)^j}\right) \quad (4)$$

$$0 < f < 1,$$

где f – размер комиссии в виде доли от активов; $G(f)$ – функция спроса инвестора на услуги управляющего от размера комиссии f ; r_j – доходность стратегии за год j ; $P(r)$ – вероятность ухода инвестора при результате за год r ; i – ставка дисконтирования; t – текущий год; W_t – стоимость активов инвестора по окончании года t ; y_t – вознаграждение управляющего за год t ; fl_t – техническая переменная, принимающая значение 0, если инвестор решает продолжить работу после года t , или 1, если инвестор решает расторгнуть договор; st – техническая переменная, год, в котором инвестор решает прекратить сотрудничество.

После преобразований задачу управляющего можно записать в виде формулы (5):

$$\max_f \left(E \left(G(f) \sum_{t=1}^{\infty} \frac{\left(\prod_{l=2}^t P[(1 + r_{l-1})(1 - f) - 1] \right) \left(\prod_{u=1}^t (1 + r_u) \right) (1 - f)^{t-1} f}{(1+i)^t} \right) \right) \quad (5)$$

$$0 < f < 1.$$

Чтобы решить эту задачу, необходимо сделать предпосылки о виде функций $G(f)$ и $P(r)$. В предыдущей работе мы предполагали линейность этих функций [1]. Теперь посмотрим, изменятся ли выводы, если их вид будет нелинейным. Предположим, что функция $G(f)$ имеет вид формулы (6):

$$G(f) \cong S - kf + qf^2. \quad (6)$$

Аналогичным образом представим и вероятность того, что инвестор примет решение продолжить работу, в виде формулы (7):

$$P[(1 + r_t)(1 - f) - 1] \cong 1 - P_A - pf + zf^2. \quad (7)$$

После преобразований задача управляющего (5) примет вид (8):

$$\max_f \left(\frac{Sf - kf^2 + qf^3}{\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A + (1 - P_A + p)f - (p + z)f^2 - zf^3} \right) \quad (8)$$

$$0 < f < 1,$$

где f – размер комиссии в виде доли от активов; \bar{r} – средняя годовая доходность стратегии; i – ставка дисконтирования; S, k, P_A, p, q, z – коэффициенты из уравнений (6) и (7).

Определим эту функцию как $U(f)$. $U(0) = 0$, $U(0 + \varepsilon) > 0$, где $\varepsilon > 0$, $\varepsilon \rightarrow 0$. Рассмотрим поведение функции $U(f)$ на промежутке $[0; 1]$, так как $0 < f < 1$. Ее производная описывается формулой (9):

$$U'(f) = \left(\frac{Sf - kf^2 + qf^3}{\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A + (1 - P_A + p)f - (p + z)f^2 - zf^3} \right)' =$$

$$= \frac{S \left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) - 2k \left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) f + \left(3q \left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) + S(p + z) - k(1 - P_A + p) \right) f^2}{\left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A + (1 - P_A + p)f - (p + z)f^2 - zf^3 \right)^2} +$$

$$+ \frac{2(q(1 - P_A + p) + Sz)f^3 - (kz + q(p + z))f^4}{\left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A + (1 - P_A + p)f - (p + z)f^2 - zf^3 \right)^2}. \quad (9)$$

Поскольку $0 < f < 1$, нас интересуют не все корни этой функции, а только попадающие в этот промежуток. В этом промежутке чем выше степень, тем меньше влияние слагаемого на функцию. Потому слагаемые с f^3 и f^4 слабо влияют на поведение функции в ε -окрестности оптимального решения. Потому мы можем упростить функцию (9) до вида (10):

$$U'(f) \cong \frac{S \left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) - 2k \left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) f + \left(3q \left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) + S(p + z) - k(1 - P_A + p) \right) f^2}{\left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A + (1 - P_A + p)f - (p + z)f^2 - zf^3 \right)^2}. \quad (10)$$

Чтобы найти точки экстремума функции, приравняем числитель этой функции к нулю, получим уравнение (11):

$$S \left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) - 2k \left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) f + \left(3q \left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) + S(p + z) - k(1 - P_A + p) \right) f^2 = 0. \quad (11)$$

Учитывая, что коэффициент при f^2 – положительный, максимумом будет меньший из двух корней, второй из них, к тому же, больше 1. Потому, наше оптимальное значение f имеет вид (12):

$$f^* = \frac{\left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) - \sqrt{\left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right)^2 - \frac{S}{k} \left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) \left(3 \frac{q}{k} \left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) + \frac{S}{k} (p + z) - (1 - P_A + p) \right)}}{3 \frac{q}{k} \left(\frac{i - \bar{r}}{1 + \bar{r}} + P_A \right) + \frac{S}{k} (p + z) - (1 - P_A + p)}, \quad (12)$$

где f^* – оптимальный размер комиссии в виде доли от активов; \bar{r} – средняя годовая доходность стратегии; i – ставка дисконтирования; S, k, P_A, p, q, z – коэффициенты из уравнений (6) и (7).

Изучив влияние различных факторов на оптимальный размер комиссии, можно установить, что является причиной высокого или низкого оптимального значения. С этой целью в данном параграфе найдем производные оптимального решения по различным факторам модели. В итоге получим, что $f^*_{\bar{r}}(\bar{r}) < 0$, $f^*_{P_A}(P_A) > 0$, $f^*_{p}(p) < 0$, $f^*_{i}(i) > 0$, $f^*_{s}(s) > 0$, $f^*_{k}(k) < 0$.

Таким образом, выводы модели с нелинейными функциями не отличаются от выводов с модели с линейными функциями, представленных в работе [2]. Наиболее примечательны выводы модели о том, как влияют средняя доходность стратегии \bar{r} и вероятность ухода инвестора при нулевой комиссии P_A на оптимальный уровень комиссии f^* .

Прямую зависимость между P_A и f^* можно интерпретировать следующим образом: болезненная реакция инвестора на временное снижение своего капитала, выражающаяся в относительно высокой вероятности ухода даже при небольшом снижении счета, приводит к тому, что управляющий предложит более высокую комиссию. При высоком значении параметра P_A высока роль случайности, и инвестор может завершить сотрудничество до того, как многолетняя средняя доходность \bar{r} успеет проявиться. Поскольку велика роль случайности, для управляющего высокие доходы в ближайших периодах становятся важнее, чем доходы в отдаленных периодах. То есть, в таком случае его оптимальное значение f будет выше.

Зависимость между \bar{r} и f^* в модели является обратной. Может показаться, что логичной выглядела бы прямая зависимость, поскольку обычно чем качественнее услуга (в данном контексте это означает стратегию с высокой \bar{r}), тем выше ее цена. Согласно подобной логике, более высокая комиссия объясняется тем, что и инвестор получает большую отдачу от своих инвестиций.

Тем не менее, модель дает противоположный вывод. Так происходит потому, что управляющий максимизирует свои доходы на длительном временном промежутке. Присутствие вероятности ухода инвестора вынуждает управляющего минимизировать ее и он, в том случае если уверен в ее долгосрочных результатах, идет на снижение комиссии. В противном случае оптимальным решением для управляющего будет высокая комиссия в начальных периодах, поскольку вероятность длительного сотрудничества с инвестором в таком случае будет мала даже при небольшом значении f .

Иными словами, если управляющий предлагает комиссию выше среднерыночного уровня, это является сигналом о невысокой доходности стратегии. Причина этого в том, между инвестором и управляющим присутствует асимметрия информации. Управляющие с невысокой средней доходностью пользуются этой асимметрией для получения доходов в начальных периодах.

Стоит отметить, что выводы, базирующиеся только на размере комиссии, могут оказаться неверными, необходимо также учитывать средний объем счетов, размер клиентского потока и бизнеса в целом, а также траты на маркетинг перед тем как сравнивать размер комиссии.

Однако то, как меняется поведение управляющего в том случае, если спрос на его услуги растет, как по причине роста рынка и энтузиазма инвесторов в целом, так и из-за успехов одной из стратегий данной компании за прошлый год, является определенным сигналом. Повышение ставок для новых клиентов в таких условиях является сигналом о его неуверенности в долгосрочной доходности стратегии. Напротив, сохранение ставок на прежнем уровне в такой ситуации сигнализирует о его ориентированности на длительную работу с инвестором.

Библиографический список

1. Коржнев, С. В. Означает ли более высокий размер комиссии более высокое качество услуги на рынке доверительного управления? // Аудит и финансовый анализ. – 2014. – № 1. – С. 120-127.
2. Коржнев, С. В. Моделирование экономического взаимодействия инвестора и доверительного управляющего // Финансы и Кредит. – 2014. – № 18 (594). – С. 50-60.
3. Baker, M., Litov, L., Wachter, J. Can mutual fund Managers pick stocks? Evidence from their trades prior to earnings announcements // Journal of Financial and Quantitative Analysis. – 2010. – No. 45. – Pp. 1111-1131.
4. Baks, K., Metrick, A., Wachter, J. Should investors avoid all actively managed funds? A study in Bayesian performance evaluation // Journal of Finance. – 2001. – No. 56. – Pp. 45-85.
5. Carhart, M., Kaniel, R., Musto, D., Reed, A. Learning the tape: Evidence of gaming behavior in equity mutual funds // Journal of Finance. – 2002. – No. 57. – Pp. 661-693.

6. Chen, H.-L., Jegadeesh, N., Wermers, R. The value of active mutual fund management: An examination of the stockholdings and trades of fund managers // Journal of Financial and Quantitative Analysis. – 2000. – No. 35. – Pp. 343-368.
7. Elton, E., Gruber, M., Blake, C. Incentive fees and mutual funds // Journal of Finance. – 2003. – No. 58. – Pp. 779-804.

References

1. Korzhnev S. V. Oznachaet li bolee vysokii razmer komissii bolee vysokoe kachestvo uslugi na rynke doveritel'nogo upravleniya? [*Does a higher commission fee means a higher quality of asset management?*]. Finansy i kredit [*Finance and Credit*], 2014, no. 1, pp. 50-60.
2. Korzhnev S. V. Modelirovanie ekonomicheskogo vzaimodeistviya investora i doveritel'nogo upravlyayushchego [*Modeling the economic interaction between investor and trust manager*]. Audit i finansovyi analiz, 2014, no. 18 (594), pp. 120-127.
3. Baker M., Litov L., Wachter J. Can mutual fund managers pick stocks? Evidence from their trades prior to earnings announcements. Journal of Financial and Quantitative Analysis, 2010, no. 45, pp. 1111-1131.
4. Baks K., Metrick A., Wachter J. Should investors avoid all actively managed funds? A study in Bayesian performance evaluation. Journal of Finance, 2001, no. 56, pp. 45-85.
5. Carhart M., Kaniel R., Musto D., Reed A. Learning the tape: Evidence of gaming behavior in equity mutual funds. Journal of Finance, 2002, no. 57, pp. 661-693.
6. Chen H.-L., Jegadeesh N., Wermers R. The value of active mutual fund management: An examination of the stockholdings and trades of fund managers. Journal of Financial and Quantitative Analysis, 2000, no. 35, pp. 343-368.
7. Elton E., Gruber M., Blake C. Incentive fees and mutual funds. Journal of Finance, 2003, no. 58, pp. 779-804.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

УДК 364

DOI 10.26425/1816-4277-2020-3-149-153

Борисов Александр Федосеевич
д-р социол. наук, ФГБОУ ВО «Российский
государственный педагогический универси-
тет им. А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация
e-mail: borisovaf@herzen.spb.ru

Домашова Елена Викторовна
ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Горно-Ал-
тайский государственный университет»,
г. Горно-Алтайск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1402-9272
e-mail: lenus9habarova@mail.ru

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Дано определение социального управления, выделено узкое и широкое понимание социального управления. Четко разграничены и определены структурные элементы социальной защиты, определяемые системным подходом. Отмечена важность и актуальность государственного управления системой социальной защиты населения, которая охватывает все больше населения, и приобретает все большую адресность. Рассмотрена система социальной защиты в рамках социального управления. Отмечено, что в последние годы в России обострились социальные проблемы, характеризующиеся снижением уровня, а также качества жизни широких слоев населения. Сложившаяся социальная ситуация требует проведения комплекса мер, направленных на совершенствование социальных отношений в обществе, повышение социального благополучия людей.

Ключевые слова: социальное управление, социальная защита, социальные проблемы, системный подход, благосостояние, государственное управление, объект социальной защиты, субъект социальной защиты.

Цитирование: Борисов А.Ф., Домашова Е.В. Система социальной защиты населения в контексте социального управления // Вестник университета. 2020. № 3. С. 149–153.

Borisov Aleksandr
Doctor of Sociological Sciences, Herzen
State Pedagogical University of Russia, Saint
Petersburg, Russia
e-mail: borisovaf@herzen.spb.ru

Domashova Elena
Senior Lecturer, Gorno-Altai State
University, Gorno-Altai, Russia
ORCID: 0000-0002-1402-9272
e-mail: lenus9habarova@mail.ru

SOCIAL PROTECTION SYSTEM OF THE POPULATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL MANAGEMENT

Abstract. A definition of social management has been given, a narrow and broad understanding of social management have been highlighted. The structural elements of social protection defined by the system approach have been clearly delineated and defined. The importance and relevance of public administration of the social protection system of the population, which covers more and more of the population, has been noted and it becomes more targeted. The system of social protection within the framework of social management has been considered. It has been noticed that in recent years, social problems escalated in Russia, characterized by a decrease in the level and quality of life of the broad segments of the population. The current social situation requires implementation of a set of measures aimed at improving social relations in society, enhancing the social well-being of people.

Keywords: social management, social protection, social problems, system approach, welfare, public administration, object of social protection, subject of social protection.

For citation: Borisov A.F., Domashova E.V. (2020) Social protection system of the population in the context of social management. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 149–153. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-149-153

На сегодня сложились определенные подходы и позиции, исследующие различные аспекты социального управления. Неоднозначность трактовки дефиниции «управление» определяет невозможность однозначного выбора субъектами управления конкретного подхода при использовании технологий социального управления.

© Борисов А.Ф., Домашова Е.В., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

По мнению А. В. Тихонова, «социальное управление – область социологии, изучающая проблемы управляемости социальных объектов и процессов, историю своей проблематики, теоретико-методологические подходы, механизмы трансформации и функционирования управленческих структур в различных культурах и обществах. Управление рассматривается как сознательно конструируемый, встроенный в социальный процесс и направляемый социокультурный механизм, благоприятно сочетающий самоорганизацию и организацию, формальные правила и неформальные нормы» [11, с. 40].

Важными для развития теоретико-методологических основ социологического анализа управления системой социальной защиты являются труды А. И. Пригожина. В своих трудах ученый подчеркивает, что социальное управление является многоплановой, сложной деятельностью, также среди составляющих процесса управления он выделяет организационный порядок (продукты целевого управляющего воздействия и самоорганизации) и целевое управляющее воздействие (целеосуществление и целеполагание) [8; 9].

По мнению В. В. Глушенко, функции управления осуществляются через нахождение ресурсов, управление их использованием, обеспечение безопасности. Понятие «управление» В. В. Глушенко рассматривает как управление всей деятельностью, связанной с контролем распределения и движения ресурсов, что является важным для методологии социологического исследования [2].

Такие ученые, как В. Г. Белов, В. Н. Иванов, М. Марков, И. М. Слепенков, В. А. Трапезников, С. А. Яцкевич и другие, понимают под социальным управлением руководство всеми общественными отношениями [3; 6; 7; 10; 12].

Исходя из вышесказанного, можно выделить, прежде всего, узкое и широкое понимание социального управления. В узком смысле социальное управление обычно понимается как управление непосредственно социальной сферой общества или отдельных ее компонентов: систем образования, науки, здравоохранения, социального обеспечения, жилищного хозяйства и т. д. Социальное управление в таком случае понимается как комплексное развитие этих систем. В широком смысле понятие социального управления употребляют для обозначения принципов, моделей, правил, норм, целей управления развитием конкретного общества в целом, то есть понимается как управление совокупным развитием различных сфер его жизнедеятельности на определенном временном промежутке. Главной целью в таком случае выступает развитие общества как достаточно целостной системы, а главным методом – системный подход.

В последние годы в нашей стране обострились социальные проблемы, характеризующиеся снижением уровня, а также качества жизни широких слоев населения. Сложившаяся социальная ситуация требует проведения комплекса мер, направленных на совершенствование социальных отношений в обществе, повышение социального благополучия людей. Действующая система управления социальной защиты населения оказалась не способной оперативно реагировать на изменения жизненной ситуации. На сегодняшний день такая форма предоставления социальной помощи не эффективна, так как не может охватить весь круг социальных проблем: правовых, экономических, психологических, медико-социальных, возникающих в нынешних социальных условиях перед отдельным человеком или семьей. В связи с этим, особенно актуально формирование гибкой системы управления в сфере социальной защиты населения.

В связи с чем, в первую очередь, необходимо определить, что же такое «социальная защита населения». Под словом «социальное» определяется «совокупность общественных отношений в определенном обществе между различными общностями людей, группами и институтами», а под словом «защита» определяется «то, что защищает или служит обороной». Если обобщить эти слова в словосочетание, то можно дать следующие определение: «социальная защита населения» – система мер, направленная на удовлетворение социальных потребностей общества и на реализацию прав и свобод человека в сфере социального обеспечения (достаточный уровень качества жизни) [4].

В Конституции Российской Федерации Российское государство провозглашается социальным (ст. 7), что говорит о важности данной сферы, это касается и государственного управления [1]. Выполнение поставленных задач Конституцией и законами Российской Федерации реализуется, с одной стороны, через формирование условий для улучшения собственных ресурсных способностей человека, направленных на самообеспечение, с другой – через воплощение конституционных прав и социальных гарантий в сфере жизнеобеспечения населения [1].

Помимо этого в рамках системного подхода отмечается дифференциация структурных элементов социальной защиты.

1. В зависимости от особенностей и уровня социально-экономического развития государства разделяются цели, задачи, принципы.

Существенные диспропорции и вызванные ими социальные противоречия между центром и регионами стали наглядными в процессе модернизации российского общества. Большинство специалистов главным источником конфликтной ситуации в регионах России признается обострение социально-экономических условий взаимоотношений народов в последние десятилетия. Рыночная система, вместо налаживания взаимодействия, привела к разобщенности регионов, к перекосу в экономической структуре. Поляризация экономической жизни и различия в размещении производительных сил, неравномерность социального развития, значительное расхождение в доходах населения, безработица, бедность и неравенство – является основной характеристикой регионов России [5].

2. Объекты социальной защиты. Люди, нуждающиеся в социальной защите (дети сироты, инвалиды, дети-инвалиды, дети из многодетных семей, безработные, пенсионеры и т. д.).

3. Субъекты социальной защиты. Сюда относятся: государство, региональные органы законодательной, исполнительной власти, местные службы социальной защиты, социальные работники.

Немаловажную роль в управлении системой социальной защиты играют общественные организации, поднимающие не только проблемы социального защиты, но и помогающие их решить. Общественные организации, как правило, представляют интересы конкретной социальной группы: вносят предложения по улучшению качества жизни, привлекают внимание органов местного самоуправления и органов государственной власти к решению многих социальных проблем.

Для обеспечения взаимодействия органов социальной защиты населения с общественными социально ориентированными организациями создаются советы, в которые входят представители общественных организаций, выступающие в качестве экспертов.

В настоящее время главной задачей в этой области является разработка концепции взаимодействия органов социальной защиты населения и общественных организаций. На муниципальном уровне принимаются и действуют положения о взаимодействии органов местного самоуправления с общественными организациями, которые содержат правовые принципы, порядок, формы, механизмы взаимодействия, ответственность сторон.

Важным фактором позитивного общественного развития России может и должен стать институт социальной работы. В современной России он превратился в особый и один из наиболее востребованных видов деятельности государства и общества. Сложилась система институтов и учреждений, выполняющая роль социальной защиты людей в их адаптации, абилитации и реабилитации. Социальная работа постепенно приобретает вид общенациональной доктрины. В обществе утверждается понимание того, что трудная жизненная ситуация может возникнуть в любой период жизни абсолютно любого человека, независимо от социального статуса, материального положения или состояния здоровья.

4. Сферы социальной защиты (сферы здравоохранения, образования, доходов, социального обеспечения и др.).

5. Институциональные элементы – социальные компенсации, социальное обеспечение и индексации, социальные гарантии, разделяющееся на социальное страхование и социальную поддержку.

6. Механизмы (методы, формы). В целях повышения эффективности мероприятий в данной области, формы и методы социальной защиты населения классифицируются.

7. Обеспечение (организационное, правовое, финансово-экономическое).

8. Инструментарий (программы, мероприятия) [4].

В современном российском обществе продолжают падать доходы населения, растет его расслоение, бедность; актуальной проблемой остается безработица. Преодоление последствий нарастания социального неравенства – важнейшая задача социального государства, которым законодательно является и позиционирует себя Россия. В рамках решения данной задачи функционируют органы социальной защиты, призванные, в частности, обеспечить социальные права и минимальные гарантии в сферах социального обслуживания, пенсионного обеспечения, материальной помощи социально уязвимым группам населения, в первую очередь – пенсионерам, лицам с ограниченными возможностями здоровья, отдельным категориям семей, детям и молодежи. Кроме того, система социальной защиты должна быть направлена на обеспечение прозрачности и доступности расходов бюджета всех уровней, посредством детализации расходов на решение проблем конкретного человека [5].

Таким образом, систему социальной защиты населения в контексте социального управления можно определить как систему управления непосредственно социальной сферой общества и отдельных ее компонентов: социального обеспечения, социальной поддержки, социального страхования.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.02.2020).
2. Глушенко, В. В., Глушенко, И. И. Разработка управленческих решений. – Железнодорожный: ГОО НИЦ «Крылья», 1997. – 19 с.
3. Иванов, В. Н., Патрушев, В. И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 2001. – 327 с.
4. Измалкова, В. В., Комов, В. Э. Социальная защита населения в Российской Федерации – основа правового государства // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2016. – № 2 (9). – С. 29-32.
5. Кумыков, А. М., Хубиев, Б. Б., Атабиева, З. А. Оценка стратегии социально-экономических преобразований в постсоветской России: региональное измерение // Стратегии развития России и социальная работа: Всероссийская научно-теоретическая конференция с международным участием: Материалы докладов и сообщений, 5-6 дек. 2019 г. / Редкол.: А. В. Метелица, Е. В. Сердюкова, Л. С. Деточенко и др. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. – С. 172-178.
6. Марков, М. Технология и эффективность социального управления / Под ред. Т. В. Керимовой; предисл. Т. В. Керимовой; пер. Л. М. Хитрова. – М.: Прогресс, 1982. – 267 с.
7. Марков, М. Теория социального управления / Пер. О. И. Попов; под общ. ред. В. Г. Афанасьева; послесл. В. Г. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1978. – 447 с.
8. Пригожин, А. И. Социальные аспекты управления. – М.: Знание, 1974. – 64 с.
9. Пригожин, А. И. Социологические проблемы управленческих решений. – М.: Знание, 1984. – 48 с.
10. Слепенков, И. М. Научный коммунизм и конкретные социологические исследования: методологические и методические вопросы. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 256 с.
11. Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Отв. ред. А. В. Тихонов. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация» 2014. – 560 с.
12. Шмыков, А. Ю., Павлова, И. В. Особенности и некоторые проблемы управления системой социальной защиты населения (на примере Московского региона) // Наукоедение. – 2015. – Т. 7. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/19EVN615.pdf>. DOI: 10.15862/19EVN615 (дата обращения: 15.02.2020).

References

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [*The Constitution of the Russian Federation*] (adopted by popular vote dated on December 12, 1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated on December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated on December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated on February 5, 2014 No. 2 -FKZ, dated on July 21, 2014 No. 11-FKZ)]. SPS "Konsul'tantPlyus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed 15.02.2020).
2. Glushenko V. V., Glushenko I. I. Razrabotka upravlencheskikh reshenii [*Development of managerial decisions*]. Zheleznodorozhnyi, GOO NITs "Kryl'ya", 1997, 19 p.
3. Ivanov V. N. Innovatsionnye sotsial'nye tekhnologii gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [*Innovative social technologies of state and municipal government*], 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Ekonomika, 2001. 327 p.
4. Izmailkova V. V. Sotsial'naya zashchita naseleniya v Rossiiskoi Federatsii – osnova pravovogo gosudarstva [*Social protection of the population in the Russian Federation is the basis of the state of law*]. Rossiiskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy, 2016, no. 2 (9), pp. 29-32.
5. Kumykov A. M., Khubiev B. B., Atabieva Z. A. **Otsenka strategii sotsialno-ekonomicheskikh preobrasovaniy v postsovetsoi Rossii: regional'noe izmerenie** [*Assessment of the strategy of socio-economic transformations in post-Soviet Russia: a regional*

- dimension*]. Strategii razvitiya Rossii i sotsial'naya rabota: Vserossiiskaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem: Materialy dokladov i soobshchenii. 5-6 dek. 2019 g. [*Russian development strategies and social work: all-Russian scientific and theoretical conference with international participation. Materials of reports and messages, December 5-6, 2019*]. Redkol: A.V. Metelitsa, E.V. Serdyukova, L. S. Detochenko i dr., Rostov-na-Donu, Taganrog, Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2019. 245 p.
6. Markov M. Tekhnologiya i effektivnost' sotsial'nogo upravleniya [*Technology and the effectiveness of social management*]. Pod red. T. V. Kerimovoi, predisl. T. V. Kerimovoi, per. L. M. Khitrova. Moscow, Progress, 1982. 267 p.
 7. Markov M. Teoriya sotsial'nogo upravleniya [*Theory of social management*]. Per. O. I. Popov, pod obshch. red. V. G. Afanas'eva, poslesl. V. G. Afanas'eva. Moscow, Progress, 1978. 447 p.
 8. Prigozhin A. I. Sotsial'nye aspekty upravleniya [*Social aspects of management*]. Moscow, Znanie, 1974. 64 p.
 9. Prigozhin A. I. Sotsiologicheskie problemy upravlencheskikh reshenii [*Sociological problems of managerial decisions*]. Moscow, Znanie, 1984. 48 p.
 10. Slepnev I. M. Nauchnyi kommunizm i konkretnye sotsiologicheskie issledovaniya: metodologicheskie i metodicheskie voprosy [*Scientific communism and concrete sociological studies: methodological and methodical questions*]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984. 256 p.
 11. Sotsiologiya upravleniya: fundamental'noe i prikladnoe znanie [*Sociology of management: fundamental and applied knowledge*]. Otv. red. A. V. Tikhonov. Moscow, Kanon + ROOI "Reabilitatsia" 2014. 560 p.
 12. Shmykov A. Yu., Pavlova I. V. Osobennosti i nekotorye problemy upravleniya sistemoi sotsial'noi zashchity naseleniya (na primere Moskovskogo regiona) [*Features and some problems of managing the social protection system of the population (for example, the Moscow region)*]. Naukovedenie, 2015, vol. 7, no. 6. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/19EVN615.pdf>. DOI: 10.15862/19EVN615 (accessed 20.10.2020).

Захаров Михаил Юрьевич

д-р филос. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-8796-6283

e-mail: m.u.zaharov@gmail.com

Старовойтова Ирина Евгеньевна

канд. филос. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-8527-1840

e-mail: iestar1@mail.ru

Шишкова Анастасия Викторовна

канд. филос. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-0904-6705

e-mail: avs.guu@gmail.com

Zakharov Mihail

Doctor of Philosophical Sciences, State
University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8796-6283

e-mail: m.u.zaharov@gmail.com

Starovoytova Irina

Candidate of Philosophical Sciences, State
University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8527-1840

e-mail: iestar1@mail.ru

Shishkova Anastasiya

Candidate of Philosophical Sciences, State
University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0904-6705

e-mail: avs.guu@gmail.com

СОЦИОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЗНАНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье речь идет о распространении цифровых технологий в образовании, цифровом обучении как особом этапе цифровой социализации, изменении социальных ролей преподавателя и обучающегося. Технологии искусственного интеллекта и машинного обучения, анализ больших данных, роботизация и виртуализация заняли свое место в образовательном процессе, а традиционные офлайн-методы обучения требуют пересмотра. Проведен анализ проблемы отчуждения знаний в цифровом образовательном пространстве и предложены способы решения этой проблемы. Особенное внимание уделено проблеме безопасности знаний в образовательном пространстве. Сделан вывод о необходимости такой реорганизации цифрового пространства, при которой будут обеспечены когнитивные условия для безопасного функционирования знаний.

Ключевые слова: цифровое обучение, цифровая социализация, цифровые технологии в образовании, информация, знание, отчуждение знаний, безопасность знания, цифровое образовательное пространство, социальная роль преподавателя.

Цитирование: Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Шишкова А.В. Социология безопасности знания в цифровом образовательном пространстве // Вестник университета. 2020. № 3. С. 154–159.

SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE SECURITY IN THE DIGITAL EDUCATIONAL SPACE

Abstract. The article deals with the spread of digital technologies in education and digital learning as a special stage of digital socialization, changing the social roles of the teacher and student. Artificial intelligence and machine learning technologies, big data analysis, robotics and virtualization have taken their place in the educational process, and traditional offline teaching methods require revision. The problem of knowledge alienation in the digital educational space has been analysed and ways to solve this problem have been proposed. Particular attention has been paid to the problem of the safety of knowledge in the educational space. It has been concluded about the need for such a reorganization of the digital space in which cognitive conditions for the safe functioning of knowledge will be provided.

Keywords: digital learning, digital socialization, digital technologies in education, information, knowledge, knowledge alienation, knowledge security, digital educational space, social role of the teacher.

For citation: Zakharov M.Yu., Starovoytova I.E., Shishkova A.V. (2020) Sociology of knowledge security in the digital educational space. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 154–159. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-154-159

Защита безопасности как социальное явление коренится в природе человека. Исходной точкой служит фундаментальный инстинкт самосохранения, имеющий непосредственное отношение к физиологическим потребностям человека. Последние находятся во взаимосвязи с экзистенциальными потребностями человека (потребностями в безопасности). Таким образом, нельзя говорить о безопасности как об абстрактном понятии, существующем самом по себе: безопасность всегда сопряжена с защитой потребностей, сильно варьирующихся от индивида к индивиду. Отсюда вытекает неоднозначность интерпретаций понятия «безопасность», отсутствие в общественном сознании безопасности «вообще». Философско-социологический подход к безопасности полагает ее важнейшим атрибутом общественной системы, а реализация безопасности осуществляется не оградительными мерами, а преобразованием негативных условий в фактор прогресса.

© Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Шишкова А.В., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Сама этимология слова «безопасность» свидетельствует о том, что речь идет об отсутствии или устранении опасности, где опасность – объективно существующая возможность негативного воздействия на социальный организм, результатом которого может являться причинение ущерба и ухудшение состояния данного организма. Поэтому когда мы говорим о безопасной жизни человека, гражданского общества, государства, то имеем в виду, отсутствие опасностей и угроз, как внешнего индикатора опасности. В действительности полное отсутствие угроз и опасностей невозможно, однако отсутствие конкретного их вида на определенном временном отрезке возможно.

Безопасность – система условий и факторов, в которой объект органично функционирует и развивается по своим внутренним законам и его наличие (функционирование) не создает проблем для внешней среды. Это наиболее существенная и типичная сторона жизнеобеспечения любого объекта. Можно выделять разные формы и виды безопасности, но общим для них будет являться наличие процедуры обеспечения защиты и последующих условий для нормального функционирования и прогрессивного развития. Перечень минимальных требований реализации безопасности включает в себя высокий уровень изученности природы объекта безопасности, знание динамики потенциальных угроз и опасностей для его существования, наличие социальных механизмов воздействия на объект безопасности и источники угроз.

В настоящее время происходит парадигмальный сдвиг в образовании. Вслед за многими теоретиками и практиками авторы статьи высоко оценивают социокультурный потенциал онлайн-обучения [7; 8; 9]. Небезосновательно полагая, что успешно внедряемые формы дистанционного образования и использование новых технических средств обучения способствуют повышению уровня инклюзии в образовании, что также является одним из главных современных трендов, признавая необходимость продолжения процесса цифровизации российской системы образования в соответствии с идеей персонализации образования с учетом индивидуальных потребностей обучающегося и идеей предельной доступности образования для каждого, мы считаем, что проблема безопасности знания в образовательном процессе является одной из актуальных.

Система образования сегодня включает традиционное обучение, смешанное обучение и массовые открытые онлайн-программы. Данная система функционирует на основе новой модели управления образованием (LMS), использующей современные информационно-коммуникационные технологии. Среди них – виртуализация образования с помощью технологий дополненной и виртуальной реальностей, роботизация, анализ больших данных, технологии искусственного интеллекта и машинного обучения и другие технологические составляющие.

Сегодня существует несколько интерпретаций понятия «цифровое образование», начиная от цикла видео-лекций, интерактивного общения учителя и ученика при помощи интернета, до принципиально новой системы цифрового обучения, как этапа «цифровой социализации».

Раскроем сущность данного концепта. Цифровое поколение, рано и массово овладев высокотехнологичным арсеналом новых культурных средств и инструментов, попадает под социализирующее воздействие цифровой и онлайн-среды. Данные аспекты социализации сопряжены с серьезными опасностями, среди которых можно назвать стихийное и неразборчивое освоение и использование всех доступных онлайн-ресурсов как источников развивающего, обучающего и развлекательного контента; пребывание на площадках онлайн-коммуникации и хаотичное освоение при помощи социальных сетей различных социальных ролей; существенное и потенциально опасное расширение круга онлайн-контактов и проч. Иными словами, речь идет о длительном нахождении обучающихся в онлайн-контекстах, задающих новые и плохо регламентированные влияния, возможные последствия которых пока не известны и не изучены. Молодой человек сталкивается с многообразными «рисками цифровой среды: контентными, коммуникационными, техническими и потребительскими, а также с риском чрезмерной увлеченности интернетом» [5, с. 73].

Кроме того, существует опасность цифрового разрыва между поколением обучающихся и поколением обучающихся. Уровень цифровой компетентности часто не позволяет преподавателю исполнять роль эксперта в области применения цифровых технологий в образовании. Радикально меняется роль преподавателя, он выступает как тьютор, консультант, наставник, «старший товарищ». Освоение новых социальных ролей членами педагогического сообщества – еще одна трудность и опасность на пути распространения цифрового образования.

Социализирующее воздействие на обучающегося оказывается сегодня не столько личностным, сколько техническим [10]. Воздействие цифровой экосистемы, с одной стороны, обедняет социальный опыт обучающихся. С другой стороны, требует от них развития более сложных когнитивных процессов, что является, на наш взгляд, благом.

Расширение цифрового образовательного пространства, распространение онлайн-методик и иных высокотехнологичных цифровых практик формирует просоциальные установки и компетенции индивида, тогда как традиционное офлайн-обучение архайзируется и деградирует [6].

Ожидается, что цифровизация образования, поддержанная на институциональном государственном уровне и на уровне гражданского общества, принципиально изменит структуру и организацию образовательного процесса, приведет к появлению нового научного направления и соответствующей специальности «цифровая педагогика». Как некий промежуточный итог, произойдет фундаментальное изменение образовательных государственных стандартов и комплекса компетенций выпускника учебного заведения, а также возникнет эффективная информационная образовательная среда.

Исходным звеном данного процесса, как считает большинство специалистов, является формирование инструментария создания требуемого учебного материала, а также определения путей, способов, средств доставки знаний обучающимся. Внедрение современной цифровой базы в образовательный процесс предполагает изначальное понимание природы информации и знаний, условий их эффективного использования обучающимися и обучаемыми. Попробуем в этом разобраться.

Доминантой образовательного пространства является знание, которое находится в единстве с другой идеальной конструкцией под названием «информация». Это единая и целостная конструкция, которую иногда называют информационно-когнитивный продукт или формой, используемой в образовании [1].

С точки зрения философии, знание рождено субъективной реальностью, оно по природе своей личностно, идеально и уникально, имеет свои критерии рациональности и истинности. Это результат деятельности рациональной сферы сознания, мир «чистых сущностей», формирующийся на основе логических процедур с использованием абстрактного мышления. Наряду с рациональным знанием существует внерациональное, составным элементом которого выступает иррациональное знание. Абсолютно внерационального знания не существует, так как любое внерациональное включает в той или иной мере элементы рационального. Человек пользуется различными видами знаний: обыденными (иногда их называют знаниями здравого смысла), научными, паранаучными, техническими, художественными и т. д. Знания генерируются и транслируются для определенной деятельности, которая и предопределяет специфику знания.

Знание по своей природе личностно и лишь на этом уровне способно в идеальной форме воссоздать окружающую действительность. «Вне личности, вне духовного начала знания невозможны, мы будем иметь дело только с оболочкой знаковой системы – информацией, которая не имеет никакого отношения к культуре» [4, с. 73]. Как только знание отрывается от своего творца, оно становится информацией, которая способна опредмечиваться и превращаться в бумажный или цифровой документ. Следовательно, формой жизни знания в обществе является информация, которая по объему не является точным слепком знания. Фактически в повседневной жизни человек имеет дело с информацией, в совокупности воспринимая ее как определенное знание.

Образовательное пространство в современном понимании представляет собой сферу когнитивного взаимодействия субъектов. Это сфера интеллектуальной деятельности субъектов: производства (познания), поиска, получения, передачи, распространения, хранения и уничтожения знания. Субъектов образовательного пространства сегодня интересует информация, которая с помощью цифры может быть выбрана и переработана в знание, а последнее способно удовлетворять когнитивные потребности. Знания проходят определенный цикл трансформации: включаясь в социальные коммуникации, они становятся информацией, а эта информация, достигая своих получателей, преобразуется в личностное знание. Таким образом, создаваемые знания информация стремится сделать достоянием всех участников пространства – в этом проявляется общечеловеческий характер информации.

Отчужденное знание, в каком-то смысле, постоянно удаляется от своего носителя. Уже на стадии первобытного общества мы видим подобное отчуждение в факте формирования надындивидуального общественного сознания. Фиксацию этого обстоятельства можно найти у Сократа в его разделении мышления как бы на два слоя: первый слой – это система личностного мышления и знаний, второй – надындивидуальный слой родового, общечеловеческого знания. А. Ф. Лосев интерпретировал эти уровни как универсальные знания и модели основных свойств вещей, событий, процессов и видов деятельности [2, с. 276].

Признание возможности существования знаний в самостоятельном виде является устойчивой концепцией европейской философской мысли. Об этом же свидетельствует и христианская традиция, подчеркивающая существование знания, рожденного божественным разумом.

Исторический опыт свидетельствует, что пороговым этапом стало создание письменности. Это позволило фиксировать отчужденное знание на материальном носителе в форме поддающегося пространственно-временной трансляции письменного текста. Эффект отчуждения еще более усилился в связи с возникновением полиграфической промышленности. Затем последовала компьютерная революция – появилась возможность машинного хранения знаний, что существенно увеличило возможности общества обеспечивать доступ социальных субъектов к когнитивным ресурсам.

Общественная модель развития знания отражает закономерности движения готового знания, абстрагируясь от связи с его реальными производителями. Этот мир объективного автономного знания К. Поппер в противовес субъективному знанию назвал «третьим миром». Характерными чертами объективного знания являются отчужденность от индивидуального субъекта и независимость от его сознания. «Знание в объективном смысле, – пишет К. Поппер, – есть знание без того, кто знает: оно есть знание без познающего субъекта» [3, с. 442-443].

В образовательном пространстве знания передаются, циркулируют и опять-таки отчуждаются. Отчужденное знание существует как объективированная по отношению к отдельной личности система взглядов, идей, теорий. По форме бытия оно интерсубъективно и объективировано в знаковых системах, а также предметах человеческой культуры. Логично выделить три уровня знаний в зависимости от того, кто выступает носителем: личностное знание, объективированное знание, всеобщее (глобальное) знание. Первое получено индивидуальным субъектом. Второе знание опредмечено, овеществлено в современных орудиях производства и других предметах «второй природы», его носителем выступают различные социальные системы. Носитель третьего типа знания – все человечество. Глобальное знание представляет собой некие универсальные познавательные идеалы, скрытые предельно общие основания познавательной деятельности, его носителем выступает все человечество. Это колоссальный запас всеобщего социального знания, коллективный продукт интеллектуальных усилий многих поколений людей, зафиксированный в материально-знаковой форме. Его ядром является научное знание, но наряду с научным, разумеется, существуют и другие формы представления знания.

Ввиду того, что между указанными тремя видами знания есть различия сущностного характера, переход от одного вида в другой требует преодоления принципиальных барьеров. Несмотря на это, на практике между этими видами знания устанавливается взаимодействие и происходит перетекание знания с одного уровня на другой: личностное знание преобразуется в объективированное, независимо от условий производства личностного знания, а затем – полностью или частично, прямо или косвенно – происходит трансформация в глобальное знание. К сожалению, в результате трансформации неизбежно теряется существенная часть объективированного знания. В связи с этим возникает проблема сохранения и актуализации личностного знания. Поэтому процесс распространения, передачи знания должен искусственно поддерживаться обществом.

Сказанное выше позволяет сделать ряд промежуточных выводов:

- знания имеют автономную, самостоятельную жизнь в образовательном пространстве и, соответственно, выполняют уникальные социальные функции;
- знания обладают относительно самостоятельным общественным бытием и для выполнения возложенных на них функций должны располагать определенной совокупностью условий для нормального функционирования и прогрессивного развития;
- для создания указанных условий необходимо существование предметно ориентированной системы безопасности.

Решение проблемы безопасности знания в цифровом образовательном пространстве правомерно начинать с теоретического осмысления следующих исходных положений.

Во-первых, безопасность знания в цифровом образовательном пространстве необходимо рассматривать как относительно самостоятельное явление, имеющее специализированную природу, закономерности, тенденции развития, собственный способ и формы существования, при которых абстрактная теоретическая возможность становится действительностью. Многие в этой самостоятельности определяют особенности самого цифрового образовательного пространства.

Во-вторых, условия для перехода абстрактной теоретической возможности в практическую плоскость создает цифровое образовательное пространство, а не собственно система безопасности знания. Поэтому при всей самостоятельности нельзя безопасность знания считать некой обладающей уникальными свойствами и признаками особой реальностью. Вернее говорить о безопасности знания как о динамическом аспекте существования

цифрового образовательного пространства, реализованной способности последнего к саморазвитию. Следовательно, нет необходимости изолированно совершенствовать и развивать систему безопасности знания, а нужно реформировать существующее образовательное пространство и формировать цифровое пространство, которое должно будет обеспечить когнитивные условия для нормального функционирования. Подобное реформирование невозможно без сопутствующего комплекса философско-социологических исследований. Вопросу о том, что представляет собой безопасность знания, должен предшествовать вопрос о том, как должно быть когнитивно устроено цифровое образовательное пространство, чтобы потенциальные когнитивные опасности не осуществились, а качественное состояние под названием «безопасность знания» стало реальностью.

Библиографический список

1. Захаров, М. Ю. Модернизация информационной сферы Китая (опыт социально-философского осмысления) // Инновационные модели и механизмы управления модернизационным развитием (компаративистский анализ российского и китайского опыта). – М.: Издательский дом ГУУ, 2017. – С. 145-178.
2. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М.: Искусство, 1975. – 880 с.
3. Поппер, К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
4. Пронина, Л. А. Информационные технологии в сохранении культурного наследия // Аналитика культурологии. – 2008. – № 3 (12). – С. 73-78.
5. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 71-80.
6. Сохраняева, Т. В. Цифровая социализация как проблема философии образования // Философия образования. – 2018. – № 1 (74). – С. 35-43.
7. Старовойтова, И. Е. Открытое образование: проблемы и точки роста // Россия – Китай: управление обществом в цифровую эпоху: монография / Под ред. М. Ю. Захарова, И. Е. Старовойтовой. – М.: Издательский дом ГУУ, 2020. – С. 181-197.
8. Устюжанина, Е. В., Евсюков, С. Г. Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2018. – № 1 (97). – С. 3-12.
9. Шишкова, А. В. Проблема цифрового неравенства в современном образовательном процессе // Россия – Китай: управление обществом в цифровую эпоху: монография / Под ред. М. Ю. Захарова, И. Е. Старовойтовой. – М.: Издательский дом ГУУ, 2020. – С. 197-212.
10. Johnson, G., Pupilamp, K. A conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem // Canadian Journal of Learning and Technology. – 2008. – Vol. 34. – Pp. 19-28.

References

1. Zakharov M. Yu. Modernizatsiya informatsionnoi sfery Kitaya (opyt sotsial'no-filosofskogo osmysleniya) [Modernization of the information sphere in China (experience of social and philosophical understanding)]. Innovatsionnye modeli i mekhanizmy upravleniya modernizatsionnym razvitiem (komparativistskii analiz rossiiskogo i kitaiskogo opyta) [Innovative models and mechanisms for managing modernization development (comparative analysis of Russian and Chinese experience)]. Moscow, Izdatel'skii dom GUU, 2017, pp. 145-178.
2. Losev A. F. Istoriya antichnoi estetiki. Aristotel' i pozdnyaya klassika [History of ancient aesthetics. Aristotle and the late classics]. Moscow, Iskusstvo, 1975, 880 p.
3. Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya [Logic and the growth of scientific knowledge]. Moscow, Progress, 1983. 605 p.
4. Pronina L. A. Informatsionnye tekhnologii v sokhranении kul'turnogo naslediya [Information technologies in the preservation of cultural heritage]. Analitika kul'turologii, 2008, no. 3 (12), pp. 73-78.
5. Soldatova G. U. Tsifrovaya sotsializatsiya v kul'turno-istoricheskoi paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire [Digital socialization in the cultural and historical paradigm: a changing child in a changing world]. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society], 2018, vol. 9, no. 3, pp. 71-80.
6. Sokhranyaeva T. V. Tsifrovaya sotsializatsiya kak problema filosofii obrazovaniya [Digital socialization as a problem in the philosophy of education]. Filosofiya obrazovaniya [Philosophy of Education], 2018, no. 1 (74), pp. 35-43.
7. Starovoitova I. E. Otkrytoe obrazovanie: problemy i tochki rosta [Open education: challenges and growth points]. Rossiya – Kitai: upravlenie obshchestvom v tsifrovuyu epokhu: monografiya [Russia – China: the management of society in the digital age: a monograph]. Pod red. M. Yu. Zakharova, I. E. Starovoitovoi. Moscow, Izdatel'skii dom GUU, 2020, pp. 181-197.

8. Ustyuzhanina E. V., Evsyukov S. G. Tsifrovizatsiya obrazovatel'noi sredy: vozmozhnosti i ugrozy [*Digitalization of the educational environment: opportunities and threats*]. Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova [*Vestnik of the Plehanov Russian University of Economics*], 2018, no. 1 (97), pp. 3-12.
9. Shishkova A. V. Problema tsifrovogo neravenstva v sovremennom obrazovatel'nom protsesse [*The problem of digital inequality in the modern educational process*]. Rossiya – Kitai: upravlenie obshchestvom v tsifrovuyu epoku: monografiya [*Russia – China: the management of society in the digital age: a monograph*]. Pod red. M. Yu. Zakharova, I. E. Starovoitovoi. Moscow, Izdatel'skii dom GUU, 2020, pp. 197-212.
10. Johnson G. A., Pupilampu K. A conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem. Canadian Journal of Learning and Technology, 2008, vol. 34, pp. 19-28.

Максимов Владимир Валерьевич

аспирант, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-0036-1370

e-mail: aspfaruziv@mail.ru

Малахова Елена Анатольевна

главный специалист, Общероссийская общественная организация инвалидов «Образование для инвалидов», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2080-1599

e-mail: malaxova2@mail.ru

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Рассмотрена современная концепция цивилизации, процессы цивилизационной идентификации и идентичность на основе выделения базовых ценностей. Исследованы традиционные духовно-нравственные ценности населения России. Раскрыты методологические и методические вопросы социологической диагностики цивилизационной идентичности российских студентов. Приведены некоторые результаты авторского социологического исследования с изложением сравнительной оценки ориентации молодых людей на ценности российской цивилизации. На основе сравнительного анализа дано описание социальных конструктов (паттернов) ценностей российской цивилизации, представлены данные о статистической связи цивилизационной идентичности студентов и их интегрированности в виртуальные формы социального взаимодействия. Обоснованы меры по улучшению условий процесса цивилизационной идентификации российской студенческой молодежи, включению в этот процесс цифровизации общества.

Ключевые слова: социологическое исследование, цивилизация, идентичность, молодежь, студенты, цифровое общество.

Цитирование: Максимов В.В., Малахова Е.А. Цивилизационная идентичность российской студенческой молодежи в цифровом обществе // Вестник университета. 2020. № 3. С. 160–166.

CIVILIZATIONAL IDENTITY OF RUSSIAN STUDENT YOUTH IN A DIGITAL SOCIETY

Abstract. The modern concept of civilization, processes of civilizational identification and identity on the basis of allocation of basic values have been considered. Traditional spiritual and moral values of Russian population have been studied. Methodological and methodical issues of sociological diagnostics of civilizational identity of Russian students have been revealed. Some results of the author's sociological research with presentation of a comparative assessment of the orientation of young people on the values of the Russian civilization have been adduced. On the basis of comparative analysis, the description of social constructs (patterns) of values of the Russian civilization has been given, the data on the statistical connection of the civilizational identity of students and their integration into virtual forms of social interaction have been presented. The measures to improve the conditions of the process of civilizational identification of Russian students and to include them in the process of digitalization of society have been substantiated.

Keywords: sociological research, civilization, identity, youth, students, digital society.

For citation: Maximov V.V., Malakhova Ye.A. (2020) Civilizational identity of Russian student youth in a digital society. *Vestnik universiteta*. I. 3, pp. 160–166. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-160-166

Проблемы цивилизационного развития, особенностей отдельных цивилизаций, их роли в развитии народов, культур, ценностно-нормативных основ национальных государств, возникших в силу процессов цивилизационных трансформаций занимают определенное место в исследованиях наук социально-гуманитарного цикла.

Важные научные данные по проблемам возникновения, изменения и перспектив возникновения, развития цивилизаций и протекающих в них процессах содержатся в трудах отечественных ученых [4; 5; 6; 7]. Существенное внимание цивилизационным процессам в человеческом социуме уделяется зарубежными социологами, экономистами, культурологами и другими представителями социально-гуманитарного знания [8; 9].

© Максимов В.В., Малахова Е.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Современные исследования проблем цивилизаций, цивилизационной идентификации наследуют традиционные подходы, а также смело включают в новейшие концепции цифрового общества [2; 3; 10].

Это позволило сформировать необходимую концепцию эмпирического социологического исследования, связанного с изучением процесса идентификации молодежи Российской Федерации (далее – РФ) к ценностям российской цивилизации, которое проводится в 2019-2020 гг. в ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» на базе профильного Департамента социологии, истории и философии. На основе обработки и анализа 371 анкеты и тестовых бланков методики М. Рокича получены качественные и количественные характеристики процесса ценностной идентификации молодых людей и его результатов. В исследовании приняли участие респонденты из числа студентов 5 столичных и подмосковных вузов, которые представляют 39 субъектов РФ. Репрезентативность первичных данных находится на уровне ошибки $\Delta = 4,1 \%$ при стандартном для таких исследований уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Формирование параметров процесса цивилизационной идентификации различных категорий российского населения осуществлено на основе следующих характеристик понятия сущности российской цивилизации:

- по своему статусу она является глоболокальной цивилизацией (в соотношении с локальными и глобальными цивилизациями);
- в социологическом смысле она является своеобразной культурно-исторической «проекцией» российского социума и воплощает базовые характеристики его автономности (отличий) от других обществ;
- является системным качеством взаимопроникновения различных ее сфер: финансово-экономической, политико-правовой, социокультурной, духовной (ценностной);
- имеет темпоральное измерение, так как развивается в логике так называемых витальных циклов: зарождение цивилизаций (прототипов цивилизаций), развитие цивилизаций, расцвет и возможное угасание.

Формирование системной модели феномена цивилизационной идентичности, как объекта социологического исследования, проведено в духовно-нравственном континууме развития российского социума путем содержательного анализа документов стратегического планирования и обеспечения национальной безопасности России [1].

На основе процедур интерпретации и операционализации основных понятий исследования проведена социальная диагностика идентификации российской студенческой молодежи к достойному отношению к цивилизационному выбору наших предков и сегодняшнего поколения россиян, которые основаны на таких ценностных конструктах, как: свобода народа и независимость страны; подтверждение ценности гуманизма; поддержание ценности межнационального мира среди народов и обеспечения согласия разных этносов; связанное с этим принятие и развитие ценностей культурного единства многонационального народа российского социума; закрепление в сознании ценности семейных традиций и их уважение; также и уважение традиций различных религий, конфессий; поддержание у населения, особенно у молодежи, ценности патриотизма.

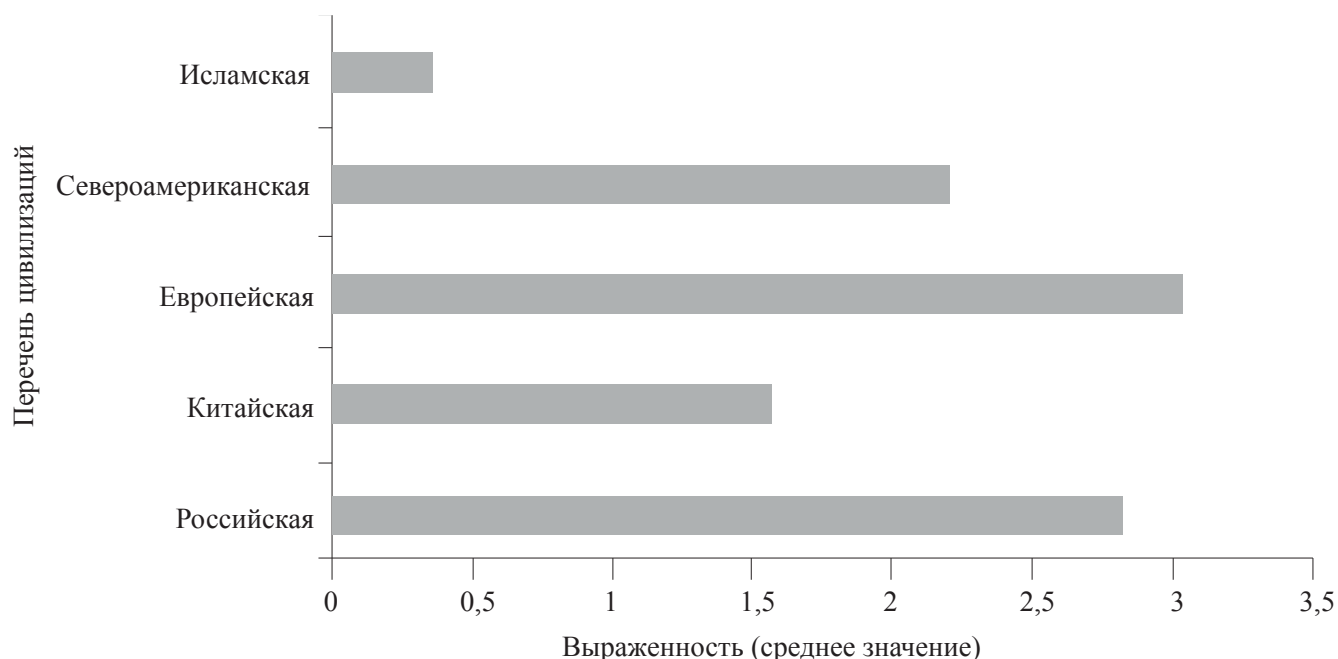
С помощью методики парных сравнений выявлены уровни привлекательности для российской молодежи базовых цивилизаций, к которым относятся российская, китайская, европейская, североамериканская, исламская цивилизации (см. рис. 1).

Уровни привлекательности цивилизаций в ходе социологического исследования выражены в индексных значениях, за которые приняты математические ожидания средней по величине набранных альтернатив (от «0» – min, до «4» – max).

Наиболее привлекательными для молодых людей, учащихся в высших учебных заведениях, являются европейская (3,04) и российская (2,83) цивилизации. Менее привлекательны – североамериканская (2,2) и китайская (1,57). Существенно отличается от других индекс привлекательности исламской цивилизации – 0,5.

Полученные результаты свидетельствуют о некотором размывании для студенческой молодежи цивилизационной привлекательности различных моделей социального бытия в различных регионах и странах. Это приводит, в частности, к появлению групп молодых людей, которые однозначно ориентированы на различные цивилизации. При этом российскую цивилизацию оценивают предпочтительнее, чем другие, 33,9 % респондентов, китайскую – 6,6 %, европейскую – 36,5 %, североамериканскую – 14,3 %, исламскую – 1,7 %.

С целью получения углубленных характеристик российской цивилизационной идентичности молодежи был сделан анализ различных аспектов этого процесса: привлекательности, ощущения принадлежности, а также связи с реализацией жизненных планов российской цивилизации.

Составлено автором по материалам исследования

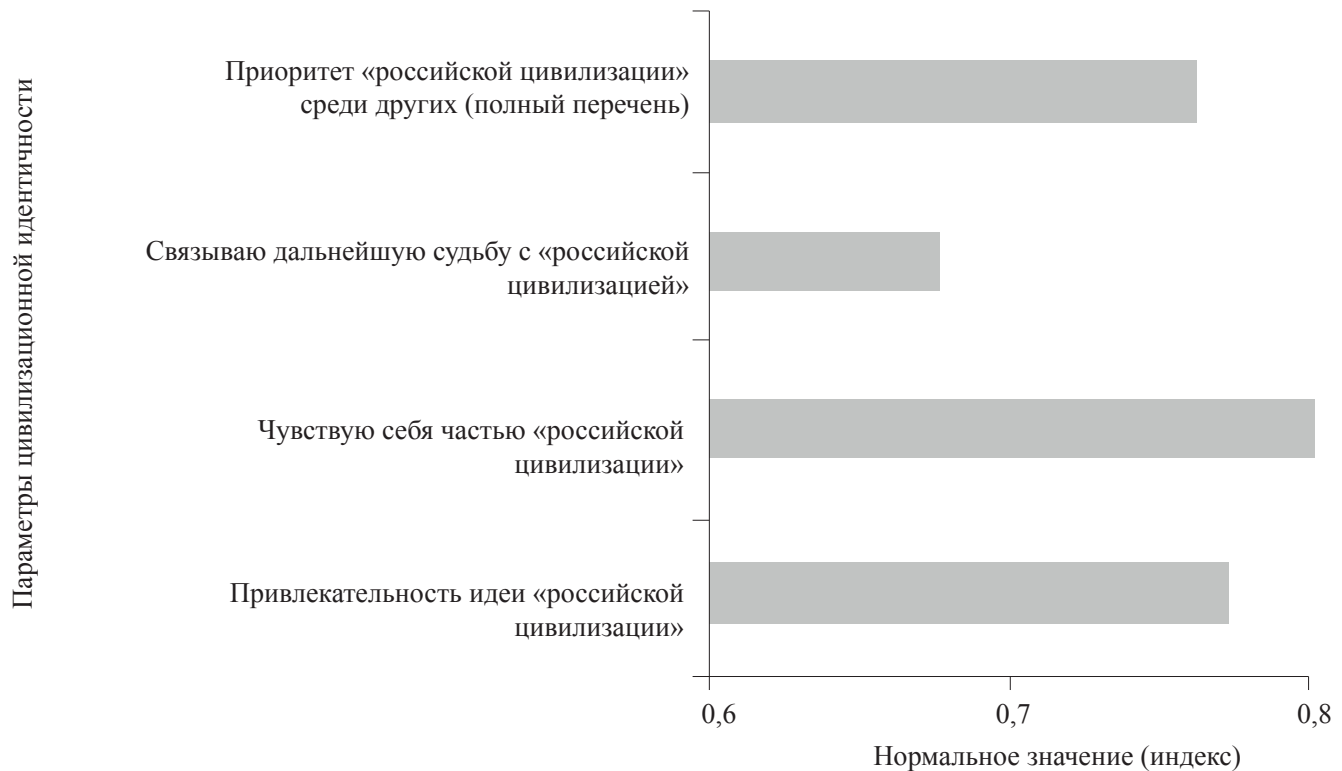
Рис. 1. Уровни привлекательности различных моделей цивилизации

Одновременно для повышения достоверности параметров идентичности российской студенческой молодежи в исследовании использован метод ранговой иерархии (аналог методики М. Рокича) расширенного перечня цивилизаций, в который включены:

- цивилизация китайская (конфуцианская), связанная со страной Китаем;
- цивилизация индийская (индуистская) – Индия;
- цивилизация исламская-арабская – Палестина, Иордания, Ирак и др.;
- цивилизация японская – Япония;
- цивилизация африканская (негроидно-африканская) – Египет, Нигерия, Ангола, ЮАР и др.;
- цивилизация западная-западноевропейская – Франция, Великобритания, ФРГ и др.;
- цивилизация исламская-иранская (персидская) – Иран;
- цивилизация западная-латиноамериканская – Колумбия, Венесуэла, Аргентина и др.;
- цивилизация исламская-малайская – Малайзия;
- цивилизация западная-североамериканская – США;
- цивилизация восточноевропейская – Польша, Венгрия, Болгария и др.;
- цивилизация российская – Россия;
- цивилизация славянская (православная, ортодоксально-православная) – Белоруссия, Сербия, Словения и др.;
- цивилизация иудаизма (еврейская, израильская) – Израиль;
- цивилизация западная-австралийско-новозеландская – Австралия, Новая Зеландия;
- цивилизация буддистская – Тибет (Китай), Шри-Ланка, Таиланд, Мьянма и др.;
- цивилизация исламская-тюркская (в частности турецкая) – Турция;
- цивилизация западная-скандинавская (северо-европейская) – Норвегия, Швеция и др.

Характеристика уровня приоритетности для респондентов российской цивилизации среди прочих произведена с помощью нормированного индекса, который преобразует количественные показатели рангов (от «1» – наименьший до «18» – наибольший) в диапазоне от «0» до «1».

Нормирование показателей идентичности российской студенческой молодежи по другим параметрам позволило провести их сравнительный анализ (см. рис. 2).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Выраженность параметров идентичности респондентов с российской цивилизацией в индексном значении от «0» до «1»

Респонденты уверенно определяют ощущение своей принадлежности, частью «русской цивилизации» (индекс 0,8020). Близко к этому уровню и приоритетность для респондентов «российской цивилизации» среди расширенного перечня общемировых цивилизаций, которые выделяются в настоящее время учеными в общечеловеческом глобальном социуме (индекс 0,7624). С эмоциональной точки зрения привлекательность самой идеи «российской цивилизации» выражена примерно на том же уровне (индекс 0,7733).

Традиционно оценка перспектив реализации жизненных целей преимущественно в российских цивилизационных рамках существенно ниже, так как индекс равен 0,6770. Это очевидно связано с общими трендами распространения космополитизма, социокультурной социально-экономической мобильностью молодых людей в XXI в.

Отдельно проведен гендерный сравнительный анализ терминальных и инструментальных ценностей цивилизационной идентичности российской студенческой молодежи. Выявлено при этом, что юноши и девушки имеют сходные характеристики ценностных параметров цивилизационной идентичности. Это, в частности, может свидетельствовать об определенном сходстве ценностно-мотивационных характеристиках российских юношей и девушек и, следовательно, создает благоприятные условия для создания семей на общих социокультурных основаниях.

На последующих этапах после описания общих параметров процесса цивилизационной идентификации и уровне идентичности молодежи и ее групп, будет произведено: выявление социально-демографических факторов детерминации исследуемого социального феномена; обоснование сценарных прогнозов изменений цивилизационной идентичности и трансформации условий государственной политики в области культуры, образования, работы с молодежью; осуществление рискологических аспектов дисфункции социализирующих институтов и возрастания опасностей разрушения традиционных ценностей российского социума в глобализирующемся мире.

Использование метода корреляционного анализа позволяет зафиксировать связь отдельных параметров цивилизационной идентичности с характеристиками их социальной активности в интернет-пространстве, особенностями социально-политических установок, а также выбора различных репродуктивных стратегий.

По результатам социологического исследования получены следующие латентные характеристики в различных областях.

1. Достаточно интересным представляется выявление уровня цивилизационной идентичности российской студенческой молодежи с содержательными компонентами российской цивилизации, которые в рамках цифровой социологии могут быть представлены как «конструкты», либо «паттерны» различной степени общности.

В исследовании была изучена корреляционная связь самооценки респондентами отношения к русской цивилизации путем ответа на вопрос: «Чувствуете ли Вы себя частью русской цивилизации, человеком русской цивилизации?» с признанием важности и одобрения структур ее содержания. Значимыми оказались взаимосвязи цивилизационной идентичности с такими социальными конструктами, как «одобрение и признание важности «святости» (значение коэффициента Пирсона r_{xy} составляет 0,289, при уровне значимости $\alpha = 0,01$), «одобрение и признание важности «совести» ($r_{xy} = 0,299$); «одобрение и признание важности «справедливости» ($r_{xy} = 0,305$), «одобрение важности «поддержания связей славян в разных государствах – «трансславянство» ($r_{xy} = 0,311$).

Характерно, что корреляционный анализ рисует непротиворечивую картину (целостность) латентных связей отдельных конструктов (паттернов) российской цивилизации, так как они все положительно направлены. Кроме того, обращает внимание на их духовную коннотацию в рамках понимания российской цивилизации.

2. Особый интерес представляет характер корреляционных связей между параметрами «цивилизационной идентичности» студенческой молодежи с характеристиками ее включенности в цифровое пространство, среди которых наиболее существенной оказались связь с приоритетностью ценности «иметь много лайков, подписчиков, высокий статус в сети «Интернет», социальных сетях» ($r_{xy} = -0,184$, при уровне значимости $\alpha = 0,05$). Обращает на себя отрицательная направленность этой связи, что свидетельствует о том, что возрастание уровня цивилизационной идентичности связано с уменьшением важности «цифрового» признания, стремления к высокому статусу в виртуальном пространстве.

3. Отдельно в исследовании изучена связь цивилизационной идентичности с позитивными репродуктивными установками студенческой молодежи. Корреляционный анализ показал, что традиционное для нас важность продолжение своего рода подтверждается с помощью экспериментальных математико-статистических методов. Так, самооценка своей российской цивилизационной идентичности у респондентов положительно связана в их сознании с согласием по отношению утверждений: «рождение детей важнее материального достатка, финансового благополучия, жилья» ($r_{xy} = 0,305$, $\alpha = 0,01$); «многодетные родители заслуживают всяческого уважения и поддержки» ($r_{xy} = 0,371$, $\alpha = 0,01$). Также выявлена положительная связь цивилизационной идентичности студенческой молодежи с приоритетом ценности «рождение детей, забота о них, желание оставить потомство» ($r_{xy} = 0,243$, $\alpha = 0,01$) по сравнению с другими ценностями пирамиды мотивов Маслоу.

В целом социальная диагностика позволяет насытить субъекты социального управления экспериментальными данными для реализации преобразующей функции социологии и обосновать меры по созданию благоприятных условий для цивилизационной идентификации российской молодежи на современном этапе развития нашего социума. К ним, в частности, относятся следующие меры.

4. Целесообразно поддержать конституционные изменения в части подтверждения и укрепления правового регулирования норм национальной значимости цивилизационных, ценностных основ общественной жизни и государственного строительства, а в последующем внесения соответствующих изменений в законодательство и документы стратегического планирования для поступательного развития российской цивилизации в форме современного российского государства и сплоченного социума – носителя лучших традиций составляющих его народов.

5. Субъектам высшего государственного руководства России необходимо четко формулировать ценностные ориентиры российской цивилизации, соотнося их с нормативно-правовой оценкой важных эпохальных исторических событий, в частности в борьбе с фашизмом в период Второй мировой войны, в которых наша страна со всем человечеством защитила цивилизационный выбор гуманистического развития, что предполагает в условиях попыток фальсификации роли СССР в разгроме гитлеровской Германии и ее союзников в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. активное использование дипломатических политико-правовых средств, межгосударственных форм отношений в международной политике в целях:

– обеспечения уважения к воинским захоронениям, памятникам советским воинам Великой Отечественной войны на территориях других стран;

- дипломатических демаршей против практики законодательно закрепить ответственность за отрицание преступления конкретно нацизма и в целом «тоталитарных режимов» (Венгрия, 2010 г.; Украина, 2015 г.);
- последовательное разъяснение на официальном уровне лжи, подтасовок, провокаций и фейков, участниками которых являются высшие должностные лица некоторых государств, сознательно или неосознанно фальсифицирующие историю Второй мировой войны (замалчивание роли Красной армии в освобождении Освенцима, которое проявилось на международных памятных мероприятиях в январе 2020 г. и др.).

6. Инициирование научных исследований фундаментальных основ российской цивилизации, их публикация и введения в научный оборот, а также общественный дискурс, социо-культурный контекст информационной политики, для чего было бы целесообразным использовать опыт работы создания по инициативе 2023 г. Президента России В. В. Путина с привлечением выдающихся ученых в области социально-гуманитарного знания единой линейки учебников истории России для средней школы, обучение по которым в рамках переформатированного историко-культурного стандарта было начато в 2016/2017 гг.; в частности это было бы полезно для развития дидактического инструментария преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла в высшей школе.

7. Изучение проблематики цивилизационной идентичности, ее связи с развитием цифрового общества, социально-демографических факторов детерминации целесообразно продолжить в рамках федерального исследовательского проекта социальных аспектов государственного строительства и социально-экономической трансформации с учетом:

- сформулированных национальных целей развития нашей страны;
- включенных в федеральные проекты стратегических задач позитивных изменений на среднесрочную и долгосрочный период государственного и общественного развития.

Таким образом, современная российская молодежь в целом имеет высокий уровень идентификации своих мотивационно-ценностных ориентаций с ценностями российской цивилизации, связывает свою судьбу с ее развитием, что создает существенные условия для позитивного процесса развития российского социума путем сознательного включения современного и последующего поколений в систему его базовых компонентов функционирования. Одновременно, среди молодежи имеется явственная ориентация и на европейскую модель цивилизационного развития.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 10.01.2020).
2. Алаев, Л. Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 2. – С. 87-112.
3. Алибегиллов, Ш. А. Концептуальные понятия политической идентичности в контексте формирования цивилизационной идентичности России // Власть. – 2016. – Т. 24. – № 11. – С. 100-105.
4. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. – 2-е изд. / Составление и комментарии Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 816 с.
5. Леонтьев, К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России / Сост., вступит. ст., указ. имен и коммент. А. В. Белова, отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 1232 с.
6. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений / Пер. с англ. В. В. Сапова. – СПб: РХГИ, 2000. – 1054 с.
7. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
8. Тойнби, А. Дж. Постигание истории: сборник. / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.
9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? // Гуманитарный портал. – 2007. – 20 янв. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498> (дата обращения: 10.01.2020).
10. Яковенко, И. Г. Цивилизационный анализ, проблема метода // Проблемы исторического познания: материалы международной конференции. Москва, 19-21 мая 1996 г. / Редкол.: акад. Г. Н. Севостьянов (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1999. – С. 84-92.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31.12.2015 № 683 "O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii" [*Decree of the President of the Russian Federation No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"*], dated on December 31, 2015]. SPS "Konsul'tantPlyus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (accessed 10.01.2020).
2. Alaev L. B. Smutnaya teoriya i spornaya praktika: o noveishikh tsivilizatsionnykh podkhodakh k Vostoku i k Rossii [*Vague theory and controversial practice: about the latest civilizational approaches to the East and Russia*]. Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii, 2008, no. 2, pp. 87-112.
3. Alibegilov Sh. A. Kontseptual'nye ponyatiya politicheskoi identichnosti v kontekste formirovaniya tsivilizatsionnoi identichnosti Rossii [*Conceptual notions of political identity in the context of the formation of civilizational identity of Russia*]. Vlast' [Power], 2016, vol. 24, no. 11, pp. 100-105.
4. Danilevskii N. Ya. Rossiya i Evropa [*Russia and Europe*], 2-e izd. Sostavlenie i kommentarii Yu. A. Belova, otv. red. O. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii, Blagoslovenie, 2011, 816 p.
5. Leont'ev K. N. Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii [*Slavophilism and the future destinies of Russia*]. Sost., vstupil. st., ukaz. imen i komment. A. V. Belova, otv. red. O. A. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii, 2010. 1232 p.
6. Sorokin P. A. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: issledovanie izmenenii v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestv. otnoshenii [*Social and cultural dynamics: A study of changes in large systems of art, truth, ethics, law, and social relations*]. Per. s angl. V. V. Sapova. St- Petersburg, RKhGI, 2000. 1054 p.
7. Sorokin P. A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [*Human. Civilization. Society*]. Obshch. red., sost. i predisl. A. Yu. Sogomonova. Moscow, Politizdat, 1992. 542 p.
8. Toinbi A. J. Postizhenie istorii: sbornik [*Comprehension of history: collected works*]. Per. s angl. E. D. Zharkova. Moscow, Robf, 2001. 640 p.
9. Hantington S. Stolknoenie tsivilizatsii? [*Clash of civilizations?*]. Gumanitarnyi portal, 2007, Jan. 20. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498> (accessed 10.10.2020).
10. Yakovenko I. G. Tsivilizatsionnyi analiz, problema metoda [*Civilizational analysis, the problem of method*]. Problemy istoricheskogo poznaniya: materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Moskva, 19-21 maya 1996 g. [*Problems of Historical Knowledge: Proceedings of International Conference. Moscow, May 19-21, 1996*]. Redkol: akad. G. N. Sevost'yanov (otv. red.) i dr. Moscow, Nauka, 1999, pp. 84-92.

Персианов Владимир Александрович

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7803-9544

e-mail: p-val@yandex.ru

Борисова Виктория Владимировна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0629-1067

e-mail: vv_borisova@guu.ru

Курбатова Анна Владимировна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-0176-4817

e-mail: kurbatova-guu@yandex.ru

Persianov Vladimir

Doctor of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7803-9544

e-mail: p-val@yandex.ru

Borisova Viktoria

Candidate of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0629-1067

e-mail: vv_borisova@guu.ru

Kurbatova Anna

Doctor of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0176-4817

e-mail: kurbatova-guu@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ: ИТОГИ И ОРИЕНТИРЫ АНКЕТНОГО ОПРОСА ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА В УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. Представлен анализ результатов анкетного опроса руководителей институтов, кафедр и членов Академического совета ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» по комплексу вопросов, связанных с целеполаганием в подготовке кадров управленческого профиля. Выявлено, с одной стороны, разнообразие точек зрения респондентов, с другой – наличие достаточно высокой степени их единомыслия в целеполагании и путях выхода вуза на траекторию эффективного развития. Сделан вывод о необходимости принятия серьезных мер по повышению качества высшего образования с использованием, прежде всего, богатого отечественного опыта и стратегических ориентиров в социально-экономическом развитии страны.

Ключевые слова: высшее образование, управленческие кадры, образовательная среда, учебный процесс, воспитательная работа, стратегические ориентиры, целеполагание, анкетный опрос.

Цитирование: Персианов В.А., Борисова В.В., Курбатова А.В. Перспективы развития образовательной среды: итоги и ориентиры анкетного опроса профессорско-преподавательского состава в университете // Вестник университета. 2020. № 3. С. 167–173.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT: RESULTS AND GUIDELINES OF A QUESTIONNAIRE SURVEY OF TEACHING STAFF AT THE UNIVERSITY

Abstract. The analysis of the results of a questionnaire survey of heads of institutes, departments and members of Academic board of the State University of Management on a set of issues related to goal-setting in teaching managerial personnel has been presented. It has been revealed, on the one hand, a variety of respondents' points of view, on the other hand, the presence of a sufficiently high degree of unanimity in goal-setting and ways of exit of the University to the trajectory of effective development. It has been concluded, that it is necessary to take serious measures to improve the quality of higher education using, first of all, rich domestic experience and strategic guidelines in the socio-economic development of the country.

Keywords: higher education, management personnel, educational environment, educational process, educational work, strategic guidelines, goal-setting, questionnaire survey.

For citation: Persianov V.A., Borisova V.V., Kurbatova A.V. (2020) Prospects for the development of the educational environment: results and guidelines of a questionnaire survey of teaching staff at the university. *Vestnik universiteta*. 1. 3, pp. 167–173. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-167-173

Условия работы вузов России в последние годы существенно изменились. Это вызвано различными факторами как внутреннего характера (экономические трудности в стране, усложнение всей системы профессиональной подготовки кадров, платность обучения и др.), так и внешнего (новые тенденции развития образовательной среды в мире). Снижение объемов бюджетного финансирования вузов, ослабление их связей с производством и исследовательскими центрами и другие реалии работы вузов в рыночной среде отрицательно повлияли

© Персианов В.А., Борисова В.В., Курбатова А.В., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

на качество образования. Стали искусственно создавать и поощрять конкуренцию в образовательной среде, выделять университеты-лидеры с более выгодными, чем в других вузах, условиями государственного финансирования, закреплять иерархию вузов. Все это приводит к неравным условиям работы и развития вузов, к немалым потерям от ослабления взаимодействия и кооперации учебных заведений, решающих общегосударственные задачи. Болонская образовательная система не учитывает наши национальные традиции в подготовке кадров высшей квалификации. Все эти инновации приводили и приводят к дезориентации в работе профессорско-преподавательского состава (далее – ППС) вузов, к текучести кадров и прочим негативным последствиям.

Одним из московских вузов было проведено интернет-анкетирование ППС. В нем приняли участие более 400 преподавателей разных вузов с разными возрастными характеристиками и базовым профессиональным образованием. Результаты обследования приведены в таблице 1.

Таблица 1

Тенденции, негативно влияющие на развитие высшего образования в России

Ответы преподавателей	%
Снижение статусной позиции преподавателей в обществе из-за низкой заработной платы	66,8
Массовизация высшего образования, слабый уровень учебной подготовки значительной части абитуриентов	64,9
Копирование западного опыта, разрушение отечественных традиций высшего образования	56,6
Увеличение экономической составляющей в деятельности высшей школы	24,4
Ослабление связи высшей школы с производством	22,4
Несоответствие структуры подготовки специалистов потребностям рынка труда	19,5
Коррупция в системе высшего образования	14,1
Низкая исследовательская и инновационная активность	13,7
Старение преподавательского корпуса	11,2
Усиление конкуренции в системе высшего образования	0,5
Другие тенденции	2,4

Источник: [7]

Около 83 % преподавателей оценили состояние нашей высшей школы как критическое, 8,3 % – как нормальное и только 2,4 % оценили ситуацию как «прогрессивное развитие» к лучшему [7]. На одном из первых мест по (количеству ответов) оказалась тенденция к снижению статусной позиции учительского труда в обществе.

Анкетирование ППС с получением ответов на вопросы несколько иного характера проводили авторы данной статьи в ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (далее – ГУУ). С целью определения основных направлений совершенствования управленческого образования в ГУУ, выявления наиболее важных вопросов в изучении специальных и общеобразовательных дисциплин, предпочтений в методах организации учебного процесса Методическое управление ГУУ в 2013-2014 гг. провело анкетный опрос руководителей институтов, кафедр и членов Академического совета ГУУ.

Предложенная анкета состояла из 20 вопросов. Ответы получены от 38,5 % респондентов, которым были направлены анкеты.

Вопрос 1. Должны ли учебные программы по содержанию и целевой направленности в управленческом образовании ГУУ отличаться от учебных программ по тем же специальностям в негосударственных вузах?

Ответ «да» дали 48 % респондентов, «нет» – 44 %, прочие варианты ответов – 8 %. Таким образом, ответы «да» и «нет» по первому вопросу распределились примерно поровну. В принципе, это означает, что по содержанию и направленности обучение в ГУУ не должно иметь своей специфики и статус «государственности» не имеет существенного значения. В анкетах с положительным ответом подчеркивается, что ГУУ должен занимать ведущую роль в развитии управленческого образования в стране. В обучении должны присутствовать более сильные фундаментальные компоненты и индивидуализация.

Вопрос 2. Должны ли учебные планы по содержанию и целевой направленности в управленческом образовании ГУУ отличаться от учебных планов по тем же специальностям в негосударственных вузах?

Ответы: «да» – 52 %, «нет» – 44 %, прочие варианты ответов – 4 %. По второму вопросу более половины анкет содержат положительный ответ. В ответах подчеркивается, что учебные планы ГУУ должны отличаться большей содержательностью и фундаментальностью, на которых базируются практичность и инструментальность подготовки. Подчеркивается, что обучение должно нацеливаться на решение наиболее важных государственных задач.

Вопрос 3. Должна ли организация учебного процесса по содержанию и целевой направленности в управленческом образовании ГУУ отличаться от организации учебного процесса в негосударственных вузах?

Ответы: «да» – 58 %, «нет» – 37 %, прочие варианты ответов – 5 %. По третьему вопросу, как и по первым двум, заметно преобладали положительные ответы, что вполне логично. Однако и анкет с отрицательными ответами довольно много. В ряде анкет отмечалось, что организация учебного процесса зависит от многих факторов: материальной базы вуза, количества и качества профессорско-преподавательского состава, тенденций внешней среды.

Вопрос 4. В чем, по Вашему мнению, должна состоять специфика методологии управленческого образования в ГУУ (концептуально)?

Что касается специфики методологического подхода к обучению, доминировали ответы (50%), в которых указывается на развитие аналитических навыков и умения решать задачи с опорой на практический опыт. Высокую долю (30 %) занимали ответы, в которых предлагается переходить в учебном процессе от лекционных форм к развитию исследовательских навыков в процессе обучения. Необходимость в первую очередь учитывать потребности работодателя указана в 20 % анкет.

Вопрос 5. Должно ли образование в ГУУ ориентироваться на подготовку кадров для работы только в государственных и муниципальных управленческих структурах?

Около 93 % респондентов считали, что ГУУ не должен ориентироваться на подготовку кадров для работников только в государственном секторе. Это означает, что выпускники университета должны получить знания и навыки, необходимые для работы в различных сферах управленческой деятельности. Это государственное и муниципальное управление, сфера малого предпринимательства и т.д.

Вопрос 6. Должны ли выпускающие кафедры ГУУ ориентироваться на подготовку кадров для профессиональной деятельности только в сфере экономики на всех (макро-, мезо-, и микро-) уровнях управленческой вертикали?

Ответы: «да» – 67 %, «нет» – 25 %, прочее – 8 %. Две трети респондентов считали, что образовательный потенциал ГУУ и накопленный университетом опыт позволяет осуществлять подготовку кадров не только для сферы экономики, но и для социальной сферы и других областей профессиональной деятельности. Целесообразность ограничиться только сферой экономики признавали лишь четверть респондентов. Высказывалось и такое мнение, что управлять только экономикой – значит «ничем не управлять».

Вопрос 7. Целесообразно ли, по Вашему мнению, начать (расширить) в ГУУ подготовку кадров для таких сфер управленческой деятельности, как культура, здравоохранение и обеспечение национальной безопасности?

Ответы: «да» – 56 %, «нет» – 37 %, прочее – 7 %. Более половины респондентов по седьмому вопросу считали, что в ГУУ надо расширить подготовку кадров для таких сфер деятельности, как культура, здравоохранение, обеспечение национальной безопасности и др. В 37 % анкет эта точка зрения не поддерживается. Окончательный ответ на данный вопрос может дать исследование спроса на управленческие кадры в указанных сферах.

Вопрос 8. Целесообразно ли, по Вашему мнению, начать набор и целевую подготовку кадров для стран ближнего зарубежья – бывших республик Советского Союза?

Ответы: «да» – 85 %, «нет» – 15 %. Подавляющее большинство опрошенных считали набор и подготовку управленческих кадров для стран ближнего зарубежья целесообразным. Но, учитывая опыт других вузов, осуществлять это надо продуманно и осторожно во избежание напряженности в студенческой среде. Существует опасность снижения общего уровня подготовки, что может негативно сказаться на имидже вуза.

Вопрос 9. Какие дисциплины (специальные и общеобразовательные) в учебных планах Вашей кафедры должны занимать центральное место?

Среди учебных дисциплин экономике, математике и иностранному языку отдавали предпочтение 50 % респондентов, 40 % – специальным дисциплинам с ориентировкой на работодателя в соответствии с профилем кафедры. С ответом не определились 10 % респондентов.

Вопрос 10. Каким учебным дисциплинам должны уделять большее внимание общеобразовательные кафедры?

По мнению 97 % респондентов, общеобразовательные кафедры должны уделять большее внимание в учебном процессе русскому и иностранному языкам (42 %), математике (30 %), культуре речи (25 %). Развивать способности грамотно говорить, писать и логично мыслить. Не определились с ответом лишь 3 % респондентов.

Вопрос 11. Что мог бы позаимствовать ГУУ сегодня из опыта организации и методологии подготовки кадров управленческого профиля на предыдущих этапах социально-экономического развития страны?

В ответах на этот вопрос обращается внимание на то, что сегодня ГУУ мог бы многое позаимствовать из советского опыта обучения: прохождение производственной практики на предприятиях (40 %), специалитет и основательную техническую подготовку (25 %), более жесткие условия приема в вуз на конкурентной основе (30 %). Один из респондентов назвал четкую идеологию как важное условие повышения качества обучения.

Вопрос 12. Что положительного из проверенного временем опыта подготовки кадров управленческого профиля в промышленно развитых странах мира мог бы позаимствовать ГУУ сегодня?

Стажировку преподавателей и студентов отметили 40 % респондентов, дистанционное обучение – 30 %, фундаментальную теоретическую подготовку по экономике и технологиям производства – 25 %. В одной из анкет по данному вопросу указаны индивидуализация образовательных траекторий студентов и более широкое использование современных интерактивных образовательных технологий.

Вопрос 13. По каким разделам экономической теории необходимо усилить подготовку управленческих кадров в ГУУ сегодня?

На необходимость усилить экономическую подготовку кадров в ГУУ указали: по институциональной экономике – 35 % респондентов, макро- и микроэкономике – 35 %, политэкономии – 28 %. Не дали ответа 12 % респондентов.

Вопрос 14. На каких количественных и инструментальных методах анализа нужно сосредоточить основное внимание в математическом и естественно-научном циклах учебного процесса?

Основное внимание в математическом и естественно-научном циклах подготовки кадров в ГУУ считали необходимым сосредоточить: на устранение пробелов в школьной подготовке (49 %), математическом анализе и компьютерном моделировании (31 %), теории массового обслуживания (15 %). Не дали ответа 5 % респондентов.

Вопрос 15. На какую мировоззренческую (философскую) установку (концепцию) должно ориентироваться управленческое образование в ГУУ сегодня?

На этот вопрос 50 % респондентов ответа не дали. Другая половина (50 %) указала на сочетание мирового опыта развития менеджмента с достойными отечественными традициями в сфере управления и предпринимательства. Такие философские концепции, как диалектический метод, рационализм, экзистенциализм и другие в ответах респондентов не содержались.

Вопрос 16. На какую культурологическую установку (концепцию) должно ориентироваться управленческое образование в ГУУ сегодня?

Большая часть респондентов (50 %) в выборе культурологической установки управленческого образования в университете отдали предпочтение широкому использованию исторического опыта и отечественной практики профессионального обучения, 40 % – межкультурной коммуникации, 10 % – толерантности. Проявлением культурологической установки в образовательном процессе должно стать гармоничное сочетание различных методов и технологий общения.

Вопрос 17. Сложилась ли на Вашей кафедре своя или принята чья-то научная школа?

В подавляющей части ответов на этот вопрос (96 %) указывается, что на их кафедре сложилась своя или принята чья-то научная школа. Однако пояснить фактами эту свою оценку ситуации респонденты не попытались.

Вопрос 18. Что необходимо, по Вашему мнению, сделать (какие внести изменения), чтобы повысить спрос на получение образовательных услуг в ГУУ и как сделать процесс обучения более основательным, а само управленческое образование – более престижным?

Чтобы повысить спрос на получение образования в ГУУ и сделать управленческое образование престижным, по мнению респондентов, необходимо: расширить использование современных образовательных технологий (40 %), рекламировать успешный карьерный рост выпускников (25 %), усилить обучение иностранным языкам, увеличить количество международных программ (25 %), расширить взаимосвязи с преподавателями и организациями (10 %). В ряде анкет к сказанному выше добавляется: повысить практичность и индивидуализацию подготовки при сохранении фундаментальной составляющей.

Вопрос 19. Какие формы и методы воспитательной работы в ГУУ Вы считаете более эффективными и поэтому предпочтительными?

О предпочтениях в воспитательной работе мнения респондентов распределились следующим образом: личный пример преподавателя (50 %), развитие студенческого самоуправления (19 %), культурно-массовая работа со студентами во внеучебное время (19 %), благотворительность (12 %). В одной из анкет в качестве важного условия названа социально-психологическая поддержка студентов (психологическое консультирование, тренинги и т.п.).

Вопрос 20. Что нужно сделать, чтобы управленческое образование в ГУУ стало методологически цельным и по-настоящему научным?

Мнения респондентов по вопросу о цельности и научности управленческого образования распределились так: усилить взаимодействие в системе «Вуз – Студенты – Работодатель» (45 %), материальное стимулирование ППС (24 %), обеспечение университета современными средствами обучения (19 %). В одной из анкет отмечается, что это во многом зависит не только от квалификации профессорско-преподавательского состава вуза, но и от компетентности руководства более высоких уровней, определяющих образовательную политику в высшей школе.

Проведенный анкетный опрос позволил сделать следующие основные выводы:

- несмотря на разнообразие точек зрения по большей части поставленных вопросов, в полученных ответах присутствует доминанта взглядов на ситуацию в университетском образовании, то есть достигнуто определенное единомыслие в оценке «узких мест» в образовательном процессе и путях выхода вуза на траекторию устойчивого развития;
- более 90 % респондентов признают специфику и особое положение ГУУ как государственного бюджетного учреждения широкого профиля, ведущего подготовку управленческих кадров для работы и в государственном секторе России, и в различных отраслях экономики;
- основная часть респондентов (56 %) считают целесообразным расширить подготовку для таких областей управленческой деятельности, как социальная сфера, культура, здравоохранение и другие;
- перспективным направлением образовательной деятельности ГУУ 85 % респондентов считают подготовку кадров для стран ближнего зарубежья.

Данные, полученные в результате анкетного опроса ППС ГУУ в 2013-2014 гг., стали методологической основой последующих изменений. Полученные выводы анкетирования позволили внести коррективы в учебные планы и программы образовательной и специальной подготовки выпускников и обозначили ориентиры в перспективном развитии ГУУ. Сформированный в результате исследований смысловой посыл в определенной степени достиг своих результатов. Но за последние 5-6 лет в вузе произошли существенные изменения в направлениях подготовки и образовательных программах бакалавриата и магистратуры. Изменилась технология обучения, связанная с необходимостью подготовки специалистов для работы в цифровой экономике и переходом на проектную парадигму образования. Все это значительно влияет на методологию преподавания, организацию учебного процесса и требования к качеству подготовки специалистов управленческого профиля. Требуется корректировка самой методологии развития образовательной деятельности вуза. Поэтому представляет несомненный практический интерес продолжение начатых исследований с учетом

указанных изменений. Проведение повторного анкетного обследования ППС, анализ и сопоставление полученных результатов позволили бы выявить новые существенно значимые ориентиры в постановке учебного процесса в университете.

В ходе обсуждения итогов анкетного опроса 2013-2014 гг. неоднократно поднимался вопрос об обеспечении высокого качества образовательной деятельности. Не теряет актуальности он и сейчас. Анализ ситуации, сложившейся в настоящее время в сфере высшего образования [2; 3; 6], приводит к выводу о необходимости принятия серьезных мер по повышению качества профессиональной подготовки кадров [2; 6]. Выпускники вузов, не получившие на студенческой скамье профессиональной подготовки надлежащего качества, займут рабочее место на производстве, в государственных учреждениях и других организациях. И что ждать от таких кадров?

Конечно, со временем многие из них разберутся в тонкостях своей профессии и станут по-настоящему, а не условно компетентными, каковыми сегодня не являются даже лучшие выпускники наших лучших вузов. На это уйдут годы, и поэтому лозунг: «Кадры решают все» сегодня так же актуален, как и в 1930-е гг.

Культивируемый сегодня в стране коммерческий (денежный) прагматизм в школах и вузах заводит проблему просвещения подрастающих поколений в тупик [5]. Молодые люди в процессе обучения должны узнавать не только и не столько, «чем государство богатеет», но и получать надежное целеполагание, обретать надежные духовно-нравственные ориентиры. Права наша коллега профессор О. Н. Четверикова, автор книги «Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар», считающая, что от того, как формируются не только сознание, но и поведение, привычки, навыки ребенка во многом зависят степень и возможности контролировать действия человека в будущем [8].

Вспомним, как началась «реконструкция» нашего образовательного пространства, нашей образовательной системы в 1990-е гг. Появились Единый государственный экзамен, болонская система и прочее. Эта работа осуществляется планомерно в соответствии с форсайт-проектом «Образование – 2030». Согласно этому проекту, к 2025 г. наша традиционная образовательная система должна влиться в глобальную (мировую, то есть западную) образовательную среду, где центральное место займет выработка отдельных навыков. Развитие нашего электронного образовательного пространства по проекту «Современная цифровая образовательная среда (СЦОС)» якобы обеспечат нашему образованию «конкурентоспособность». Результаты обучения по каждому обучающемуся будут контролироваться и отслеживаться в «цифровых портфолио». Образование превращается, по сути, в тренинг, и о развитии человека как личности в этом случае речи не идет.

В сфере образования нам нельзя отказываться от своего культурно-исторического опыта, в котором важное место занимала не только передача знаний, но и воспитательная работа. Первым и главным условием успешной воспитательной работы в вузе является выбор ее идеологии. На наш взгляд, в основу воспитания студенческой молодежи должны закладываться традиционные для России нравственные ценности, прежде всего приоритет общественных (общенародных) интересов [1; 4]. Они определяют отношение человека к труду, к другим людям, к окружающему миру, приучают вести любое дело честно, добросовестно и умело.

Воспитательная работа, как и обучение, должна иметь регулярный (непрерывный) характер, проводиться широким фронтом (аудитория, общежитие, студенческий кружок), опираться на устойчивую организационную структуру воспитателей-единомышленников. Эта структура в рамках вуза должна быть единой и сквозной, вертикально интегрированной: ректорат – дирекция института – кафедра – студенческая группа.

Выбор форм и методов воспитательной работы достаточно широк: студенческое научное общество, физкультура и спорт, туризм и экскурсии, музыка, литература, лекции, дискуссии, конкурсы, выставки, сотрудничество с творческими союзами (писатели, художники, журналисты) и т. п. Необходимо также продумать и решить вопросы финансирования воспитательной работы наравне с учебной.

Ничто не сближает людей так быстро и прочно, как общее дело. А таковым для нас, преподавателей и студентов, является процесс обучения. Регулярные и частые контакты в аудиториях с передачей студенческому коллективу профессиональных знаний, но не черствых, взятых с полки, а напитанных нравственным идеалом сделает обучение более интересным, а воспитание ненавязчивым и терпимым, но в то же время целенаправленным, многомерным, адресным. Ведь воспитание – по своей сути тоже обучение, только не с передачей знаний по изучаемой специальности, а по основам духовно-нравственной жизни.

Совершенно бесспорной представляется необходимость для каждого человека мировоззренческой самоидентификации и сознательного выбора той или иной модели жизнепонимания.

Вспомним, что педагогическая система К. Д. Ушинского строилась на идее органической связи воспитания с развитием национального самосознания народа. Каждый народ, имеющий свой собственный идеал человека, стремится воспроизводить этот идеал в отдельных личностях. Идеал у каждого конкретного народа соответствует его характеру, определяется его общественной жизнью и развивается вместе с его развитием.

В любом деле существует «главное звено», решающее условие, от которого в первую очередь зависит успех дела. Надо отыскать это «главное звено» и в учебно-воспитательной работе. В самой широкой постановке – это сделать страну нашей общей любимой Родиной. Россия все еще не вышла из кризисного состояния полностью. Многие потеряли нравственные ориентиры, приняли концепцию ситуационной морали. Дать основу для духовно-нравственного развития каждого человека и общества в целом – вот в чем заключается наша первостепеннейшая задача в обучении и воспитании студенчества.

Библиографический список

1. Антонов, М. Ф. НТР: роль человеческого фактора: монография / Послесл. В. Шердакова. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 223 с.
2. Васильев, А. И. Качество образования и конкурентоспособность вуза: аспекты взаимосвязи // Высшее образование в России. – 2019. – № 4. – С. 37-43.
3. Елина, Е. Г., Ковтун, Е. Н., Родионова, С. Е. Российское высшее образование в условиях профессиональной стандартизации: опыт, вызовы, риски // Высшее образование в России. – 2019. – № 6. – С. 9-27.
4. Национальная идея России: монография – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. проф. Б. А. Аникина. – М.: Дашков и К. – 2019. – 325 с.
5. Осипов, А. М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования // Высшее образование в России. – 2019. – № 5. – С. 63-72.
6. Ратнер, Ф. Л., Тихонова, Н. В. Качество образования: педагогический аспект // Высшее образование в России. – 2019. – № 12. – С. 87-96.
7. Серякова, С. Б., Красинская, Л. Ф. Реформа высшего образования глазами преподавателей: результаты исследования // Высшее образование в России. – 2013. – № 11. – С. 22-29.
8. Четверикова, О. Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. – М.: Книжный мир, 2018. – 384 с.

References

1. Antonov M. F. NTR: rol' chelovecheskogo faktora: monografiya [*The scientific and technological revolution: the role of the human factor: a monograph*]. Poslesl. V. Sherdakova. Moscow, Molodaya gvardiya, 1987. 223 p.
2. Vasil'ev A. I. Kachestvo obrazovaniya i konkurentosposobnost' vuza: aspekty vzaimosvyazi [*Quality of education and competitiveness of the Higher Educational Institution: aspects of interrelation*]. Vysshee obrazovanie v Rossii [*Higher Education in Russia*], 2019, no. 4, pp. 37-43.
3. Elina E. G., Kovtun E. N., Rodionova S. E. Rossiiskoe vysshee obrazovanie v usloviyakh professional'noi standartizatsii: opyt, vyzovy, riski [*Russian higher education in conditions of professional standartization: experience, challenges, risks*]. Vysshee obrazovanie v Rossii [*Higher Education in Russia*], 2019, no. 6, pp. 9-27.
4. Natsional'naya ideya Rossii: monografiya [*National idea of Russia: a monography*], 2-e izd., pererab. i dop., pod red. prof. B. A. Anikina. Moscow, Dashkov i K, 2019. 325 p.
5. Osipov A. M. Rynochnye mekhanizmy – sotsial'nyi tupik rossiiskogo obrazovaniya [*Market mechanisms are social deadlock for Russian education*]. Vysshee obrazovanie v Rossii [*Higher Education in Russia*], 2019, no. 5, pp. 63-72.
6. Ratner F.L., Tikhonova N.V. Kachestvo obrazovaniya: pedagogicheskii aspekt [*Quality of education: pedagogical aspect*]. Vysshee obrazovanie v Rossii [*Higher Education in Russia*], 2019, no. 12, pp. 87-96.
7. Seryakova S. B., Krasinskaya L. F. Reforma vysshego obrazovaniya glazami prepodavatelei: rezul'taty issledovaniya [*Reform of higher education through the eyes of teachers: results of the study*]. Vysshee obrazovanie v Rossii [*Higher Education in Russia*], 2013, no. 11, pp. 22-29.
8. Chetverikova O. N. Transgumanizm v rossiiskom obrazovanii. Nashi deti kak tovar [*Transhumanism in Russian education. Our children as a Commodity*]. Moscow, Knizhnyi mir, 2018. 384 p.

Шураева Лариса Юрьевна
канд. психол. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: larisashuraeva@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Аннотация. Представлены аргументы в пользу развития цифровой социологии на современном этапе развития науки в области социологии, обоснована ее польза в области экономического и политического развития современного общества. Даны трактовки предмета изучения цифровой социологии, выделены социальные процессы и явления, изучение которых особенно актуально с точки зрения цифровой социологии. Раскрыта значимость социологии интернета в рамках общих социологических исследований. Рассмотрен один из основных методов социологического исследования – наблюдение в контексте социологии интернета. Выделены два подхода в социологии интернета для решения этических проблем и вытекающих из них проблем надежности и качества собранных данных.

Ключевые слова: цифровая социология, социология интернета, социологическое исследование, наблюдение, медиаисследование, медиа коммуникации, медиаустройства, веб-устройства, медиаинформация.

Цитирование: Шураева Л.Ю. Развитие цифровой социологии в современной науке//Вестник университета. 2020. № 3. С. 174–177.

Shuraeva Larisa
Candidate of Psychological Sciences,
State University of Management,
Moscow, Russia
e-mail: larisashuraeva@yandex.ru

DEVELOPMENT OF DIGITAL SOCIOLOGY IN MODERN SCIENCE

Abstract. The arguments in favor of the development of digital sociology at the present stage of development of science in the field of sociology have been presented, its benefit in the field of economic and political development of modern society has been substantiated. The interpretations of the subject of study of digital sociology have been given, social processes and phenomena have been highlighted, the study of which is especially important from the point of view of digital sociology. The importance of Internet sociology in the framework of General sociological research has been revealed. One of the main methods of sociological research – observation, in the context of sociology of the Internet has been considered. Two approaches in the sociology of the Internet for solving ethical problems and the resulting problems of reliability and quality of the collected data have been emphasized.

Keywords: digital sociology, sociology of the Internet, sociological research, observation, media research, media communications, media devices, web devices, media information.

For citation: Shuraeva L.Yu. (2020) Development of digital sociology in modern science. *Vestnik universiteta*. 1. 3, pp. 174–177. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-174-177

Цифровая социология является междисциплинарным направлением, опирающимся на историю изучения интернета, информации и коммуникации, теорию медиаисследований и культурных исследований, социологию науки и технологии, мониторинговые исследования и компьютерную науку. Цифровая социология основывается на изучении новых медиакоммуникаций и форм коммуникации, социальных сетей и сообществ, социальных институтов и индивидов.

В свою очередь цифровая социология является и практикой, которая отражает основные проблемы социологии, позволяя одновременно исследовать и экспериментировать с новыми методами.

Современному периоду развития науки свойственна необходимость обработки огромного массива экспериментальных данных и появление новых научных методов. Данные содержат огромное количество данных, которое возможно обрабатывать только автоматизированными методами.

В сетевой цифровой среде в настоящее время можно выделить два направления в социологии. Первое направление: вычислительная социология, позволяющая накапливать и анализировать социальные данные,

© Шураева Л.Ю., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

изучать поведение людей. Второе направление: социальная информатика, позволяющая сохранять и анализировать информацию [2].

Компьютерные и социальные науки взаимно дополняют друг друга, взаимно пересекаясь друг с другом [1].

Предметом изучения цифровой социологии могут являться:

- социологический анализ влияния использования цифровых компьютерных устройств на формирование личности и развитие социальных отношений;
- использование цифровых компьютерных устройств в профессиональной практической деятельности людей;
- использование цифровых данных для количественных и качественных социологических исследований;
- проведение анализа цифровых средств массовой информации.

Цифровая социология изучает следующие явления социальной жизни общества:

- влияние компьютерных технологий на социальные отношения, например, на дружбу, знакомства и т.п.;
- влияние компьютерных технологий и социальных медиа на политическую активность и политическое самовыражение;
- влияние компьютерных технологий на формирование личности, ее социализацию, самовыражение;
- роль и влияние интернета на процессы формирования групповой принадлежности и сообществ, особенно среди маргинальных групп.

Каждое действие индивида сегодня оставляет цифровой след. Компьютерные технологии сопровождают современного человека на каждом шагу. Данный факт кардинальным образом отличает современные социальные исследования от тех, которые проводились ранее. У исследователей появилась возможность использовать анализ всех видов социального взаимодействия, в том числе интернет общения и мобильного общения.

Социальные исследователи ранее использовали два метода получения и обработки информации:

- анализ статистических данных, в которых существует риск некорректного обобщения;
- проведение качественных исследований, при которых не всегда есть возможность применить результаты исследования к обществу в целом [3].

При этом достаточно высокая точность прогнозов современных исследований показывает, как социология, изучающая цифровые следы, начинает приближаться к уровню достоверности результатов точных наук [5].

Развитие цифровой социологии имеет огромное значение для современной экономики. Примерами могут служить прогностические возможности новых исследований, которые находят применение во многих отраслях экономики, что позволяет выявлять экономическую эффективность и экономические тенденции развития конкретной сферы.

Социологические исследования в рамках цифровой социологии очень важны и в маркетинге, для которого наиболее точное прогнозирование поведения потребителей является основой. Развитие цифровой социологии имеет огромное перспективное значение и для политической науки, в частности, для диагностики результатов выборов, и в целом для изучения избирательных кампаний. Интересным применением цифровой социологии является также индустрия развлечений. Таким образом, цифровая социология несет с собой много возможностей для современной экономики.

Но кроме положительных моментов развития цифровой социологии встает и ряд вопросов, носящих этический характер. Не будут ли данные подобных исследований использоваться в качестве методов социальной манипуляции и контроля над обществом и общественным поведением. Ответственность перед обществом огромная у нового направления развития цифровой социологии, высокая ответственность у социологов и за точности результатов подобных исследований.

Социология как наука изучает поведенческие реакции человека в социальных группах и обществе в целом. А так как компьютерные технологии и интернет в настоящее время являются основной социальной средой, особенно среди молодого поколения, то исследования в области изучения человеческого поведения в виртуальном мире являются весьма актуальными интересными.

Предметом научного интереса исследователей-социологов является взаимодействие, коммуникации, существующие в интернет-пространстве, охватывающие все сферы жизнедеятельности человека, ценностные ориентации, взгляды, предпочтения [3].

Для изучения современного общества требуются новые подходы и новые методы исследований с применением цифровых технологий. Перед современными исследователями стоит задача апробации новых более

эффективных методов изучения социальной действительности и общества в целом. Существующие методы эмпирической социологии уже не справляются с задачами обработки и анализа изменений в общественном развитии с учетом цифровизации во всех сферах жизнедеятельности общества. О необходимости создания нового инструментария и новых методологий для социальных исследований впервые обозначил еще в 2009 году американский социолог Дж. Уинн. После его выступления перед научным сообществом начали активно возникать научные споры и дискуссии на данную тему.

В последние десять лет практическая социология стала активно использовать новые эмпирические методы для проведения социологических исследований. Тогда как теоретическая социология пока существенно отстает от практической деятельности.

Российские ученые, опираясь на труды американских исследователей, стали применять методы, которые можно отнести к методам цифровой социологии. К ним можно отнести следующие: исследование социальных сетей и профилей пользователей, объединений предметов различных наук, таких как социология, статистика, демографические науки, теории информации, а также использование современных технологий, например, таких как нейронные сети, моделирование социальных систем.

В настоящее время исследователи в области социальных наук используют современные методы цифровой эмпирической социологии в сочетании с классическими методами социологического исследования [1].

Наблюдение, как один из основных социологических методов, в цифровой социологии может быть следующих видов:

- включенное наблюдение. Исследователь-социолог сам является пользователем интернет ресурсов и услуг, социальных сетей. Включенное наблюдение требует полного членства в группе;
- пассивное наблюдение. Исследователь-социолог изучает динамику взаимодействия пользователей только со стороны, не включаясь в процесс взаимодействия;
- пассивно-включенное наблюдение. Носит промежуточный характер наблюдения. Исследователь-социолог является пользователем интернет ресурсов, активно работает в социальных сетях, но не влияет на ценностные ориентации пользователей.

Цифровая социология и ее роль в социологических исследованиях зависит от задач самих исследований. С одной стороны, цифровая социология выступает в качестве дополнительного источника информации для исследователя и является некоей объяснительной моделью. В данном случае её основным преимуществом является отсутствие необходимости в больших финансовых затратах, цифровая социология здесь рассматривается как простой в реализации подход. С другой стороны, она может совмещать несколько методов одновременно [4].

В рамках решения этических проблем и вытекающих из них проблем надежности и качества собранных данных существует два подхода в социологии интернета:

- открытое для респондентов проведение социологического исследования. Плюсом данного подхода является решенный вопрос этики и этичности поведения социолога;
- закрытое для респондентов поведение социолога. Плюсом данного подхода является получение надежного и достоверного материала для исследования.

Возникает и вопрос достоверности, полученной при пассивном наблюдении информации. Данные иногда могут быть поверхностными. Очень важна роль социолога. Социолог должен быть максимально объективен при сборе, анализе и обработке информации [6]. Для этого необходимы его следующие умения:

- умение контролировать свою субъективную точку зрения;
- умение не навязывать респондентам социально-одобряемые ответы;
- умение абстрагироваться от личного отношения к респондентам.

В связи с подобными рисками в рамках точности, достоверности и надежности результатов абсолютно правильным было бы использовать наблюдение в интернете как часть, как дополнение, как один из методов конкретного социологического исследования. А оптимальным решением при проведении социологических исследований использовать сочетание методов исследований в интернете и традиционных исследований, чтобы охватить проблемы социальной жизни общества как в режиме онлайна, так и в режиме офлайна.

Таким образом, несмотря на повышенную ответственность, лежащую на исследователях, работающих в сферах цифровой социологии, это новое направление развития социологического знания за счет использования

современных компьютерных технологий приведет к более точной диагностике существующих и вновь возникающих социальных проблем. В свою очередь, новое направление развития социологической науки будут способствовать формированию более открытого и демократического общества.

Библиографический список

1. Касьянов, В. В., Нечипуренко, В. Н. Социология Интернета: учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2017. – 424 с. – (Бакалавр. Академический курс).
2. Латур, Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: сборник статей / Под ред. В. С. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 107-123.
3. Латур, Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / Пер.с англ. И. Полонской. – М.: ГУ ВШЭ, 2014. – 384 с.
4. Нечипуренко, В. Н. Деидеологизация и деполитизация социологии в акторно-сетевой теории Бруно Латура // Вестник развития науки и образования. – 2015. – № 5. – С. 9-15.
5. Полонская, И. Н. Альтернативная социология Б. Латура: к характеристике методологии // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 6. – С. 72-75.
6. Волков, Ю. Г., Добренков, В. И., Нечипуренко, В. Н., Попов, А. В. Социология: учебник / Под ред. проф. Ю. Г. Волкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Гардарики, 2003. – 512 с.

References

1. Kas'yanov V. V., Nechipurenko V. N. Sotsiologiya Interneta: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [*Sociology of the Internet: a textbook for academic baccalaureate*]. Moscow, Yurait, 2017. 424 p. (Bachelor. Academic course.)
2. Latur B. Kogda veshchi dayut otpor: vozmozhnyi vklad "issledovaniy nauki" v obshchestvennyye nauki [*When things fight back: a possible contribution of "research science" in social sciences*]. Sotsiologiya veshchei: sbornik statei [*Sociology of things: collection of articles*]. pod red. V. S. Vakhshaina. Moscow, Territoriya budushchego, 2006, pp. 107-123.
3. Latur B. Peresborka sotsial'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [*Reassembling the social. Introduction to actor-network theory*]. Per.s angl. I. Polonskoi. Moscow, GU VShE, 2014. 384 p.
4. Nechipurenko V. N. Deideologizatsiya i depolitizatsiya sotsiologii v aktorno-setevoi teorii Bruno Latura [*Deideologization and depoliticization of sociology in actor-network theory of Bruno Latour*]. Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya, 2015, no. 5, pp. 9-15.
5. Polonskaya I. N. Al'ternativnaya sotsiologiya B. Latura: k kharakteristike metodologii [*Alternative sociology of B. Latour: characteristics of methodology*]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [*Theory and Practice of Social Development*], 2012. no. 6, pp. 72-75.
6. Volkov Yu. G., Dobren'kov V. I., Nechipurenko V. N., Popov A. V. Sotsiologiya: uchebnik [*Sociology: a textbook*]. Pod red. prof. Yu.G. Volkova. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow, Gardariki, 2003. 512 p.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

DOI 10.26425/1816-4277-2020-3-178-185

Лизунова Галина Юрьевна
канд. филос. наук, ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет», г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3937-227X

e-mail: ufkz2008@mail.ru

Таскина Ирина Анатольевна
канд. психол. наук, ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет», г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2388-3868

e-mail: taskina-i@mail.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЬИ С МЛАДШИМ ШКОЛЬНИКОМ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Рассмотрен актуальный вопрос современного образования – вопрос психолого-педагогической поддержки семьи с ребенком с ограниченными возможностями здоровья. Указано, что именно специально-организованная работа может помочь родителям и членам семьи с ребенком с ограниченными возможностями здоровья справиться с трудностями воспитания ребенка, осуществлять его социализацию. В частности, представлены результаты исследования личности родителей ребенка младшего школьного возраста с задержкой психического развития, выбранного ими стиля воспитания ребенка, характера взаимодействия с ребенком. Кроме того, проанализирована эффективность составленной и апробированной программы психолого-педагогической поддержки семьи с ребенком с задержкой психического развития, изменения в поведении родителей и детей до и после апробации программы.

Ключевые слова: психолого-педагогическая поддержка семьи, ребенок с ограниченными возможностями здоровья, задержка психического развития, родительско-детские отношения, психологический тип родителя, стиль воспитания, коррекционно-развивающая работа, инклюзивное образование.

Цитирование: Лизунова Г.Ю., Таскина И.А. Психолого-педагогическая поддержка семьи с младшим школьником с задержкой психического развития // Вестник университета. 2020. № 3. С. 178–185.

Lizunova Galina
Candidate of Philosophical Sciences,
Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

ORCID: 0000-0002-3937-227X

e-mail: ufkz2008@mail.ru

Taskina Irina
Candidate of Psychological Sciences,
Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

ORCID: 0000-0002-2388-3868

e-mail: taskina-i@mail.ru

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE FAMILY WITH YOUNGER SCHOOLBOY WITH MENTAL RETARDATION

Abstract. An urgent issue of modern education – the issue of psychological and pedagogical support for the family with a child with health disabilities has been considered. It has been specified, that particularly specially organized work can help parents and members of family with a child with health disabilities to cope with the difficulties of raising child and carry out his socialization. In particular, the results of a study of the personality of the parents of a child of primary school age with a mental retardation, their chosen style of child upbringing, the nature of interaction with the child have been presented. In addition, the effectiveness of the compiled and tested program of psychological and pedagogical support for the family with a child with a mental retardation, changes in the behavior of parents and children before and after testing the program have been analysed.

Keywords: psychological and pedagogical support for the family, child with health disabilities, mental retardation, parent-child relationship, psychological type of parent, parenting style, correctional and developmental work, inclusive education.

For citation: Lizunova G.Yu., Taskina I.A. (2020) Psychological and pedagogical support for the family with younger schoolboy with mental retardation. *Vestnik universiteta*. 1. 3, pp. 178–185. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-178-185

© Лизунова Г.Ю., Таскина И.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Перед современным обществом с каждым годом все острее становится вопрос равных возможностей получения полноценного всестороннего образования. Одним из приоритетов российской государственной политики в сфере образования на сегодняшний день, стало инклюзивное образование. Согласно федеральному государственному образовательному стандарту (далее – ФГОС) начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, а также национальному проекту «Образование» и федеральному проекту «Поддержка семей, имеющих детей», перед обществом и образованием стоят задачи воспитания «гармонично развитой и социально ответственной личности», «оказание психолого-педагогической, методической и консультативной помощи родителям детей» [1; 2; 8].

В связи с этим была сформулирована тема нашего исследования. Цель исследования: организация психолого-педагогической поддержки семьи с ребенком с задержкой психического развития (далее – ЗПР). Задачи исследования: теоретический анализ проблемы по теме исследования; исследование родительно-детских отношений и типа воспитания в семьях с ребенком с ЗПР; составление и апробация программы психолого-педагогической поддержки семье с ребенком с ЗПР.

Задержка психического развития – одно из наиболее распространенных нарушений развития, которое в настоящее время является не столько медицинским диагнозом, сколько результатом взаимодействия ребенка с социумом. Дети с ЗПР составляют примерно 50 % неуспевающих школьников в нашей стране. Появление ребенка с нарушениями развития ведет к изменениям уклада семьи, образа ее жизни на трех уровнях: психологическом, социальном и соматическом. Родители оказываются в состоянии неуверенности, страха, растерянности, в так называемом «психологическом тупике». Выполнение задач, поставленных национальными и федеральными проектами, невозможно без организации систематической, хорошо отлаженной психолого-педагогической поддержки семьи с ребенком с ограниченными возможностями здоровья. И. Ю. Левченко писала: «под концепцией психологической помощи семьям, воспитывающим детей с отклонениями в развитии, мы понимаем системный подход, позволяющий оказать этим семьям комплексную всестороннюю психокоррекционную помощь, включающую их психологическое изучение, консультирование и психокоррекцию» [3, с. 32]. По мнению И. И. Мамайчук, психолого-педагогическая поддержка семьи с особым ребенком – это система мер, принимаемых в следующих целях:

- снижение эмоционального дискомфорта в связи с заболеванием ребенка;
- поддержание уверенности родителей в возможностях ребенка;
- формирование у родителей адекватного отношения к болезни ребенка;
- сохранение адекватных детско-родительских отношений и стилей семейного воспитания [6, с. 139].

Изучением вопросов нарушения в развитии и организации психолого-педагогической поддержки семьям занимались как отечественные ученые (Г. Е. Сухарева, Т. А. Власова, М. С. Певзнер, К. С. Лебединский, И. Ф. Марковская, Н. Ф. Добрынин, И. Ю. Левченко, В. В. Ткачева и др.), так и зарубежные специалисты (А. Штраус, Л. Лейтинен, Р. Пейн, А. Гезел, Р. Заззо и др.). Современные молодые исследователи также выбирают тематику инклюзивного образования и поддержки семей с детьми с ОВЗ объектом своего научного интереса, в том числе и Горно-Алтайского университета [5].

Согласно И. Ю. Левченко психолого-педагогическая поддержка семей должна осуществляться в двух основных направлениях: организация психолого-педагогической поддержки родителей и других родственников детей с нарушениями в развитии; психолого-педагогическая поддержка самих детей [3]. В результате оказания психолого-педагогической поддержки у родителей важно повышать уровень информированности об особенностях развития их ребенка, о специалистах и службах-участниках в совместной работе, формировать умения взаимодействия с ребенком, развивать чувство уверенности.

В соответствии с целями и задачами нашего исследования запланированы и осуществлены 3 этапа исследования:

Констатирующий этап – сбор данных при помощи методик: анкета «Психологический тип родителя» (В. В. Ткачёва), «Опросник родительского отношения» (А. Я. Варга и В. В. Столин), тест «Семейная социограмма» (Э. Г. Эйдемиллер и О. В. Черемисин), проективная методика «Рисунок семьи» [4, с. 11, с. 14, с. 114; 7, с. 123]. Формирующий этап – составление и апробация «Программы психолого-педагогической поддержки семьи, воспитывающей ребенка с ЗПР в условиях инклюзивного образования «Моя семья». Контрольный этап – повторная диагностика с помощью методики «Опросник родительского отношения» (А. Я. Варга и В. В. Столин).

В эмпирическом исследовании принимали участие учащиеся одного из общеобразовательных учреждений Горно-Алтайска. В исследовании приняли участие 4 семьи с детьми с ЗПР младшего школьного возраста. Участники исследования представлены следующим образом: родители: 4 мамы и 2 отца; дети с ЗПР: 6 человек. Из этих семей 2 полные и 2 неполные семьи. 1 семья с опекаемыми детьми, в ней 2 ребенка младшего школьного возраста с ЗПР. Данная выборка репрезентативна, то есть соответствует требованиям эмпирического исследования.

В начале экспериментальной работы родители были напряжены, выказывали беспокойство, неуверенность по поводу своего ребенка, его возможностей развития. Они контролировали практически все поведение детей, общение с другими участниками. Часто задавали уточняющие вопросы, показывали имеющуюся осведомленность и компетентность. Заботу о ребенке воспринимали как должностное, воспринимая ребенка часто как «маленького неудачника». Такое поведение подтвердилось выявлением психологического типа родителя и доминирующего стиля воспитания с помощью подобранных диагностических методик. Дети выказывали стеснение на первых порах, ориентировались на своих родителей. У всех наблюдалась зависимость от взгляда и слова родителей.

Для того чтобы определить психологический тип родителям было предложено заполнить Анкету «Психологический тип родителя», составленный В. В. Ткачевой. Респонденту необходимо было согласиться или не согласиться с 21 поставленными утверждениями. Согласно ключу все ответы разносятся на три части: психологические типы родителя: невротичный, авторитарный, психосоматичный. Результаты подсчетов анкеты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты Анкеты «Психологический тип родителя»

Родитель	Психологический тип родителя
M1	психосоматичный
M2	психосоматичный
M3	авторитарный
M4	авторитарный
O1	психосоматичный
O2	психосоматичный

Примечание: М – мать, О – отец.

Составлено авторами по материалам исследования

Таким образом, мы видим, что среди наших родителей: 66,6 % (4 человека) психосоматичного типа, 33,4 % (2 человека) авторитарного типа.

Родители психосоматичного типа – что матери, что отцы – были спокойны, отзывчивы на призывы к работе, проведение мероприятий, индивидуальные консультации, предоставление информации по характеристике психологических особенностей детей и построению взаимодействия с ними. Задавали уточняющие вопросы, показывали имеющуюся осведомленность и компетентность. Демонстрировали позитивный настрой на работу. «Давайте будем пробовать!» – такие выражения можно было услышать от них.

Родители авторитарного типа, обе мамы, воспитывающие в одиночку детей с ЗПР, демонстрировали уверенность в своих силах, информированность, даже большую осведомленность в вопросах воспитания и обучения детей с ЗПР. Контролировали практически все движения детей и их общение с другими участниками.

Родителей невротичного типа не оказалось вовсе.

Для определения эмоционального фона в семье и предпочитаемого стиля воспитания родителям было предложено выполнение опросника родительского отношения А. Я. Варги и В. В. Столина. Респондентам предлагалось выразить свое согласие или несогласие с 61 приведенными утверждениями с помощью ответов «да» или «нет».

Результаты ответов были разнесены по шкалам. По шкале «Принятие-отвержение» показатели представлены от 8 (12,2 %) до 16 (92,40 %). Средний 59,29 % – высокий балл. Согласно авторской интерпретации можем констатировать наличие отвержения. Родители огорчены настоящим положением ребенка. Иногда их охватывает чувство стыда, они часто думают о том, чего может добиться их ребенок, что его ждет в будущем. И не всегда это положительные картинки.

По шкале «Кооперация» показатели варьируются от 7 (31,91 %) до 8 (48,82 %) баллов. Средний высокий балл составляет 37,54 %. Несмотря ни на что, родители намерены помочь своему ребенку, пытаются развивать его и готовить к будущей жизни. Это их долг. Только они могут помочь своему ребенку.

По шкале «Симбиоз» показатели представлены от 3 (57,36 %) до 6 (92,93 %) баллов. Средний высокий балл составляет 63,68 %. Воспринимая ребенка как своего, родители настроены вместе нести все тяготы его жизни. Помогать в коррекционно-развивающей работе и добиваться успеха. «Кто, если не я?» – девиз наших родителей.

По шкале «Авторитарная гиперсоциализация» показатели представлены от 4 (69,30 %) до 5 (83,79 %) баллов. Средний балл высокий – 76,54 %. Высокий балл по этой шкале говорит о том, что родители достаточно авторитарны. Они имеют план, настрой на будущее и работу вместе с ребенком. На самотек не собираются спускать развитие ребенка.

По шкале «Маленький неудачник» показатели представлены 3 (84,19 %) и 4 (93,04 %) баллами. Средний балл маленький 29,54 %, так как только двое матерей набрали баллы по этой шкале – высокие. У них отмечается проявление неуверенности в возможностях своих детей, неуверенность.

Дополняет представление о родительском отношении наших респондентов к своим детям выполненные ими семейные социогаммы. Все родители показали, что дети с ЗПР занимают центральное место в межличностных отношениях в системе коммуникаций их семьи. В тех семьях, где есть еще другие дети, дети с ЗПР находятся под патронажем старших детей. Однако к ним нет отношения как к изгоям, они члены одной семьи. Таким образом, мы видим общую картину родительско-детских отношений, эмоциональной атмосферы в семьях.

Родителей не очень радует состояние их ребенка, иногда раздражает. Они отдают себе отчет в том, что их ребенок особенный и необходимо систематически и упорно заниматься его развитием, часто думают о его будущем, которое не всегда в радужных красках. К заботе о ребенке относятся как к долгу, считая, что никто им не поможет кроме их родителей. Нет доверия и к специалистам. Добывание знаний самостоятельно – одно из залогов успеха. Родители достаточно авторитарны. У них есть цель, к которой они идут сами и ведут за собой свои семьи. Привлекают к совместным занятиям всех детей своих семей. Как с нарушениями в развитии, так и в норме. Им важно попробовать если не все, то многое, что поможет ребенку социализироваться. Кроме того отмечается у некоторых матерей неуверенность в возможностях своих детей. В целом можно говорить о положительной атмосфере в семьях, о готовности к работе по развитию детей с ЗПР, коррекции их психологического состояния и работы над собой. Эти показатели подтверждают и результаты определения психологического типа родителей.

Дети выказывали стеснение на первых порах, ориентировались на своих родителей. У всех наблюдалась зависимость от взгляда и слова родителей. Это было показано и в рисунках своих семей. Дети рисовали в первую очередь родителей, рядом себя с ними. В тех, семьях, где есть еще дети, рисовали и их, но не в первую очередь.

После 2-3 встреч все дети были расположены к работе. Спрашивали, «Что будем сегодня делать?».

Чтобы провести систематическую работу с семьями с детьми с ЗПР была составлена и апробирована Программа психолого-педагогической поддержки семей, воспитывающих детей младшего школьного возраста с ЗПР в условиях инклюзивного образования.

Целью Программы психолого-педагогической поддержки семьям, воспитывающим детей с ЗПР, является: повышение личных ресурсов семьи, улучшение условий развития и социализации ребенка с ЗПР.

Задачами программы являются: улучшение семейного микроклимата; формирование хороших отношений в семье; повышение психолого-педагогических знаний и умений родителей.

Этапы работы по программе:

- диагностический (Анкета «Психологический тип родителя» (В. В. Ткачёва); методика диагностики родительского отношения (ОРО) А. Я. Варги и В. В. Столина; методика «Семейная социогамма» (Э. Г. Эйдемиллер и О. В. Черемисин); проективная методика «Рисунок семьи»);
- коррекционно-развивающий (проведение занятий по составленной программе);
- оценка эффективности программы (методика диагностики родительского отношения (ОРО) А. Я. Варги и В. В. Столина, математический Т-критерий Вилкоксона). Занятия рассчитаны на 35-45 минут.

Структура занятий:

- ритуал приветствия и разминка. Цель: создание атмосферы доверия в группе, положительного настроения у участников на работу;

- основная часть. Цель: решение задач данной программы;
- заключительная часть. Цель: подведение итогов, получение обратной связи. Ритуал прощания.

При необходимости структура занятия может быть изменена, ее отдельные составляющие могут быть более или менее насыщены, длительны и дифференцированы.

Ожидаемые результаты программы:

Предполагается, что результаты отразятся, во-первых, на общем состоянии родителей, повышении положительного эмоционального фона в общении с детьми и другими взрослыми; во-вторых, на индивидуальных особенностях развития ребенка, связанных с Я-концепцией, мотивацией достижения успеха, развитием эмоциональной сферы и компетентности в общении, в-третьих, повысится психолого-педагогическая компетентность, уверенность родителей в вопросах воспитания, развития и социальной адаптации детей с ЗПР.

Задания построены таким образом, что один вид деятельности сменяется другим, различные темы и формы подачи материала активно чередуются. Это позволяет сделать работу динамичной, насыщенной и менее утомляемой.

Встречи, занятия проходили в разной форме, в зависимости от задач, которые необходимо было решить. Это были групповые занятия (лекции, беседы, групповые дискуссии, игры и др.). Занятия проводились с использованием разных материалов (терапии): песок, краски, вода, грим (косметика), камни, музыкальное сопровождение и др. Участники таких занятий тоже по-разному комбинировались: только дети (игры, терапевтические занятия); дети и родители, - только родители (мини-лекции, форма: вопрос-ответ). Кроме того, проводились индивидуальные консультации.

Особенность наших занятий состояла еще и в том, что в них принимали участие и другие дети семей (другой возраст с нормой развития, другой возраст с ЗПР). Это давало возможность всем детям и родителям и родителям быть одной семьей, почувствовать и оказать поддержку друг другу.

Кроме того, задать вопрос или получить консультацию можно было дистанционно. Были и выездные занятия (встреча с животными, выезд на природу).

Занятия проходили круглый год два раза в месяц, в летний и каникулярный периоды. Родителям давались домашние задания, о которых нужно было отчитаться.

Интересными, на наш взгляд, были следующие занятия. Здесь представлено краткое их описание.

1. Занятие «Знакомство. Рисование своего имени». Цель: знакомство, самопрезентация, установление позитивной, доверительной атмосферы, развитие эмоциональной сферы ребенка.

Участники: родители и дети. Оборудование, материалы: бумага, карандаши цветные, краски, фломастеры, кисти, стаканчики под воду, вода, салфетки.

Ведущий: «Уважаемые участники, друзья! Нам нужно познакомиться. Предлагаю представиться через рисование своего имени». Далее нужно рассказать о том, что нарисовано на рисунке.

2. Занятие «Человек настроения». Цель: установление позитивной, доверительной атмосферы, развитие эмоциональной сферы ребенка, умение анализировать свое настроение.

Участники: родители и дети. Оборудование, материалы: вырезанный человечек из белой бумаги 8-10 см, контуры человека на ватмане А2 формата, карандаши цветные, фломастеры, салфетки.

Ведущий: «Друзья, закройте глаза, «посмотрите на себя изнутри». Отметьте, какого цвета каждая часть вашего тела и отразите это на человечке». Далее человечки наклеиваются на ватман внутри контура большого человека и получается Человек настроения.

3. Занятие «Сенсорная коробочка». Цель: установление позитивной, доверительной атмосферы, развитие эмоциональной сферы ребенка, сенсорики.

Участники: родители и дети. Оборудование, материалы: песок, коробочки, камешки цветные (натуральные, стеклянные), салфетки.

Ведущий: «Друзья, сегодня мы с вами будем фантазировать и создадим каждый сад своей мечты». Сначала происходит знакомство с материалом (песком, камешками), далее каждый в коробочке создает свой Сад мечты. Презентация работы.

4. Занятие «Я и все, все, все...». Цель: установление позитивной, доверительной атмосферы, развитие эмоциональной сферы ребенка, анализ собственного поведения, демонстрация знания и понимания норм общения и взаимодействия, умения ориентироваться в человеческих отношениях, в том «что такое хорошо и что такое плохо».

Участники: дети. Оборудование, материалы: метафорические ассоциативные карты «Я и все, все, все...».

Ведущий: «Друзья, сегодня мы с вами будем работать с картинками, будем фантазировать и сочинять истории». Работа происходит в соответствии с заданиями по инструкции карт (на выбор ведущего).

5. Занятие «Кукла – не только игрушка, но и ...». Цель: установление позитивной, доверительной атмосферы, развитие эмоциональной сферы ребенка, диагностика и коррекция общения и взаимодействия в паре родитель-ребенок.

Участники: родители и дети. Оборудование, материалы: образец куклы, нитки, ножницы, бумага.

Ведущий: «Друзья, сегодня мы с вами будем творить, сами сделаем куклу». Работа происходит в соответствии с заданиями по инструкции ведущего. Ведущий-психолог внимательно отслеживает работу в парах, отмечает особенности взаимодействия родителей и детей, предложение и принятие или отвержение помощи.

6. Занятие с использованием элементов платочной (тканевой) терапии. Цель: установление позитивной, доверительной атмосферы, развитие эмоциональной сферы ребенка, развитие чувствования музыки, саморазрядка, релаксия. В этом занятии развивается «чувствование» своего тела, осознание возможностей адекватной передачи своих чувств и переживаний через выразительные движения под музыку.

Участники: родители и дети. Оборудование, материалы: аудиоаппаратура, платки, кусочки ткани разного размера, цвета, качества.

Ведущий: «Друзья, сегодня мы с вами будем опять волшебниками». Далее работа проходит по инструкции ведущего. Аудитория выполняет задания по манипуляции с платками под музыку. Итогом должна стать общая картина из платков. Это показатель ориентации друг на друга в группе, доверия и уверенности в поддержке.

В октябре-ноябре 2019 г. были подведены итоги работы Программы. Проведено повторное определение ведущего стиля воспитания у родителей. Это позволило нам посмотреть насколько родители стали увереннее в своих воспитательных умениях, повысили свою информированность о нарушении развития собственного ребенка, прогнозируют свое и его будущее.

На рисунке 1 представлено сравнительное распределение средних показателей по шкалам Теста-опросника родительского отношения до и после формирующего этапа эксперимента.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Сравнительное распределение средних показателей по шкалам Теста-опросника родительского отношения до и после формирующего этапа эксперимента

Согласно Т-критерию Вилкоксона улучшение показателей достоверно. У родителей был отмечен повышенный положительный эмоциональный фон. Детям предоставлялось больше самостоятельности, реже «навязывали» свою помощь. Матери, замечая успехи своих детей, как в поведении, так и в учебе, стали спокойнее и с большим оптимизмом смотреть в будущее. Есть надежда по окончании начальной школы снятия диагноза. Дети выказывали стеснение на первых порах, ориентировались на своих родителей. У всех наблюдалась зависимость от взгляда и слова родителей. Это было показано и в рисунках своих семей. Дети рисовали в первую очередь родителей, рядом себя с ними. В тех семьях, где есть еще дети, рисовали и их.

На основе проделанной работы разработаны рекомендации специалистам для оказания психолого-педагогической поддержки семьям, воспитывающим детей с ЗПР и родителям по особенностям организации взаимодействия со своими детьми.

Таким образом, проведенное исследование и анализ полученных результатов подтвердили выдвинутую нами гипотезу о том, что психолого-педагогическая поддержка семьи с ребенком с задержкой психического развития должна осуществляться через специально-организованные мероприятия, например, через программу. Программа «Моя семья» показала свою эффективность и значимость, а также влияние на психолого-педагогические особенности участников исследования. В результате ее апробации произошло значительное улучшение микроклимата в семьях, формирование хороших отношений в семье, повышение информационной компетентности умений родителей.

Библиографический список

1. Приказ Минобрнауки России от 19.12.2014 № 1598 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175495/ (дата обращения: 13.01.2020).
2. Федеральный проект «Поддержка семей, имеющих детей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru/national-project/> (дата обращения: 13.01.2020).
3. Левченко, И. Ю., Ткачёва, В. В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. – М.: АСТ, 2007. – 322 с.
4. Лизунова, Г. Ю. Практикум по психологии семьи и семейному консультированию. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – 166 с.
5. Лизунова, Г. Ю., Таскина, И. А., Кудирмекова, Н. И., Чертолыс, В. Н., Кашеева, Н. В. Инклюзивное образование в России: историко-педагогические основы развития // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2 (75). – С. 125-127.
6. Мамайчук, И. И. Помощь психолога детям с аутизмом. – СПб.: Речь, 2007. – 288 с.
7. Ткачёва, В. В. Технологии психологической помощи семьям детей с отклонениями в развитии. – М.: АСТ, 2007. – 318 с.
8. Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16)) // Официальный сайт Правительства России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 13.01.2020).

References

1. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 19.12.2014 № 1598 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshchego obrazovaniya obuchayushchikhsya s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya» [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 1598 dated on December 19, 2014 "On approval of the Federal State Educational Standard of Primary General Education for Students with Health Disabilities"]. SPS "Konsul'tantPlyus". Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175495/ (accessed 13.01.2020).
2. Federal'nyi proekt "Poddergzka semei, vospityvayushchikh detei" [Federal Project "Support for Families Raising Children"]. Available at: <https://edu.gov.ru/national-project/> (accessed 13.01.2020).
3. Levchenko I. Yu., Tkacheva V. V. Psikhologicheskaya pomoshch' sem'e, vospityvayushchei rebenka s otkloneniyami v razvitiit [Psychological assistance to the family, raising a child with developmental disabilities]. Moscow, AST, 2007. 322 p.
4. Lizunova G. Yu. Praktikum po psikhologii sem'i i semeinomu konsul'tirovaniyu [Practicum on family psychology and family counseling]. Gorno-Altaiisk, RIO GAGU, 2014. 166 p.

5. Lizunova G. Yu., Taskina I. A., Kudirmekova N. I., Chertolys V. N., Kashcheeva N. V. Inklyuzivnoe obrazovanie v Rossii: istoriko-pedagogicheskie osnovy razvitiya [*Inclusive education in Russia: historical and pedagogical foundations of development*]. Mir nauki, kultury i obrazovaniya, 2019, no. 2 (75), pp. 125-127.
6. Mamaichuk I. I. Pomoshch' psikhologa detyam s autizmom [*Psychologist's help for children with autism*]. St.-Petersburg, Rech, 2007. 288 p.
7. Tkacheva V. V. Tekhnologii psikhologicheskoi pomoshchi sem'yam detei s otkloneniyami v razvitii [*Technologies of psychological assistance for families of children with developmental disabilities*]. Moscow, AST, 2007. 318 p.
8. Pasport natsional'nogo proekta "Obrazovanie" (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nyim proektam (protokol ot 24.12.2018 № 16)) [*Passport of the national project "Education" (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects (Report No 16 of December 24, 2018))*]. Ofitsial'nyi sait Pravitel'stva Rossii [*Official website of the Government of Russia*]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (accessed 13.01.2020).

Лесковец Екатерина

Андреевна

руководитель Центра восстановительной медицины и реабилитации ЧУЗ «Клиническая больница «РЖД-Медицина», г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-2432-3747

e-mail: mirka79@yandex.ru

Лютая Анна Германовна

ведущий психолог, Центр восстановительной медицины и реабилитации ЧУЗ

«Клиническая больница «РЖД-Медицина», г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-6263-6870

e-mail: lyutay@mail.ru

Leskovets Ekaterina

Head of the Rehabilitation Medical Center at the "RZD-Medicine", Ekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0003-2432-3747

e-mail: mirka79@yandex.ru

Lutaya Anna

The leading psychologist, Rehabilitation Medical Center "RZD-Medicine", Ekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0001-6263-6870

e-mail: lyutay@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДОЛГОСРОЧНОЙ МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В АМБУЛАТОРНЫХ УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. Освещены инновационные аспекты медико-психологической долгосрочной реабилитации пожилых людей в условиях амбулаторного ведения на базе специализированных медицинских учреждений. В качестве инновации предложено: длительные реабилитационные мероприятия (дополнительный период к основному курсу 14 дней) по восстановлению данной категории пациентов, исходя из их возрастных особенностей (низкий уровень интеллектуальных и нейродинамических возможностей); восстановительное лечение в условиях круглосуточного стационара на основе программы мультифакториального характера. В обоих случаях основной акцент сделан на восстановлении в рамках разработанной программы «Территория благополучия» по медико-психологическому сопровождению пожилых людей на базе медицинского учреждения «Центр восстановительной медицины и реабилитации ЧУЗ «Клиническая больница «РЖД-Медицина» города Екатеринбург. Программа позволит, с одной стороны, восполнить дефицит оказания медико-психологических услуг в процессе амбулаторного лечения, с другой стороны, осмыслить необходимость продления реабилитационных мероприятий для возрастных пациентов на базе медицинских учреждений. Данная программа, как апробация для включения в пилотный проект «Организация современной модели долговременной медицинской помощи гражданам пожилого и старческого возраста на принципах междисциплинарного и межведомственного взаимодействия (Территория заботы)» и пересмотра практики реабилитационных услуг пожилым, является необходимой мерой для профилактики, обучения и активации внутренних ресурсов пожилых людей в целях их продуктивного старения.

Ключевые слова: гериатрические пациенты, инновации, реабилитация пожилых, продуктивное старение, психологическое благополучие, ретравматизация, ригидность, асоциализация, десоциализация, фрустрация, амбулаторное лечение, психологическая программа, стабилметрия.

Цитирование: Лесковец Е.А., Лютая А.Г. Инновационные аспекты долгосрочной медико-психологической реабилитации пациентов пожилого возраста в амбулаторных условиях специализированных медицинских учреждений // Вестник университета. 2020. № 3. С. 186–190.

INNOVATIVE ASPECTS OF THE MEDICAL AND PSYCHOLOGICAL LONG-TERM REHABILITATION OF OLD-AGED PATIENTS IN OUT-PATIENT CLINICS ON THE BASIS OF SPECIALIZED MEDICAL CENTRES

Abstract. The innovative aspects of medical and psychological rehabilitation of the old-aged patients in out-patient clinics on the basis of specialized medical centre have been studied. As an innovation: the long-term rehabilitation work (an additional period to the main course of 14 days) on the recovery of this category of patients, taking their age peculiarities into consideration (low level of intellectual and neuro-dynamic abilities); restorative treatment in a 24-hour hospital on the basis of the multifactorial program have been offered. In both cases, the emphasis is made on the recovery in terms of the developed program "The territory of welfare". It is a medical and psychological support of the elderly on the basis of the Rehabilitation Medical Center "RZD-Medicine", Yekaterinburg. On the one hand, this program will give an opportunity to overcome the lack of the provision of medical and psychological services during outpatient treatment. On the other hand, the program will help to understand the necessity of the rehabilitation measures extension for the elderly patients on the basis of medical centers. This program as an approbation for including into a pilot project "The organization of a modern model of a long-term medical treatment for the elderly people based on the principles of interdisciplinary and inter-departmental interaction (The Territory of care)" and for reconsidering the practice of rehabilitation services for the elderly; it is a necessary measure for the prevention, training and activation of the internal resources of older people for their productive aging.

Keywords: geriatric patients, innovations, rehabilitation of the elderly, productive ageing, psychological well-being, re-traumatization, rigidity, asocialization, desocialization, frustration, outpatient treatment, psychological programme, stabilometrics.

For citation: Leskovets E.A., Lutaya A.G. (2020) Innovative aspects of the medical and psychological long-term rehabilitation of old-aged patients in out-patient clinics on the basis of specialized medical centres. *Vestnik universiteta*. 1. 3, pp. 186–190. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-3-186-190

© Лесковец Е.А., Лютая А.Г., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Исходя из новой разработанной возрастной классификации Всемирной организации здравоохранения считается, что 60-75 лет – пожилой возраст, 75-90 лет – старческий возраст. Рассматриваемая в статье категория пациентов относится как к пожилому, так и к старческому возрасту и объединяется в группу «пожилые, как гериатрические пациенты» [13]. Предполагается, что процессы старения и ограничения деятельности в большей степени зависят от индивидуальных особенностей и средовых социально-экономических, экологических и других факторов. На фоне нестабильной социально-экономической ситуации в России особенно просматривается незащищенность пожилых людей. Эта часть общества, по демографическим данным растущая с каждым годом, требует к себе особого внимания, так как она в силу возраста и снижения внутренних ресурсов для восстановления более чувствительна ко всем происходящим социально-экономическим реформам [4]. Свойственная им возрастная ригидность не позволяет гибко реагировать на неудовлетворенность базовых потребностей, что в свою очередь влечет за собой снижение жизнестойкости, а далее и потерю смысла, и асоциализацию, и одиночество, разрушающие их личность [12].

Помимо обозначенных трудностей, существует ряд необходимых задач, акцентируемых с возрастом, невозможность решения которых является основой нарушений в эмоционально-волевой, мотивационной и духовной сферах человека, запускающих дегенеративные процессы и влияющих на эффективность проводимых реабилитационных мероприятий. Все эти проблемы усугубляются тем, что у них на фоне возрастных изменений повышается риск падений из-за нарушения внутреннего физиологического баланса и тем самым фрустрируется потребность в социальном взаимодействии [14]. Вследствие этого образуется порочный круг: пожилой человек нуждается в медицинской реабилитационной помощи и желает получать ее, но в силу обозначенных возрастных особенностей неспособен к восстановлению в полной мере по причине краткосрочности этой помощи или в силу фрустрации совсем отказывается от нее, а также теряет смысл в ней из-за невозможности продолжать дальнейшие самостоятельные занятия по ряду обозначенных проблем [7].

Из всего перечисленного можно сделать вывод, что оказываемые реабилитационные услуги для пожилых на базе медицинских учреждений не охватывают весь спектр специфических особенностей данной категории и, порой, психологически ретравмируют, тем самым существенно снижая их реабилитационный потенциал [8]. Возникает вопрос, что, возможно, следует пересмотреть специфику самой реабилитации для пожилых, не отделяя их в особую категорию, как гериатрических пациентов, и восстанавливая отдельно от других, тем самым сужая их социальное взаимодействие, а именно пересмотреть подход к ним в общих условиях, добавить сроки и внедрить особые программы реабилитации на базе медицинских учреждений. При существующем параллельно дефиците оказываемых услуг в социальной сфере для пожилых, согласно данным Росстата из «Социального бюллетеня» за март 2016 г., пересмотр подхода в реабилитации в долгосрочной период по особым медико-психологическим программам позволит в некоторой степени восполнить и этот дефицит [7]. В этой связи целесообразны специальные меры, направленные на преодоление неудовлетворенного спроса лиц старших возрастов, на базах медицинских учреждений.

Возможность включения в амбулаторное лечение долгосрочного психологического сопровождения пожилых в специально созданных группах будет одной из инновационных мер, направленных на удовлетворение спроса, поддержку, необходимую для данной категории граждан в целях продуктивного старения. Концепция продуктивного старения предполагает, что любая работа, выполняемая пожилыми людьми (оплачиваемая и неоплачиваемая), связанная или не связанная с производством товаров и услуг, считается продуктивной [5]. Участие в обучающих программах, психологических тренингах, сбор в группы для обсуждения насущных проблем тоже считается продуктивной деятельностью и поддерживает пожилых людей в состоянии активности, стабилизируя их физическое и психическое состояние [6].

В данном контексте нами предпринят вариант создания и апробации программы группового психологического сопровождения пожилых людей в целях восстановления, профилактики, повышения их психологического благополучия для дальнейшей продуктивной деятельности в рамках сопричастности их проблемам на базе медицинского учреждения сферы здравоохранения. Основанием для работы в группах служит характерная пожилым людям черта, нарастающая десоциализация, одиночество [10]. Основной упор акцентируется на создании активной позиции пожилых в процессе обучения, восстановления, поддержания и сопровождения, направленного на регресс когнитивных изменений, стабилизацию эмоционального фона, нахождение индивидуальных смыслов, выстраивание гармоничного соотношения в сфере «дух-душа-тело»,

пробуждение творческой составляющей, ресоциализации в целях расширения коммуникативных навыков, улучшение адаптации, научения психологической культуре, то есть в целом – повышение уровня психологического благополучия пожилых людей [10].

Новизна данной программы состоит в том, что она проводится на базе медицинского учреждения в тесном соучастии со специалистами как возможность долгосрочного медико-психологического восстановления. Содержательный материал программы соответствует принципам психофизиологическим, психологическим, психолого-педагогическим, с четко построенной структурой, учитывающей возрастные особенности пожилых людей и работу с ними в группе. Основная цель программы: посредством создания положительной среды для восстановления и развития коммуникативных навыков, активации двигательных процессов, участия в обучающих занятиях, направленных на частичный регресс когнитивных изменений, стабилизацию эмоционального состояния, увеличения творческого потенциала, повысить степень психологического благополучия пожилых людей, тем самым поддерживая изменения на уровне смыслов, ценностных ориентаций [11]. Данный компонент в дальнейшем позволит им самостоятельно находить внутренний потенциал для решения возникающих проблем и способность оформлять свою личностную историю на уровне символизующих функций, обогащая внутреннюю личностную потенцию и снижая уровень тревожности в вопросах конечности бытия.

В задачи программы входят следующие компоненты: восстановление коммуникативных навыков посредством создания малых групп в целях ресоциализации в специально сформированной комфортной среде; восстановление активности посредством двигательных и дыхательных упражнений для научения формирования и поддержания процессов саморегуляции; восстановление эмоционально-волевой сферы посредством положительного эмоционального подкрепления, эмпатического взаимодействия в малой группе; восстановление нарушений когнитивной сферы посредством социальной фасилитации в малой группе, специального обучения, включающего упражнения, основанные на пластичности мозга, снятии повышенной тормозимости следов, замедления и истощаемости когнитивной сферы; возможность гармонизации психологического состояния посредством раскрытия внутренних творческих ресурсов с помощью арттерапевтических упражнений; нахождение смысловой структуры для восстановления личностной истории, стабилизации внутреннего потенциала; повышение уровня психологического благополучия; восстановление и улучшение координационных возможностей [2].

Целевая аудитория – малая группа возрастной категории 55-74 года, степень физиологической и психологической сохранности. Набор в группы проводится по результатам специально подобранных диагностических методик, наблюдению и беседе [9]. Диагностический инструментarium предусматривает выявление слабых звеньев как в физиологическом, так и психическом состоянии обследуемых в целях оценки функциональной сохранности для нагрузок и профилактики (нейропсихологическая батарея Лурии-Небраска, батарея тестов функциональных ограничений Ранд, батарея тестов физических возможностей, шкала общего психологического благополучия, тесты на выявления нарушенного баланса методом стабилотрии [3]. Создаваемая группа – открытого типа, не более 8 человек.

Методы и техники работы подобраны таким образом, чтобы предусмотреть вариативность и восстановительного, и профилактического воздействий. Ведущие методы в реализации программы:

- нейропсихологический: восстановление имеющихся нарушений высших психических функций и профилактическая работа с целью стабилизации их функционирования в пределах возрастной нормы;
- экзистенциально-гуманистический, глубинный: прорабатывание смысловых конструкторов для стабилизации личностной истории;
- физиологические: физическое воздействие на восстановление координационных возможностей.

Данная программа рассчитана на 2 месяца. В целях профилактики, ознакомления и обучения привлекаются к работе специалисты (невролог, ревматолог, терапевт, врач лечебной физкультуры (ЛФК), инструктор ЛФК) для проведения лекционных и обучающих занятий в специально созданном пространстве «Факультет здоровья». Лекции и занятия проводятся 4 раза в месяц. Критерием эффективности проведенной восстановительной программы являются повторные диагностические количественные данные по диагностическому инструментарию. В основном, ожидаемые результаты от реализации программы – получение обратной связи в виде новых смысловых ориентаций и повышения уровня психологического благополучия как жизнестойкости, самоконтроля и активности пожилых людей, а также снижение уровня тревожности, депрессивных состояний, восстановление внутреннего равновесия и баланса [2].

Предложенную авторскую программу можно рассматривать как один из возможных вариантов долгосрочных реабилитационных мероприятий, направленных на восполнение дефицита оказываемых услуг для пожилых в сфере здравоохранения, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Развитие здравоохранения» [1]. На данный момент времени программа апробируется.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1 640 (ред. от 30.11.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286834/ (дата обращения: 11.02.2020).
2. Бернштейн, Н. А. Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990. – 496 с.
3. Гроховский, С. С., Кубряк, О. В. Практическая стабилметрия. – М.: Маска, 2012. – 88 с.
4. Гурвич, Е. Т. Пенсионная политика в долгосрочной перспективе – общий взгляд // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2012. – № 3 (15). – С. 178-180.
5. Евсеева, Я. В. Концепции успешного старения в социальной геронтологии // Социологический ежегодник, 2011: сборник научных трудов / ред. и сост. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – С. 281-292.
6. Песина, Е. А. Роль желаний и ожиданий в социальной активности пожилых людей (результаты эмпирического исследования) // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 9. – № 12. – С. 207-228.
7. Пожилое население России: проблемы и перспективы: Социальный бюллетень / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2016. – Март. – 45 с.
8. Пузин, М. А. Шургая, С. Н., Шкурко М. А., Красноясова, И. А., Христофоров, С. Н., Меметов, С. С. Аспекты реабилитации инвалидов пожилого возраста в Российской Федерации // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. – 2016. – № 3. – С. 116-122.
9. Райгородский, Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: Учебное пособие. – Самара: БАХРАХ-М, 2002. – 672 с.
10. Социальная психология: учебное пособие для вузов / под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. – М.: Академия, 2001. – 600 с.
11. Фомина, О. О. Благополучие личности: проблемы и подходы к исследованию в отечественной психологии // Мир науки. – 2016. – Т. 4. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/53PSMN616.pdf> (дата обращения: 11.02.2020).
12. Психическое здоровье и пожилые люди // Сайт Всемирной организации здравоохранения. – 2017. – 12 декабря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-of-older-adults> (дата обращения: 11.02.2020).
13. Сайт Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.euro.who.int/ru> (дата обращения: 11.02.2020).
14. Stevens, J. A., Sleet, D. A., Rubenstein, L. Z. The Influence of Older Adults' Beliefs and Attitudes on Adopting Fall Prevention Behaviors // American Journal of Lifestyle Medicine. – 2017 – January, 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1559827616687263> (дата обращения: 11.02.2020).

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.12.2017 № 1 640 (red. ot 30.11.2019) "Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii "Razvitie zdravookhraneniya" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2020) [Decree of the Government of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 1640 (as amended on November 30, 2019) "On approval of the state program of the Russian Federation" Development of healthcare" (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2020)]. SPS "Konsul'tantPlyus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286834/ (accessed 11.02.2020).
2. Bernshtein N. A. Fiziologiya dvizhenii i aktivnost' [Physiology of movements and activity]. Moscow, Nauka, 1990. 496 p.
3. Grokhovskii S. S., Kubryak O. V. Prakticheskaya stabilometriya [Practical stabilometry]. Moscow, Mask, 2012. 88 p.
4. Gurvich E. T. Pensionnaya politika v dolgosrochnoi perspektive – obshchii vzglyad [Pension policy in the long term – general view]. Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii [Journal of the New Economic Association], 2012, no. 3 (15), pp. 178-180.
5. Evseeva Ya. V. Kontseptsii uspehnogo stareniya v sotsial'noi gerontologii [Concepts of successful ageing in social gerontology]. Sotsiologicheskii ezhegodnik, 2011: sbornik nauchnykh trudov [Sociological Yearbook, 2011: collection of scientific works], red. i sost. N. E. Pokrovskii, D. V. Efremenko. Moscow, INION RAN, 2011, pp. 281-292.

6. Pesina E. A. Rol' zhelanii i ozhidanii v sotsial'noi aktivnosti pozhilykh lyudei (rezul'taty empiricheskogo issledovaniya) [*The role of desires and expectations in the social activity of older people (results of an empirical study)*], *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [*Modern studies of social problems*], 2018, vol. 9, no. 12, pp. 207-228.
7. Pozhiloe naselenie Rossii: problemy i perspektivy: Sotsial'nyi byulleten' [*The elderly population of Russia: problems and prospects: Social Bulletin*]. Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii [*Analytical Center for the Government of the Russian Federation*], 2016, March. 45 p.
8. Puzin M. A., Shurgaya S. N., Shkurko M. A., Krasnomyasova I. A., Khristoforov S. N., Memetov S. S. Aspekty reabilitatsii invalidov pozhilogo vozrasta v Rossiiskoi Federatsii [*Aspects of rehabilitation of elderly disabled people in the Russian Federation*]. *Mediko-sotsial'naya ekspertiza i reabilitatsiya* [*Medical and social. examination and rehabilitation*], 2016, no. 3, pp. 116-122.
9. Raigorodskii D. Ya. Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy: Uchebnoe posobie [*Practical psychodiagnostics. Methods and tests: Textbook*]. Samara, BAKhRAKh-M, 2002, 672 p.
10. Sotsial'naya psikhologiya: uchebnoe posobie dlya vuzov, pod. red. A. N. Sukhova, A. A. Derkach [*Social psychology: textbook for universities: textbook for universities, edited by A. N. Sukhov, A. A. Derkach*]. Moscow, Akademiya, 2001. 600 p.
11. Fomina O. O. Blagopoluchie lichnosti: problemy i podkhody k issledovaniyu v otechestvennoi psikhologii [*Personal well-being: problems and approaches to research in Russian psychology*]. *Mir nauki* [*World of science*], 2016, vol. 4, no. 6. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/53PSMN616.pdf> (accessed 11.02.2020).
12. Psikhicheskoe zdorov'e i pozhilye lyudi [*Mental health and the elderly*]. Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya [*World Health Organization*], 2017, December 12. Available at: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-of-older-adults> (accessed 11.02.2020).
13. Website of the World Health Organization regional office for Europe. Available at: <http://www.euro.who.int/ru> (accessed 11.02.2020).
14. Stevens J. A., Sleet D. A., Rubenstein, L. Z. The influence of older adults' beliefs and attitudes on adopting fall prevention behaviors. *American Journal of Lifestyle Medicine*, 2017, January, 17. Available at: <https://doi.org/10.1177/1559827616687263> (accessed 11.02.2020).